ГЕНРИ МОРГАН

Виктор Губарев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ГЕНРИ МОРГАН В. Губарев

ЖЗЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга представляет собой новейшее исследование жизни и деятельности «короля» пиратов Карибского моря, одного из прототипов капитана Блада, героя многочисленных приключенческих романов и кинофильмов. Генри Морган родился в семье валлийского фермера, но по воле судьбы очутился на далеких островах Вест-Индии и прошел нелегкий путь от рядового участника пиратских набегов до адмирала корсарской флотилии, судьи адмиралтейского суда и губернатора Ямайки, за многочисленные ратные «подвиги» был возведен в рыцари и похоронен в Порт-Ройяле с адмиральскими почестями. Много позже семья американских миллионеров Морган вписала его имя в свою родословную, а одна из фирм по производству рома сделала «Капитана Моргана» всемирно известным брендом.

- Виктор Губарев
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - МОРГАНЫ ИЗ УЭЛЬСА
  - ЗАГАДКА ПОЯВЛЕНИЯ В ВЕСТ-ИНДИИ
  - «ПИРАТСКИЙ ВАВИЛОН» НА ЯМАЙКЕ
  - НАБЕГ НА САНТЬЯГО-ДЕ-КУБУ
  - ЭКСПЕДИЦИЯ НА КАМПЕЧЕ 1663 ГОДА
  - ПРИБЫТИЕ НА ЯМАЙКУ СЭРА ЭДВАРДА МОРГАНА И НОВОГО ГУБЕРНАТОРА
  - ПОХОЖДЕНИЯ ГЕНРИ МОРГАНА И ЕГО ДРУЗЕЙ В МЕКСИКЕ
  - ПОХОД В НИКАРАГУА
  - СМЕРТЬ СЭРА ЭДВАРДА МОРГАНА
  - «ГЕНЕРАЛ ПИРАТОВ ЯМАЙКИ»
  - НАПАДЕНИЕ ГЕНРИ МОРГАНА НА ПУЭРТО-ПРИНСИПЕ

- НОВЫЙ ПРОЕКТ
- ШТУРМ И ГРАБЕЖ ПОРТОБЕЛО
- ПОБЕДА НАД ВОЙСКОМ ИЗ ПАНАМЫ.
- ГИБЕЛЬ ФРЕГАТА «ОКСФОРД»
- ПОХОД В ВЕНЕСУЭЛУ.
- РАЗГРОМ ИСПАНСКОЙ АРМАДЫ ДЕ БАРЛОВЕНТО
- ДЕРЗКИЙ ВЫЗОВ МАНУЭЛА РИВЕРО ПАРДАЛА
- НАЧАЛО ПОДГОТОВКИ К ПАНАМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
- НАБЕГ ФЛИБУСТЬЕРОВ НА РИО-ДЕ-ЛА-АЧУ
- ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП ПОДГОТОВКИ К ПАНАМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
- ЗАХВАТ МОРГАНОМ ОСТРОВА САНТА-КАТАЛИНА
- ШТУРМ ФОРТА САН-ЛОРЕНСО-ДЕ-ЧАГРЕС
- ПОХОД ВОЙСКА МОРГАНА ЧЕРЕЗ ПАНАМСКИЙ ПЕРЕШЕЕК
- БИТВА ПОД СТЕНАМИ ПАНАМЫ
- РАЗОРЕНИЕ ПАНАМЫ И ОПЕРАЦИИ В ЮЖНОМ МОРЕ
- ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПОРТ-РОЙЯЛ
- РЕАКЦИЯ ЕВРОПЫ НА СОЖЖЕНИЕ ПАНАМЫ
- ТРИУМФ В ЛОНДОНЕ. ВОЗВЕДЕНИЕ МОРГАНА В РЫЦАРИ
- НА ПОСТУ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА ЯМАЙКИ.
- ЗАБОТА О ЯМАЙКЕ И СОБСТВЕННОМ КОШЕЛЬКЕ
- КОНФЛИКТ С ГУБЕРНАТОРОМ ЛИНЧЕМ
- ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ
- СМЕРТЬ И ПОСМЕРТНАЯ СЛАВА
- СЛОВАРЬ ИСТОРИЧЕСКИХ, МОРСКИХ И ИНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНРИ МОРГАНА
- ЛИТЕРАТУРА
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

Виктор Губарев
ГЕНРИ МОРГАН

Жизнь ®
замечательных
людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК
1697
(1497)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В анналах всемирной истории имя валлийца Генри Моргана (ок. 1635–1688) стоит в одном ряду с именами таких прославленных корсаров, как Хайреддин Барбаросса, Фрэнсис Дрейк, Питер Хейн, Жан Бар, Уильям Дампир и Пол Джонс. С 1668 по 1671 год он был общепризнанным «королем» флибустьеров Вест-Индии. Восхищенный ратными подвигами Моргана в Карибском море, английский король Карл II Стюарт в 1674 году возвел его в рыцари и назначил вице-губернатором Ямайки.

В Испании и странах Латинской Америки о Моргане вспоминают лишь как о страшном пирате, грабившем беззащитные испанские суда и прибрежные поселения. В Великобритании, особенно в Уэльсе, о нем предпочитают говорить совершенно в ином ключе: как о благородном корсаре, отважном адмирале, опытном колониальном администраторе и успешном плантаторе. Ллевелин Уильяме, 100 лет назад написавший о Моргане небольшое исследование, утверждал: «Среди валлийцев, сыгравших заметную роль в волнующей драме строительства Британской империи, никто не приобрел такой известности, как флибустьер сэр Генри Морган. Его имя вошло в обиход; его подвиги на Испанском Мейне соперничают в песнях и рассказах с героическими приключениями Дрейка, Фробишера и Хокинса. Он фигурирует в качестве полубога в мифах, которые дороги сердцу школьников, а его имя… стало почти синонимом безрассудной, отчаянной храбрости».

Генри Морган родился незадолго до английской революции (1640–1660), в ходе которой сторонники парламента свергли монархию и на короткое время установили в стране республиканскую форму правления. К тому времени, когда монархия в Англии была восстановлена, молодой валлиец находился уже далеко от родины — на «сахарных» островах Вест-Индии. Там началась его головокружительная карьера «вольного добытчика», охотившегося за испанскими кораблями и совершавшего беспримерные по дерзости набеги на испанские города.

Хотя первые походы Моргана отдавали пиратским душком, с 1668 по 1671 год он действовал исключительно как законопослушный корсар: специальные поручения *(commissions),* которые выдавал ему губернатор Ямайки, превращали его антииспанские экспедиции в легальные предприятия. Нападая на испанские города и крепости, Морган действительно проявлял

удивительную смелость, невероятную изобретательность и недюжинный полководческий талант.

«Генри Морган, величайший из всех флибустьеров, в то же время является… одним из самых значительных, но не признанных военачальников XVII века, — пишет о нем популярный исследователь пиратства Энгус Констам. — Во время военной кампании против Панамы в 1671 году его люди взяли “неприступную” крепость (Сан-Лоренсо-де-Чагрес), прошли через одну из самых негостеприимных территорий в мире, а затем вступили в бой и победили в полномасштабном сражении, крупнейшем из всех, какие видели в Америке до американской революции. Среди всех его достижений переход через Панамский перешеек является наименее изученным и заслуживает того, чтобы быть вписанным в анналы наиболее эпических походов в истории».

Русскоязычный читатель, интересующийся историей колониальной экспансии, морских войн и пиратства, знает о Моргане в основном из книг Иоганна Вильгельма фон Архенгольца, Яцека Маховского, Хайнца Нойкирхена и Жоржа Блона, неоднократно переиздававшихся как в Советском Союзе, так и в странах СНГ. Однако эти и другие авторы, писавшие о флибустьерах Карибского моря, практически использовали лишь один первоисточник — сочинение А. О. Эксквемелина «Пираты Америки», впервые опубликованное в Голландии в 1678 году. Хотя блестящий историк географических открытий Яков Михайлович Свет в предисловии к первому советскому изданию книги «Пираты Америки» (1968) утверждал, что «она достоверна от первой до последней строки», новейшие исследования опровергают столь категоричный вывод. Наряду с правдивой информацией книга Эксквемелина содержит немало ошибок и вымышленных эпизодов, из-за чего приводимые им сведения нуждаются в серьезной перепроверке. Достаточно сказать, что, посвятив деяниям «генерала пиратов Ямайки» добрую половину своего сочинения, Эксквемелин не удосужился даже выяснить настоящее имя Моргана — вместо Генри он именует его Джоном.

Работая над биографией Моргана, мы постарались собрать о нем как можно больше источников, написанных в разное время на английском, испанском, французском и нидерландском языках. Среди современных авторов, писавших о знаменитом корсаре, особо хотелось бы отметить Питера Эрла, Дадли Поупа и Давида Марли. Приводимые ими данные, подкрепленные разнообразными документами, позволили существенно скорректировать традиционный взгляд на Моргана как на «великого пирата» и наполнить его жизнеописание новыми

подробностями.

В заключение хотелось бы обратить внимание читателей на то, что в предлагаемой книге отдельные события нередко отмечены двумя датами: первая соответствует юлианскому календарю (старый стиль), вторая — григорианскому (новый стиль). Как известно, в результате реформы календаря, проведенной в 1582 году римским папой Григорием XIII, день, следующий за праздником святого Франциска (4 октября 1582 года), был отмечен в новом календаре не как 5 октября, а как 15 октября. Первыми на григорианский календарь перешли католические страны (Италия, Испания, Португалия и Франция), а с 1583 года — многие провинции Нидерландов и германские государства. Однако протестантская Англия до 1752 года продолжала придерживаться юлианского календаря, который «отставал» от григорианского на десять дней.

Другой особенностью английского календаря было то, что начало нового года по нему отмечали не 1 января, а 25 марта. Поэтому все даты с 1 января по 24 марта в английских документах XVII века относятся к предшествующему году. Следовательно, если в оригинальном английском источнике записано, что некое событие произошло, к примеру, 10 февраля 1670 года, это значит, что в действительности оно имело место 10 (20) февраля 1671 года. Дата в скобках соответствует григорианскому календарю.

Некоторые расхождения в датах, встречающиеся в английских документах, объясняются тем обстоятельством, что на суше и на кораблях начало новых суток фиксировалось по-разному. В эпоху Моргана моряки применяли так называемое морское счисление времени: отсчет новых суток начинали не с полуночи, а с полудня. Если, к примеру, 21 ноября на суше начиналось с 00 часов, то в полдень для моряков начиналось уже 22 ноября. Таким образом, морское счисление времени опережало сухопутное на 12 часов.

МОРГАНЫ ИЗ УЭЛЬСА

Точные место и дата рождения, а также детство и отрочество Генри Моргана до сих пор остаются тайной за семью печатями. Эксквемелин — его первый, хотя и не самый добросовестный биограф — утверждал: «Джон Морган родился в Англии, в провинции Уэльс, называемой также Валлийской Англией; его отец был земледельцем и, вероятно, довольно зажиточным. Джон Морган не проявил склонности к полеводству, он отправился к морю, попал в гавань, где стояли корабли, шедшие на Барбадос, и нанялся на одно судно».

В книге «Экспедиции и приключения капитана Бартоломью Шарпа и других в Южном море», изданной в Лондоне в 1684 году, анонимный автор предисловия опроверг это утверждение Эксквемелина и заявил: «…определенно известно, что он [Морган] происходил из почтенной семьи в Монмутшире и впервые отплыл из Англии с армией генерала Венейблса, целью которой был захват Эспаньолы и Ямайки».

Джордж Томас Кларк, написавший солидный труд «Limbus Patrum Morganiae et Glamorganiae» («Генеалогии старых родов из маноров Морган и Гламорган», 1867), доказывал, что Генри Морган был старшим сыном Роберта Моргана, который, в свою очередь, являлся третьим сыном Уильяма Моргана из Лланримни (округ Ньюпорта, Уэльс).

Доктор Ллевелин Уильямс категорически отверг приведенные выше утверждения Кларка, сочтя их выдумкой. Во-первых, он обратил внимание на то, что Роберт Морган был выходцем из Лондона, а не из Лланримни. Во-вторых, в завещании Генри Моргана (июнь 1688 года) упоминается его кузен «мистер Томас Морган из Тредегара». В августе 1672 года Уильям Морган, владелец Тредегар-хауса (ныне — в городской черте Ньюпорта), в письме секретарю Тайного совета сэру Джозефу Уильямсону назвал Генри Моргана «родственником и в прошлом близким соседом», из чего можно заключить, что он родился и жил где-то возле Тредегара, в округе Ньюпорта. В-третьих, Кларк утверждал, что вторым сыном Роберта Моргана был Томас Морган из Ллангатока, умерший в 1670 году в возрасте семидесяти трех лет. Если учесть, что Томас родился в 1597 году, то Генри должен был родиться еще раньше — примерно в 1595 году. В таком случае он попал бы в Вест-Индию не молодым человеком, а почти семидесятилетним старцем, что совершенно абсурдно. В-четвертых, Уильямс указал на еще одно странное утверждение Кларка, согласно которому вторым сыном Роберта Моргана — а

значит, и младшим братом Генри — был сэр Томас Морган, прославленный «солдат удачи», участник Тридцатилетней войны и генерал-майор армии Кромвеля. На самом деле отцом сэра Томаса Моргана, родившегося в 1604 году, был Льюис Морган из Ллангатока.

Фантастические изыски Кларка были приняты на веру и использованы профессором Джоном Ноксом Лофтоном при написании статьи о Генри Моргане для «Национального биографического словаря», после чего они долгое время считались хрестоматийными.

Дополнительную путаницу в родословную Генри Моргана внес Бернард Бёрк, автор изданного в 1884 году исследования «Всеобщий гербовник Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльса». В отличие от Кларка он предположил, что знаменитый флибустьер мог быть одним из сыновей не Роберта, а Льюиса Моргана из Ллангатока. Но такое предположение вновь превращало Генри Моргана в родного брата генерал-майора сэра Томаса Моргана и было решительно отвергнуто всеми здравомыслящими историками.

Американский исследователь-генеалогист Джеймс Эплтон Морган, издавший в Нью-Йорке в 1902 году «Историю семьи Морган с 1089 года по настоящее время», повторил часть нелепостей Кларка относительно сэра Генри, однако дедом Генри Моргана по отцу он назвал не Уильяма Моргана, а «Томаса Моргана из Лланримни».

Исследуя родословную сэра Генри, Ллевелин Уильямс обратил внимание на то, что в его завещании 1688 года упоминается сестра Кэтрин Ллойд, однако ничего не говорится о родных братьях.

Несмотря на скудость документальных источников, доктор Уильямс все же предпринял попытку выяснить, где и в какой семье мог родиться сэр Генри. Он вновь обратился к завещанию последнего, в котором упомянуты два его земельных владения на Ямайке — Лланримни (близ Порт-Мэри) и Пенкарн (в старом приходе Сент-Джордж). Название Лланримни, очевидно, объяснялось тем, что жена сэра Генри, Мария Елизавета Морган, была второй дочерью его дяди — генерал-лейтенанта сэра Эдварда Моргана, второго сына Томаса Моргана из манора Лланримни. По завещанию, написанному в марте 1665 года, сэр Эдвард оставил дом в Лондоне и «притязания на Лланримни» своей дочери Марии Елизавете, которая вскоре вышла замуж за Генри Моргана. «Но почему Генри Морган назвал свое второе ямайское поместье Пенкарном?» — задается вопросом Уильямс. И отвечает так: Пенкарн был старым особняком, принадлежавшим

Морганам из Тредегара, который находился в приходе Басаллег, недалеко от «исторического дома» Морганов. В 1595 году в Пенкарне проживала какая-то ветвь Морганов, вскоре угасшая, и остается неясным, когда новая ветвь Морганов поселилась там снова. «Я, однако же, рискну предположить, — писал Уильямс, — что сэр Генри Морган мог быть сыном младшего сына Томаса Моргана из Мэкена и Тредегара, завещание которого было составлено в 1603 году; и что ветвь Морганов, из которой происходил Генри Морган, могла поселиться в Пенкарне в начале семнадцатого столетия. Таким образом, Генри Морган мог быть “близким соседом” [Уильяма] Моргана из Тредегара».

Версия доктора Уильямса представляется достаточно логичной, хотя и она не дает точного ответа на вопрос, кем же были родители сэра Генри и в каком именно валлийском селении он мог появиться на свет.

Один из биографов Моргана, Эрнест Александр Крейксханк, придерживался мнения, что его отцом был сквайр Роберт Морган, который мог родиться около 1615 года и являлся представителем младшей ветви «Морганов из Тредегара». Он имел двоих братьев — Томаса Моргана и Эдварда Моргана, которые, соответственно, приходились Генри дядями. Эту точку зрения разделяет Дадли Поуп, автор книги «Путь Гарри Моргана: Биография сэра Генри Моргана» (1977).

Другой биограф сэра Генри, Терри Бревертон (опираясь, видимо, на данные Джеймса Э. Моргана), писал, что его дедом был Томас Морган из Лланримни-Холла, который женился на Кэтрин Герберт из Коган-Пилла и имел от нее восьмерых детей. Мальчиков звали Уильям (именно он унаследовал имение), Эдвард и Роберт, а дочерей — Кэтрин, Элизабет, Бланш, Мэри и Джейн. Роберт стал отцом Генри Моргана. У Генри имелись также сестра Кэтрин и брат Томас; последний «положил начало семейной ветви Ллангатоков».

К сожалению, версии Крейксханка, Поупа и Бревертона тоже не подкреплены надежными документальными свидетельствами.

Точные даты рождения и крещения Генри Моргана неизвестны. 2 (12) декабря 1671 года он заявил под присягой, что ему «тридцать шесть лет или около того» (в протоколе Совета Ямайки, датированном 21 (31) декабря 1671 года, его возраст указан более определенно — 36 лет). Таким образом, Морган должен был родиться около 1635 года. Однако основатель Британского музея доктор Ганс Слоан, встречавшийся с сэром Генри незадолго до его смерти в 1688 году, определил на глазок, что тот выглядел «примерно на сорок пять лет». Если довериться информации Слоана, то Морган мог родиться около 1643 года.

Все же из двух приведенных выше дат рождения Генри Моргана его биографы отдают предпочтение той, которую он сам назвал под присягой.

Как протекали детские и отроческие годы будущего героя вест-индских легенд, мы не знаем. Сам он старательно замалчивал этот период своей жизни. Лишь в одном из писем, написанном в феврале 1680 года в министерство торговли и плантаций, Морган кратко обронил: «Я оставил школу слишком рано, чтобы слыть знатоком тех или иных законов, и гораздо больше упражнялся с пикой, чем с книгой».

Из этого признания можно сделать по крайней мере два вывода: во-первых, в детстве Генри учился в школе и получил кое-какое образование; во-вторых, он рано встал на стезю воина, на которой познал секреты владения холодным и огнестрельным оружием.

ЗАГАДКА ПОЯВЛЕНИЯ В ВЕСТ-ИНДИИ

Неразрешимой загадкой остается проблема появления Генри Моргана на островах Вест-Индии. Когда он впервые попал на Антиллы и, главное, в качестве кого?

Первым на этот вопрос попытался ответить упоминавшийся выше автор «Пиратов Америки» Эксквемелин. В голландском издании его книги утверждалось, что, нанявшись в одной из гаваней на корабль, Морган прибыл на остров Барбадос, где, «по английскому обычаю», его «продали в рабство. Отслужив свой срок, он перебрался на остров Ямайку, где стояли уже снаряженные пиратские корабли, готовые к выходу в море. Он пристал к пиратам…».

Итак, если верить Эксквемелину, Морган попал на остров Барбадос в качестве «белого раба». Английские источники именуют эту категорию колонистов *сервентами,* то есть кабальными слугами или слугами по контракту *(indenturedservants),* которые должны были работать у своих хозяев в течение определенного срока — от трех до семи лет, а иногда и больше. Поскольку Эксквемелину тоже пришлось побывать в шкуре «белого раба» (его продали с молотка на принадлежавшем французам острове Тортуга в 1665 году), он оставил нам весьма красочное описание участи данной категории населения:

«Рабов у [французских] плантаторов мало, хозяева работают наряду со своими слугами, а нанимают они их на три года. Идет здесь, в общем, такая же торговля людьми, как и в Турции, потому что слуг продают и покупают, как лошадей в Европе. Встречаются люди, которые недурно наживаются на таком промысле: они едут во Францию, набирают людей — горожан и крестьян, сулят им всякие блага, но на островах мгновенно продают их, и у своих хозяев эти люди работают как ломовые лошади. Этим рабам достается больше, чем неграм… Больные или здоровые, эти слуги работают прямо под палящими лучами солнца… От плохой пищи слуги все время страдают тяжкими недугами и пороком сердца… А причина всех этих недугов — это, бесспорно, скверное питание и нечеловеческое обращение. Случается, что в эти места попадают и дети обеспеченных родителей. Их влечет жажда странствий; приходится им очень туго. Они вскоре заболевают, и их состояние ни у кого не вызывает жалости, и никто не оказывает им помощи».

Поведав о несчастной доле кабальных слуг на островах

Французской Вест-Индии, Эксквемелин не забыл упомянуть и о мытарствах английских сервентов:

«Англичане обращаются со своими слугами не лучше, а, может быть, даже и хуже, ибо они закабаляют их на целых семь лет. И если ты даже и отработал уже шесть лет, то твое положение от этого отнюдь не улучшается, и ты должен молить своего господина, чтобы он не продавал тебя другому хозяину… Слуги, перепроданные своими господами, снова попадают в рабство на семь или, в лучшем случае, на три года. Я видел таких людей, которые оставались в положении рабов в течение пятнадцати, двадцати и даже двадцати восьми лет».

В бристольских архивах обнаружена запись, датированная 9 февраля 1655 года (19 февраля 1656 года по новому стилю), которая, казалось бы, подтверждает факт найма Моргана для работы на Барбадосе: «Генри Морган из Абергавенни, что в графстве Монмут, работник, отправлен к Тимоти Таунсенду, ножовщику из Бристоля, на три года, чтобы служить на Барбадосе, как условлено».

В данном документе упоминается некий Генри Морган из Абергавенни, однако у историков нет твердой уверенности в том, что это — будущий адмирал ямайских флибустьеров (фамилия Морган была и остается весьма распространенной в Уэльсе). Но если все же предположить, что в обоих случаях речь идет об одном и том же человеке, то, прибыв на Барбадос в 1656 году, Морган должен был получить свободу и перебраться на Ямайку в 1659 году.

Корабельный хирург Ричард Браун, хорошо знавший флибустьерского адмирала, в октябре 1670 года писал лорду Арлингтону: «В дополнение хотелось бы сообщить вашей чести, что адмирал Морган, находясь в Индиях 11 или 12 лет, благодаря своей храбрости возвысился от обычного джентльмена до того, кем он является теперь…»

В этом свидетельстве содержится указание на два весьма важных обстоятельства: с одной стороны, время появления Моргана в Вест-Индии датируется примерно 1658 или 1659 годом (а не 1656-м, в котором на Барбадос должен был прибыть слуга «Генри Морган из Абергавенни»); с другой стороны, Браун утверждает, что Морган появился на Антиллах в качестве джентльмена *(a private gentleman),* а не сервента.

Интересно, что на карте Барбадоса, составленной Ричардом Лигоном в 50-е годы XVII века, можно видеть небольшую плантацию некоего Моргана — она располагалась недалеко от берега, к северо-западу от Бриджтауна. Не исключено, что это земельное владение принадлежало кому-то из родственников

Генри Моргана и, возможно, именно здесь он обосновался после своего прибытия в Вест-Индию.

Странно, но доктор Ллевелин Уильямс не сомневался в том, что Генри Морган впервые появился на Барбадосе в качестве кабального слуги. Упомянув о свидетельстве Ричарда Брауна, он заявил, что последний дал лишь приблизительную оценку времени прибытия Моргана в Вест-Индию, и, следовательно, мы не должны всецело доверять этой информации. Исходя из косвенных данных, Уильямс предположил, что Морган должен был появиться на Ямайке около 1660 года. Отсчитав от этой предполагаемой даты семь лет — обычное время службы сервентов в английских колониях, — он нашел, что «Генри Морган оставил свою страну в поисках приключений, судьбы и фортуны в 1653 году или около того, когда ему было семнадцать или восемнадцать лет от роду».

Сам Морган, однако, категорически отрицал, что был когда-либо кабальным слугой. Когда в 1684 году Уильям Крук издал в Лондоне английский перевод книги Эксквемелина, в котором повторялась голландская версия о продаже Моргана в рабство, адвокат сэра Генри подал на Крука в суд и потребовал от него сатисфакции за клевету. Издатель, естественно, извинился и позже публично объявил, что Морган был «сыном джентльмена хорошего происхождения из графства Монмут и никогда в своей жизни не был ничьим слугой, кроме Его Величества, покойного короля Англии».

В книге «Экспедиции и приключения капитана Бартоломью Шарпа и других в Южном море» (1684), упоминавшейся в предыдущей главе, также опровергалось утверждение о том, будто Морган происходил из семьи валлийских фермеров и продал себя в рабство на остров Барбадос. В этом издании сэр Генри назван выходцем из почтенной семьи, который впервые попал на острова Вест-Индии в 1655 году в составе военной экспедиции, возглавляемой генералом Робертом Венейблсом и адмиралом Уильямом Пенном. Целью указанной экспедиции было завоевание испанских колоний в Америке, в том числе крупных островов Гаити и Ямайка.

Хотя надежных доказательств участия Генри Моргана в экспедиции генерала Венейблса и адмирала Пенна нет и оно плохо согласуется со свидетельством Ричарда Брауна, во многих жизнеописаниях валлийского флибустьера данный «факт» не подвергается сомнению. Например, Терри Бревертон, солидаризуясь с Дадли Поупом, в новейшей биографии Моргана написал, что последний «почти наверняка был младшим офицером в экспедиции, отправленной в Вест-Индию Оливером

Кромвелем под командованием генерала Венейблса». И далее: «Морган прибыл на Барбадос 29 января 1655 года в возрасте около 20 лет как прапорщик кромвелевских сил вторжения».

К сожалению, Бревертон не уточнил, в каком документе он нашел упоминание о «прапорщике» Моргане. Подобные уточнения отсутствуют также в книгах Эрнеста А. Крейксханка, Дадли Поупа и Питера Эрла, не сомневавшихся, однако, что Морган принимал участие в вест-индской экспедиции 1655 года. «Имя Генри Моргана не значится в сохранившемся списке офицеров, — писал Крейксханк, — поэтому он должен был проходить службу в рядовом строю».

Итак, обстоятельство и время появления Моргана на островах Антильского архипелага остаются предметом дискуссии и нуждаются в дальнейших — желательно архивных — изысканиях. Не менее туманны наши представления о том, когда Морган впервые прибыл на Ямайку и примкнул там к флибустьерскому братству.

«ПИРАТСКИЙ ВАВИЛОН» НА ЯМАЙКЕ

Появлению Генри Моргана на Ямайке предшествовали важные политические изменения, которые произошли в Западной Европе в середине XVII века. В указанный период соотношение сил на европейской арене решительно изменилось в пользу старых соперников Испании — Голландии, Англии и Франции — и на первое место выдвинулись англо-голландские противоречия. В то же время весьма острыми оставались англо-испанские, англо-французские и франко-испанские отношения; подспудно назревал франко-голландский вооруженный конфликт.

Английский флот, усилившийся после победы в стране буржуазной революции, в начале 50-х годов XVII века начал играть активную роль в торгово-колониальной экспансии. Когда отгремели баталии первой англо-голландской «торговой войны» (1652–1654), высвободилось 160 боевых кораблей, часть которых антииспанская партия в парламенте решила использовать для нападения на американские владения испанских Габсбургов. В 1654 году лорд-протектор Англии Оливер Кромвель выступил в Государственном совете с предложением начать войну с Испанией. «Надо надеяться, что предприятие окупит свои расходы, — заявил он. — Шесть фрегатов будут крейсировать в Мексиканском заливе для захвата добычи».

Летом того же года английские купцы и судовладельцы, ранее пострадавшие от враждебных действий испанцев, попросили выдать им репрессальные свидетельства против подданных испанского короля. Кромвель написал испанскому послу требование удовлетворить жалобы негоциантов Туманного Альбиона, пригрозив, что в случае отказа его правительство разрешит купцам снаряжать каперские суда и захватывать корабли испанцев.

В начале августа 1654 года Кромвель встретился с испанским послом и выдвинул ряд условий сохранения добрососедских отношений с Испанией, в том числе — обеспечение религиозной свободы для английских подданных во владениях испанского короля и разрешение вести там свободную торговлю. Изумленный посол в ответ заявил:

— Требовать такое — это все равно что потребовать от моего господина отдать оба глаза!

Получив решительный отказ, лорд-протектор решил утвердить адмирала Уильяма Пенна и генерала Роберта

Венейблса руководителями вест-индской экспедиции. Был разработан так называемый «Западный проект» *(Western Design),* предусматривавший захват всего Карибского региона с помощью военных сил государства.

Флот Пенна отплыл из Англии 26 декабря 1654 года (5 января 1655 года по новому стилю) в составе восемнадцати военных кораблей и двадцати транспортов. На транспортах разместили 1145 моряков и 1830 солдат. Оценивая качество солдат, уходивших с флотом в далекую Вест-Индию, современник событий с плохо скрытым сарказмом писал, что это были «драчуны, рыцари клинка и обычные жулики, воры, резальщики кошельков и тому подобные лица, долго жившие за счет ловкости рук и изощренного ума, а теперь добравшиеся до Ньюгейта (тюрьма в Лондоне. — *В. Г.),* откуда их отправили бы на Тайберн (площадь, где казнили преступников. — *В. Г.)*… если бы они, учитывая опасности такого пути, весьма благоразумно не выбрали иную дорогу, согласившись стать солдатами».

Спустя месяц экспедиция прибыла на Барбадос, в гавани которого были захвачены полтора десятка голландских судов, заподозренных в контрабандной торговле. Здесь, а также на островах Монтсеррат, Невис и Сент-Кристофер удалось завербовать от трех до четырех тысяч добровольцев. Пополнение, однако, оказалось еще худшего качества, чем контингент из метрополии. Не зря шкипер корабля «Свифтшур» Генри Уистлер отметил в своем дневнике, что «Барбадос был помойкой, куда Англия сваливала свои отбросы: разбойников, шлюх и тому подобный сброд».

Среди новобранцев преобладали беглые сервенты, а также разорившиеся фермеры, лавочники и ремесленники, скрывавшиеся от кредиторов. «Разумеется, плантаторы без всякой радости смотрели, как их рабочая сила скрывается в объятиях армии, — писал Тим Северин, — и комиссары, чтобы отчасти исправить свой промах, издали приказ, по которому в экспедиции могли участвовать только те, кому по контракту осталось отслужить меньше девяти месяцев. Несмотря на эти предосторожности, сквозь сеть удалось проскользнуть многим преступникам, и войска Венейблса… пополнились пестрым сбродом негодяев и неудачников, видевших в “Западном проекте” посланную небом возможность сбежать с опостылевшего острова».

Сторонники версии о том, что Генри Морган начинал свою вест-индскую эпопею в качестве «белого раба», допускают, что он мог завербоваться в экспедицию Пенна — Венейблса как раз во время ее пребывания на Барбадосе.

Первый удар англичане решили нанести по городу Санто-

Доминго — столице испанской Эспаньолы (ныне это остров Гаити). Местный губернатор, граф Пеньяльба, мог противопоставить многотысячному английскому войску лишь 600 или 700 солдат и ополченцев. Тем не менее разработанный им план обороны города оказался на редкость эффективным.

В отличие от испанцев, действовавших как никогда слаженно и уверенно, англичане с самого начала допустили ряд грубых тактических ошибок. Кроме того, соперничество между Венейблсом и Пенном отрицательно сказалось на моральном духе солдат и моряков.

В самом начале операции куда-то пропал лоцман экспедиции — голландский флибустьер Кемпо Сибада, завербованный на Сент-Кристофере. Это привело к тому, что войска, которые должны были высадиться на берег в нескольких милях к западу от Санто-Доминго, 14 (24) апреля осуществили высадку гораздо западнее — в устье реки Нисао, находящейся в 25 милях от города. Чтобы преодолеть это расстояние, измученным жарой и эпидемией дизентерии солдатам понадобилось три дня. При этом их постоянно обстреливали из засад и били пиками испанские ополченцы и свирепые «убойщики коров» (местная разновидность охотников-буканьеров). 17 (27) апреля авангард англичан пошел на штурм форта Сан-Херонимо, но в завязавшейся схватке был наголову разбит. Венейблс, пораженный случившимся, бросил свои войска и отправился на борт «Свифтшура». Адмирал Пени записал в отчете: «19-го на борт прибыл генерал Венейблс и сказал, что армия устала и нуждается в воде, поэтому отступила».

Второй штурм, назначенный на 25 апреля (5 мая), оказался таким же провальным. Передовой отряд англичан был разгромлен и, ударившись в паническое бегство, смел тех, кто двигался во втором эшелоне. Погибли от трехсот до четырехсот солдат, один генерал-майор, один подполковник, один майор и четыре капитана. Если к этим потерям добавить еще полтысячи человек, умерших от дизентерии и иных болезней, то станет ясно: «Западный проект» Кромвеля оказался на грани краха.

4 (14) мая флот снялся с якоря и отошел от побережья Эспаньолы в подветренную сторону. Чтобы не возвращаться на родину с пустыми руками, командиры экспедиции решили захватить менее богатый и, соответственно, менее защищенный остров Ямайку.

Восхищаясь красотой Ямайки, один английский путешественник писал: «Это — волшебный, плодородный остров, подобный… то ли саду, то ли сокровищнице. Земли здесь гораздо лучше тех, что мы видели в иных местах Индий; он изобилен скотом, кассавой и прочими… плодами разных видов».

Однако отсутствие на острове месторождений золота и серебра обусловило слабую заинтересованность испанской короны в развитии этой колонии. В середине XVII века Ямайка представляла собой захолустье, обнищавшее население которого насчитывало не более двух с половиной тысяч человек. Почти все колонисты жили в столице острова — городе Сантьяго-де-ла-Вега (ныне Спаниш-Таун) и его окрестностях, примерно в шести милях к западу от современной Кингстонской гавани. Англичане верно рассчитали, что жители Ямайки не смогут оказать им серьезного сопротивления.

10 (20) мая Венейблс начал высадку своих войск на берег. При этом солдат предупредили, что всякий, кто повернется спиной к врагу, будет убит стоящим рядом; а если стоящий рядом не убьет паникера, за трусость расстреляют обоих.

Приближающийся к берегу многотысячный английский десант поджидали 180 солдат испанского гарнизона. Располагая лишь тремя пушками, защитники Ямайки выпустили по неприятелю два десятка ядер, после чего взяли ноги в руки и бросились в Сантьяго-де-ла-Вегу. Жители города, узнав о силах пришельцев, собрали наиболее ценные вещи и ушли в горы.

На следующий день английские войска беспрепятственно заняли столицу острова. Ямайка была объявлена владением Английской республики, но еще несколько лет ушло на то, чтобы подавить очаги испанского сопротивления в различных частях острова и превратить формальное вступление во владение в фактически осуществившееся.

Когда в Испании узнали о враждебных действиях англичан в Вест-Индии, во всех владениях испанского короля на английские корабли и товары был наложен арест. Осенью того же года началась открытая англо-испанская война. О ее целях Кромвель писал на Ямайку генерал-майору Ричарду Фортескью: «Мы намерены… бороться с испанцами за господство над всеми морями».

Расположенная в самом сердце Карибского региона, Ямайка идеально подходила для ведения морской войны против испанских торговых и морских коммуникаций, а также колоний на Больших Антильских островах и материке. Особенностью этой войны было то, что она сразу же свелась к рейдерским и корсарским набегам, осуществлявшимся в союзе с местными пиратами — флибустьерами.

Флибустьеры были уникальным явлением вест-индской истории. Обосновавшись в первой трети XVII века на «ничейных» землях Антильского архипелага — прежде всего на Тортуге и в западной части Эспаньолы, — эти отчаянные авантюристы

промышляли пиратством, никому не подчиняясь и руководствуясь своими собственными законами и обычаями. Их ряды пополнялись за счет лиц, участвовавших в заморской экспансии и колонизации Вест-Индии: матросов, уволенных или бежавших со службы солдат, разорившихся дворян, фермеров, лесорубов, ремесленников и крестьян, беглых или отслуживших свой срок кабальных слуг, буканьеров, беглых каторжников, а также индейцев ряда племен Центральной Америки. Большинство среди флибустьеров всегда составляли англичане и французы, однако немало было также голландцев, ирландцев, шотландцев, валлийцев, фламандцев, португальцев, индейцев, африканцев, мулатов и метисов; иногда встречались немцы, датчане, шведы и евреи. Таким образом, флибустьерские отряды представляли собой независимые многонациональные объединения охотников за удачей, для которых пиратство в водах Испанской Америки стало главным источником существования.

Прежде чем вернуться из Вест-Индии в Англию, адмирал Пени оставил на Ямайке эскадру из двенадцати кораблей под командованием вице-адмирала Уильяма Гудзона. Последнему были переданы подробные инструкции, датированные 25 июня (5 июля) 1655 года. Гудзон должен был приложить «максимум стараний… к взятию, неожиданному овладению и захвату всех кораблей и судов, принадлежащих королю Испании или его подданным в Америке, и любых иных, которые будут содействовать или помогать им или будут врагами и мятежниками по отношению к республике, вместе с их такелажем, судовыми принадлежностями, пушками и амуницией и всеми вещами, продуктами, товарами и деньгами; а в случае сопротивления — топить, сжигать и уничтожать все таковые корабли и суда».

Эскадра первоначально базировалась в Пуэрто-де-Кагуайя — гавани, находившейся на западном берегу современной Кингстонской бухты, близ устья Медной реки (Рио-Кобре). Ее защищал дряхлый форт Пэссидж, представлявший собой земляной вал с деревянным частоколом. Саму гавань англичане стали называть Порт-Кагуэй, а город, строившийся в западной части девятимильной косы Палисадос (которая сегодня служит волноломом для Кингстонской гавани), — Пойнт-Кагуэй или просто Пойнт.

Первые успешные набеги на побережье Испанского Мейна ямайская эскадра совершила в 1655–1656 годах. 24 августа (3 сентября) 1655 года она появилась на траверзе городка Сайта-Марта, находившегося в Новой Гранаде (теперь это территория Колумбии). Вход в гавань защищали два ветхих форта.

Рассказывая о захвате Санта-Марты, Гудзон писал: «Мы нашли два форта, расположенных на расстоянии мушкетного выстрела друг от друга, прямо возле берега… Между этими двумя фортами находился бруствер; такими были все их силы. Но Господь был так милостив, что позволил нам за час с лишним стать хозяевами и города, и фортов. Мы взяли лишь восемь или десять пленных, остальные бежали в леса; поскольку мы были новичками в тех местах, а дело шло к ночи, мы решили не преследовать их. Враги, имея возможность в течение шести часов наблюдать за нами, пока мы не приблизились, унесли с собой большую часть своих богатств. Город насчитывал примерно две сотни домов… Через некоторое время после нашего прибытия в Санта-Марту испанцы прислали четырех человек для переговоров с нами. Мы предложили им вернуть их город неразрушенным вместе с пленниками за 20 тысяч пиастров, оставив в своем распоряжении лишь фортификации. Они притворились, что согласны с этим; но вскоре мы поняли, что они лишь тянут время, дабы собрать как можно больше сил, из-за чего мы отправили сильный отряд вглубь страны… и они сожгли все испанские дома и церкви, которые встретили по пути; и после их возвращения мы разрушили их город и форты, предав огню все дома и церкви… Мы доставили на борт 30 пушек с двумя небольшими бронзовыми орудиями, порохом и ядрами. Каким бедным молва рисовала этот город, таким он и оказался; вся добыча, которую удалось собрать там и которую тщательно распределили возле каждой корабельной мачты [среди солдат и моряков], была оценена в 471 фунт».

7 (17) сентября ямайская эскадра снялась с якоря и двинулась в сторону Картахены. 10-го она появилась у входа в Картахенскую бухту. Заметив приближение вражеских кораблей, испанцы открыли по ним огонь из пяти орудий. Англичане ответили им тем же. При этом ни одна из сторон не пострадала. «В гавани Картахены находилось шесть кораблей, — писал Гудзон, — которые были ясно видны; два из них стояли на рейде с флагами адмирала и вице-адмирала… Поскольку мы всполошили все побережье, то пришли к заключению, что оставаться здесь нет смысла; и пошли прямо к Ямайке, чтобы отдохнуть и обсудить какой-нибудь другой проект».

В апреле 1656 года вице-адмирал Гудзон, возглавив эскадру из десяти кораблей, отправился к побережью Эспаньолы, где, по данным разведки, должны были находиться испанские галеоны с сокровищами. Не обнаружив их, англичане повернули в сторону Южной Америки. На этот раз объектом их нападения стал городок Рио-де-ла-Ача (ныне Риоача), славившийся своими

жемчужными промыслами. В письме госсекретарю Англии Джону Тэрло вице-адмирал отмечал, что 4 (14) мая высадил «около 450 человек в Рио-де-ла-Аче, жители которого, завидев нас за шесть часов до нашего прихода, сбежали из города, унеся свои богатства или все, что было ценное, с собой; они оставили только 12 человек, чтобы оборонять замок, который мы штурмовали и менее чем за полчаса захватили; в нем стояли четыре большие бронзовые пушки… которые мы унесли, уничтожив часть форта. Испанцы умышленно затягивали внесение выкупа за город, что отсрочило наш отъезд на день; но, в ответ на их неуступчивость, мы сожгли его и 8 мая утром отплыли оттуда».

От Рио-де-ла-Ачи эскадра пошла к Санта-Марте. Прибыв туда 11 (21) мая, она простояла там три дня, запасаясь водой. Потом, захватив небольшое испанское судно с вином из Сан-Лукара, англичане появились на траверзе Картахены. Оставив здесь для крейсерства вице-адмиральский корабль и два вспомогательных фрегата, Гудзон взял курс на Ямайку и по пути овладел еще одним испанским судном с грузом какао. 23 мая (2 июня) эскадра вернулась в Пойнт-Кагуэй с двумя захваченными призами.

Если согласиться с версией, что Генри Морган прибыл в Вест-Индию в составе экспедиции адмирала Пенна и генерала Венейблса, то вполне допустимо его участие в описанных выше операциях эскадры Гудзона. В ходе этих походов он мог приобрести практический опыт по захвату прибрежных поселений на Испанском Мейне и позже использовать его во время своих антииспанских рейдов.

В январе 1657 года ямайская флотилия приняла участие в разгроме испанского десанта, высадившегося на северном побережье острова. Вскоре после этого Гудзон, жалуясь на пошатнувшееся здоровье, передал военные корабли и несколько флибустьерских судов под командование капитана Кристофера Мингса, а сам отбыл на родину.

С именем Мингса связаны наиболее успешные набеги англичан на испанские владения в Карибском регионе в конце 50-х — начале 60-х годов XVII века. Многие исследователи не сомневаются, что Морган «проходил практику» на кораблях эскадры Мингса. Действительно, если сравнить тактику захвата испанских городов и крепостей, использовавшуюся Мингсом, с тактикой последующих десантных операций Моргана, то можно обнаружить их несомненное сходство.

Кристофер Мингс родился в 1625 году в семье сапожника Джона Мингса. Завербовавшись в военно-морской флот, он прошел путь от юнги до офицера, сделав блестящую карьеру в период английской революции. В октябре 1655 года Мингс был

назначен командиром фрегата «Мэрстон-Мур» (через месяц после того, как этот корабль доставил из Вест-Индии на родину генерала Венейблса). Экипаж судна, недовольный полученным жалованьем, взбунтовался, но капитану с помощью жестких мер удалось навести порядок на борту, списав всех смутьянов на берег. В ноябре того же года, набрав новую команду и имея приказ идти в Карибское море, он вышел из Портсмута.

На Ямайке Мингс появился в январе 1656 года, где сразу же перешел в подчинение к вице-адмиралу Гудзону. Через год, когда Гудзон отплыл в Англию, Мингс остался командовать ямайской флотилией, но уже в апреле генерал Уильям Брейн, возглавлявший английскую армию на Ямайке, решил отправить его с отчетом о текущих делах к госсекретарю Тэрло. Капитан прибыл в Дувр на «Мэрстон-Муре» в июле. В Англии его корабль был спешно переоснащен, укомплектован свежим пополнением, снабжен провизией и снова отправлен в Вест-Индию.

В начале 1658 года Мингс зашел на Барбадос и захватил там шесть голландских судов, которые в нарушение Навигационного акта занимались контрабандной торговлей с местными колонистами. Не исключено, что Морган впервые прибыл в Вест-Индию не в 1655 году, как считают отдельные его биографы, а в 1658-м — вместе с Мингсом (правдоподобно также предположить, что он присоединился к нему на Барбадосе).

20 февраля (по старому стилю) «Мэрстон-Мур» стал на якорь в Кагуэе вместе с трофейными голландскими судами, где они были признаны законными призами. Кроме трофейных судов Мингс доставил на остров деньги от лорда-протектора Кромвеля, которые должны были быть использованы для укрепления обороны Ямайки. Часть этих средств израсходовали на завершение строительства форта Генри в Сантьяго-де-ла-Веге, часть — на укрепление восточной окраины Пойнт-Кагуэя, часть — на финансирование строительства форта Кромвель.

В июле 1658 года очередной военный губернатор Ямайки Эдвард Дойли, узнав от пленных испанцев, что в Портобело — городе на карибском побережье Панамского перешейка — стоит под погрузкой «серебряный флот», отправил коммодора Мингса крейсировать между Портобело и Картахеной. Под его командованием находились корабли «Мэрстон-Мур», «Гектор», «Ковентри», «Блэкмор» и «Кагуэй», на борту которых разместились 557 моряков, солдат и флибустьеров.

Погрузка сокровищ на 15 галеонов и 14 торговых судов была закончена лишь 20 (30) октября, но в то время поблизости от них оказались только два английских корабля — «Мэрстон-Мур» и «Гектор» (остальные ушли запасаться водой). Суда Мингса

прошли сквозь строй испанских кораблей, не вступая с ними в сражение, затем развернулись и отправились к берегам Новой Гранады. Там англичане совершили нападение на прибрежный городок Толу, подожгли его и захватили в гавани два судна, после чего взяли город Санта-Марту. Оттуда, как писал капитан «Ковентри» Джон Эйлетт — будущий соратник Генри Моргана, — они «продвинулись на двенадцать миль вглубь страны, предав огню и разрушив всё, через что прошли».

Простояв в Санта-Марте три дня, корабли Мингса в конце ноября вернулись с добычей на Ямайку. Три приза, которые они привели с собой, были проданы известным флибустьерским капитанам — Лауренсу Принсу, Роберту Сирлу и Джону Моррису. Принс стал командовать бригантиной «Пирл», Сирл — бригантиной «Кагуэй», а Моррис — бригантиной «Долфин».

Терри Бревертон, поленившись указать источник своей информации, уверяет, что все три приза были захвачены Генри Морганом, а затем куплены упомянутыми капитанами. «С того времени, — добавляет он, — эти четверо, очевидно, стали самыми выдающимися, после Мингса, флибустьерами Кагуэя, и Морган был их лидером».

Данное утверждение, на наш взгляд, лишено оснований и является плодом разыгравшейся авторской фантазии.

В начале 1659 года Мингс с тремя кораблями («Мэрстон-Муром», «Гектором» и «Кагуэем»), имея на борту 300 солдат, появился на восточной окраине побережья Венесуэлы. Разорив и предав огню город Куману, он под всеми парусами пошел в западном направлении и высадил десанты в Пуэрто-Кабельо и Коро. В гавани Пуэрто-Кабельо англичане сожгли испанский корабль. В Коро, преследуя убегавших жителей, они неожиданно наткнулись на сказочный трофей — 22 ящика королевских сокровищ (каждый вмещал по 400 фунтов серебра) и партию драгоценных камней. Кроме того, на рейде ими были взяты два голландских корабля, которые стояли там под испанскими флагами. Один из них не имел груза; на втором обнаружили 30 тонн какао.

23 апреля (3 мая) эскадра Мингса с триумфом вернулась в Кагуэй. Вся добыча была оценена примерно в 500 тысяч пиастров, или 200–300 тысяч фунтов стерлингов. Губернатор Дойли, однако, был крайне недоволен тем, что Мингс и его офицеры, ссылаясь на обычай войны, разрешили своим матросам взломать трюм голландского приза и забрать серебро стоимостью 12 тысяч фунтов. Эти данные подтверждает и генеральный управляющий Корнелиус Барроу. В одном из писем он отмечал, что в Кумане и Коро была взята добыча на 200 тысяч фунтов стерлингов; что, по

словам Мингса, он привез в Кагуэй 50 тысяч фунтов стерлингов в монете, «не считая колец, слитков и драгоценных камней»; что моряки вскрыли трюм одного из призов и «силой забрали десять или пятнадцать тысяч фунтов».

Бревертон уверен, что Морган принимал участие в описанной выше экспедиции Мингса в Южную Америку. Он пишет: «Записи показывают, что Морган участвовал по крайней мере в двух успешных нападениях на Коро (в лагуне Маракайбо, Венесуэла), Пуэрто-Кабельо и Куману под предводительством сэра Кристофера Мингса». При этом в сноске, относящейся к цитируемому фрагменту, исследователь «забыл» указать, какие именно документальные записи позволили ему сделать столь категорический вывод. Впрочем, в следующей главе, вернувшись к данному сюжету, Бревертон высказался более осторожно: «Морган, вероятно, находился с ним [Мингсом], командуя одним из кораблей».

Гораздо правдоподобнее было бы предположение, что Морган мог участвовать в этой экспедиции в качестве рядового бойца.

В конце весны за неподчинение приказам и утаивание части добычи губернатор Ямайки отстранил «творившего чудеса» Мингса от командования эскадрой и в начале июня 1659 года отправил его на «Мэрстон-Муре» в Англию. Когда капитан прибыл на родину, он выдвинул контробвинения против Дойли, Барроу и вице-адмирала Гудзона, заявив, что они присвоили себе больше призовых денег, чем им полагалось по штату. В июне 1660 года, после реставрации монархии в Англии, все обвинения с Мингса были сняты, а в конце того же года он смог вернуться на службу — теперь уже в королевский флот.

Выше мы уже упоминали, что вместе с Мингсом в набегах на испанские суда и поселения участвовали флибустьеры, свившие «осиное гнездо» в Пойнт-Кагуэе вскоре после английского завоевания Ямайки. Свои грабительские действия они прикрывали каперскими свидетельствами, которые получали от британской колониальной администрации.

Специальные призовые суды были учреждены на Ямайке полковником Дойли в 1657 году. Рассмотрение дел по призам, захваченным флибустьерами, было простым и быстрым. Когда очередной приз приводили в гавань, он переходил под контроль призового офицера. Затем комиссионеры, назначенные Дойли, собирали свидетельские показания. Когда судно объявлялось законным призом, его тут же продавали с торгов.

Необходимость поддержки флибустьеров ямайской администрацией диктовалась не только соображениями материальной выгоды, но и тем, что количество военных

кораблей на Ямайке с каждым годом неуклонно сокращалось. Если в 1656 году их насчитывалось восемь, то в 1658-м — семь, в 1659-м — шесть, а к 1660 году — только два, да и те из-за нехватки провизии вскоре были отправлены домой. В следующие восемь лет к ямайским гаваням не было приписано ни одного военного корабля, из-за чего охраной острова по сути занимались лишь частные боевые суда *(private men of war)* пиратов и корсаров.

В британских архивах хранится список пиратских вожаков, которым ямайские власти в 1659–1660 годах позволили выйти на промысел в море. В этом списке упомянуты капитаны Морис Уильямс, Жакде Сенн, Томас Грэгг, Льюис Элфорд, Ричард Гай, Уильям Джеймс, Эдварт Мансфелт, Филипп Бекель, Ян Петерсен, Бонидель, Лейке (видимо, Жак Лепен), Аллен и Уэйд. В действительности, однако, базу на Ямайке в те годы использовали и другие флибустьерские капитаны, в том числе Принс, Сирл и Моррис. Последний считался близким другом Моргана и в дальнейшем будет участвовать во всех его экспедициях.

Итак, к концу 50-х годов XVII века Ямайка приобрела славу крупнейшего убежища флибустьеров, которые с разрешения английской колониальной администрации превратились в легальных корсаров — приватиров. Однако пользоваться их услугами — по крайней мере теоретически — можно было лишь во время войны. Между тем после реставрации монархии в Англии (май 1660 года) король Карл II Стюарт направил испанскому послу предложение заключить перемирие в Европе и Америке и восстановить торговые отношения между двумя королевствами. Английский дипломатический агент в Мадриде сэр Генри Беннет сделал аналогичное предложение испанскому королю. 15 (25) июня все английские каперские свидетельства, выданные для действий против подданных испанской короны, были отменены.

В Мадриде о прекращении войны с Англией объявили в сентябре 1660 года. Но поскольку новости о европейских делах доходили до вест-индских колоний с большим опозданием, Эдвард Дойли продолжал санкционировать походы против испанцев до февраля 1661 года. Можно себе представить огорчение ямайского губернатора, когда 4 (14) февраля указанного года он получил от испанского губернатора Сантьяго-де-Кубы письмо с сообщением Беннета о прекращении войны между Англией и Испанией. Заключение мира неизбежно вело к отмене английских каперских поручений против испанцев, а без этих поручений флибустьеры могли покинуть Ямайку и уйти «под крылышко» к французскому губернатору на Тортугу. Тем не

менее на следующий день Дойли вынужден был объявить в Пойнт-Кагуэе о прекращении антииспанских акций.

Но еще до того, как новые королевские инструкции достигли Ямайки, Дойли и созванный им в марте военный совет пришли к выводу, что прокламация о мире «не касается территорий за демаркационной линией (то есть южнее тропика Рака. — *В. Г.)* и вряд ли его возобновление возможно». Поэтому они «решили оставить все, как было, столкнувшись уже после объявления о прекращении войны с достаточно сильным возмущением жителей, которые живут лишь с добычи и грабежей, и никакой закон или суровый судья не в состоянии удержать их в повиновении».

Ранее мы уже отмечали, что основным местом базирования флибустьеров на Ямайке был Кагуэй. Первое упоминание о нем сделал генерал-лейтенант Уильям Брейн в июле 1657 года: «Здесь, на косе этой гавани, положено прекрасное начало городу, который желательно построить при малых затратах… Я рассчитываю на то, что здесь будут находиться все наши склады и торговля, каковые вскоре сделают его процветающим местом».

Генри Моргану довелось стать свидетелем быстрого роста Кагуэя. К августу 1658 года в селении уже имелось три ряда частных зданий. В стороне от них находились форт Кромвель, дом главнокомандующего, государственный склад и кузня. Однако Кагуэй не был защищен с восточной стороны, поэтому, стремясь восполнить этот пробел, майор Ричард Стивене начал «строить форт на восточной оконечности Пойнт-Кагуэя». Форт Стивенса представлял собой сплошную линию частокола, пересекавшую косу Палисадос с севера на юг.

Когда в августе 1660 года в Пойнт-Кагуэй пришли известия о реставрации монархии и возведении на трон Карла II (по-английски — Чарлза II), полковник Дойли переименовал форт Кромвель в форт Чарлз.

В июне 1659 года бывший испанский вице-губернатор Ямайки дон Франсиско де Лейва Исаси представил отчет Совету по делам Индий о состоянии дел на захваченном англичанами острове. Он, в частности, отметил, что в порту Кагуэя «обычно находятся семь или восемь фрегатов с пятнадцатью, тридцатью и сорока пушками, с солдатами и офицерами, с которыми они ходят вдоль побережья этого острова и возле Кубы, грабя все, что повстречают… Кроме того, многие корабли французских и английских пиратов входят и выходят из названного порта, доставляя товары и увозя продукты этого острова. Как хозяева этих морей, они бросают якорь, берут воду и запасаются говядиной и дровами в любых незащищенных [испанских]

портах…».

Имея превосходную гавань, способную вместить до пятисот судов, Кагуэй постепенно превратился в один из богатейших портов Нового Света. В 1661 году в городе насчитывалось почти полтысячи домов, предназначенных в основном для «приватиров [флибустьеров], которые были их лучшими покупателями». Многие жители Ямайки, прельщенные перспективой быстрого обогащения, стали забрасывать свои участки земли и ремесла и записываться в команды флибустьерских судов.

Поданным из британских архивов, в 1660–1663 годах флотилия ямайских флибустьеров насчитывала около дюжины судов с 1000–1500 пиратами на борту. Английские власти использовали эту флотилию для защиты Ямайки от возможного нападения неприятеля, для нанесения ударов по морским коммуникациям и колониям испанцев, а также для увеличения богатства острова: флибустьеры не только свозили сюда награбленную добычу, но и покупали здесь съестные припасы, спиртные напитки, военное и корабельное снаряжение.

Торговля с пиратами обогащала жителей Ямайки, особенно купцов и владельцев таверн, и способствовала процветанию Пойнт-Кагуэя, переименованного в начале 60-х годов XVII века в Порт-Ройял. С ростом экономической активности города в нем осели агенты влиятельных купеческих групп Но-элов, Томпсонов, Свиммеров, Пинхорнов, Мэнов, Гордонов, Давидсонов и Элкинов. Скупкой и перепродажей пиратской добычи занимались также многие представители колониальной администрации, включая членов Совета Ямайки.

О быстром росте Порт-Ройяла в 60-е годы XVII века свидетельствуют следующие данные: в 1660 году в городе насчитывалось 200 домов, в 1664 году — 400, а к 1668 году — 800 домов, которые были «столь дорогими, словно стояли на хороших торговых улицах Лондона». Некоторые офицеры, купцы и плантаторы держали в домах утварь из серебра, а лошадей подковывали серебряными подковами.

Злачные заведения в Порт-Ройяле росли как на дрожжах. За десять лет количество питейных заведений увеличилось вдвое, и к началу 1670-х годов на каждые десять жителей приходился один трактир. Помимо сотни официально зарегистрированных трактиров в городе имелось множество сахарных и ромовых предприятий, торговавших спиртными напитками без лицензии. Наибольшей популярностью пользовались таверны «Три бочки» и «Сахарная голова». Эксквемелин не раз был свидетелем того, как отдельные флибустьеры умудрялись за ночь промотать две-три тысячи пиастров — всю свою долю добычи!

Разгульная жизнь пиратов различных национальностей, базировавшихся в Порт-Ройяле, явилась причиной того, что в Европе этот экзотический город стал известен как «пиратский Вавилон».

НАБЕГ НА САНТЬЯГО-ДЕ-КУБУ

Рассказывая о начале флибустьерской карьеры Генри Моргана, автор «Пиратов Америки» демонстрирует весьма смутное представление об этом периоде его жизни. «Он пристал к пиратам, — сообщает Эксквемелин, — и за короткое время познал их образ жизни, сколотив вместе с товарищами за три или четыре похода небольшой капитал. Часть денег они выиграли в кости, часть получили из пиратской выручки. На эти деньги друзья сообща купили корабль. Морган стал его капитаном и отправился к берегам материка, желая кое-чем поживиться у берегов Кампече. Там он захватил много судов».

Из приведенного отрывка видно, что до избрания его капитаном Морган успел совершить «три или четыре похода» в качестве рядового джентльмена удачи. Если учесть, что впервые в качестве капитана он «засветился» в конце 1663 года (отправившись с несколькими другими пиратскими вожаками в длительную экспедицию, завершившуюся в августе 1665 года), то вышеупомянутые «три или четыре похода» должны были произойти ранее конца 1663 года. Попытаемся восстановить их хронологию. Анализ деятельности различных флибустьерских капитанов, базировавшихся на Ямайке и Тортуге в 50–60-е годы XVII века, показывает, что в среднем они совершали не более одной экспедиции в год. В таком случае Морган мог начать свою карьеру флибустьера примерно около 1659 года. Эксквемелин ничего не сообщает о том, с кем и куда Морган ходил за добычей между 1659 и 1663 годами, поэтому историкам не остается ничего иного, как строить на этот счет предположения.

По мнению Бревертона, Морган в 1659 году был одним из четырех капитанов, которые, получив каперское свидетельство от губернатора Тортуги Элиаса Уоттса, совершили набег на испанский город Сантьяго-де-лос-Кабальерос (ныне город Сантьяго в Доминиканской Республике). «Генри Морган был одним из капитанов, который затем командовал французским фрегатом из Нанта», — уточняет Бревертон.

Так ли это? Упомянутый поход на Сантьяго-де-лос-Кабальерос подробно описан французским миссионером Жаном Батистом дю Тертром. Согласно его данным, в экспедиции участвовали в основном французы. Сформировав отряд из четырехсот человек во главе с неким капитаном Делилем, они разделились на четыре роты, причем первую возглавил сам Делиль, вторую — пират по имени Адам, третью — Лормель, а четвертую — Ан Леру. Затем флибустьеры отыскали в порту

капитана Лекубля, прибывшего на Тортугу из Нанта, и предложили ему отдать им свой фрегат «в аренду». По словам дю Тертра, «ему сказали откровенно, что он более не хозяин его и что, если он не отдаст его добром и по-дружески, они заберут его силой».

О Моргане во всей этой истории не говорится ни слова. Поэтому попытку Бревертона сделать молодого валлийца одним из вожаков французского похода 1659 года на Сантьяго-де-лос-Кабальерос следует признать неудачной. Столь же бездоказательным является утверждение известного французского популяризатора флибустьерской эпопеи Жоржа Блона, писавшего: «В 1658 году в возрасте двадцати трех лет Морган перебрался с Барбадоса на Тортугу, где прожил пять лет. Об этом периоде *он никогда не вспоминал и ничего не рассказывал* (курсив наш. — *В. Г.),* поскольку был там рядовым разбойником, а это тоже негоже для будущего флотоводца».

Более вероятным выглядит участие Моргана в двух самых известных набегах ямайских флибустьеров начала 60-х годов XVII века — экспедициях на испанские города Сантьяго-де-Куба и Кампече.

Предыстория этих «славных» походов такова. 18 (28) июля 1661 года король Карл II подписал в Уайтхолле письмо, адресованное губернатору и Совету Ямайки, в котором сообщил об отставке Эдварда Дойли и решении назначить новым губернатором острова лорда Томаса Виндзора. 20 (30) июля лорд Виндзор был официально объявлен губернатором Ямайки «с ежегодным окладом в 2000 ф. ст. с оплатой из казны».

Инструкции от 21 (31) марта 1662 года разрешали новому губернатору объявлять военное положение в случае мятежа или вражеского вторжения, выдавать каперские поручения и учредить адмиралтейский суд. Он должен был опубликовать королевскую лицензию на транспортировку переселенцев из других колоний на Ямайку «со свободой торговли с испанскими плантациями ради пользы Ямайки»; организовать проведение топографической съемки всех гаваней и мест на суше и возвести необходимые фортификационные сооружения; вооружить всех плантаторов и сервентов-христиан и собирать их для проведения военных учений; требовать от губернатора Барбадоса военной помощи в случае вторжения испанцев на Ямайку и заботиться о рациональном размещении новых плантаций, следя за тем, чтобы «сначала заселялись прибрежные районы с целью более надежного предотвращения любого вражеского вторжения».

8 (18) апреля губернатору передали дополнительные инструкции, которые в завуалированном виде фактически

разрешали ему организовывать антииспанские экспедиции. Он должен был «попытаться установить и сохранять добрые отношения и свободную торговлю с плантациями, принадлежащими королю Испании, но если губернаторы названного короля ответят отказом, попытаться установить такую торговлю насильно и совершать такие действия, какие совет сочтет наиболее приемлемыми, чтобы заставить испанцев допустить их [англичан] к свободной торговле».

23 апреля (3 мая), незадолго до своего отплытия в Вест-Индию, новый губернатор получил еще несколько инструкций, в частности о роспуске офицеров и солдат старой кромвелевской армии, служивших на Ямайке; разрешалось оставить под ружьем лишь четыре сотни пехотинцев и 150 кавалеристов. Понятно, что данное решение порождало новую проблему: куда девать уволенных со службы солдат и офицеров? Забегая вперед отметим, что значительная часть из них будет задействована в антииспанских походах 60-х годов XVII века и вольется в состав флибустьерской вольницы. Другим источником пополнения пиратских команд станут заключенные из Ньюгейта и других тюрем, которым заменили тюремное наказание высылкой на плантации в качестве сервентов.

К месту службы лорда Виндзора должен был доставить из Англии уже известный нам капитан Кристофер Мингс, назначенный командиром 46-пушечного королевского фрегата «Центурион». Корабль вышел из Плимута во главе небольшой эскадры в мае 1662 года. В составе экспедиции находился завербованный англичанами французский авантюрист и шпион Клеман де Плэнвиль. 10 (20) июля флотилия прибыла на Барбадос, и в тот же вечер лорд Виндзор отправил де Плэнвиля с письмами к губернаторам Пуэрто-Рико и Санто-Доминго (француз отплыл туда на фрегате «Гриффин»). Испанцам предлагалось установить свободную торговлю с английскими колониями.

Пополнив на Барбадосе запасы дров, воды и провианта, а также приняв на борт завербованных фермеров и ремесленников, лорд Виндзор 1 (11) августа покинул остров. Менее чем через две недели «Центурион» бросил якорь на рейде Пойнт-Кагуэя (Порт-Ройяла). Здесь Виндзора уже поджидал вернувшийся из поездки в испанские колонии месье де Плэнвиль. Он сообщил губернатору о категорическом отказе испанцев торговать с подданными британской короны.

20 (30) августа в Сантьяго-де-ла-Веге состоялось заседание Совета Ямайки. Учитывая, что в письмах, полученных от испанских губернаторов, отвергалось предложение об установлении между испанскими и английскими подданными

свободной торговли, совет решил «в соответствии с инструкциями Его Величества лорду Виндзору попытаться торговать насильно или как-то иначе». Тут же был разработан план нападения на город Сантьяго-де-Куба. Командование экспедицией доверили Мингсу.

12 (22) сентября Совет Ямайки издал постановление, «чтобы люди поступали на службу для морского предприятия с “Центурионом” и другими судами». При этом подчеркивалось, что в состав экспедиции не должны зачисляться «сервенты и лица, которые продали или покинули свои плантации».

Экспедиция насчитывала 11 кораблей с 1300 людьми на борту. Заместителями Мингса были утверждены капитан Томас Морган, командовавший волонтерами, и голландский капитан Адриан ван Димен по прозвищу Сварт, командовавший флибустьерами Ямайки и Тортуги. О том, кто такой Томас Морган, достоверных сведений нет. Возможно, он приходился родственником Генри Моргану.

Колониальные документы того времени позволяют определить примерный список капитанов, задействованных в предприятии Мингса. В их числе наверняка находились Роберт Сирл (судно «Байам»), Якоб Факман (судно «Кагуэй»), Уильям Гудлад (судно «Блэссинг»), Джордж Бримекэн (судно «Форчен»), Джон Булл (судно «Джон энд Мэри»), Джон Пёрдью (судно «Пёрдью») и Авраам Митчелл (судно «Блэссинг»). Все они получили каперские свидетельства незадолго до отплытия ямайской флотилии к берегам Кубы. Мингс держал свой флаг на «Центурионе». Фрегатом «Гриффин» командовал Адриан ван Димен Сварт. Позже к экспедиции присоединились еще восемь судов, в том числе корабль под командованием сэра Томаса Уэтстона — племянника бывшего лорда-протектора Англии Оливера Кромвеля. Весьма вероятным представляется также участие в кубинском предприятии капитанов Давида Маартена (судно «Чэрити»), Ричарда Гая (судно «Американ»), Уильяма Джеймса (судно «Сифэр»), Мориса Уильямса (судно «Хоупвел эдвенчур»), Джона Харменсона (судно «Сент-Джон»), Николаса Риу (судно «Ла Фортюн»), Роберта Джордана (судно «Энтони») и некоего господина Янсзоона (судно «Баракоа») (они получили каперские грамоты уже после возвращения ямайской флотилии в Кагуэй). Давид Марли, один из современных исследователей флибустьерской эпопеи, допускает, что в этой экспедиции мог участвовать и молодой Генри Морган.

В инструкциях, подписанных лордом Виндзором и переданных капитану Мингсу, указывалось:

«Его Величество… передал мне свои инструкции, которые я

получил, чтобы использовать все пути и средства для установления свободной торговли и обмена с подданными короля Испании в его доминионах в Америке, и, повинуясь его королевским приказам, я установил с ними связь через специального посыльного, отправленного к губернаторам Пуэрто-Рико и Санто-Доминго, чей ответ продемонстрировал их приверженность прежним методам, не допускающим торговли с нами… Все это было свободно обсуждено здесь 7-го и 14-го числа, равно как и дополнительные инструкции, данные мне Его Величеством. После чего с целью их исполнения было решено, что следует предпринять попытку наладить торговлю силой или как-то иначе. Во исполнение чего, следуя полученному приказу, вы должны отплыть с вашим фрегатом, “Гриффитом” [«Гриффином»] и другими частными военными фрегатами, привлеченными вам в помощь, придерживаясь следующих инструкций:

1. Вы должны (сообразно ветру и погоде) отплыть… к соседнему побережью владений короля Испании; и там вам надлежит брать, овладевать и неожиданно захватывать или как-то иначе силой уничтожать все или любые корабли и суда короля Испании или его подданных или любые другие, торгующие с ним, или везущие к нему мужчин, женщин или амуницию без лицензии его Королевского Высочества герцога Йоркского, верховного лорда-адмирала, или моей.

2. Когда вы окажетесь у побережья владений короля Испании и найдете подходящий случай захватить какие-либо из его крепостей, фортов или городов, вы должны призвать к себе в помощь и для совета таких лиц, командующих в этом проекте вместе с вами, каких вы найдете наиболее способными и рассудительными… и если, по зрелому размышлению, вы решите, что какой-либо из городов или фортов может быть легко взят без большого риска для флота, вы наделяетесь властью… брать и уничтожать их силой или каким-то иным способом; и подобными действиями, возможно, иные места во владениях короля Испании можно будет скорее склонить к тому, чтобы добиться урегулирования торговли для подданных Его Величества.

3. Когда вы захватите какие-либо корабли или суда, вы во всем должны придерживаться таких обычаев и правил, которые применяют в отношении королевских военных кораблей в Его Величества высшем суде Адмиралтейства, дабы названные корабли и суда могли быть в целости и сохранности приведены в этот порт [Кагуэй] для получения приговора и судебного решения в Адмиралтейском суде Ямайки. Таким же образом вам следует позаботиться дать исчерпывающие директивы частным военным кораблям, чтобы они… пунктуально выполняли приказы и

инструкции, которые они получили, относительно захвата ими или кем-либо из них какого-либо корабля или кораблей.

4. Для лучшего управления солдатами и моряками, находящимися на вашем попечении, вы можете собирать суд маршалов и проводить судебные процессы по всем делам в ходе этой экспедиции в соответствии с законами войны, исключая лишение жизни и конечностей.

5. Вы должны выбрать квалифицированных лиц из… армии, которые… пожелают искать приключений с вами, чтобы быть командирами над сухопутными волонтерами, и вашего приказа будет достаточно для них или любого из них, чтобы действовать или исполнять обязанности на любом из назначенных им постов, которые вы сочтете возможным доверить им.

6. Вы должны быть в этом деле… весьма осмотрительными и осторожными, следя за испанскими силами на море или на суше, чтобы вы могли как можно лучше предотвращать их нападения или засады, и вы должны надлежащим образом следить за любыми предателем или предателями, каковые могут завестись на флоте, которые при любом удобном случае могут предать вас; и с кораблями, находящимися под вашим командованием, вы не должны находиться в этой экспедиции более одного календарного месяца, если ветер и погода не воспрепятствуют вам или если задачи службы… не потребуют вашей задержки исключительно ради ее исполнения, к чести и репутации короля, нашего господина, и к выгоде его подданных на этом острове».

Далее в инструкциях Мингсу отмечалось: «…поскольку все люди смертны, и вы можете умереть как во время плавания, так и во время акции, то для того, чтобы эти силы не остались без должного и правильного руководства, на случай вашей смерти мы даем полномочие и назначаем капитана Томаса Моргана быть главнокомандующим сухопутными волонтерами, и если дело будет происходить на берегу — то командовать всеми силами, которые высадятся, а капитана Адриана Вандемана Сварта — командовать на море и с борта фрегата “Гриффит”, находящегося под его командованием, отдавать приказы лейтенанту и шкиперу корабля Его Величества “Центурион” и командирам других судов; и если так случится, что упомянутый капитан Мингс умрет до начала акции, тогда названному капитану Сварту надлежит вернуться, приведя назад “Центурион”, “Гриффит” и иные суда и всех сухопутных волонтеров, и убедить частные военные корабли следовать их каперским поручениям и инструкциям, которые я выдал им. Но если названный капитан Мингс во время акции будет выведен из строя ранениями или как-то иначе, тогда капитан Морган должен будет возглавить это предприятие с теми

же предосторожностями и заботой… В любом случае усердие должно быть проявлено обоими, и капитаном Свартом, и капитаном Морганом, дабы все силы находились под надлежащим управлением и были возвращены к кораблям в сохранности и в надлежащем порядке для возвращения на сей Его Величества остров Ямайку и в гавань Пойнт-Кагуэй».

21 сентября (1 октября) 1662 года Мингс покинул Пойнт-Кагуэй. Обогнув западную оконечность Ямайки — мыс Негрил, корабли взяли курс на восточное побережье Кубы. В библиотеке Оксфордского университета хранится собственноручное письмо Мингса, адресованное лорду Виндзору, в котором он описал основные перипетии экспедиции на Сантьяго-де-Кубу:

«Его Превосходительству Томасу, лорду Виндзору.

Да будет благоугодно Вашему Превосходительству,

Во исполнение ваших приказов 21 сентября мы отплыли из Пойнт-Кагуэя. 22-го ветер стих, и флот рассеялся… но затем снова собрался вместе. 23-го мы встретили сэра Томаса Уэтстона, на “Пикасо”, с семьей индейцев, сведения которых убедили нас в том, что никаких дополнительных сил в Сантьяго на Кубе нет, и, соответственно, внесли правку в прежние сообщения, полученные в основном от английских пленных… На военном совете сие предприятие было признано возможным, и во время дебатов сошлись на том, как осуществить оное, а именно — высадиться на сушу в гавани, устье которой было сильно укреплено. Во время исполнения этого решения штили и противные ветры задержали нас.

Было уже 5 октября, когда мы увидели крепость (Сан-Педро-де-ла-Рока, в просторечье именуемую Эль-Морро. — *В. Г.)*. Бриз подул поздно, и ветер был слабым; было уже 4 часа пополудни, когда мы смогли подойти к гавани; но, продвинувшись на полмили, мы встретили ветер с суши, который не позволил нам войти, и это вынудило нас принять быстрое решение и немедленно осуществить высадку под батареей в 2 милях к востоку от гавани — в единственном месте, пригодном для высадки и прохода к городу на всем том скалистом побережье. Поскольку враг весь день ожидал нас в форте, мы не встретили никакого сопротивления; люди, что были в нем, бросились к городу, чтобы предупредить о нашей высадке. К тому времени, когда весь наш отряд высадился на берег (числом до тысячи человек. — *В. Г.),* наступила ночь. Это место — скалистое и узкое, так что мы были вынуждены выслать разведчиков в лес, чтобы показывать дорогу остальным; тропа была столь узкая, что по ней можно было двигаться лишь по одному; дорога была такая трудная, а ночь такая темная, что мы были вынуждены делать

остановки и зажигать огни, после чего наши проводники с головнями в руках двигались дальше по тропе. С большим трудом, перед самым рассветом, мы обнаружили плантацию на берегу реки, примерно в 6 милях от места нашей высадки и в 3 милях от города; там, освежив себя водой, встретив день и найдя лучшую дорогу, мы весьма энергично двинулись к городу. Враги, получив сообщение о нашей недавней высадке и зная, что дорога негодная, не ожидали от нас столь быстрого появления и не успели подготовить против нас засады».

Губернатор города дон Педроде Моралес возглавил 170 солдат гарнизона и несколько десятков ополченцев, укрывшихся на холме Санта-Ана с двумя пушками; еще примерно 500 человек находились в резерве под командованием дона Кристобаля Арнальдо де Исаси, бывшего испанского губернатора Ямайки. «Мы выдержали их залп из пушек, — продолжает свой рассказ Мингс, — и принялись выбивать их с занимаемой позиции, и собственными силами, а также при помощи дона Кристовера, который тут же дал дёру, мы разгромили остальных, преследуя их разными путями через город, хозяевами которого стали; 6 небольших судов и лодок, находившихся на плаву, были взяты нашими солдатами… К концу дня, когда наши солдаты устали, мы расположились на отдых, чтобы решить, что делать дальше».

На следующее утро несколько отрядов общей численностью до пятисот пиратов, волонтеров и солдат были отправлены прочесывать окрестности, а сотня моряков вернулась на корабли с приказом войти в гавань и обстрелять крепость Сан-Педро-де-ла-Рока. Испанский гарнизон, насчитывавший лишь три десятка деморализованных солдат, не стал удерживать ее и поспешно бежал. Грабеж города продолжался до 19 (29) октября, но не принес большой добычи — основные ценности (включая 25 тысяч песо королевских сокровищ) губернатор и жители успели вывезти в деревню Каней и иные населенные пункты провинции еще до взятия Сантьяго.

«Злые деяния этого города в отношении Ямайки так разозлили солдат, что мне пришлось немало похлопотать, чтобы удержать их от сожжения церквей, — сообщает далее Мингс. — 15-го дня мы ездили то в крепость, то оттуда, до 19-го числа занимаясь разрушением фортов и вывозом тех пушек, которые имели возможность забрать с собой. На тамошнем складе находилось 17 пушек, в крепости и на батарее внизу — еще 17, пороха — 1000 бочек; от всего этого наши люди в ходе передвижений и работ так устали, что не хотели взять их с собой, мечтая об отдыхе; 700 бочек было использовано для подрыва главной крепости, остальные — для подрыва окрестных домов и

батарей. И, воистину, все было разрушено до основания. Она [крепость] была построена на скалистом обрыве, стены на горной стороне — примерно 63 футов высоты. Имелись также небольшая часовня и дома, рассчитанные на проживание 1000 человек. Мы были вынуждены сбросить некоторые пушки с обрыва в море, так как не смогли унести их».

По данным Уильяма Бистона, общавшегося с участниками похода, в боях погибли лишь шесть корсаров; еще 20 человек умерли от болезней или пропали без вести (скорее всего, были захвачены в плен). Материальные потери испанцев составили миллион фунтов стерлингов. Помимо серебра и вина, а также двухсот ящиков сахара, мелассы, шкур и табака, захваченных на окрестных плантациях, флибустьеры забрали с собой несколько церковных колоколов, партию негров-рабов и семь испанских судов.

21 (31) октября в Порт-Ройял прибыл шлюп с известием об успешном грабеже Сантьяго-де-Кубы, а на следующий день туда пришла почти вся флотилия.

После возвращения кораблей Мингса на базу лорд Виндзор изъял «все каперские поручения у приватиров и попытался подчинить их известным обычным правилам, выдав им [новые] каперские грамоты для захвата испанцев и доставки их на Ямайку».

24 октября (3 ноября) на заседании Совета острова было зачитано официальное разрешение короля лорду Виндзору покинуть Ямайку. Через четыре дня сэр Чарлз Литтлтон, «подходящее и достойное лицо», был объявлен исполняющим обязанности губернатора.

Адмиралтейский суд острова признал все захваченные в Сантьяго-де-Кубе корабли законными призами и изъял адмиральскую десятину. Затем специальные уполномоченные по призам разделили трофеи согласно обычаю. Шесть призов продали с молотка на аукционе, а седьмой передали Роберту Эйвису, фригольдеру из Порт-Ройяла, «за особые заслуги». Корабли продали за 390 фунтов стерлингов 10 шиллингов, а их груз сахара и мелассы — за 729 фунтов стерлингов 7 шиллингов и 6 пенсов. Из них вице-губернатор сэр Чарлз Литтлтон изъял 72 фунта стерлингов 18 шиллингов и 6 пенсов для лорда-адмирала Англии, 200 фунтов стерлингов — как королевскую долю за использование военного фрегата «Центурион» и 105 фунтов стерлингов 4 шиллинга и 6 пенсов — за использование военного фрегата «Гриффин». Все, что осталось после этих вычетов, было разделено между флибустьерами. Если Генри Морган находился среди участников похода, то часть призовых денег должна была

попасть и в его кошелек.

«Этот успех успокоил людей, — записал в своем дневнике Бистон, — “Центурион” оставался в гавани, но все приватиры [вновь] ушли в море за добычей…»

Был ли Морган в их числе? Вполне возможно.

ЭКСПЕДИЦИЯ НА КАМПЕЧЕ 1663 ГОДА

Удачный поход на Сантьяго-де-Кубу вдохновил власти Ямайки на разработку нового антииспанского проекта. 11 (21) декабря 1662 года Совет Ямайки постановил: «Торговля с подданными короля Испании должна быть налажена силой, и [новое] покушение следует предпринять в западной стороне — на берегах Кубы, Гондураса и залива Кампече».

9 (19) и 10 (20) января 1663 года примерно полторы тысячи солдат и флибустьеров разместились на борту двенадцати кораблей, которые в воскресенье 11 (21) января отплыли под командованием Кристофера Мингса в сторону Мексиканского залива. Командующий, как обычно, поднял свой флаг на «Центурионе». Заместителем Мингса, возглавившим флибустьерский контингент, на первом этапе экспедиции был Адриан ван Димен Сварт. Он шел на «Гриффине», команда которого насчитывала порядка ста человек. Помощником Сварта был Геррит Герритсзоон по кличке Роки (в сочинении Эксквемелина сей злодей фигурирует как Рок Бразилец).

Среди участников похода находились известные в то время флибустьерские вожаки: Эдварт Мансфелт, сэр Томас Уэтстон, Авраам Митчелл, Ричард Гай, Уильям Джеймс, г-н Янсзоон, Давид Маартен, Джон Моррис, Джон Пёрдью, Милнер Маг-форд и, возможно, Джон Харменсон, Якоб Факман, Джон Булл, Роберт Джордан, Роберт Сирл и Морис Уильямс. Генри Морган мог быть капитаном одной из рот волонтеров.

Когда флотилия обогнула мыс Каточе и двигалась вдоль северных берегов Юкатана, на нее обрушился шторм. «Гриффин» и еще несколько судов отбились от основных сил, так что должность вице-адмирала перешла к голландцу Эдварту Мансфелту.

Перед рассветом 30 января (9 февраля) около тысячи флибустьеров высадились на берег в районе пляжа Хамула, в четырех милях к западу от города Сан-Франсиско-де-Кампече. Ветераны пиратских баталий предложили Мингсу атаковать неприятеля под покровом темноты, на что коммодор гордо ответил:

— Я презираю воровать победу!

Соответственно, когда в восемь часов утра они подошли к окрестностям Кампече, главнокомандующий «сообщил им [испанцам] о своем приближении с помощью барабанов и труб».

Сопротивление корсарам могли оказать не более 150 солдат городского ополчения, засевших в фортах Сан-Бенито, Санта-Крус и Сан-Роман (сами флибустьеры позже уверяли, что им противостояли полторы тысячи человек). Обороной города руководил генеральный казначей и рехидор Юкатана капитан дон Антонио Мальдонадо де Альдана.

Во время штурма второго форта Мингс был ранен картечью в лицо и оба бедра, после чего, передав командование Мансфелту, вынужден был вернуться на борт «Центуриона».

Несмотря на отчаянное сопротивление испанцев, к десяти часам город и все укрепления, кроме форта Санта-Крус, оказались в руках захватчиков. В боях погибли 30 корсаров, многие были ранены. Испанцы потеряли убитыми около пятидесяти человек. В плен попали 170 горожан.

Ночью, заклепав пушки, защитники форта Санта-Крус покинули город.

С утра пораньше, подпалив несколько домов, флибустьеры отправили на переговоры с испанцами парламентеров. Мансфелт лично встретился с Мальдонадо де Альданой на нейтральной территории и договорился с ним о том, что пожары будут потушены, тела сорока двух убитых испанцев «захоронят в море, а [четырнадцати] раненым окажут медицинскую помощь, что, однако, не было выполнено». После этого Мальдонадо отступил во внутренние районы провинции, откуда послал учтивое письмо Мингсу. В нем он сообщил о готовности заключить с корсарами перемирие в обмен на обещание хорошего обращения с пленными испанцами. Мингс охотно освободил четырех знатных пленников и передал им послание для Мальдонадо; в своем письме он соглашался покинуть город и освободить остальных пленных, если испанцы позволят захватчикам взять воду из находившихся возле Лермы источников. Коммодор также выразил сожаление по поводу того, что из-за ран не смог лично прибыть и встретиться с испанским командиром.

7 (17) февраля испанцы согласились с условиями англичан, и в знак доброй воли Мингс освободил всех пленных, оставив при себе лишь шесть самых знатных заложников до получения воды. 13 (23) февраля ямайская флотилия снялась, наконец, с якоря, уведя с собой из гавани 14 трофейных судов (включая «три 300-тонных, остальные — среднего или малого размера, а некоторые — с богатыми грузами, все еще остававшимися на борту»).

По оценке Мальдонадо, добыча корсаров равнялась 150 тысячам пиастров, а общий ущерб, нанесенный городу, составил около 500 тысяч пиастров.

Обратный путь на Ямайку оказался для участников похода

чрезвычайно трудным. Противные ветры и течения разметали суда флотилии в разные стороны, так что добираться до Порт-Ройяла им пришлось разрозненными группами. Флагманский корабль экспедиции, которым командовал Томас Морган, вернулся на базу лишь 13 (23) апреля 1663 года.

Раны, полученные Мингсом в бою за Кампече, требовали длительного лечения. Поэтому летом того же года он вынужден был покинуть Ямайку, отплыв на борту «Центуриона» в Англию.

ПРИБЫТИЕ НА ЯМАЙКУ СЭРА ЭДВАРДА МОРГАНА И НОВОГО ГУБЕРНАТОРА

Когда сообщение о разграблении англичанами Кампече достигло Лондона, король Карл II осудил эту акцию. Дело в том, что в феврале (то есть как раз во время набега Мингса на Кампече) в Уайтхолле рассматривались предложения испанских купцов о выдаче им лицензии на покупку в английских колониях (Барбадосе, Ямайке и др.) негров-рабов, которых доставляли туда корабли недавно образованной Королевской Африканской компании. Эта торговля была гораздо прибыльнее каперских операций и могла приносить короне до 100 тысяч фунтов стерлингов ежегодного дохода. В марте король подписал приказ губернатору Ямайки «выдать свободную лицензию и гарантию испанским плантаторам в Америке на торговлю товарами и неграми… при условии уплаты обычных пошлин».

Негативная реакция короля на антииспанские действия ямайской флотилии могла объясняться и тем, что находившиеся в Кадисе и Севилье английские купцы не хотели, чтобы пиратство в Карибском море вредило их репутации и бизнесу.

Стремясь успокоить испанский двор и английских негоциантов, торгующих с Испанией, король запретил Совету Ямайки организовывать новые антииспанские предприятия; в то же время против Кристофера Мингса не было выдвинуто никаких обвинений. Более того, в 1664 году, в период обострения англо-голландских отношений, его назначили вице-адмиралом Белой эскадры королевского флота, находившейся под командованием принца Руперта (говорили, что он был «большим любимцем принца»). В указанном звании Мингс в июне 1665 года принял участие в морском сражении против флота республики Соединенных провинций у Лоустофта, после которого за проявленное мужество король возвел его в рыцари. В следующем году сэр Кристофер Мингс стал вице-адмиралом Голубой эскадры, которой командовал его патрон граф Сэндвич. В июне 1666 года, во время морского сражения с голландцами у Даунса, он был командиром флагманского корабля «Виктори». В разгар боя вражеская пуля пробила Мингсу горло, однако он наотрез отказался покинуть палубу, зажав рану пальцами. Вторая пуля пробила ему шею и застряла в плече. Прожив еще несколько дней, сэр Кристофер умер в своем доме в Гудмэнс-Филдсе. Горько

оплакиваемый простыми моряками, членами команды «Виктори», он был похоронен в Уайтчепеле 13 (23) июня 1666 года.

В августе 1663 года в Совете Ямайки зачитали письма от короля и госсекретаря Беннета, «запрещающие какие-либо новые предприятия против испанцев, во исполнение которых все частные боевые корабли были немедленно отозваны [из крейсерства на базу]». Однако не все джентльмены удачи согласились вернуться в Порт-Ройял и прекратить антииспанские вылазки. Многие суда остались в открытом море, некоторые капитаны ушли на Тортугу и Эспаньолу, на необитаемые острова у южного побережья Кубы, в залив Кампече и в Гондурасский залив.

Позже из Англии пришли письма от сэра Уильяма Ковентри, которые фактически разрешали продолжить антииспанские экспедиции. 15 (25) октября ямайский вице-губернатор написал об этом государственному секретарю вместе с отчетом о положении дел на острове. В «Календаре государственных бумаг» содержится краткий пересказ этого письма:

«Сэр Чарлз Литтлтон, вице-губернатор, секретарю Генри Беннету. Получил распоряжение короля от 29 апреля прекратить осуществлять в дальнейшем походы против испанцев с надеждой на скорое учреждение торговли с ними, в частности неграми, коих они не могут найти больше нигде, кроме как здесь. Из писем, недавно полученных от м-ра Ковентри, узнал, что война с приватирами не подразумевалась в королевских инструкциях, так что не стоило думать о том, чтобы отозвать их…»

Тем не менее сэр Томас Модифорд, назначенный новым губернатором Ямайки в феврале 1664 года, получил строгие указания отменить каперские поручения и наладить добрососедские отношения с испанскими колониями. Поскольку с именем этого джентльмена связаны расцвет ямайского флибустьерства и покровительство Генри Моргану, присмотримся к его персоне внимательнее.

Томас Модифорд родился около 1618 года в Линкольн'с-Инн (Миддлэссекс) в семье олдермена Джона Модифорда и Мэри Уокер. В 1640 году он женился на Элизабет Палмер, которая родила ему нескольких детей. Его карьерный рост во многом объяснялся тем, что он приходился родственником «делателю королей» генералу Джорджу Монку (будущему первому герцогу Альбемарлю). Во время гражданской войны Модифорд сражался на стороне Карла I Стюарта, а в 1647 году переселился на остров Барбадос, где стал крупным плантатором и купцом. В 1651 году он вступил в переговоры с сэром Джорджем Эйскью, командовавшим республиканской эскадрой, и был назначен

командиром милицейского полка. После прибытия на Барбадос экспедиции Пенна и Венейблса полковник Модифорд помог последним рекрутировать колонистов для участия в операциях против испанских колоний. Незадолго до реставрации монархии в Англии его избрали председателем Совета Барбадоса.

В марте 1664 года король Карл II Стюарт возвел Модифор-да в рыцари, назначил генерал-губернатором Ямайки, а также «адмиралом на всех морях и берегах вокруг названного острова, с полномочиями учредить один или несколько адмиралтейских судов для ведения и решения всех флотских дел и вопросов, и со всеми иными полномочиями, соответствующими посту и службе вице-адмирала, выполняя в соответствии с данным поручением директивы и инструкции, которые вы будете получать от нашего возлюбленнейшего брата герцога Йоркского, нашего великого адмирала Англии».

Модифорду предписывалось еще до отбытия с Барбадоса просить местного губернатора лорда Уиллоуби предоставить ему посильную помощь, в частности поощрять местных фермеров и плантаторов к переезду на Ямайку; получить от полковника сэра Эдварда Моргана, который был назначен вице-губернатором Ямайки, оружие, амуницию и деньги, в том числе тысячу фунтов стерлингов — в качестве годового жалованья для себя, 600 фунтов стерлингов — для вице-губернатора, 300 фунтов стерлингов — для майора и 600 фунтов стерлингов — для своего телохранителя и на содержание арсенала; оставшиеся 500 фунтов стерлингов выделялись на приобретение инвентаря и различных инструментов «для [последующей] продажи жителям по разумным расценкам». Полковник Морган был особо рекомендован ему «для дружбы и полезного использования».

В июне 1664 года Генри Беннет писал из Уайтхолла Модифорду: «…Мы весьма надеемся увидеть новое и гораздо лучшее обличье, которое тот остров приобретет под вашим разумным управлением. К сему прилагается распоряжение Его Величества о сдерживании разбоев и грабежей, продолжающихся в отношении испанцев, шум от коих бесконечно неприятен Его Величеству, и он рекомендует вам впредь предотвращать оные. Не хочу больше распространяться на эту тему, лишь замечу, что можно было бы осуществить возврат [захваченных] кораблей и освобождение людей, хотя имеется опасение, что возврат [призовых] товаров, особенно уже перевозимых [в Англию], осуществить не удастся; но в этом — после того, как вы сделаете то, что возможно, — не может быть вашей вины…»

Распоряжение короля, приложенное к упомянутому письму и датированное тем же числом, гласило:

«Невозможно выразить наше недовольство тем, что мы слышим ежедневные жалобы на насилия и грабежи, совершаемые кораблями, приписанными к нашему острову Ямайка, в отношении подданных короля Испании посредством захвата их кораблей и вторжений на их территории в ущерб добрым отношениям и связям с ними, которые мы так часто рекомендовали тем, кто должен был осуществлять управление там [на Ямайке] от нашего имени. И хотя мы не можем сомневаться в том, что вы уже делаете на своем посту то, что вам поручено… жалобы оттуда продолжают поступать к нам ежедневно; посему мы… приказываем и строжайше повелеваем вам не только запретить продолжение всех подобных насилий в будущем, но и позаботиться о том, чтобы наказанию были подвергнуты те, кто это делает, а также осуществить полный возврат всех кораблей и товаров вместе с освобождением и удовлетворением лиц, которые уже захвачены или будут после этого захвачены вопреки нашему распоряжению; объявляю также, что мы желаем, дабы вы приговорили к заслуженному наказанию всех тех, кто сие нарушит».

Назначение на пост губернатора Ямайки и королевские инструкции должен был доставить Модифорду сэр Эдвард Морган, получивший, как уже упоминалось, пост вице-губернатора. Практически все биографы Генри Моргана сходятся во мнении, что сэр Эдвард был его близким родственником — скорее всего, родным дядей. В период Тридцатилетней войны (1618–1648) этот храбрый вояка служил наемником в Нидерландах и Германии, а в годы английской революции сражался на стороне роялистов против войск парламента (в 1649 году он был генерал-полковником королевских войск в Южном Уэльсе, находившихся под командованием графа Карбери). Жена его, Анна Петронелла фон Пёльниц, была дочерью саксонского дворянина Ганса Георга, барона фон Пёльница, и голландки Анны Петронеллы ван Хёлл. Когда победа парламента стала очевидной, сэр Эдвард Морган бежал в Нидерланды, а затем в течение нескольких лет жил в фамильных имениях фон Пёльницев в Ашбахе вблизи Бамберга. Шурин сэра Эдварда, барон Герхард Бернхард фон Пёльниц, в 1660 году был послан электором Пруссии специальным послом ко двору Карла II Стюарта, чтобы поздравить его с восхождением на трон. Имя Моргана неоднократно упоминалось в смете доходов семьи Пёльниц, и сохранилась запись, в которой «Эдвард Морган из Ландумения [Лланрумни], полковник на службе его королевского величества из Великобритании, удостоверяет получение 1222 риксдалеров от его дорогих братьев и шурина, все — Пёльницы».

Инструкции сэру Эдварду Моргану были подписаны 27 февраля (по старому стилю). Он должен был сесть на корабль «Уэстергейт» и доставить сэру Томасу деньги, «предназначенные для королевской службы на Ямайке, с полномочием использовать их самому в случае смерти или недееспособности сэра Томаса Модифорда».

Через два дня вице-губернатору был передан черный ящик с документами, которые он должен был взять с собой на корабль; в ящике находились назначение и инструкции для сэра Томаса, письма ему от короля и госсекретаря, назначение на пост вице-губернатора, письма сэру Чарлзу Литтлтону от короля и госсекретаря, письмо губернатору Барбадоса от короля и, наконец, инструкции о том, как вести себя в этой поездке, а также в случае самоотвода, смерти или недееспособности Томаса Модифорда.

20 (30) марта Модифорд зачитал на Барбадосе объявление о своем назначении губернатором Ямайки и призвал всех желающих последовать с ним на новое место жительства. Желающим переехать на Ямайку необходимо было взять с собой в дорогу провиант и получить разрешение на отъезд у губернатора Барбадоса. Эти разрешения нужны были для того, чтобы пресечь бегство из колонии несостоятельных должников и сервентов, срок кабалы которых еще не истек.

5 (15) апреля в связи с готовившимся отплытием сэра Чарлза Литтлтона в Англию (и на период до прибытия нового губернатора) Совет Ямайки избрал своим председателем ветерана армии генерала Венейблса Томаса Линча; одновременно он стал главнокомандующим милицейскими силами и главным судьей острова.

Литтлтон отплыл в Англию 2 (12) мая 1664 года на борту судна «Сент-Джонз хэд». В Лондоне ему пришлось выслушать обвинения в поощрении пиратов, которые выдвинул против него испанский посол дон Патрисио Моледи. Отвечая на жалобы испанского посла, Литтлтон заявил, что не может нести ответственность за антииспанские акции флибустьеров. К этому экс-вице-губернатор добавил, что никогда не получал от английского правительства ясных указаний о прекращении военных действий против испанцев. Убежденный в том, что «испанец более сговорчив, когда его хорошенько поколотить», Литтлтон представил лорду-канцлеру Англии свои соображения о необходимости всемерного поощрения приватиров на Ямайке.

Доводы Литтлтона выглядели убедительно, но назревала вторая «торговая война» с Голландией, и поэтому английское правительство не хотело обострять отношения с Испанией.

21 апреля (1 мая) на Барбадос прибыл корабль «Уэстергейт», который доставил туда сэра Эдварда Моргана с семьей, пассажиров, амуницию, а также королевские грамоты, инструкции и письма. 10 (20) мая полковник Модифорд писал по этому поводу Генри Беннету (получившему к этому времени титул лорда Арлингтона), отмечая, что уже на следующий день после своего прибытия на остров Морган с семьей пожаловал к нему на плантацию в гости. Модифорд сожалел по поводу того, что сэр Эдвард «во время утомительного плавания потерял свою старшую дочь, леди весьма красивую и достойную, и двое других из его семьи после этого тоже умерли от злокачественных болезней, вызванных грязью пассажиров».

О своем назначении и своих инструкциях новый губернатор уведомил испанские власти на Эспаньоле, отправив туда в начале мая кеч капитана Роберта Энсома «Своллоу» и фрегат «Уэстергейт». В письме губернатору Санто-Доминго указывалось, что король велел Модифорду позаботиться об острове Ямайке, а также «строго предписал ему»: «…удерживать всех его подданных от причаливания судов и вторжения на территории его Католического Величества, желая для своей королевской особы лишь одного — чтобы его подданные жили в дружбе и добрых отношениях со всеми своими соседями… Между тем позволено нам не только воздерживаться от всех актов вражды, но любезно предоставить друг другу свободу пользоваться в наших соответствующих гаванях дровами, водой и провизией за деньги. Через полковника Теодора Кэри и капитана Джона Пэррота лично ручаюсь за искренность того, что здесь написано».

Томас Линч в письме лорду Арлингтону, датированном 25 мая (4 июня), писал с Ямайки, что полковник Морган «прибыл 3 или 4 дня назад, а губернатора ожидают в течение 5–10 дней на “Мармадюке” с 600 или 800 людьми». Далее он сообщал: «“Своллоу” и “Уэстергейт” посланы на Сан-Домин-го, где полковник Кэри, К. Хэмлок и Дж. Пэррот должны получить положительный ответ на предложения сэра Томаса Модифорда о мире, но сомнительно, что Ямайка выиграет от этого, ибо это не во власти губернатора — развить или задушить торговлю, и нет нужды или выгоды приводить частных испанцев на Ямайку, ибо мы и они совершили слишком много обоюдных жестокостей, чтобы можно было быстро наладить отношения. Когда король был восстановлен на троне, испанцы думали, что поведение английской нации тоже изменится, и рискнули послать два или три судна на Ямайку за неграми, но неожиданные набеги и вторжения К. Мингса, за которые губернатор Сан-Доминго бранил специальных уполномоченных, заставили испанцев удвоить их

злость, и ничего, кроме приказа из Испании, не может допустить нас к торговле, особенно в то время, когда они так обильно и дешево снабжаются неграми при помощи генуэзцев, которые имеют контракт на поставку им 24 500 негров в течение семи лет, коих испанцы должны… получать от голландцев на Кюрасао… Отзыв приватиров будет, между тем, не скорым и рискованным средством и может оказаться совершенно неэффективным без наличия пяти или шести военных кораблей. Если губернатор отдаст приказ и пообещает пресечь [приватирство], и оно не будет полностью пресечено, доверие к нему и англичанам окажется под вопросом, и проект будущей торговли из-за этого потерпит крах. Голые приказы по их сдерживанию или отзыву приучат их лишь к уходу из этого порта и заставят их… нападать на нас так же, как и на испанцев. Какую уступчивость можно ожидать от людей столь отчаянных и многочисленных, которые не имеют никакой иной стихии, кроме моря, и предпочитают не торговлю, а приватирство? Здесь может быть более 1500 их на примерно 12 судах, которые, если они будут испытывать нужду в английских каперских грамотах, смогут получить французские и португальские документы, и если с ними они захватят что-либо, то они, безусловно, получат хороший прием в Новых Нидерландах и на Тортуге. И из-за этого нас станут проклинать и ненавидеть, ибо испанцы называют всех разбойников в этих морях… англичанами».

Томас Модифорд прибыл в Порт-Ройял в начале лета. Во время заседания Совета Ямайки, собравшегося 4 (14) июня, сэр Томас принес присягу в качестве губернатора. Одновременно в совет были избраны генерал-лейтенант сэр Эдвард Морган, генерал-майор Джон Модифорд (сын губернатора), капитан Джон Мэн, майор Уильям Айви и секретарь Питер Пью. 6 (16) июня членами совета стали также подполковник Томас Линч, полковник Сэмюэл Бэрри и подполковник Генри Арчболд, а 9 (19) июня — подполковник Джон Коуп и майор Томас Фаллер. Затем были предприняты первые шаги по сворачиванию приватирства. 11 (21) июня Совет Ямайки принял постановление о том, чтобы «в соответствии с распоряжением короля со всеми подданными его Католического Величества обходились как с друзьями и союзниками, и их суда или товары не должны захватываться в силу какой-либо каперской грамоты, ранее выданной, или под любым иным предлогом».

С отменой приватирства участились акты откровенного пиратства. 28 июня (8 июля) Эдвард Морган жаловался лорду Арлингтону, что его первое письмо к нему с Ямайки «было перехвачено неким пиратом из этого города». Вице-губернатор

опасался, что после отмены каперских поручений количество пиратов в окрестных водах могло увеличиться: «В море все еще имеется 14 или 15 парусников… Они насчитывают 2000 или 3000 человек, мы же не имеем ничего сильнее фортификации, способной вместить 100 человек».

Подробные сведения о состоянии дел на Ямайке содержало также письмо сэра Томаса Модифорда госсекретарю. Губернатор сообщал, что был встречен местной администрацией и жителями «с величайшей любезностью» и в течение месяца знакомился с островом, который нашел «весьма целебным и приятным». Помимо губернатора и вице-губернатора суда «Уэстергейт», «Блессинг», «Мармадюк» и «Своллоу» доставили на Ямайку 987 переселенцев. Местом своего поселения Модифорд избрал не Порт-Ройял, а Сантьяго-де-ла-Вегу. Данное решение объяснялось тем, что с «большой земли» до оконечности косы Палисадос, на которой располагался Порт-Ройял, можно было добраться, лишь преодолев шесть миль по воде; это было небезопасно, утомительно и дорого.

Далее упоминалось о прибытии на Ямайку капитана Сварта с «Гриффином» — «без людей и денег, а судно его уже не могло держаться на плаву». Предполагая дать о нем подробный отчет королю, Модифорд сообщал о своем намерении укомплектовать «Гриффин» новой командой и отправить его на Барбадос — за женой и новыми переселенцами. Эту информацию подтвердил и Томас Линч, который писал госсекретарю, что «сэр Томас Модифорд отправил своего сына, генерал-майора Джона Модифорда, на небольшом фрегате, называемом “Гриффин”, с 14 или 16 пушками, чтобы привезти с Барбадоса свою жену и любых плантаторов, которые пожелают сесть на корабль для поездки на Ямайку».

В компании с «Гриффином» ушли суда «Уэстергейт» и «Своллоу». Подчиняясь господствующим ветрам и течениям, они пошли сначала на запад, к кубинскому мысу Сан-Антонио, чтобы затем обогнуть Кубу с севера и взять курс на Малые Антильские острова. 28 августа, во время сильного шторма в Мексиканском заливе, кеч «Своллоу» капитана Энсома отделился от двух других кораблей и самостоятельно вернулся на Ямайку в конце декабря.

Согласно показаниям пленного испанского капитана Франсиско Мартина, взятым спустя четыре года, два английских судна потерпели крушение у берегов Флориды в августе 1664 года. Уцелели лишь пять человек. Они попали в плен к индейцам и жили среди них, пока губернатор Флориды не отправил солдат выкупить пленников. Последних доставили в Сан-Аугустин (современный Сент-Огастин, США) в ноябре 1664 года. Один из

пленных англичан сообщил Мартину, что является старшим сыном губернатора Ямайки (у него были «прекрасное массивное тело, очень хорошее лицо и светлые, слегка вьющиеся волосы»). В январе следующего года губернатор Флориды велел капитану Мартину снарядить фрегат, чтобы отвезти пленных в Гавану, а оттуда на галеонах «серебряного флота» — в Испанию. Но, замечает Мартин, в Гаване в то время не было кораблей, готовых уйти в Европу. Дальнейшая судьба Джона Модифорда осталась невыясненной.

Вернемся, однако, к письму сэра Томаса Модифорда. Говоря о приватирах, губернатор подчеркнул, что во исполнение приказов его величества издал прокламацию об отмене каперских поручений; но, добавляет он, «страх может толкнуть их к французам на Тортугу и повернуть их силы против этого острова и всей нашей торговли…».

Среди флибустьерских вожаков, испытавших на себе антипиратские санкции нового губернатора, оказался капитан Роберт Сирл. В июне 1664 года он привел на Ямайку два испанских приза, взятых в водах Кубы. 19 (29) августа в Сантьяго-де-ла-Веге состоялось заседание Совета Ямайки. В его протоколе отмечалось: «Зачитано письмо короля от 15 июня, приказывающее вернуть захваченные корабли и товары испанцам; приказано, чтобы корабль и барк, приведенные капитаном Сирлзом [Сирлом] в Порт-Ройял, были захвачены и возвращены этой (испанской. — *В. Г.)* нации, а заодно все наличные деньги, которые удастся обнаружить; уведомление об этом было послано губернатору Гаваны… Каперская грамота капитана Сирлза у него изъята, а его руль и паруса взяты на берег в качестве гарантии. Полковнику Теодору Кэри, адмиральскому судье, Джону Мэну, сержант-майору в Пойнте [Порт-Ройяле], и капитану Питеру Пью велено проследить, чтобы эти приказы были должным образом исполнены».

Едва не попал на виселицу и капитан флибустьеров Морис Уильямс. В конце сентября или начале октября 1664 года Морис натолкнулся в море на испанский пинас «Санто-Кристо-де-Бургос», месяцем ранее отделившийся во время урагана от «серебряного флота». Видя, что он не сможет уйти от корсаров, капитан и владелец «Санто-Кристо» дон Хуан Хименес де Бохоркес решил схитрить и переписал большую часть своего груза — кампешевое дерево и табак — плывшему с ним английскому купцу Джилсу Лидкотту. Захватив «Санто-Кристо», Уильямс не был обманут этой уловкой, но он уже знал, что новый губернатор, сэр Томас Модифорд, прибыл с приказом короля подавить флибустьерство. Когда корсар в конце ноября появился в водах

Ямайки, он написал Модифорду о своем намерении доставить приз в Порт-Ройял и обещал вернуть захваченный груз Лидкотту, если корабль будет присужден ему, Уильямсу. Губернатор, однако, не пожелал дать ему какие-либо гарантии, заявив, что «никогда судебное решение о корабле не будет вынесено адмиралтейским судом, пока он не окажется в пределах его юрисдикции; если же он [Уильямс] взбунтуется ради своих людей, то узнает, что у государей длинные руки».

Через восемь дней, 29 ноября (9 декабря), Уильямс все же рискнул войти в гавань Порт-Роняла и отправил на берег Лидкотта, который «клятвенно рассказал весьма правдоподобную историю» о том, что призовые товары принадлежали Мартину Ноэлу, а корабль — дону Хуану Хименесу де Бохоркесу, «добровольно» передавшему его капитану Уильямсу. Однако по приказу губернатора призовые товары были тотчас конфискованы судьей Робертом Биндлоссом. Капитан Уильямс и 13 его людей были обвинены в пиратстве, а в феврале 1665 года их судили и приговорили к смерти через повешение. Правда, прежде чем приговор привели в исполнение, Модифорд получил от лорда Арлингтона новые инструкции: он должен был смягчить политику в отношении флибустьеров и побудить их к нападению на антильские владения Голландии. Губернатор тут же помиловал Уильямса и его товарищей и позже привлек их к экспедиции сэра Эдварда Моргана на Нидерландские Антильские острова. Корабль «Санто-Кристо-де-Бургос» так и не был возвращен Хименесу — переименованный в «Спикер», он был передан под командование Уильямса и стал флагманом в упомянутой экспедиции генерал-лейтенанта Моргана.

ПОХОЖДЕНИЯ ГЕНРИ МОРГАНА И ЕГО ДРУЗЕЙ В МЕКСИКЕ

В августе 1665 года в письме герцогу Альбемарлю сэр Томас Модифорд упомянул о возвращении на Ямайку отряда флибустьеров численностью до 150 человек, во главе которого стояли капитаны Давид Маартен, Якоб Факман, Генри Морган, Джон Моррис и Томас Фримен. Отчет об их экспедиции был составлен 20 (30) сентября того же года на основании показаний под присягой трех капитанов — Факмана, Моргана и Морриса. Это был первый документ, в котором содержится описание похождений Генри Моргана в качестве одного из пиратских вожаков.

«Опрашиваемые сказали, что, отсутствуя 22 месяца и ничего не зная о перемирии между королем и испанцами, они действовали наилучшим образом в соответствии с их поручением от лорда Виндзора захватывать добычу у этой [испанской] нации», — записано в отчете.

Получается, что упомянутые капитаны ушли на промысел с каперской грамотой от лорда Виндзора в конце 1663 года. Далее в документе описываются их антииспанские акции, имевшие место в начале 1665 года. Таким образом, полностью опущены события 1664 года. Где же они находились в указанном году и чем занимались? Загадка.

Впрочем, мы располагаем некоторыми сведениями относительно друга Генри Моргана — опытного навигатора и бесстрашного авантюриста Джона Морриса. Примерно в январе 1664 года он крейсировал на своем судне «Вирджин куин» в проливе между Эспаньолой и Ямайкой, где повстречал торговый пинк «Блу дав». Это судно, зафрахтованное посланником английского короля в Амстердаме сэром Уильямом Давидсоном, направлялось из Голландии в Порт-Ройял; в команде его насчитывалось лишь десять моряков, шкипером был Роберт Кук, а суперкарго — Джеймс Уотсон. Они должны были доставить на Ямайку партию товаров для еврейских купцов Бенджамина Москетта и Исаака Кордозе. Когда «Блу дав» шел привычным маршрутом вдоль южного побережья Эспаньолы к ее западной оконечности, чтобы оттуда повернуть на юго-запад, к Ямайке, на горизонте неожиданно показался приватирский корабль. Это был фрегат Морриса. Хотя «Блу дав» держал на мачте английский флаг, корсар остановил его, чтобы проверить груз и документы. Обнаружив, что часть товаров принадлежала еврейским купцам,

Моррис решил использовать это обстоятельство для обвинения владельцев судна и груза в незаконной торговле с испанцами. Приз был отведен в Порт-Ройял.

Обратимся к свидетельским показаниям моряка Роберта Лорда:

«Свидетельство Роберта Лорда, возраст 42 года, от 26 июля 1664 года.

Сказал, что, когда он находился на Ямайке примерно в январе месяце, туда пришел пинк “Блу дав”, который был захвачен в море между Эспаньолой и Ямайкой Джоном Моррисом, капитаном “Вирджин куин” (английским военным кораблем), который посадил двух или трех своих людей на борт этого судна, чтобы привести его в гавань Ямайки; сам он со своим военным кораблем расположился возле гавани. Когда названный “Блудав” простоял три или четыре дня на Ямайке, там состоялся адмиралтейский суд, созванный для судебного разбирательства по делу “Блудав”. Названные капитан Моррис и команда надеялись, что упомянутый корабль будет присужден им как приз, и их главным аргументом было то, что они (моряки «Блудав». — *В. Г.)* шли в сторону Кубы перед тем, как они их захватили, и что они были нагружены амуницией и товарами, предназначавшимися для торговли с испанцами. Но в ходе судебного разбирательства в Судебной палате их накладные документы относительно грузов засвидетельствовали, что последние предназначались Ямайке, а их таможенные пропуска… были выданы королевской таможней в Дувре. Этот свидетель сказал в суде сэру Чарлзу Литтлтону… что он знает шкипера Роберта Кука, что он жил поблизости от него в Рэтклиффе, и оное подтвердил капитан Исаак Боулз, командир “Блэкмора”… Губернатор… на это объявил им, что быть кораблю свободным, и позволил им свободно торговать, как всякому иному кораблю, стоявшему тогда в гавани. И потом сказал еще, что названный капитан Джон Моррис говорил этому свидетелю, что надеялся сделать “Блудав” законным призом, но в итоге ничего не получил от них, кроме английского вымпела и бочки крепкого пива…»

Когда же Моррис снова вышел в море? И когда произошло его объединение с отрядами Маартена, Факмана, Моргана и Фримена? Никаких известий на этот счет нет. Можно лишь предполагать, что все они ушли в сторону Мексиканского залива в конце 1664 года, все еще используя просроченное каперское свидетельство от лорда Виндзора. Таким образом, их поход с самого начала был незаконным и носил откровенно пиратский характер.

Перед походом флибустьеры заключили между собой особое

соглашение, которое англичане называли *agreement,* а французы — шасс-парти (фр. *la chasse-partie* — «охотничье жалованье»; происходит от *une charte-partie* — чартер или договор о фрахтовании судна, который у корсаров был также договором о порядке раздела добычи). В нем указывалось, какие доли добычи полагались капитану и команде корабля. Согласно данным Эксквемелина, обычно из общей суммы награбленного выделяли вознаграждение профессиональному охотнику-буканьеру (200 песо), корабельному плотнику (100–150 песо) и хирургу (200–250 песо «на медикаменты»). Из оставшейся суммы отсчитывались страховые деньги для возмещения ущерба раненым: за потерю правой руки полагалось 600 песо или шесть рабов, за потерю левой — 500 песо или пять рабов; за потерю правой ноги — 500 песо или пять рабов, за потерю левой — 400 песо или четыре раба; за потерю глаза — 100 песо или один раб, столько же — за потерю пальца. За огнестрельную рану предусматривалась компенсация в размере 500 песо или пяти рабов. Все оставшееся делилось между командой поровну, но капитан получал от четырех до пяти долей (иногда больше), его помощник — две доли, юнга — половинную долю. Новичкам выделяли совсем небольшую часть, а остаток шел в общую кассу.

Если капитан был владельцем или совладельцем корабля, то его доля добычи резко возрастала по сравнению с индивидуальными долями, приходившимися на рядовых участников экспедиции.

На судах, принадлежавших всему экипажу, все командирские должности были выборными. Любое важное решение принималось после обсуждения на совете большинством голосов. Если на судне не было командира, назначенного судовладельцем (или если сам капитан не являлся судовладельцем), тогда вожак избирался из числа наиболее храбрых и удачливых моряков; но в отличие от капитана военного или корсарского судна власть его была ограничена: флибустьеры беспрекословно подчинялись ему только во время боя.

О том, чем Морган и его друзья занимались на берегах Мексиканского залива, мы можем судить не только по их показаниям, но и по испанским документам. Из последних явствует, что в начале февраля 1665 года пираты под покровом ночи проникли на рейд Кампече и захватили там 8-пушечный испанский фрегат, на котором двинулись в юго-западном направлении, в сторону лагуны Терминос. Миновав ее, они 9 (19) февраля стали на якорь в устье реки Грихальва, близ селения Санта-Мария-де-ла-Фронтера (ныне город Фронтера в Мексике). Сформировав объединенный отряд примерно из 110 человек,

флибустьеры взяли в качестве проводников нескольких индейцев и отправились вверх по реке. Их целью был город Вилья-Эрмоса-де-Сан-Хуан-Баутиста — административный центр провинции Табаско.

Тем временем исполнявший обязанности губернатора Кампече дон Антонио Мальдонадо де Альдана решил отыскать похищенный пиратами 8-пушечный фрегат. Собрав отряд из 270 солдат и ополченцев, он передал его под командование своего племянника Хосе Альданы. 10 (20) февраля они отплыли на трех фрегатах к устью реки Грихальва, куда прибыли через два дня. Заметив на рейде селения Санта-Мария-де-ла-Фронтератри судна, принадлежавшие флибустьерам, испанцы атаковали их. Немногочисленная охрана, оставленная на борту указанных судов, не смогла оказать нападающим сопротивление: часть пиратов сбежала на одном из судов, а семеро их товарищей, находившиеся на 10-пушечном флагмане и 8-пу-шечном испанском призе, попали в плен. На допросе пленники признались, что команды пиратских судов отправились с «капитаном Маурисио [Джоном Моррисом] и Давидом Мартином [Давидом Маартеном]» вглубь провинции грабить город Вилья-Эрмоса.

Встревоженный полученным известием, Хосе Альдана поспешил назад, в Кампече. Там численность его отряда была увеличена до трехсот человек. Погрузившись на фрегаты, они 1 (11) марта снова пошли к устью реки Грихальва.

Чем же в это время занимался экспедиционный отряд флибустьеров? Скрытно приблизившись к Вилья-Эрмосе, он в четыре часа утра 14 (24) февраля напал на спящий город. В отчете Моргана и его друзей указывалось, что «продвигаясь рекой Табаско [Грихальва], впадающей в Мексиканский залив, они взяли несколько индейцев, которые пообещали провести их к городу Вильдемос (Вилья-Эрмоса. — *В. Г.),* куда они шли примерно 300 миль, чтобы не быть обнаруженными; и, придя к ним [испанцам] утром со 107 людьми, они захватили их форт с артиллерией, в коем было 11 пушек, взяли 300 пленных и оставались там 24 часа. И, отобрав лучших пленных, чтобы обезопасить себя, они спустились к устью реки и обнаружили свои суда, оставленные там, пропавшими, захваченными (как они позже поняли) испанской флотилией. Примерно 10 дней спустя они обнаружили испанцев вместе со своими кораблями и 300 человек, идущими на них. Едва завидев их [испанцев], они возвели небольшое укрепление на мысе и установили 5 больших пушек, которые они унесли из города. Испанцы послали человека с флагом и предложили им пощаду. Они сказали им, что они —

англичане и ради чести своей страны презирают принимать пощаду. Тогда враг высадил 150 человек, а прочие оставались возле них на своих кораблях. Когда они оказались на расстоянии выстрела, они открыли по ним огонь и пробили бреши в их рядах в нескольких местах. И в то же время их сухопутные силы подошли к ним, но с Божьей помощью они разбили их как на море, так и на суше, не потеряв ни одного человека».

Согласно испанским данным, флибустьеры, ограбив Вилья-Эрмосу, погрузили добычу и пленных на свои каноэ и стоявшую на реке барку, после чего двинулись назад к морю. Возле ранчо Санта-Тереса они отпустили пленных женщин и детей, удержав лишь мужчин, за которых потребовали выкуп — 300 голов скота. Спускаясь далее вниз по течению реки, пираты взяли еще одну барку, в трюме которой находился груз муки.

Достигнув устья реки и обнаружив, что их корабли захвачены испанской *армадильей,* участники похода отпустили заложников, а сами повернули в один из каналов, соединяющих реку с Мексиканским заливом. 7 (17) марта, во второй половине дня, их барки и каноэ были замечены ополченцами из отряда Хосе Альданы близ песчаного островка Санта-Ана. Альдана отправил к пиратам парламентера с требованием сдаться. Флибустьеры сделали вид, что не понимают по-испански, хотя на самом деле решили потянуть время и подготовиться к обороне. Когда лодка с парламентером ушла, они ночью возвели на берегу укрепление в виде рва и частокола, усиленного мешками с песком и семью трофейными Фальконетами. На следующее утро парламентер вернулся с переводчиком, но на требование сдаться пираты ответили, что готовы драться с испанцами до последнего бойца.

Несмотря на численное превосходство, испанские ополченцы не горели желанием рисковать своими жизнями. С большой неохотой они подчинились приказу Хосе Альданы и, высадившись на берег, пошли на штурм пиратского укрепления. Не сумев захватить его, эти горе-вояки отступили к шлюпкам и бесславно вернулись на свои фрегаты.

Утром 9 (19) марта Морган и его товарищи с радостью обнаружили, что во время отлива суда Хосе Альданы сели на мель. Еще один испанский корабль (фрегат «Патарата»), которым командовал капитан Карлос Бокардо и который Мальдонадо де Альдана отправил с сотней добровольцев на помощь своему племяннику, потерпел крушение в полутора милях к северу от *армадильи.* Несчастья, обрушившиеся на испанцев, позволили флибустьерам бежать от них на двух барках и четырех каноэ в северном направлении. Двигаясь вдоль юкатанского побережья, они время от времени захватывали небольшие рыбацкие суда и

прибрежные деревни, в которых можно было разжиться маисом, овощами, фруктами, рыбой и домашней птицей. Возле Сисаля, небольшой гавани на северо-западе Юкатана, пираты ограбили корабль с грузом маиса, команда которого была отпущена на свободу с посланием для генерал-капитана провинции. В своем письме, исполненном бравады, флибустьеры обещали вернуться с более крупными силами и разорить все земли, находившиеся под его управлением.

«После этого, — читаем в английском отчете, — они… осуществили высадку в Рио-де-Гартас (Рио-Лагартос, город на северной оконечности Юкатана. — Л Г.) и взяли городок [всего лишь] с 30 людьми, но когда они находились в городке, враг дал залп по ним из-за бруствера, о котором индейцы им ничего не сказали и за которым находилось 30 человек. Они убили 4 из них. Тогда они [флибустьеры] в ярости штурмовали его и убили 15 человек, а прочих 15 испанцев взяли пленниками. И взяв то, что хотели, они вернулись на борт, пересекли Гондурасский залив, прибыли на остров Роатан и запаслись там водой».

Роатан является самым крупным островом в архипелаге Ислас-де-ла-Баия. В колониальную эпоху он часто использовался пиратами и корсарами разных национальностей в качестве убежища. Очевидно, здесь флибустьеры совершили предварительный раздел захваченной добычи, отдохнули, запаслись водой и дровами, а также договорились о том, куда им отправиться дальше.

ПОХОД В НИКАРАГУА

К юго-востоку от Роатана, на побережье Гондураса, находился старый испанский порт Трухильо. В XVI–XVII веках он неоднократно подвергался нападениям французских, английских и голландских корсаров, так что в итоге многие жители переселились оттуда во внутренние районы страны и порт пришел в запустение. Капитаны Маартен, Моррис, Морган, Факман и Фримен решили наведаться в это захолустье, не рассчитывая найти там ничего, кроме провианта. После этого флотилия должна была обогнуть мыс Грасьяс-а-Дьос и выйти к Москитовому берегу Никарагуа. «И, плывя к Москитовому берегу, — записано в английском отчете, — они увидели судно, стоявшее на рейде Трухильо, и захватили его, а затем высадились на берег и овладели городом».

Как и ожидалось, никаких ценностей в Трухильо пираты не нашли. Погрузив на суда небольшой запас маиса и воды, они двинулись в восточном направлении, к мысу Грасьяс-а-Дьос. Там обитали индейцы, традиционно поддерживавшие дружеские отношения с противниками испанцев. Об этом писали многие современники, в том числе Эксквемелин. По его словам, в районе мыса «жили индейцы, которые торговали с пиратами и встречали их довольно хорошо… Пираты настолько дружны с тамошними индейцами, что могут жить среди них, совершенно ни о чем не заботясь, и часто они живут палец о палец не ударяя; ведь индейцы дают пиратам все, в чем они нуждаются, в обмен на старые ножи, топоры и разные иные инструменты. Когда пират пристает к берегу, за старый нож или топор он покупает себе женщину, и та остается у него до тех пор, пока он здесь живет; бывает, что года через три или четыре пират возвращается, и эта женщина снова приходит к нему. Тот, кто завел себе женщину-индианку, уже не должен ни о чем заботиться, потому что, по обычаю индейских женщин, она приносит ему все необходимое. Итак, мужчины там почти ничего не делают, лишь иногда… ходят на охоту или на рыбную ловлю, а белые вообще не работают — они всё заставляют делать индейцев. Индейцы довольно часто ходят с пиратами в море и остаются с ними года на три или четыре, не поминая о своем доме, так что среди них есть много таких, кто хорошо говорит по-французски и по-английски. Среди пиратов тоже немало людей, которые бойко говорят на индейском языке. Эти индейцы очень выгодны пиратам: почти все они отличные гарпунеры, рыболовы и ловцы черепах и манатинов, так что один индеец может обеспечить едой целую

команду в сто человек, стоит ему только попасть на место, где можно чем-то поживиться».

Морган и его товарищи, без сомнения, имели возможность близко познакомиться с нравами и обычаями аборигенов тех мест. Но рассказчиками они были никудышными. Зато весьма подробно об образе жизни индейцев поведал европейским читателям флибустьерский лекарь Эксквемелин:

«У этих индейцев нечто вроде маленькой республики. У них нет правителя, которого бы они признавали господином или королем. Живут они на территории, которая по окружности тянется примерно миль на тридцать. Со своими соседями они не дружат, а испанцев считают своими злейшими врагами. Этих индейцев немного, не больше ста пятидесяти — ста шестидесяти человек, среди них есть несколько негров, которых они держат в рабстве… Поселения индейцев делятся на две части или, если можно так сказать, на две провинции: одни живут вдали от моря и обрабатывают поля, другие селятся на побережье. Те, что живут в глубине страны, склонны к работе больше, чем прибрежные жители, поскольку они вынуждены строить себе жилье. А прибрежные индейцы от дождя ничем не прикрываются, лишь иногда используют с этой целью пальмовые листья, которые не пропускают воды, устраивают из них заслоны, поворачивая листья против ветра, который несет дождь. Одежды у них нет никакой, разве что пояс, прикрывающий бедра; эти пояса делают из коры деревьев, которую предварительно бьют и размягчают…

У этих индейцев есть представления о всемогущем Боге, однако они обходятся без богослужений; я, например, ни разу не видел, как они молятся. В дьявола они не верят, как и многие индейцы в Америке; вероятно, он их не терзает так, как всех прочих смертных. Их пища состоит чаще всего из плодов: бананов, баковы, ананасов, бататов, кассавы, а также крабов и рыбы, которую они ловят в море. Индейцы готовят различные напитки, довольно приятные на вкус; чаше всего они пьют *ахиок;* его готовят из определенного сорта семян пальмового дерева, замачивая их в теплой воде и оставляя ненадолго, затем сок процеживают и пьют… Индейцы делают напитки и из бананов: когда плоды созревают, их кладут в горячую золу и, как только бананы нагреются, переносят в сосуд с водой, а затем мнут руками, пока масса не станет мягкой, как тесто. После чего это месиво едят, а отцеженный сок пьют.

Из бананов делают вино, которое по крепости не уступит испанскому. Когда фрукты созревают, их замешивают с холодной водой в больших сосудах, основательно перемешанную массу оставляют дней на восемь; масса эта бродит, затем сок, который

она испускает, действует как крепкое испанское вино. Индейцы угощают этим вином друзей и гостей. Они делают и другое вино, более вкусное и приятное; готовят его следующим образом: берут ананасы, поджаривают и месят так же, как мякоть бананов, и в эту смесь вливают дикий мед и выдерживают ее до тех пор, пока жидкость не примет цвет испанского вина и не станет очень вкусной. Напитки — это лучшее, что есть у индейцев… У них существуют прекрасные обычаи гостеприимства. Приготовленным вышеописанным способом вином они угощают друзей; гости перед визитом тщательно причесываются, умащивают волосы пальмовым маслом и раскрашивают лица черной краской. Жены гостей также делают прически и раскрашивают себя красной краской. Затем хозяева берут свое оружие… и отправляются к месту, расположенному в трехстах шагах от своего дома, и там поджидают друзей. Заметив гостей, хозяин падает ниц и лежит не шевелясь, словно мертвый; друзья помогают ему подняться и ведут в дом. У входа в дом ниц падают гости, таким же образом, как это делал только что хозяин, и тот поднимает их, ведет в свое жилище и усаживает на почетное место… Когда все гости рассаживаются, каждому подается сосуд с банановой смесью, и смесь эта похожа на густую кашу. В эту посудину вмещается примерно две пинты; гости должны все съесть и выпить; если чья-то посуда опорожняется, хозяин дома берет сосуд и развлекает затем гостя — начинается церемония учтивой беседы… Затем они выпивают все вино, которое было приготовлено, но не прикасаются к пище… и принимаются петь, плясать и ухаживать за женщинами… Во хмелю они буйствуют и случается, что друг друга убивают, но подобное бывает, однако, редко».

От мыса Грасьяс-а-Дьос флибустьеры пошли вдоль побережья на юг, в Никарагуа. На Москитовом берегу, куда они прибыли, проживали индейцы-мискито, которых испанцы и другие европейцы называли москито. В отчете Моргана и его компаньонов указывалось, что «страна эта, как и мыс Грасьяс-а-Дьос… населена индейцами, которые защищаются против испанцев и являются добрыми друзьями англичан». Пираты быстро нашли с индейцами общий язык и попросили помочь им проникнуть во внутренние районы Никарагуа. Это был весьма рискованный, но многообещающий проект. Джентльмены удачи решили пройти по реке Сан-Хуан в озеро Никарагуа и захватить находившийся на его северо-западном берегу город Гранаду.

«…Взяв 9 индейцев, которые пожелали отправиться с ними, — записано в английском отчете, — они прибыли в Манки-Бей и здесь стали на якорь близ реки Никарагуа [Сан-Хуан], где, снарядив свои каноэ, они отправили 2 вверх по реке, чтобы

захватить дозор, который шпионил за ними, а потом убежал. Итак, они двинулись дальше и на 3-й день прибыли к водопаду, расположенному в 30 лигах. Через 24 часа они прибыли ко 2-му водопаду, находившемуся в 5 лигах, где течение бежало им навстречу так быстро, словно прилив в Англии. На следующий день в полдень они прибыли к последнему водопаду, который был в 2-х лигах, где начинался вход в красивую лагуну, или озеро [Никарагуа], имеющее, по оценкам, 50 лиг в длину и 3 в ширину, с хорошей целебной и чистой водой, полное великолепной рыбы нескольких видов; берега [озера] укрыты прекрасными пастбищами, а в саваннах — множество крупного рогатого скота и лошадей, где они достали на обратном пути такую хорошую говядину и баранину, какую можно найти лишь в Англии».

Согласно испанским данным, в начале июня 1665 года из озера Никарагуа в направлении порта Сан-Хуан вышло судно дона Франсиско Веласко-и-Сагредо с богатым грузом. Достигнув устья реки Покосоль, находившийся на борту судна капитан Мигель Мартин заметил две пироги с двумя десятками корсаров. Дон Франсиско тут же повернул свое судно назад. Высадившись на берег, он отправил к алькальду Гранады дону Педро де Окон-и-Трильо гонцов с сообщением об опасности. 15 (25) июня это сообщение было передано дону Педро, однако последний не смог адекватно оценить степень нависшей над городом угрозы и не стал поднимать тревогу, ограничившись тем, что послал к губернатору провинции просьбу прислать подкрепления.

«На этом озере множество островков и островов, среди которых они [флибустьеры] прятались весь день и гребли всю ночь, чтобы не дать себя обнаружить, — сообщается далее в показаниях Моргана и его друзей. — На 5-ю ночь после того, как они вошли в это озеро по совету их индейского проводника, они высадились на берег примерно в 2 часа ночи (29 июня по новому стилю. — *В. Г.),* в одной миле от города Гранд-Гранада, и так прошли незамеченными в центр города и неожиданно дали залп из ручного оружия, тотчас захватив и опрокинув 18 больших пушек, которые они нашли на главной площади, и взяли дом сержант-майора, где (как сообщил им наш индеец) хранилось все огнестрельное оружие и амуниция. И, заперев в церкви 300 их лучших людей в качестве пленников, многие из которых были священниками, они бросились грабить и удерживали город 16 часов. А затем, погрузив свою добычу на борт, они освободили пленных и затопили все лодки, которые не могли использовать, после чего ушли».

Набег на Гранаду принес пиратам не только богатую добычу, но и ценную информацию о городе и провинции в целом. Позже

эти разведданные будут переданы губернатору Ямайки, а через него — правительству в Лондоне.

«Сей город вдвое больше, чем Портсмут, — читаем далее в отчете. — Здесь имеются церкви и очень красивый собор, а также коллегиумы и монастыри, все построены из легкого строительного камня, как и большинство их домов. У них имеется 6 пехотных и конных лагерей, а также большое количество индейцев и рабов; из тех индейцев к ним [пиратам] пришло около 1000 человек, которые грабили [испанцев] также быстро, как и они, и хотели убить наших пленных, особенно священников. Они думали, что англичане останутся с ними и будут удерживать город. Но когда они обнаружили, что те хотят вернуться домой, то предложили им прийти снова и тогда же сказали им, что уйдут в горы и укроются там. Один из них вместе с женой и детьми и 3 или 4 другими молодыми людьми отправился вместе с ними, и в настоящее время они находятся на судне Маартена, который ушел на Тортугу, так как, будучи голландцем, боялся показаться здесь [на Ямайке].

Некоторые пленники в благодарность за вежливое обхождение с их стороны спустились вместе с ними к озеру и оказали им радушный прием на своих ранчо, где было полно крупного рогатого скота и хорошей пшеницы, из которой делают самый вкусный хлеб на свете. Недалеко от края озера они захватили 100-тонный корабль с канатами, рангоутом, жиром, бразильским деревом, смолой, дегтем, коноплей и льном — всем тем, что в большом количестве производится в этом месте. Они захватили также остров на этом озере, у его южной стороны, который называется Лида, такой же большой, как Барбадос, с красивым чистым городком на нем, который они ограбили, а затем ушли к своим кораблям».

Набег флибустьеров на Гранаду описан и в сочинении Эксквемелина. По версии автора «Пиратов Америки», предводителем флибустьеров в этой экспедиции был некто Джон Дэвис. Однако в списках капитанов ямайских флибустьеров он не упоминается. По всей видимости, под этим именем у Эксквемелина скрываются два предводителя похода 1665 года — англичанин Джон Моррис и голландец Давид Маартен (в расширенном французском издании книги Эксквемелина 1699 года Джон Дэвис назван «Жаном Давидом, голландцем, нашедшим убежище на Ямайке»). После набега на Гранаду Давид Маартен не вернулся в Порт-Ройял, поскольку узнал, что Англия и Голландия находятся в состоянии открытой войны. Решив не рисковать своей головой и награбленной добычей — ведь флибустьеры действовали с просроченным каперским

свидетельством и могли быть осуждены как пираты, — Маартен ушел на французскую Тортугу. Осенью того же года он посетил остров Гваделупу. Там его радушно принял местный губернатор господин де Лион, для которого он написал подробный отчет о Юкатане, Гондурасе и Никарагуа.

Что касается Морриса, Моргана, Факмана и Фримена, то они прибыли на Ямайку 20 (30) августа 1665 года. В журнале Уильяма Бистона записано:

«Августа 20-го. Капитан Факман и другие прибыли из захваченных [ими] городов Табаско и Вилья-де-Моос [Вилья-Эрмоса], что в Мексиканском заливе, и хотя незадолго до этого был объявлен мир с испанцами, приватиры уходили и входили [в Порт-Ройял] без каперских поручений, словно шла реальная война».

Познакомившись с отчетом Факмана, Морриса и Моргана, губернатор Модифорд отправил в Лондон ряд соображений, касавшихся озера Никарагуа и окрестных земель. Фактически он предлагал вытеснить испанцев из указанного региона, сделав его британским владением. По его мнению, для завоевания Никарагуа достаточно было снарядить экспедиционные силы численностью до двух тысяч человек (Морган и его товарищи полагали, что довольно будет и пятисот человек).

В конце своего послания Модифорд подчеркнул: «…если однажды государственные интересы потребуют осуществления какого-либо покушения на Испанские Индии, то это место — наиболее подходящее и наиболее вероятное для того, чтобы дать начало завоеванию всего».

Примечательно, что ямайский губернатор не стал наказывать Моргана и его компаньонов за несанкционированные действия против испанцев в Мексике и Центральной Америке. С одной стороны, Модифорду наверняка перепала часть добычи, доставленной флибустьерами в Порт-Ройял; с другой — губернатор здраво рассудил, что в ближайшее время их «таланты» могут пригодиться для служения королю и отечеству.

СМЕРТЬ СЭРА ЭДВАРДА МОРГАНА

В начале 1665 года, когда Генри Морган находился со своими друзьями в Мексике, разгорелась вторая англо-голландская «торговая война». Она сразу же активизировала английское каперство «на всех семи морях», в том числе в Карибском регионе. Администрация Ямайки тут же объявила о выдаче флибустьерам каперских свидетельств для действий против голландцев. Одну из экспедиций возглавил капитан Лауренс Принс, командовавший бригантиной «Кагуэй». В феврале он высадил около шестидесяти головорезов на острове Бонайре — в группе Подветренных островов — и в течение шести дней грабил находившуюся там голландскую колонию. Узнав об этом, губернатор Кюрасао выдал ордер на его арест, однако поймать флибустьера не удалось.

Другой флибустьер, капитан Джон Уэнтворт, оперируя в районе Наветренных островов, ограбил в водах Гваделупы французский торговый корабль. Затем он взял курс на Виргинские острова, где атаковал и разорил голландскую колонию на острове Тортола.

Наиболее масштабной оказалась экспедиция, которую возглавил дядя Генри Моргана — генерал-лейтенант сэр Эдвард Морган. Ему, полковнику Теодору Кэри и подполковнику Томасу Моргану — участнику набегов Кристофера Мингса на Сантьяго-де-Кубу и Кампече — было приказано захватить голландские колонии на островах Синт-Эстатиус, Саба и Кюрасао. Понимая, что в этом рискованном предприятии он может погибнуть, ямайский вице-губернатор написал завещание, копия которого хранится в отделе рукописей Британского музея. Документ датирован 28 февраля 1664/65 года (по старому стилю) и засвидетельствован 7 (17) ноября 1665 года. Из его текста видно, что сэр Эдвард имел двоих сыновей (Чарлза и Ганса Йориена), четырех дочерей (Анну Петронеллу, Марию Елизавету, Йоханну Вильгельмину и Элизабет) и двоюродного брата Уильяма Моргана. Вторая дочь сэра Эдварда, Мария Елизавета, в конце 1665-го или начале 1666 года выйдет замуж за Генри Моргана. Отец завещал ей дом в Лондоне, заложенный за 200 фунтов стерлингов, а также притязания на валлийский манор Лланримни. Остальная часть его имущества должна была быть разделена между другими тремя дочерьми и младшим сыном примерно в равных пропорциях. «Я ничего не оставляю моему сыну Чарлзу, — добавил он, — кроме моего герба и всего того, что было положено мне по службе… и, кроме того, половину

моей плантации я передаю ему вместе с его братом, который использует свои деньги для развития упомянутой плантации, и они оба, доведя ее до совершенства, должны будут не только поддерживать своих сестер в соответствии с их достоинством, но также добавят свои доли, когда те выйдут замуж».

Патент на положенную ему ежегодную пенсию в 300 фунтов стерлингов и завещание, которые его дочь Мария Елизавета «должна была получить, чтобы можно было предъявить свои права, которые я ей оставил, на Зютфен в Гильдерланде», находились, как он заверил, у его «кузена Уильяма Моргана, приказчика конюшен Его Величества».

Покончив с делами семейными, сэр Эдвард взялся за дела государственные. Флибустьерские шайки, привлеченные к участию в экспедиции на Малые Антильские острова, с самого начала проявили свой строптивый нрав. «Прежде чем они уехали, — писал Кэри, — большинство моряков и солдат взбунтовались и не хотели идти до тех пор, пока генерал-лейтенант и он не пообещали, что их командование не станет забирать у них какую бы то ни было часть добычи, которую следовало разделить поровну».

В письме лорду Арлингтону от 20 (30) апреля Модифорд так описывал завербованных в экспедицию флибустьеров: «Почти все они — исправившиеся приватиры, фермеров среди них почти нет. Ребята решительные, хорошо вооружены фузеями [мушкетами] и пистолетами. Их план состоит в нападении на голландский флот, торгующий на Сент-Кристофере, захвате Синт-Эстатиуса, Сабы и Кюрасао, а на обратном пути — посещение французских и английских буканьеров на Эспаньоле и Тортуге. Все это подготовлено одним честным приватиром по старым правилам “нет добычи — нет платы”, и это почти ничего не будет стоить королю, кроме, быть может, пороха и нескольких мортир. Бог пошлет добрую удачу, и у голландцев не останется никаких значительных мест в Вест-Индии, так что недавние милостивое отношение и сдержанность в отношении приватиров, надо полагать, будут вознаграждены».

Сэр Эдвард назначил всем флибустьерским капитанам встречу у острова Пинос (близ южных берегов Кубы), куда сам он отплыл 16 (26) мая. Сохранился список собранной там флотилии из девяти судов, составленный Теодором Кэри.

Капитан … Корабль … Пушки

Морис Уильямс … «Спикер» … 18

Джон Харменсон … «Сент-Джон» … 12
Геррит Герритсзоон по кличке Роки … «Сивилиэн» … 16
Роберт Сирл … «Пирл» … 9
Джон Аутло … «Олив Брэнч» … 6
Алберт Бернардсзоон … «Тру Мэн» … 6
Натаниэл Кобхэм … «Сусанна» … 2
Джон Бамфилд … «Мейфлауэр» … 1
Авраам Малерб … галеот … 1
На судах разместилось 650 человек

Сам генерал-лейтенант и полковник Кэри разместились на борту «Спикера» (бывший испанский приз «Санто-Кристо-де-Бургос») — флагманского судна флотилии; командовал им осужденный за пиратство, но помилованный Модифордом капитан Морис Уильямс. Вице-адмиралом флотилии стал Джон Харменсон. Со значительной задержкой корабли отправились в плавание, которое оказалось довольно нелегким. Когда, обогнув мыс Сан-Антонио, флотилия продвигалась вдоль северного побережья Кубы в восточном направлении, на участке между Гаваной и бухтой Матансас на нее налетел шторм. Два судна — «Сусанна» капитана Кобхэма и «Мейфлауэр» капитана Бамфилда — временно отстали от основных сил, а еще одно — «Олив Брэнч» капитана Аутло — ушло на ремонт в Виргинию, откуда назад больше не вернулось.

Во время плавания Морган собрал военный совет и предложил своим капитанам атаковать остров Тобаго, но большинство проголосовало за то, чтобы сначала напасть на Синт-Эстатиус. 17 (27) июля флотилия прибыла на рандеву к острову Монтсеррат, заселенному англичанами, где сэр Эдвард с облегчением узнал, что эскадра голландского адмирала де Рейтера, оперировавшая в районе Наветренных островов, ушла в северном направлении. «На Монтсеррате, — писал в своем отчете полковник Кэри, — генерал-лейтенант сошел на берег, где был встречен губернатором майором Натаниэлом Ридом и снабжен несколькими шлюпками для высадки». Во время стоянки с кораблей дезертировало большое количество флибустьеров.

Когда 23 июля (2 августа) сэр Эдвард добрался наконец до Синт-Эстатиуса, у него оставалось всего 326 бойцов. Поселение и форт Ораньестад находились на вершине холма, подняться на который можно было лишь по узкой каменистой тропе. Морган, по данным Модифорда, высадился на берег с 319 людьми. Десантирование осуществлялось двумя отрядами: сначала высадился отряд под командованием подполковника Томаса Моргана, а следом за ним — отряд полковника Кэри; командование кораблями доверили Джону Харменсону. «Добрый

старый полковник [сэр Эдвард Морган], — писал Модифорд лорду Арлингтону, — первым выскочил из шлюпки, а поскольку он был тучным человеком, то надорвался; но его дух был силен, и он чрезвычайно настойчиво преследовал врага в жаркий день, из-за чего окончательно надорвался и внезапно умер, едва не завалив весь проект…»

Командование экспедицией перешло к Теодору Кэри, который повел своих людей на штурм неприятельского форта. Хотя некий Уильям Ньюэл позже писал из Ла-Рошели, что в голландском форте находилось 450 человек, снабженных адмиралом де Рейтером порохом и пушками, на самом деле силы защитников форта были гораздо слабее. Не случайно, сделав лишь один залп из пушек, голландцы поспешили выбросить белый флаг. Губернатор острова Питер Адриансзоон послал трех человек на переговоры и получил требование немедленно сдать англичанам форт, оружие, амуницию и всю провизию. В случае отказа Кэри грозил употребить «храбрость» солдат — «тогда жителям не будет пощады, и лишь гнев падет на тех, кого они возьмут штурмом».

После того как гарнизон форта сдался, на общем совете офицеров было решено выселить большинство голландцев с острова. Кэри хотел тут же отправиться на захват соседних островов Саба, Сен-Мартен и Тортола, но флибустьеры неожиданно заявили ему и прочим офицерам, что не сделают и шага до тех пор, пока не будет произведен «справедливый» дележ добычи. «Добыча была затем разделена согласно обычаям войны, — писал полковник, — и в пользу Его Величества зарезервировали собственность в виде всех земель и домов, а также владение фортом с пушками и амуницией».

В начале августа на рейд неожиданно прибыло отбившееся от флотилии судно капитана Бамфилда «Мейфлауэр». Кэри решил отправить его на захват соседнего острова Саба с отрядом из сорока восьми солдат и двух десятков моряков, командование которыми поручили майору Ричарду Стивенсу и капитану Джеймсу Уокеру. Гарнизон Сабы сдался на тех же условиях, что и гарнизон Синт-Эстатиуса.

В отчетах герцогу Альбемарлю и лорду Арлингтону, написанных полковником Кэри 23 августа (2 сентября) на Синт-Эстатиусе, сообщалось о планах нападения на острова Тортола и Кюрасао («если его люди не ослабнут здоровьем и количественно»), но осуществить эти замыслы не удалось из-за мятежных настроений в экспедиционных частях, порожденных новыми спорами относительно правил дележа добычи. Отказавшись от дальнейших операций против голландцев, Кэри решил вернуться на Ямайку. На обратном пути корабли

флотилии опять попали в шторм, были разбросаны в разные стороны и добирались до Порт-Ройяла поодиночке.

В ноябре, уже находясь на Ямайке, Кэри написал лорду Арлингтону «Правдивое и точное повествование полковника Теодора Кэри, показывающее, что происходило в ходе последней экспедиции с этого острова Ямайки против голландцев под управлением генерал-лейтенанта Эдварда Моргана до самой его смерти, а затем — под управлением полковника Теодора Кэри». В отчете он указал, что привез с собой в качестве добычи 400 негров-рабов. В то же время полковник посетовал на то, что корабли «Спикер», «Пирл» и «Олив Брэнч» домой так и не вернулись.

На Синт-Эстатиусе и Сабе были оставлены небольшие английские гарнизоны под общим командованием Томаса Моргана. Они провели там всю осень и зиму, оживляя монотонные будни пирушками и азартными играми.

В апреле 1666 года, после начала англо-французской войны (1666–1667), Томас Морган во главе 260 флибустьеров отплыл на остров Сент-Кристофер, чтобы помочь местному губернатору Уильяму Уоттсу выбить оттуда французских колонистов. Одним из помощников Моргана был капитан Морис Уильямс. Узнав о намерениях англичан, французы нанесли по английской колонии упреждающий удар. Драма, разыгравшаяся на острове, позже была описана Фрэнсисом Сэмпсоном в письме брату. Содержание этого письма приводится в английском «Календаре государственных бумаг»:

«Фрэнсис Сэмпсон своему брату Джону Сэмпсону.

М-р Поттс из Плимута доставил на Антигуа королевскую прокламацию о войне против французов, которая была спешно направлена президентом Кардином губернатору Невиса, а через два часа отправлена полковнику Уоттсу, губернатору Сент-Кристофера. Но названный Уотте незадолго до того заключил с французским генералом соглашение о том, что если война начнется, то следует дать друг другу предупреждение за 24 часа до того, как они нападут; поэтому он отправил копию этой прокламации французскому генералу, о которой французы не знали, сказав ему, что по истечении вышеназванного срока он должен ожидать нападения; однако же сам он сделал мало приготовлений для этого, учитывая, что количество англичан было почти два к одному против французов; тем не менее он послал на Синт-Эстатиус и Невис за людьми, и вскоре после этого прибыли 500 вооруженных людей с Невиса и 200 буканиров с Синт-Эстатиуса под командованием доблестного подполковника [Томаса] Моргана. Французы затем выпросили удвоить 24-

часовый срок, что Уотте гарантировал им без консультаций со своим Советом, но никак не обязал французов к тому же; почему французский генерал на следующее утро, видя, что все английские силы находятся напротив Сэнди-Пойнта, со всем своим корпусом конных и пеших напал на наветренную часть… Французские негры также пришли в полном вооружении, получив обещание, что каждый получит белую женщину и свободу, а также добычу. Они сожгли все дома и людей в них, а также тростник; и когда они шли, убивая мужчин, женщин и детей, 18 реестровых людей… атаковали их и убили французского генерала, который имел по монаху с каждой стороны, храбро поддерживавших его, чтобы вдохновлять его, один из коих пал вместе с ним, как и разные другие; но они пришли снова и разбили англичан, а женщины и дети спаслись бегством в горы. Эти новости были принесены губернатору в подветренную сторону, где он все еще обдумывал сражение, после чего Морган приставил пистолет к его груди, обозвав его предателем и трусом, поклявшись, как это делают флибустьеры, убить его немедленно, если он не уступит. Наконец они переправили силы Невиса на границу к Блэкстарру [Бастеру], и здесь Уотте отдал приказ не вступать в сражение под страхом смерти до получения последующих приказов. В то же время, когда одно поле брани было таким образом потеряно, а взамен выиграно такое же, Уотте остановил Моргана и прочих людей… напротив сильно укрепленного дома, где 200 хорошо вооруженных человек встретили их с большой решимостью и ранили или убили большую часть флибустьеров, а ирландцы с тыла (всегда кровавые и вероломные люди по отношению к английскому протестантскому интересу) дали фронтальный залп и убили наших еще больше, чем враги. Большинство офицеров пало, подполковник Морган был прострелен в обе ноги и вскоре умер, полковник Уотте, Дарси и многие другие были убиты».

Другие документы также подтверждают, что сражение на Сент-Кристофере было кровопролитным и стоило жизни губернатору Уоттсу и большей части флибустьеров, «которые дрались храбро», — уцелели лишь 17 человек. Томас Морган, раненный в обе ноги, был перевезен на остров Невис и там скончался от большой потери крови.

После смерти Эдварда и Томаса Морганов на ямайском горизонте восходит звезда еще одного представителя этого многочисленного валлийского рода — Генри Моргана. Его карьере, безусловно, способствовали три немаловажных обстоятельства: во-первых, богатство, которое он привез в Порт-Ройял из пиратской экспедиции 1665 года; во-вторых, женитьба

на Марии Елизавете, второй дочери и наследнице покойного сэра Эдварда; в-третьих, сближение с валлийцем Робертом Биндлоссом — бывшим корабельным хирургом, ставшим богатым купцом, плантатором, судьей, майором гарнизона Порт-Ройяла и членом генеральной ассамблеи Ямайки.

В конце 1665 года Биндлосс женился на старшей дочери сэра Эдварда, Анне Петронелле Морган. Таким образом, Генри Морган стал его свояком — мужем сестры жены.

«ГЕНЕРАЛ ПИРАТОВ ЯМАЙКИ»

Определенную роль в судьбе Генри Моргана сыграл, по всей видимости, флибустьер Эдварт Мансфелт (в английских документах — Эдвард Мансфилд), который в 1665–1666 годах был общепризнанным «генералом пиратов Ямайки». Эксквемелин говорит, что он был родом с острова Кюрасао, однако достоверных сведений о его детстве и юности, а также о начале пиратской карьеры не сохранилось. Предполагают, что до 1641 года Мансфелт мог базироваться в английской колонии на острове Санта-Каталина (ныне Провиденсия), а затем на Тортуге. 4 (14) декабря 1660 года он получил разрешение военного губернатора Ямайки Эдварда Дойли выйти на своем судне из гавани Пойнт-Кагуэй для охоты за испанскими кораблями. В январе — феврале 1663 года, командуя бригантиной, он участвовал в экспедиции Кристофера Мингса против города Кампече и после ранения Мингса замещал его в качестве главнокомандующего.

Эксквемелин приводит смутные данные о том, как Генри Морган стал заместителем Эдварта Мансфелта: «В те времена на Ямайке жил старик-пират по имени Мансфельд; как-то раз он снарядил флотилию для похода на материк и в это время приметил Моргана. Он сразу же сообразил, что Моргана ему послала сама судьба, и предложил ему отправиться в поход в качестве вице-адмирала. Вскоре флотилия вышла в море. Она насчитывала шестнадцать кораблей с командой без малого в пятьсот человек, среди которых были валлоны и французы [с острова Тортуга]».

Из этого фрагмента видно, что Мансфелт пригласил Моргана в свою компанию перед «походом на материк», который состоялся весной 1666 года, вскоре после набега флибустьеров на кубинский город Санкти-Спиритус. В официальных документах среди капитанов Мансфелта упоминаются Джозеф Брэдли, Чарлз Хадселл, Пьер Легран, Жан Лемэр и Давид Маартен. В составе их команд помимо англичан были фламандцы, голландцы, французы, генуэзцы, греки, выходцы из стран Леванта, португальцы, индейцы и негры. Некоторые современные исследователи (например, Рейналь Лаприз и Давид Марли) отрицают возможность участия Моргана в экспедиции Мансфелта, ссылаясь на то, что в феврале указанного года Генри Морган был назначен полковником милицейского полка в Порт-Ройяле. Данное обстоятельство, на наш взгляд, отнюдь не доказывает, что Морган не мог принять участия в экспедиции

Мансфелта «на материк». Поскольку экспедиция датируется мартом — апрелем 1666 года, полковник Генри Морган вполне мог присоединиться к ней со своими волонтерами. Тем более что изначально ямайские власти планировали поход приватирской флотилии Мансфелта не против испанцев, а против голландской колонии на Кюрасао.

Флотилия Мансфелта была замечена у южного побережья Кубы еще в ноябре 1665 года. Узнав об этом, губернатор Модифорд приказал майору Роберту Биндлоссу — свояку и другу Генри Моргана — связаться с флибустьерами и пригласить их на рандеву в ямайскую гавань Блуфилдс-Бей, чтобы затем, получив каперские грамоты для действий против голландцев, они могли совершить набег на Кюрасао. На переговоры с пиратами отправился член ассамблеи Ямайки Уильям Бистон. В дневнике последнего записано:

«…Около десятого ноября многие приватиры собрались вместе, намереваясь напасть на город Санкти-Спиритус на Кубе, и губернатор [Модифорд], решив, что это может иметь плохие последствия, отправил полковника Бистона с тремя или четырьмя приватирскими судами, находившимися тогда в порту [Порт-Ройяла], отыскать их до того, как они нападут на город, и помешать им; для этого он [Бистон] получил приказы и прокламацию короля о поддержании мира с испанцами; но Бистон, потратив на их поиски около шести недель и не найдя их, вернулся назад. А они в это время взяли тот город и разграбили его. В прокламации короля содержалось требование, чтобы с тех пор, как здесь был установлен мир с испанцами, никто из его подданных не смел плавать против них [испанцев] под прикрытием чужого каперского свидетельства, ибо в это время появилось много португальских каперских грамот и их копий, с которыми приватиры вышли в море. Замысел сэра Томаса Модифорда состоял в том, чтобы привлечь их… к походу против Кюрасао, ибо мы имели тогда войну с голландцами; но эта группа приватиров и кораблей находилась под командованием Манселла [Мансфелта], а он думал лишь о том, чтобы не связываться ни с какими иными врагами, кроме испанцев; [в итоге он] либо не смог пойти против Кюрасао, либо среди них нашлись такие, кто заботился только о продолжении грабежа испанцев…»

По данным английских источников, у Мансфелта было шесть кораблей и 400 человек, а по сведениям губернатора Гаваны — 13 судов и 700 человек. Расхождения в цифрах, скорее всего, были связаны с тем, что во время стоянки у берегов Кубы к флотилии Мансфелта присоединилось еще несколько пиратских шаек. Перед Рождеством флибустьеры перехватили в водах архипелага

Хардинес-де-ла-Рейна испанское судно и убили два десятка человек, находившихся на его борту. Очевидно, пираты пошли на это преступление, чтобы жители соседних кубинских поселений не узнали об их силах и не подняли тревогу.

25 декабря 1665 года несколько испанцев, работавших на асьенде близ устья реки Таябакоа, увидели, как на берег высадилось около трехсот пиратов. Вскочив на лошадей, испанцы галопом помчались в Санкти-Спиритус, чтобы предупредить городские власти и жителей об опасности. Приходской священник Пабло де Педросо-и-Фариа велел бить в набат. Алькальды дон Антон Камачо и дон Симон Баутиста, а также рехидор дон Педро Ариас попытались организовать оборону города, выставив в поле 200 всадников. Однако им не удалось сдержать натиск флибустьеров. В начале января 1666 года разбойники ворвались в Санкти-Спиритус, почти все жители которого успели бежать в окрестные леса и саванну.

Губернатор Кубы дон Франсиско Давила Орехон-и-Гастон позже писал королю, что налетчики сожгли «тридцать три дома, совершив все прочие бесчинства и кощунства, обычно сопровождающие подобные деяния; и хотя еще до их прихода в этот город как лейтенанта, так и жителей тех мест настойчиво предупреждали о том, чтобы они никогда не оставляли порты и места высадок на побережье без сторожевых постов и чтобы они держали свое оружие наготове точно так же, как при объявлении войны, они их… прозевали. Враги прошли двенадцать лиг вглубь территории… не потеряв при этом ни капли крови, потратив на грабеж его (Санкти-Спиритуса. — *В. Г.)* один день, а ведь в том поселении имелось более двухсот пятидесяти людей с оружием и много рабов, способных его носить. Похоже, что Господь справедливым судом своим затуманил им рассудок и разум за то, что забыли они о своей обязанности и о любви к отчизне своей, оставив ее без защиты и спрятавшись, как арабы, в горах, отказавшись исполнить свой долг».

Предав город огню, флибустьеры доставили награбленную добычу к своим кораблям. После дележа трофеев четыре английских корабля взяли курс на Ямайку, а два французских судна ушли на Тортугу.

Излагая свою версию этой экспедиции, Модифорд 1 (11) марта писал герцогу Альбемарлю, что две или три сотни приватиров, получив от испанцев отказ продать им провизию, прошли 42 мили вглубь Кубы, где «взяли и сожгли город Санто-Спири-то»; при этом они разбили корпус из двухсот кавалеристов, который пытался остановить их продвижение. Пленных горожан флибустьеры доставили на свои корабли и, «получив за них выкуп

в 300 жирных быков, отпустили». Однако многие негры не захотели возвращаться назад, пожелав остаться с пиратами в качестве проводников. Губернатор добавляет: «После этого они соединились с другой частью [флибустьерского] флота, чтобы идти на Кюрасао». Отводя от себя возможные обвинения в поощрении флибустьеров, Модифорд особо подчеркнул, что набег на Санкти-Спиритус был осуществлен Мансфелтом без приказа с Ямайки, «под прикрытием португальских каперских свидетельств», полученных от губернатора Тортуги Бертрана д'Ожерона. Сэр Томас не сомневался, что флибустьеры, если их не остановить, будут и впредь брать добычу у испанцев и не вернутся на Ямайку до тех пор, пока им не пообещают выдать каперские поручения против испанцев.

Спустя неделю губернатор написал об этом же лорду Арлингтону: «Наши приватиры выбрали капитана Эдварда Мансфилда своим адмиралом и в середине января отплыли от Южных островков Кубы в сторону Кюрасао с губернаторским поручением». Повторив старую басню, что Санкти-Спиритус был разграблен флибустьерами из-за отказа испанцев продать им провизию, он посетовал на сокращение численности отряда Мансфелта («многие ушли к французам, где португальские каперские грамоты дают им полномочия против испанцев»).

В начале весны флотилия Мансфелта подошла к побережью Центральной Америки. По данным губернатора Коста-Рики, флибустьеры хотели пробиться к городу Картаго, а затем к Тихому океану, хотя и делали вид, что собираются идти «против Кюрасао».

Президент аудиенсии Панамы дон Хуан Перес де Гусман в письме от 16 марта 1666 года сообщал, что у Мансфелта было 14 судов, на которых находились 800 человек. Затем пиратская флотилия разделилась на две части. 8 апреля, оставив в районе архипелага Бокас-дель-Торо семь кораблей, люди Мансфелта на девяти барках вошли в гавань Эль-Портете и, высадив на берег порядка шестисот человек, напали на селение Матина. Захватив в плен 35 индейцев, они отправились вглубь страны, в сторону города Турриальба, откуда хотели атаковать главный город провинции — Картаго. Проводником у них был молодой индеец по имени Роке Хасинто Эрмосо.

Дон Хуан Лопес де ла Флор-и-Рейносо, губернатор Коста-Рики, узнал о вторжении флибустьеров из письма викария деревни Теотике дона Хуана де Луны, которому, в свою очередь, рассказал о них индеец Эстеван Япири: он заметил разбойников возле асьенды дона Алонсо де Бонильи, сержант-майора провинции, и убежал от них, переплыв горную речку. Получив эту

информацию перед рассветом 14 апреля, губернатор отправил дона Алонсо с четырьмя разведчиками осмотреть дорогу на Турриальбу и Матину. За ними двинулся отряд из тридцати шести солдат под командованием капитана Педро де Венегаса. Солдаты должны были построить баррикаду в самой узкой части Глубокого ущелья (Кебрада-Онда), по которому флибустьеры неизбежно должны были пройти, если бы захотели достичь Картаго. На следующий день губернатор выслал в сторону указанного ущелья отряды конных и пеших воинов под командованием капитанов Альварадо, Боливара и Гевары, а потом и сам двинулся туда с ополчением из шестисот испанцев и верных индейцев.

Ворвавшись в Турриальбу утром 15 апреля, флибустьеры увидели на улице оседланного мула. Старая индианка сказала им, что мул принадлежит сержант-майору Бонилье, который находится где-то поблизости с несколькими мушкетерами, и добавила, что губернатор провинции поджидает пиратов в Глубоком ущелье с огромным войском. Заняв здание *кабильдо* и несколько индейских хижин, пираты заявили пленным аборигенам, что их цель — Картаго, где они собираются выпить пару чашек шоколада с местным губернатором и проверить, насколько красивы тамошние женщины. Правда, нехватка провианта, плохая дорога и сообщение о присутствии в Кебрада-Онда большого войска испанцев и индейцев несколько охладили воинственный пыл захватчиков. Мансфелт собрал военный совет, чтобы обсудить перспективы дальнейшего продвижения отряда вглубь вражеской территории. В это время разведчики Бонильи, прячась в лесных зарослях, начали вести прицельный огонь по непрошеным гостям. Понимая, что жители Картаго еще до их прихода успеют вывезти всё ценное из города, а впереди их ждет кровопролитный бой с нешуточными силами защитников провинции, большинство капитанов сочли продолжение похода нецелесообразным.

На следующее утро, бросив часть оружия и боевого снаряжения, флибустьеры стали спешно отходить назад к Эль-Портете. Дон Хуан Лопес де ла Флор с отрядом из 120 солдат бросился за ними в погоню. Во время преследования несколько пиратов утонули при переправе через горную речку, а двое угодили в плен к испанцам.

23 апреля флибустьеры стали грузиться на свои суда. Перед отплытием Мансфелт раздал подарки дружественным индейцам из Тариаки, заверив их, что скоро вернется и поможет им свергнуть испанское иго. Затем суда снялись с якоря и отошли в залив Альмиранте, что к юго-востоку от устья реки Сиксаола.

Провал похода на Картаго привел к тому, что несколько капитанов покинули Мансфелта, отправившись искать удачу самостоятельно. Сам же «генерал», оставшись с пятью судами (включая три небольших беспалубных шлюпа), решил атаковать остров Санта-Каталина. Этот гористый остров расположен недалеко от побережья Никарагуа. В колониальную эпоху англичане называли его Провиденсом (в наши дни остров называется Провиденсия и принадлежит Колумбии).

После того как испанцы в 1641 году изгнали с острова английских колонистов-пуритан, в его фортах были оставлены сильные гарнизоны. Задача снабжения испанских солдат свежим провиантом и военным снаряжением была возложена на губернатора Картахены и президента аудиенсии Панамы, однако из-за хронической нехватки средств боеспособность защитников береговых укреплений к середине 60-х годов XVII века достигла самой низкой отметки. Фактически в эксплуатации находился лишь один из фортов — Ла-Кортадура, который должен был защищать гавань и возвышался над проливом, отделявшим главный остров от соседнего острова Исла-Чика (сегодня Исла-Чика называется Санта-Каталина). Оба острова и форт соединялись недостроенным деревянным мостом.

Поданным Питера Эрла, гарнизон Санта-Каталины должен был насчитывать 140 солдат, но в действительности в 1666 году на всем острове проживали лишь 90 солдат, «двадцать из которых были слишком старыми или слишком больными, чтобы держать в руках оружие». Кроме ветеранов, участвовавших в захвате Санта-Каталины в 1641 году, в гарнизоне было немало ссыльных, отправленных в эту «глушь» с материка за те или иные провинности. Женская половина населения состояла в основном из жен офицеров, высланных из разных колоний девиц легкого поведения и воровок. Дополняли демографическую картину дети белых и креолов, полторы сотни негров-рабов и несколько пастухов-индейцев.

Испанцы практически не занимались боевой подготовкой. Многие солдаты жили в убогих хижинах в различных частях острова, выращивая маис и маниок, а также разводя свиней, коз и коров. Тем не менее двое часовых постоянно дежурили на вершине горы Серро-де-ла-Эрмоса в южной части острова, сменяясь каждые два дня.

15 (25) мая суда флибустьеров появились вблизи острова, но часовые Педро Перес и Луис де Агуйяр не заметили их. Позже на допросе Перес утверждал, что виной тому была пасмурная погода: «Солнце скрылось, и было так облачно, что он не мог даже видеть мыс пляжа Лос-Наранхос на южной оконечности

острова». Однако Доминго де Соуза, португальский пленник, находившийся на борту судна Мансфелта, опроверг утверждение Переса. По его словам, с утра действительно было облачно, но позже небо прояснилось, и за два часа до наступления сумерек сохранялась ясная погода. Если бы испанские часовые добросовестно несли службу, они наверняка заметили бы приближающуюся флотилию флибустьеров. Но часовые, скорее всего, спали в своих гамаках.

Помимо португальца Доминго де Соуза проводниками пиратов в этом предприятии были метис Монтес и испанец Роке. Мансфелт обещал им за их услуги участие в дележе добычи. Проводники посоветовали «генералу» осуществить высадку на южной оконечности Санта-Каталины, окруженной рифами. Это был очень опасный путь, но именно в этом месте испанцы менее всего опасались появления неприятеля.

С наступлением темноты Мансфелт отдал приказ судам флотилии приблизиться к острову. За два часа до полуночи они стали на якорь с внешней стороны рифов и, дождавшись появления луны, стали грузиться в каноэ. Две или три дюжины матросов остались охранять суда, тогда как остальные — сотня англичан с Ямайки, 80 французов с Тортуги, некоторое количество голландцев и португальцев (включая несколько женщин, если верить испанским донесениям) — проникли на своих каноэ через проход в рифах в лагуну. Здесь они разделились на два отряда: один устремился к пляжу Лос-Наранхос, а второй — к Большому пляжу (Плая-Гранде), лежащему дальше к западу. «Как только люди высадились на двух пляжах, — рассказывает Питер Эрл, — каноэ вернулись к кораблям — драматический жест, достойный более великого капитана и более великого подвига. Теперь никто не мог отступить назад. Они должны были либо захватить остров, либо умереть!»

Двигаясь тайными тропами, уходившими от пляжей вверх, на гору, обе группы вскоре встретились и объединились. Проводники сказали пиратам, что поблизости находится испанский сторожевой пост, но, когда отряд приблизился к нему, оказалось, что там никого нет. Продвигаясь дальше по каменистой тропе с громким названием Ройял-Роуд (Королевская дорога), флибустьеры захватили несколько мелких ферм. Один из пленников после соответствующей «обработки» согласился вести их дальше. Чтобы испанец не наделал глупостей, ему связали руки за спиной, а на шее затянули петлю. Проводник привел их к Агуада-Гранде — водному источнику на западном берегу, где одна из четырех речушек острова впадала в море. Здесь какой-то

испанец попытался вырвать мушкет из рук одного из пиратов, за что был немедленно застрелен. Этот несчастный, по замечанию Эрла, оказался единственным защитником Санта-Каталины, который попытался оказать захватчикам сопротивление, и единственной их жертвой.

На рассвете 16 (26) мая часовые, дежурившие на Серро-да-ла-Эрмоса, продрали глаза и с ужасом обнаружили за цепочкой рифов стоявшие на якоре пиратские суда. Они тут же бросились к дому губернатора дона Эстевана де Окампо и подняли его с постели. Дон Эстеван без промедления отправил гонца к сержант-майору Диего Родригесу — коменданту форта Ла-Кортадура, а сам оделся и велел седлать лошадь. Но именно в это время флибустьеры окружили его дом и ворвались внутрь. Губернатору пришлось сдаться.

Спустя короткое время четверо солдат прибежали к дому сержант-майора и сообщили о высадке пиратов и захвате ими губернатора острова. Сеньор Родригес бросился вместе с солдатами в форт. Канониру было велено зарядить пушки, но тут выяснилось, что нет пороха. Солдаты долго искали его, наконец нашли один пороховой ящик, запертый на ключ, однако найти ключ не смогли.

Пока комендант бегал вокруг батареи и кричал на своих подчиненных, которых насчитывалось не более семи человек, отряд Мансфелта приблизился к форту на расстояние выстрела и приготовился к захвату недостроенного моста. Родригес в отчаянии покинул батарею и, спустившись на берег, попытался собственноручно разрушить шаткую конструкцию. Увы, из этой затеи ничего не вышло, и сержант-майор несолоно хлебавши вернулся в форт.

Флибустьеры предложили ему сдаться, угрожая в противном случае перерезать всех пленных — их было 62 человека, — а затем убить и его самого. Диего Родригес не сомневался, что разбойники так и сделают. Поэтому, не открывая огня, предпочел вывесить белый флаг.

«Пираты разбили испанский гарнизон, — сообщает Эксквемелин, — и захватили все укрепления». Очевидно, правильнее было бы сказать: пираты одолели худосочный испанский гарнизон без боя.

В восемь часов утра на судах флотилии услышали три пушечных выстрела и залп из ружей. Это был условный сигнал, означавший, что флибустьеры одержали победу и суда могут теперь спокойно войти в гавань.

О дальнейших событиях Эксквемелин сообщает весьма лаконично: «Часть укреплений Мансфельд приказал разрушить, а

остальные усилить и оставил на острове отряд в 100 человек, отдав им всех рабов, которые были захвачены у испанцев. Затем Мансфельд перешел на другой островок (Исла-Чика. — *В. Г.),* который лежал от большого острова так близко, что на него можно было перейти по мосту. Он приказал перетащить туда все пушки, снятые с фортов Санта-Каталины, а дома сжечь».

Имеются сведения, что англичане хотели разрушить находившуюся на острове католическую церковь, но дорогу им преградили их французские «коллеги» и пообещали испанскому священнику, что не дадут его в обиду и не позволят протестантам забрать из храма алтарь и образа. Англичане вынуждены были отказаться от своих намерений.

Спустя десять дней, оставив на острове гарнизон из тридцати пяти человек и полсотни рабов, Мансфелт вышел в море. Прежде чем вернуться на Ямайку, он выполнил условия своего соглашения с испанцами и в начале июня высадил губернатора Окампо и 170 пленных на панамском берегу возле Пунта-де-Брухас. Оттуда «генерал» повернул на север и в июне прибыл в Порт-Ройял.

Данные англичан о том, что Мансфелт захватил на Санта-Каталине очень мало добычи, не подтверждаются испанскими источниками. Так, баск дон Антонио Хармендия, служивший бухгалтером на острове, утверждал, что кроме негров англичанам достались пять тысяч песо, принадлежавших королю, а также серебро, драгоценности и вещи жителей, оценивавшиеся примерно в 50 тысяч песо. Если учесть, что африканский невольник в Вест-Индии стоил в те времена 100 песо, то стоимость захваченной добычи возрастет до 70 тысяч песо, или 17 500 фунтов стерлингов. Разделив эту сумму на 230 участников экспедиции, получим примерно по 75 фунтов стерлингов на человека. Пусть не сказочный, но все же довольно приличный «заработок».

5 (15) июня губернатор Ямайки писал госсекретарю, что флотилия приватиров, отправленная на Кюрасао, не выполнила данное ей поручение и была разделена «их собственными главарями» на несколько отдельных экспедиций. Модифорд выразил надежду, что «когда большинство из них вернется, отыщется много разных причин их безответственности». Но, сокрушался он, поскольку Ямайка не располагает иными морскими силами, ему придется пользоваться услугами приватиров и впредь.

Эдварт Мансфелт прибыл в Порт-Ройял 12 (22) июня 1666 года. Об отчете, который он представил, известно из письма Модифорда государственному секретарю:

«Губернатор сэр Томас Модифорд секретарю лорду Арлингтону.

12-го числа текущего месяца прибыл еще один корабль и капитан Мансфилд, пожаловавшийся, что непослушание некоторых офицеров и солдат было причиной того, что они так и не приступили к проекту по Кюрасао. В то же время старина был полон решимости (как он рассказал мне) никогда не представать пред мои очи, пока не послужит каким-либо образом Его Величеству; и поэтому всего лишь с 200 людьми, которые еще оставались с ним, из коих около 80 были французами, он решил напасть на остров Провиденс, который раньше принадлежал англичанам… Для выполнения задуманного он поднял паруса и, имея прекрасное каботажное судно… ночью подошел на полмили к нему через проход между скалами… и рано утром они высадились, прошли четыре лиги и неожиданно захватили губернатора… Солдат в форте было около 200, но они сдались при условии, что всех их высадят на материке. Там были обнаружены 27 пушек, 100 бочонков пороха, дробь и все необходимые припасы; форт весьма крепкой постройки; они взяли, однако, очень мало добычи, только 150 негров; они привезли 100 и оставили 35 человек и капитана Хатселла хранителем склада… Все же [губернатор] сделал выговор Мансфилду за действия без приказа, и, по сути, он не осмелился идти дальше этого выговора, не имея четких указаний Его Величества, опасаясь отвадить их от той преданности, которую они теперь продемонстрировали…»

Эксквемелин утверждает, что Мансфелт хотел превратить Санта-Каталину в базу флибустьеров. После встречи с Модифордом он якобы еще раз посетил захваченный у испанцев остров и нашел его в хорошем состоянии. «Санта-Каталина, — сообщает Эксквемелин, — могла теперь служить для пиратов отличным местом отдыха: в гавани было много всякого добра, остров лежал недалеко от испанского берега и с него удобно было отправляться в походы… Поэтому Мансфельд решил отправиться на Ямайку и привезти подкрепление, которое наверняка сумело бы защитить остров от появлявшихся время от времени испанских отрядов. На Ямайке Мансфельд сообщил губернатору о своем намерении обосноваться на Санта-Каталине, но губернатор в помощи отказал. Во-первых, он боялся впасть в немилость у короля и его приближенных, а во-вторых, опасался, что силы Ямайки могут ослабнуть и она захиреет. Мансфельд понял, что без всякой помощи, одними своими силами остров не удержишь, и решил обратиться к губернатору Тортуги. Однако ему так и не удалось исполнить свое намерение, ибо его настигла смерть».

Информация Эксквемелина не вполне достоверна. Модифорд решил превратить остров Санта-Каталина в британское владение, «учитывая его удобное расположение, благоприятное для осуществления каких-либо экспедиций на богатый материк». Чтобы не дать пиратам использовать Санта-Ката-лину как обычное разбойничье гнездо, ямайский губернатор распорядился отправить туда отряд из тридцати человек во главе с майором Сэмюэлом Смитом, сэром Томасом Уэтстоном и капитаном Стэнли. Майор Смит должен был исполнять обязанности губернатора острова.

10 (20) ноября 1666 года король Карл назначил на пост «вице-губернатора Провиденса» сэра Джеймса Модифорда. В Англии не знали, что еще в августе испанская экспедиция разбила английский гарнизон на Санта-Каталине и вновь захватила остров.

Судьба «генерала пиратов Ямайки» Эдварта Мансфелта долгое время оставалась неясной. Лишь в августе 1668 года капитан фрегата «Конкорд» Генри Уэйзи, побывавший в плену у испанцев, заявил под присягой, что «английское судно капитана Мансфилда было доставлено в качестве приза в Гавану, а его командир капитан Мансфилд был закован в цепи и… вскоре предан смерти».

По версии Эксквемелина, после гибели Мансфелта флибустьеры избрали его преемником Генри Моргана. При этом автор «Пиратов Америки» не уточняет, когда именно произошел столь разительный поворот в судьбе зятя покойного вице-губернатора Ямайки. Лишь по косвенным намекам читатель может предположить, что это должно было случиться в 1666 году.

«Когда Морган — а он находился на Кубе — узнал, что его предшественник и командир погиб, — рассказывает Эксквемелин, — он решил превратить Каталину (Санта-Каталину. — *В. Г.)* в пиратское гнездо. Морган долго размышлял, как это лучше сделать, и не раз совещался с этой целью со своими товарищами. Морган отправил письма многим купцам Новой Англии и просил их прислать ему необходимые припасы; он желал так укрепить остров, чтобы испанцы уже никогда не смогли им снова овладеть. Английского же короля он не опасался. Но из-за несчастья, случившегося с островом [в августе 1666 года], все его замыслы рухнули. Правда, Морган не пал духом, а, напротив, стал осуществлять новый план. Он приказал снарядить судно и решил собрать как можно больше кораблей и взять с собой всех, кто пожелает идти вместе с ним. Он решил атаковать наиболее укрепленные испанские селения».

Далее Эксквемелин описывает поход Моргана на кубинский

город Пуэрто-Принсипе (ныне Камагуэй). Если учесть, что указанный поход имел место в марте 1668 года, то возникает закономерный вопрос: чем Морган, предположительно избранный адмиралом флибустьеров не позднее августа 1666 года, занимался в течение последующих полутора лет — до января 1668 года? О захвате острова Санта-Каталина испанцами он должен был узнать еще в сентябре 1666 года и, следовательно, не мог «долго размышлять», как превратить его «в пиратское гнездо». Остается предположить, что с осени 1666-го по январь 1668 года Морган находился на Ямайке, где занимался установлением полезных связей с ямайской администрацией, поиском деловых партнеров, покупкой земельных участков и обустройством семейного очага.

НАПАДЕНИЕ ГЕНРИ МОРГАНА НА ПУЭРТО-ПРИНСИПЕ

Резонансным походам Генри Моргана против испанских владений на Кубе и на материке предшествовал пиратский бум, начавшийся на Ямайке вскоре после того, как 22 февраля (4 марта) 1666 года совет острова объявил о намерении выдать флибустьерам новые каперские свидетельства против испанцев. В протоколе Совета Ямайки записано:

«Присутствовали: губернатор сэр Томас Модифорд, генерал-майор Томас Модифорд (второй сын губернатора. — *В. Г.),* подполковники Джон Коуп, Роберт Биндлосс, Уильям Айви, Роберт Фримен и Томас Баллард, майор Томас Фаллер и полковник Генри Арчболд.

Решено, что в интересах острова должны быть пожалованы каперские грамоты против испанцев.

1. Потому что это позволит снабжать остров многими необходимыми товарами по низким ценам.

2. Это пополнит остров монетой, слитками, какао, кампешевым деревом, шкурами, жиром, индиго, кошенилью и многими другими товарами, посредством чего люди из Новой Англии будут заинтересованы в доставке [сюда] провизии, и многие купцы поселятся в Порт-Ройяле.

3. Это окажет помощь бедным плантаторам, которые смогут продавать провизию на боевые корабли.

4. Это заинтересует и позволит многим людям покупать рабов и заселять плантации…

5. Это ежегодно будет привлекать [на Ямайку] с Наветренных островов сотни англичан, французов и голландцев, многие из которых станут плантаторами.

6. Это — всего лишь средство удержать буканьеров Эспаньолы, Тортуги и Южных и Северных островов Кубы от того, чтобы превратиться в наших врагов и напасть на наши приморские плантации.

7. Остров будет надежно защищен, если боевые корабли будут часто перехватывать испанские посыльные суда и доставлять разведданные губернатору, как они часто делали во времена полковника Дойли и позже.

8. Названные боевые суда приносят немалый доход Его Величеству и Королевскому Высочеству в виде 15-й и 10-й частей добычи.

9. Они способствуют удержанию многих искусных

ремесленников на работе в Порт-Ройяле и в иных местах при невероятно высоких зарплатах.

10. Из того, что они добывают, умеренная часть идет на укрепление их старых кораблей, которые со временем станут весьма грозными.

11. Они способствуют повышению репутации этого острова, внушают ужас испанцам и поддерживают высокий воинский дух в жителях.

12. Очевидно, что это — всего лишь средство принудить испанцев к свободной торговле… По каковым причинам было единодушно решено, что пожалование названных каперских поручений необычайно поспособствует усилению, сохранению, обогащению и преуспеванию колонии этого острова».

Копия данного постановления вместе с утвержденной формой каперского свидетельства была приложена Модифордом к письму герцогу Альбемарлю, датированному 1 (11) марта 1666 года. В указанном письме сэр Томас отмечал, что его решение объявить о намерении выдать флибустьерам каперские поручения против испанцев было подкреплено письмом герцога от 1 (11) июня 1665 года, в котором заместитель лорда-адмирала Англии предоставил ему свободу жаловать или не жаловать каперские грамоты в зависимости от сложившейся в регионе ситуации. Узнав, что на Тортуге и юго-западе Эспаньолы происходит быстрый рост французских сил, Модифорд решил издать декларацию о планах пожаловать каперские свидетельства против испанцев; этот шаг, «как заверили его старые приватиры, безусловно, вернет англичан и многих голландцев и французов в этот порт [Порт-Ройял], где они имеют наилучший рынок для своих товаров». Копия декларации была отправлена на Тортугу. Тем самым колониальная администрация Ямайки хотела переманить всех тамошних флибустьеров на английскую службу и обезопасить свой остров и британскую коммерцию в регионе от возможных пиратских нападений со стороны французов.

Аналогичная мысль проходит красной нитью и через письмо Модифорда лорду Арлингтону от 21 (31) августа: «…Вашему сиятельству прекрасно известно, какую большую антипатию я питал к приватирам во время пребывания на Барбадосе, но после того, как я принял указы Его Величества к строжайшему исполнению, я обнаружил свою ошибку ввиду упадка фортов и сокращения изобилия сего места, а также привязанности этих людей [флибустьеров] к служению Его Величеству; тем не менее я продолжал враждебно относиться и наказывать этот сорт людей, пока не пришло письмо Вашего сиятельства от 12 ноября [22 ноября 1664 года], приказывающее обращаться с ними более

мягко; до сих пор мы шли к упадку, каковой 6 марта [16 марта 1665 года] я честно описал лорду-генералу, который, после нескольких обсуждений с Его Величеством и лордом-канцлером, в письме от 1 июня 1665 года [11 июня 1665 года] дал мне широкие полномочия жаловать или не жаловать каперские грамоты против испанцев, как я найду сие выгодным для службы Его Величества и благополучия этого острова. Я был рад этому полномочию, но тем не менее решил не использовать его, если необходимость не принудит меня к этому; и пока я не увидел, в каком плачевном состоянии находятся флотилии, вернувшиеся с Синт-Эстатиуса, — так что суда были разбиты, а люди ушли к побережью Кубы, чтобы добывать там средства к жизни, и, таким образом, были полностью отчуждены от нас; многие, не имея достаточно средств, чтобы расплатиться по своим обязательствам, остались на Наветренных островах, а также на Тортуге и среди французских буканьеров, — до тех пор я воздерживался от использования моего полномочия, надеясь, что их невзгоды и опасности со временем отвратят их от этого образа жизни. Но когда примерно в начале марта я обнаружил, что стража Порт-Ройяла, которая под командованием полковника Моргана насчитывала 600 человек, сократилась до 138, я собрал совет, чтобы решить, как укрепить этот весьма важный город какими-нибудь силами из внутренних районов; и все согласились, что единственный путь наполнить Порт-Ройял людьми — это пожаловать каперские грамоты против испанцев, на коих они весьма настаивали… И, принимая во внимание наше шаткое положение, из-за чего ведущие купцы уехали из Порт-Ройяла, не предоставив никакого кредита приватирам для снабжения и пр., а также слухи о войне с Францией, которые часто повторялись, я издал объявление о намерении пожаловать каперские грамоты против испанцев. Ваше сиятельство не может и представить себе, какие всеобщие перемены произошли здесь с людьми и в делах: суда ремонтируются, большой наплыв ремесленников и рабочих, которые едут в Порт-Ройял, многие люди возвращаются назад, многие должники освобождены из тюрьмы, а корабли из похода на Кюрасао, не осмеливавшиеся войти [в порт] из-за страха перед кредиторами, пришли и снаряжаются вновь, так что теперь полковые силы Порт-Ройяла насчитывают около 400 человек. Если бы не эта своевременная акция, я не смог бы удержать мое место от посягательств со стороны французских буканьеров, которые, самое меньшее, разорили бы все приморские плантации; теперь же я переманил от них многих, и недавно Давид Маартсн, лучший человек Тортуги, который держит на море два фрегата, пообещал привести оба. Сии последние корабли доставили

известие от сэра Джеймса Модифорда о мире с Испанией вместе с инструкцией от лорда-генерала, гласившей, что, несмотря на мир, я все еще могу осторожно использовать приватиров, как и раньше, если это пойдет на пользу делам Его Величества… Испанцы смотрят на нас как на пришельцев, посягнувших на чужую территорию… И если бы их возможности соответствовали их желаниям, они давно бы изгнали нас из всех наших колоний; так благоразумно ли с нашей стороны позволять им спокойно брать верх над нами?»

Влиятельные друзья и деловые партнеры Моргана, зная, что многие флибустьерские капитаны относятся к нему с симпатией, предложили Модифорду официально назначить энергичного валлийца адмиралом ямайской флотилии. В январе 1668 года СоветЯмайки утвердил предложение губернатора о выдаче Генри Моргану специального поручения «собрать английских приватиров и захватывать пленных испанской нации, посредством чего он мог бы узнать о намерениях неприятеля вторгнуться на Ямайку». Данное поручение фактически санкционировало новые экспедиции флибустьеров против испанцев. Правда, каперская лицензия разрешала Моргану действовать лишь на море и не давала ему санкции атаковать испанцев на суше. Но адмирал и его сообщники смотрели на подобного рода ограничения сквозь пальцы. В соглашении, подписанном Морганом с его людьми в январе указанного года, указывалось:

«1. Согласовано и заключено вышеназванными сторонами, что любые золото, серебро, жемчуг, ювелирные украшения, кольца, драгоценные камни, серая амбра и безоаровые камни или иные вещи и товары, которые будут в ходе этой экспедиции захвачены на берегу, будут разделены поровну как свободная добыча.

2. Согласовано и заключено, что с корабля или с кораблей, которые будут захвачены в море в ходе этой экспедиции, десятая и пятнадцатая части будут изъяты (в пользу короля и лорда-адмирала Англии. — *В. Г.),* четвертая часть товаров, находящихся на таком корабле или кораблях, достанется соответствующим кораблям этой флотилии (непосредственно участвовавшим в захвате. — *В. Г.)* и их владельцам, а другие три четверти будут разделены между всеми командами кораблей поровну…»

Как видим, сухопутные объекты представляли для приватиров гораздо больший интерес, поскольку из захваченной на берегу добычи они не были обязаны делать отчисления в пользу короля, лорда-адмирала и даже судовладельцев.

Соглашение предусматривало меры дисциплинарного воздействия в отношении тех кто пренебрегал своими

обязанностями и проявлял неповиновение командирам. Нарушителей договора могли лишить доли добычи или наказать так, как «военный совет сочтет наиболее подходящим». С другой стороны, любой капитан, халатно относившийся к своим обязанностям, мог быть наказан таким же образом. Хотя добыча должна была делиться поровну между всеми участниками похода, в правилах имелись исключения. Плотники и хирурги получали больше, чем одну долю; капитанам полагались две доли, а адмиралу Моргану — пять долей («за его заботу и расходы на нас»). Предусматривалась также страховка. Любой человек, который «потеряет ногу, руку или иную конечность во время этой экспедиции», что будет подтверждено свидетельствами двух хирургов, должен был получить 120 фунтов стерлингов или «шесть дееспособных рабов». Выплата премий предусматривалась за проявленную в ходе операции храбрость: «Если мы встретим сильное сопротивление в каком-либо месте… когда мы вознамеримся и совершим нападение, в частности на крепости, форты или другие укрепления, то первый, кто проникнет в такое место или места, должен получить 20 ф. ст.; тот, кто первым установит свой флаг в таком месте… — 20 ф. ст.; также все те, кто притащит лестницы, за каждую притащенную и приставленную к стене лестницу — 10 ф. ст.».

Морган разослал приглашения всем известным пиратским вожакам Карибского моря, назначив рандеву в районе островов у южного побережья Кубы. Если верить информации Эксквемелина, на сборы ушло не меньше двух месяцев. «За это время, — сообщает автор «Пиратов Америки», — он собрал флотилию из двенадцати кораблей с командой в семьсот человек. Там были англичане и французы. Морган созвал пиратов на совет и стал выяснять, куда же нужно идти. Некоторые высказались за то, чтобы захватить Гавану: разграбить ее и взять в плен ее жителей будет совсем нетрудно, стоит только захватить крепость. К ним присоединились и другие, однако окончательного решения вынести не удалось, потому что среди пиратов оказался человек, который прежде содержался в Гаване под стражей. Он считал, что для такого дела сил у пиратов явно недостаточно. Понадобилась бы, сказал он, флотилия с полуторатысячным войском. Только в этом случае у пиратов явилась бы надежда захватить город…»

Отказавшись от идеи штурмовать Гавану, флибустьеры решили атаковать менее защищенный город. Один из участников совещания предложил напасть на Пуэрто-Принсипе (ныне Камагуэй) — город, расположенный во внутренних районах Кубы, примерно в 30 милях от побережья. Ходили слухи, что «у его жителей было много денег, ибо туда часто приезжали торговцы из

Гаваны и привозили деньги; здесь они скупали кожу, которую затем перепродавали». После некоторых сомнений Морган согласился с этим предложением. Снявшись с якоря, суда пиратской флотилии направились к гавани Санта-Мария (современный город Санта-Крус-дель-Сур).

«Когда пираты уже были в море, — сообщает Эксквемелин, — один испанец, долгое время находившийся в плену у англичан, уловил из их бесед, что речь идет именно о Пуэрто-дель-Принсипе. Ночью он прыгнул в воду и поплыл к берегу. Правда, за ним тотчас же спустили каноэ, но он оказался на берегу значительно раньше и моментально затерялся среди деревьев. На следующий день он переплыл с одного острова на другой и таким образом добрался до Кубы. Он знал все тропки и довольно скоро достиг Пуэрто-дель-Принсипе, где предупредил испанцев, что появились пираты. Жители города тут же стали прятать свое добро, а губернатор вышел с отрядом рабов к той дороге, где могли появиться пираты. Он приказал срубить побольше деревьев, завалить ими дорогу и устроить различные засады. На них он поставил несколько пушек.

В городе и в окрестных селениях он набрал человек восемьсот, оставил на каждой засаде необходимый отряд, а остальных привел на довольно открытое место, лежащее близ города: оттуда можно было приметить врага еще издали».

Согласно испанским источникам, флибустьеры высадились в Санта-Марии 27 марта и тут же двинулись вглубь острова.

«Пираты наткнулись на испанцев, когда они еще только укреплялись, — продолжает свой рассказ Эксквемелин. — Все взвесив, они свернули в лес и обошли несколько испанских укреплений. Наконец пираты вышли на открытое место, которое испанцы называли саванной. Пиратов заметили, и губернатор тотчас же выслал им навстречу конников и приказал им обратить пиратов в бегство и переловить всех до одного. Он полагал, что пираты, видя, какая на них надвигается сила, дрогнут и лишатся мужества. Однако все произошло не так, как ему думалось: пираты, наступавшие с барабанным боем и развевающимися знаменами, перестроились и образовали полумесяц. В этом строю они стремительно атаковали испанцев. Те выставили довольно сильную заградительную линию, но бой продолжался недолго: заметив, что их атака не действует на пиратов и что те беспрерывно ведут стрельбу, испанцы начали отходить, причем первым дал деру их губернатор, который бросился к лесу, стараясь побыстрее скрыться. Но немногие добежали до леса — большинство пало на поле битвы. Правда, небольшой кучке испанцев все же удалось спрятаться в зарослях. Пираты немедля

двинулись на город; они были воодушевлены бесспорной победой; действительно, в этом бою — а длился он часа четыре — убитых и раненых у них почти не было. Пираты покинули саванну и вступили в город. Тут им снова оказали сопротивление, на этот раз в бой вступил гарнизон города, причем плечом к плечу с солдатами сражались женщины. К этим защитникам города присоединились и остатки испанцев, разбитых в саванне. Горожане все еще надеялись уберечь город от разграбления. Некоторые закрылись в домах и стреляли из окон; однако пираты пригрозили спалить весь город и истребить всех женщин и детей. Испанцы очень испугались — они-то хорошо знали, что пираты мигом выполнят свои посулы, — и сдали город».

Пуэрто-Принсипе был захвачен на рассвете в Страстной четверг 29 марта 1668 года; при этом в сражении погибло около сотни солдат и ополченцев. Став хозяевами города, флибустьеры согнали всех испанцев и их рабов в две церкви — Ла-Мерсед и Сан-Франсиско, а сами отправились грабить покинутые дома. Во время погрома сгорели или, возможно, были похищены городской архив с документами и ценные церковные книги, содержавшие регистрационные записи о крещениях «белых детей».

Опустошив Пуэрто-Принсипе, англичане и французы организовали несколько летучих отрядов для набегов на окрестности.

«Времени у них было в обрез, — замечает Эксквемелин, — ибо они собирались оставаться в городе, пока не иссякнет пища и питье. Бедным, несчастным пленникам, сидевшим в церкви, приходилось очень туго, они проводили время куда менее приятно, чем пираты, живя впроголодь и испытывая всяческие муки, которые им причиняли пираты, старавшиеся выведать, где спрятано их добро и деньги. Но у большинства бедняг, как ни пытай, не было ни того ни другого: ведь они трудились день-деньской, чтобы прокормить своих жен и детей. Изверги не желали обычно ничего знать; они говорили: либо принеси деньги, либо повесим. И бедные женщины, прижимая к груди своих младенцев, жили в ожидании ужасного конца… А пираты были лишены чувства жалости. Всякий раз, когда являлась у них нужда в мясе, они приканчивали корову или иную скотину, себе выкраивали лучшие куски, а остатки бросали пленникам…»

Когда запасы провизии подошли к концу, Морган отдал приказ готовиться к возвращению на корабли. От испанцев потребовали выкуп за сохранность города и освобождение пленников. В ответ испанцы заявили, что налетчики отобрали у них все деньги и имущество и теперь они — нищие. Морган не поверил им. Он объявил, что будет ждать выкуп еще две недели

«и за это время деньги должны быть доставлены во что бы то ни стало».

Между тем несколько буканьеров, охотившихся за городом, поймали негра-раба. При обыске у него нашли письмо, адресованное одному из горожан. Оказалось, что письмо написано губернатором города Сантьяго-де-Куба доном Педро де Байона Вильянуэва. В нем он писал, что «вскоре придет многочисленное подкрепление и что горожанам не следует спешить с выкупом, они должны добиться новой отсрочки дней на четырнадцать».

— Я так и думал, что испанцы прикидываются бедняками, — сказал Морган своим капитанам. — Решили поводить нас за нос.

Немедленно был отдан приказ везти всю добычу на берег моря, к тому месту, где стояли корабли. Затем испанцам объявили:

— Если на следующий день вы не внесете выкуп за город, он будет сожжен дотла.

Испанцы вновь предприняли попытку потянуть время, уверяя, что так быстро им не удастся собрать требуемую сумму. «Наконец, — пишет Эксквемелин, — путем всяческих козней Моргану удалось получить пятьсот голов скота и засолить впрок мяса и сала. Он взял с собой шесть знатнейших жителей в качестве заложников, прихватив также рабов, и отправился на побережье (по испанским данным, флибустьеры покинули Пуэрто-Принсипе 1 апреля — в день Воскресения Иисуса Христа. — *В. Г.)*. Днем на то место, где стоял Морган со своей флотилией, пришли испанцы, привели последних коров и потребовали заложников. Но Морган… отказался выдать заложников, пока мясо не будет перенесено на корабль. Чтобы освободить своих сограждан и главу города, испанцам пришлось вместе с пиратами разделывать туши и засаливать мясо».

Когда флибустьеры были заняты на берегу заготовкой мяса, между французами с Тортуги и их английскими коллегами вспыхнула ссора; по словам Эксквемелина, «они едва не пропороли друг другу животы во время драки, которая завязалась, когда один англичанин убил француза, поспорив с ним из-за какой-то мозговой кости. А дело было так: когда разделывают мясо, высасывают мозг… Француз разделывал тушу. Пришел англичанин и высосал мозговую кость. Началась ссора, которая кончилась стрельбой из пистолетов. При этом, когда они стали стреляться, англичанин хитростью одолел француза: он выстрелил противнику в спину. Французы собрали приятелей и решили схватить англичанина. Морган встал между спорщиками и сказал французам, что уж если они так заботятся о правосудии,

то пусть подождут, пока все не вернутся на Ямайку — там они и повесят англичанина. На его жизнь не посягали бы, если бы он стрелял не по-предательски… Итак, Морган приказал связать преступника по рукам и ногам, чтобы доставить на Ямайку. Тем временем все мясо было засолено и доставлено на корабли. Морган освободил заложников и вышел со своей флотилией в море; в качестве сборного пункта для дележа добычи он наметил один из островков близ берега Кубы. Там пираты разделили добычу…»

Выручка составила не менее 50 тысяч пиастров золотом, серебром и различными товарами, хотя флибустьеры надеялись на более солидный барыш.

В британских архивах хранится «Информация адмирала Генри Моргана и его офицеров, капитанов Эдварда Коллира, Джона Морриса-старшего, Томаса Солтера, Джона Анселла, Томаса Кларка и Джона Морриса-младшего об их последней экспедиции на испанское побережье… данная генерал-лейтенанту Порт-Ройяла [Джеймсу Модифорду] по распоряжению его превосходительства» (датирована сентябрем 1668 года). В этом документе Морган и его компаньоны пытались оправдать свои действия на Кубе необходимостью запастись провиантом и найти доказательства того, что испанцы формируют вооруженные отряды для вторжения на Ямайку. Краткое изложение указанного документа приводится в английском «Календаре государственных бумаг»: «Капитан Генри Морган, получив около восьми месяцев назад полномочия от его превосходительства собрать английских приватиров и захватывать пленных испанской нации, посредством чего он мог бы узнать о намерениях неприятеля вторгнуться на Ямайку, о чем сэр Томас [Модифорд] имел частые и настойчивые сообщения, собрал 10 парусных судов и около 500 человек. Они отправились к южным островкам Кубы, где почти умирали от голода, и, обнаружив некоторое число французов в таком же [бедственном] состоянии, они высадили своих людей на берег; видя, что весь скот был угнан вглубь страны, а жители бежали, они прошли 20 лиг к Порт-Принсипе на севере острова и после небольшого сопротивления сделались хозяевами оного. Здесь они узнали, что 70 человек были собраны, дабы идти против Ямайки; что такие же сборы были осуществлены на всем том острове и значительные силы ожидались из Веракруса и Кампече вместе с военным снаряжением, отправлявшимся в Гавану, а из Порто-Белло и Картахены — в Сантьяго-де-Кубу, о чем он [Морган] немедленно послал сообщение губернатору Модифорду. По просьбе испанцев они воздержались от сожжения города или увода пленных, но за 1000 быков отпустили всех».

8 апреля 1668 года, спустя неделю после ухода флибустьеров из Пуэрто-Принсипе, дон Педро де Байона Вильянуэва в письме королеве-регентше дал свою оценку случившемуся:

«Корабли англичан и французов продолжают оставаться у этого побережья, изучая его порты, источники пополнения запасов пресной воды и места охоты, предполагая, что, захватив в Пуэрто-Принсипе огромное количество солонины, они достаточно обеспечили себя для более крупных предприятий; об этом я предоставил отчет губернатору Гаваны… Госпожа, когда я поразмыслил над случившемся в Пуэрто-Принсипе и о том, что тамошние жители всегда проявляли интерес к такого рода торговле с пиратами, мне показалось уместным вызвать к себе сержант-майора и ординарного алькальда, чтобы выслушать их после того, как им было предъявлено обвинение в преступлении, которое они совершили, и посмотреть, какое же опровержение они могут предложить, учитывая, что в том поселении имеется весьма значительное количество людей и что при тех возможностях, которые предоставляют местность и скалистые горы на протяжении четырнадцати лиг, местные жители, столь практичные и опытные в горах, даже имея на две трети меньше народа, могли бы разбить врага. Если потребуется, они понесут суровое наказание, дабы послужить уроком другим местам, для которых стало уже привычным уступать любому числу врагов, не рискуя людьми даже по такому серьезному поводу, как зашита своей родины и своего короля».

Это горькое признание губернатора Сантьяго-де-Кубы свидетельствовало не только о бездарности испанских военачальников и городских властей, но также о трагической неспособности Испании эффективно защищать свои колониальные владения от набегов иностранных корсаров.

НОВЫЙ ПРОЕКТ

После грабежа Пуэрто-Принсипе, обеспечив экипажи кораблей достаточным количеством провианта и разделив добычу, Морган не стал возвращаться на Ямайку, а решил совершить нападение еще на какой-нибудь испанский город.

От южных берегов Кубы ямайская флотилия отправилась в сторону материка, к мысу Грасьяс-а-Дьос. Став на якорь в лагуне близ указанного мыса, флибустьеры собрались на военный совет. Обсуждался вопрос, какой очередной испанский город им следует атаковать. Вновь предоставим слово Эксквемелину: «…Морган решил совершить нападение на испанцев и сообщил об этом своим людям. По его мнению, в первую очередь следовало захватить и разграбить Пуэрто-Бельо (ныне город Портобело в Панаме. — *В. Г.)*. При этом он заметил, что сделать это совсем нетрудно: ведь на берегу никто не догадывается об их прибытии. Ему возразили, что вылазка вряд ли удастся, потому что сил для нее явно в обрез».

Из отчета самого Моргана видно, что французские флибустьеры не пожелали участвовать в набеге на Портобело: «Французы полностью отказались присоединиться к акции, полной таких опасностей…»

Морган отнесся к уходу большинства французских союзников философски, процитировав своим сторонникам слова Шекспира: «Чем нас меньше, тем больше достанется на каждого».

Сколько же людей и кораблей было у Моргана перед нападением на Портобело? Эксквемелин сообщает о 460 флибустьерах. Испанские документы упоминают о двенадцати судах.

Кто же командовал отдельными отрядами?

Официальный отчет об экспедиции подписали девять флибустьерских вожаков: адмирал флотилии «полковник Генри Морган», его вице-адмирал капитан Томас Солтер, капитан Эдвард Коллир, капитан Томас Кларк, капитан Джон Моррис-старший, капитан Джон Моррис-младший, капитан Джон Анселл, капитан Жан Дюгла и капитан Рудольф Курт.

Жан Дюгла (в английских документах — Джон Дуглас, Даглесс, Доглар) в письме, отправленном позже в Гавр и перехваченном испанцами, приводит несколько иной список вожаков. «Командирами экспедиции, — читаем в английской версии письма, — были Генри Морган, главнокомандующий; Джон Доглар, Джулиан Джон Солтер, Энох Кларк, капитан Рудольф Курт, Коллиэр, Джон Джеймс и Морис». Итого — восемь

человек. Между тем статьи соглашения, заключенного между участниками экспедиции в январе 1668 года, были подписаны двенадцатью капитанами и двадцатью шестью представителями команд. Среди них упоминаются английские капитаны Роберт Деландер и Эдвард Демпстер, позже не поставившие свои подписи под отчетом об экспедиции.

Капитан Томас Солтер, избранный заместителем Моргана, впервые был замечен на флибустьерском поприще годом ранее — в 1667 году. Командуя фрегатом «Джордж», снаряженным на Ямайке, он крейсировал в заливе Кампече и захватил там испанский корабль с грузом кампешевого дерева. Командование этим призом, названным на английский манер «Сидаром» (а позже — «Уильямом»), он передал своему заместителю Уильяму Смиту с приказом отвести его в Порт-Ройял. Но Смит, подстрекаемый совладельцем «Джорджа» Абрахамом Килингом, сговорился с матросами завладеть «Сидаром» и увести приз в Новую Англию. Мятежники привели «Сидар» в Бостон (Массачусетс). Узнав о похищении трофейного судна, Солтер бросился в погоню за вероломными товарищами. В конце августа он появился у берегов Новой Англии и стал на якорь в бостонской гавани. Здесь ему сообщили, что «Сидар» ушел в Нью-Йорк. Не имея времени гоняться за шайкой Смита, Солтер попросил своего бостонского друга капитана Сэмюэла Моузли взяться за это дело. В сентябре Моузли написал письмо нью-йоркскому адвокату Джону Райдеру, перепоручив ему довести указанное дело до суда. Позже шайка Смита была арестована и отдана под суд. Что касается капитана Солтера, то он покинул Бостон в конце осени 1667 года, а уже в начале 1668 года присоединился к флотилии Генри Моргана.

Кровавый головорез Эдвард Коллир к тому времени еще не успел получить широкой известности, но вскоре станет весьма популярным флибустьерским вожаком и даже будет одним из заместителей Моргана.

О капитане Томасе Кларке известно лишь, что его весьма уважали как английские приватиры на Ямайке, так и французские флибустьеры на Тортуге и Эспаньоле. Губернатор Модифорд нередко использовал его в качестве агента для связей с губернатором Тортуги Бертраном д'Ожероном.

Капитан Джон Моррис-старший уже знаком читателю — вместе с Морганом, Давидом Маартеном и некоторыми другими пиратскими вожаками он участвовал в походах на Вилья-Эрмосу и Гранаду в 1665 году. Джон Моррис-младший был его сыном.

Капитан Джон Анселл — личность загадочная. Жан Дюгла называет его Джоном Джеймсом, а некоторые исследователи

ассоциируют его с капитаном Хадселлом. Последнего, однако, звали Чарлзом, а не Джоном.

Упомянутый выше капитан Дюгла в 1662 году командовал судном «Сен-Жан», принадлежавшим португальцу Карлушу де Билсу. Прикрываясь португальским каперским свидетельством, он оперировал против испанского судоходства в Атлантике и Карибском море. Близ Мартиники его атаковал французский военный корабль. В результате сражения большая часть команды Дюгла была убита или ранена, сам он тоже получил серьезное ранение — мушкетная пуля пробила ему руку, вызвав большую потерю крови. Сбежав с поля боя, корсары отправились зализывать раны на принадлежавший англичанам остров Монтсеррат. Местный губернатор, полковник Роджер Осборн, позволил гостям остаться во вверенной ему колонии. По словам самого Дюгла, он «питался и жил на упомянутом острове двенадцать месяцев». За это время его корабль обветшал и стал непригоден для проведения корсарских операций. В начале 1664 года Жан Дюгла перебрался на Ямайку, где с разрешения сэра Чарлза Литтлтона купил небольшой фрегат, вооружил его и нанял новую команду. В том же году в ямайской бухте Блуфилдс-Бей он захватил голландский пинк «Блудав» (тот самый, который ранее захватил и привел в Порт-Ройял Джон Моррис). Дюгла отвел свой приз в Северную Америку, но в июле 1664 года был задержан в Портсмуте и доставлен в Бостон. Там капитана Дюгла и его шайку судили по подозрению в пиратстве, однако, уплатив залог, флибустьеры смогли выйти на свободу и скрыться. Где скитался Дюгла в течение следующих нескольких лет — неизвестно. В конце 1667 года он снова появился на Ямайке и присоединился к флотилии, снаряженной Морганом.

О капитане Рудольфе Курте известно крайне мало. Он был уроженцем Флиссингена (Зеландия) и, прежде чем примкнуть к Моргану, базировался на Тортуге, где приобрел каперское свидетельство у губернатора Бертрана д'Ожерона.

Капитан Роберт Деландер до осени 1664 года был мирным купцом. В октябре указанного года его судно было потрепано штормом у берегов Кубы, и, нуждаясь в ремонте, Деландер обратился за помощью к губернатору Гаваны. Однако губернатор велел арестовать судно и его команду. Пленников отправили в Севилью, где они провели в заключении девять месяцев. Выйдя на свободу, Деландер сначала отправился в Англию, затем перебрался на Ямайку и, горя желанием отомстить испанцам, присоединился к флотилии Моргана.

Что касается капитана Эдварда Демпстера, то он в 1667 году командовал приватирским фрегатом «Релиф». О его

антииспанских деяниях известно из «Петиции Чарлза Модифорда и других собственников корабля “Крессент” королю». В ней отмечалось, что в силу переданного губернатору Ямайки разрешения «жаловать или нет специальные военные поручения против испанцев» он «выдал каперскую грамоту против подданных Испании капитану Демпстеру; который, еще до мира с Испанией (заключенного в Мадриде в мае 1667 года. — *В. Г.),* захватил корабль “Крессент”, тогда называвшийся “Нуэстра Сеньора дела Консепсьон-и-Сан-Хосе”, и привел его на Ямайку, где он был осужден адмиралтейским судом как законный приз и продан Хендеру Моулзвёрту и другим, которые отправили его нагруженным в Англию на попечение петиционера; из владения коего испанский посол пытался забрать его обратно. Молит, чтобы Его Величество признал, что названный губернатор имел право так поступить, и позволил петиционеру продолжить владение названным кораблем».

Все попытки испанской стороны вернуть судно и груз не увенчались успехом. В августе 1668 года Джо Майлз и Ричард Ллойд, замещавшие судью Адмиралтейства, подали рапорт членам Тайного совета, в котором пояснили, «почему они отказались постановить отдать корабль “Нуэстра Сеньора де ла Консепсьон” Антонио Мальденасу Висино и команде, испанцам». Основной их аргумент сводился к тому, что «поскольку этот корабль, теперь называемый “Крессент”, был осужден судьей адмиралтейства на Ямайке в августе 1667 года и затем продан на публичных торгах Моулзвёрту, Холмсу и компании, английским купцам и был ими нагружен для следования в порт Лондон под командованием Сэмюэла Уокера… то нет никаких оснований доказывать, почему его следовало бы изъять из владения».

Согласно испанским и нидерландским источникам, в экспедиции Моргана участвовали также голландский капитан Геррит Герритсзоон по прозвищу Роки и его компаньон Йохан Йеллес деЛекат (в английских документах — Яллас или Йеллоуз, в испанских — Хуан Иелес де ла Кот). Они присоединились к ямайской флотилии где-то в районе Москитового берега Никарагуа.

О Геррите Герритсзооне мы упоминали, когда рассказывали об экспедиции сэра Эдварда Моргана на Малые Антильские острова. В «Пиратах Америки» Эксквемелина он фигурирует под кличкой Рок Бразилец. Хотя Роки родился в Гронингене (Нидерланды), большую часть детства он провел в Бразилии. В книге Эксквемелина уточняется, что его родители были купцами, переселившимися в Бразилию после того, как голландцы отвоевали ее прибрежную часть у португальцев в 1644 году. Когда

португальцы выбили голландцев из Бразилии, Роки нашел убежище во французских колониях на Наветренных островах. Это случилось около 1654 года. Точно неизвестно, когда Роки впервые появился на Ямайке, — вероятно, в конце 1650-х годов. Из свидетельского показания, которое он сделал на Ямайке в середине 1660-х годов, можно заключить, что в течение нескольких лет он плавал на борту фрегата «Гриффин» под командованием Сварта и, следовательно, должен был участвовать в походах на Сантьяго-де-Кубу и Кампече. Уйдя от Сварта на небольшом трофейном суденышке, Роки какое-то время безуспешно выслеживал добычу, пока не взял на абордаж 16-пушечный корабль «Севильяна» из Новой Испании. Свой приз, переименованный в «Сивилиэн», он привел в Порт-Ройял в 1664 году. «Эта удача, — рассказывает Эксквемелин, — создала Року среди пиратов большую славу, а сам он сильно возгордился. Перед ним стала трепетать вся Ямайка. Он был груб, неотесан и вел себя словно бешеная фурия. Когда он напивался, то как безумный носился по городу и немало перекалечил людей, которым довелось попасть ему под руку. Никто не осмеливался ему ни в чем перечить, только за глаза говорили, что он дурной человек. А у испанцев Рок стал известен как самый злой насильник и тиран. Однажды он посадил несколько человек на деревянный кол, а остальных связал и бросил между двумя кострами. Так он сжег их живьем, как свиней. А вина этих людей заключалась лишь в том, что они пытались помешать его черному делу и спасти свой свинарник, который он намеревался разграбить».

После участия в экспедиции генерал-лейтенанта Моргана на Малые Антильские острова (весна — лето 1665 года) Геррит Герритсзоон до 1666 года прозябал на Ямайке, потом совершил самостоятельный поход в залив Кампече и там попал в плен к испанцам. Его выслали в Севилью, откуда он перебрался в Англию, а затем вернулся на Ямайку. По данным Давида Марли, в начале 1668 года Роки приобрел у французского флибустьера Франсуа Олоне 12-пушечную испанскую бригантину и стал ее капитаном; его первым помощником был Йеллес де Лекат. Отправившись к побережью Никарагуа, Роки повстречал там флотилию Моргана и присоединился к ней.

Портобело, избранный целью похода, в рассматриваемую эпоху был одним из богатейших портов Испанской Америки. Ранее он дважды подвергался нападениям английских корсаров: в 1596 году, когда город еще только строился, его сожгли участники экспедиции Фрэнсиса Дрейка, а в 1601 году Портобело неожиданно захватил и ограбил отряд капитана Уильяма

Паркера.

Эксквемелин отмечал, что «после Гаваны и Картахены этот город, пожалуй, самый значительный из всех городов, заложенных испанским королем в Западных Индиях. Он защищен двумя крепостями, которые расположены у самого входа в гавань и могут отразить атаку любого корабля. В них всегда постоянный сильный гарнизон — триста солдат. В городе около четырехсот коренных жителей, кроме того, там живут и купцы, дожидаясь, пока нагрузят их корабли. Однако почва в этих местах постоянно выделяет испарения, и поэтому климат не очень-то здоровый, и купцы охотнее живут в Панаме, хотя их склады находятся в Пуэрто-Бельо и там работают их служащие. Из Панамы на мулах туда привозят серебро к прибытию испанских галеонов и кораблей, доставляющих негров».

Информация Эксквемелина нуждается в корректировке. Город расцветал, становился многолюдным и усиленно охранялся лишь с приходом туда «серебряного флота» («галеонов Тьерра-Фирме», или «галеонов Материка»), а это случалось нечасто — один раз в два-три года. Последний раз галеоны заходили в Портобело под командованием генерала дона Андреса Давалоса в 1667 году, а очередной визит «серебряного флота» состоится лишь в 1669 году. Таким образом, Морган запланировал свое нападение в то время, когда город меньше всего походил на оживленную ярмарку, да к тому же в начале дождливого сезона. Главным информатором флибустьерского адмирала стал индеец из Портобело, хорошо знавший реальное положение вещей и степень защищенности города.

Портобело располагался в глубине красивой бухты, на ее южной стороне, и не имел оборонительных стен. В нем насчитывалось полторы сотни домов, имелись две площади, две церкви, здание королевского казначейства, в котором находилась также резиденция губернатора, госпиталь Сан-Хуан-де-Дьос, монастырь Ла-Мерсед, склады и стойла для мулов, доставлявших сокровища из Панамы для погрузки их на галеоны «серебряного флота». По данным Питера Эрла, постоянных жителей здесь было сравнительно немного: несколько десятков испанцев да сотня мулатов, негров-вольноотпущенников и рабов. Главными оборонительными рубежами были две крепости, построенные на южной и северной сторонах бухты. На южной стороне, к западу от города, возвышалась крепость Сантьяго. В ней, по документам, должно было быть 32 пушки и 200 солдат гарнизона. На северном берегу стояла небольшая крепость Сан-Фелипе, вооруженная двенадцатью пушками; ее гарнизон должен был насчитывать 100 солдат. Ни одно судно не могло беспрепятственно проникнуть в

гавань, поскольку сразу же попадало под перекрестный огонь упомянутых крепостей.

В самом городе, прямо на набережной, возводился еще один форт — Сан-Херонимо. Его строили английские пленные, захваченные на острове Санта-Каталина в 1666 году. На ночь пленных запирали в тюрьме при королевском казначействе.

За крепостями находились блокгаузы и сторожевые посты. Кроме того, к востоку и западу от Портобело вдоль всего побережья размещались дозорные вышки. Службу во всех указанных фортификациях и дозорах несли солдаты, находившиеся на королевском жалованье. Однако их моральный дух и боевая готовность оставляли желать лучшего. Солдатам 18 месяцев не платили жалованье. Многие дезертировали; другие переселились в город, где подрабатывали сапожниками, портными, трактирщиками и бакалейщиками. К моменту нападения флибустьеров на город в его гарнизоне оставалось не более половины личного состава: в Сантьяго — около восьмидесяти солдат, а в Сан-Фелипе — около пятидесяти. Лишь восемь солдат несли дежурство в форте Сан-Херонимо и еще шесть — в здании королевского казначейства. Каждый из них имел при себе шпагу, мушкет или аркебузу, фитили, запас пороха и пуль. Однако у солдат было мало бомб и гранат. Ощущалась также нехватка опытных канониров и людей для обслуживания пушек.

Помимо солдат в Портобело имелись милицейские отряды. Горожане сформировали четыре роты по расовому признаку: из испанцев, мулатов, свободных негров и рабов. Согласно ревизии, проведенной в конце 1667 года, в этих ротах насчитывалось 129 человек, но к лету 1668 года их численность сократилась. По мнению Питера Эрла, в городе оставалось не более двух десятков испанских ополченцев; свободные негры ушли в горы ловить сбежавших негров-рабов, тогда как остальные африканские невольники работали на загородных плантациях и скотоводческих ранчо. Таким образом, перед нападением корсаров в Портобело проживало не более сотни ополченцев.

Информация индейца-осведомителя вскоре была дополнена более оперативными данными. Близ Москитового берега флибустьеры захватили небольшое испанское судно, высланное из Портобело с целью разведки. На допросе пленные показали, что туманные сведения о корсарах, поступившие в город, не всполошили жителей и не привели к укреплению его обороны. Двигаясь дальше вдоль побережья, передовой корабль флотилии заметил каноэ с шестью гребцами и остановил его. К несказанной радости Моргана, незнакомцы оказались англичанами, которые

два года провели в плену у испанцев и работали на строительстве форта Сан-Херонимо в Портобело. Им удалось похитить у местных рыбаков каноэ и сбежать. Беглецы снабдили адмирала новейшими данными о ситуации в городе, а кроме того, рассказали о жестоком обращении испанских конвоиров с английскими заключенными, чем еще больше «подогрели» антииспанские настроения людей Моргана. Позже они повторили свой рассказ губернатору Ямайки, который приложил его к отчету, отправленному в Лондон: «Они были прикованы цепями к полу в темнице размером 12 на 10 футов, в которой находилось 33 заключенных. Их заставляли работать в воде с пяти часов утра до семи вечера по таким нормам, что, как признавали сами испанцы, один из них делал больше, чем три негра; тем не менее, когда ослабевший человек хотел поесть и поспать, они сбивали его с ног и били палками, так что четверо или пятеро умерли. У них не было никакой одежды, а их спины были покрыты волдырями от солнечных ожогов; их головы пекло, их шеи, плечи и руки были ободраны от переноски камней и мортир, ступни оббиты, ноги в кровоподтеках и избиты цепями, тела же источали зловоние».

Планируя захват Портобело, Морган главную ставку сделал на внезапность нападения. Он понимал, что незаметно провести флотилию из двенадцати судов мимо крепости Сан-Лоренсо, возвышавшейся над устьем реки Чагрес, и сторожевого поста, находившегося на берегу залива Бонавентура, ему вряд ли удастся, и поэтому решил укрыть почти все корабли в лагуне Бокас-дель-Торо. В поход адмирал взял лишь один корабль. Команды остальных судов пересели на 23 каноэ, захваченные ранее на Кубе. Поскольку каноэ являлись привычными плавсредствами в карибских водах, они не должны были вызвать подозрений у жителей прибрежных селений и испанской береговой охраны.

26 июня (6 июля по новому стилю) флотилия каноэ, охраняемая одним боевым кораблем, устремилась вдоль Панамского побережья на восток. Двигались только ночью, в дневное время скрывались в укромных бухточках. Однажды встретили рыбацкую лодку, в которой сидели три чернокожих самбо. Флибустьеры предложили им стать лоцманами флотилии, но пленники заупрямились. Лишь после того, как двоих из них зарезали и выбросили за борт на съедение акулам, третий согласился служить налетчикам проводником.

За четыре ночи прошли 150 миль и стали на якорь у острова Исла-де-Наранхас (Апельсиновый остров). Днем 30 июня (10 июля), ближе к вечеру, группа негров-дровосеков,

возвращавшаяся в Портобело из леса, заметила с вершины горы подозрительное судно: оно стояло на мелководье между Апельсиновым островом и материком. Новость всполошила испанцев — солдат и офицеров гарнизона, — которые сообщили о своих подозрениях майору Андресу Фернандесу Давиле. Последний посмеялся над их страхами:

— Ну какая опасность может исходить от одного-единственного суденышка, болтающегося у побережья? Должно быть, это работорговец с Кюрасао или пакетбот, доставивший почту из Испании.

Тем не менее майор согласился выслать в сторону Апельсинового острова каноэ с несколькими нефами, велев им разузнать, что за гости пожаловали в их края.

Когда каноэ отошло от причала, на землю опустилась липкая тропическая ночь.

ШТУРМ И ГРАБЕЖ ПОРТОБЕЛО

Ночью флотилия флибустьерских каноэ двинулась от Апельсинового острова к побережью материка. Около двух часов впередсмотрящий на головном каноэ заметил прямо по носу какое-то движение. К ним приближалось каноэ, отправленное на разведку Фернандесом Давилой. Негры, находившиеся в нем, тоже заметили незнакомцев и, развернувшись, устремились назад в гавань.

Нельзя было терять ни минуты. Ведомые лоцманом-самбо каноэ Моргана вошли в бухту Буэнавентура и спустя час высадили десант примерно в трех милях от города. Каждый корсар был вооружен буканьерским ружьем, саблей и парой пистолетов.

«Их вел англичанин, который уже бывал в этих местах в плену и знал все дороги, — сообщает Эксквемелин, описывая начало операции по захвату Портобело. — Англичанин пошел вперед, прихватив с собой еще трех или четырех пиратов. Они двигались совершенно бесшумно, тихо сняли часового и доставили его к Моргану. Морган стал допытываться, в какую пору в городе встают и какие силы у защитников. Часовой на эти вопросы ответил. Пираты заставили его пойти во главе отряда и пригрозили, что прирежут его, если выяснится, что он хоть в чем-нибудь соврал. Спустя четверть часа отряд наткнулся на редут. Пираты заняли его, не потеряв ни одного человека. Перед штурмом Морган заявил испанцам, что, если они не сдадут редута, пощады им не будет. Но испанцы решили сражаться и открыть стрельбу хотя бы затем, чтобы их услышали в городе и подняли там тревогу. Редут взяли довольно быстро — пираты подорвали его вместе со всеми защитниками. Затем пираты отправились прямо к городу. Большинство жителей еще спали: никто и вообразить себе не мог, что пираты отважатся напасть на столь укрепленный город, как Пуэрто-Бельо».

Рассказ Эксквемелина дополняют и уточняют испанские источники. Редут, а точнее блокгауз, находился в районе старой жемчужной фермы и охранялся стражей из пяти человек. Отказавшись сдаться, солдаты действительно открыли огонь по флибустьерам и ранили двоих. Их выстрелы услышали не только в крепостях Сантьяго и Сан-Фелипе, но и в городе. За полчаса до рассвета 1 (11) июля Портобело пробудился от спячки, напоминая потревоженный улей. По данным Питера Эрла, одним из первых вскочил на ноги королевский альферес Кристобаль Гарсия Ниньо. Быстро одевшись, он бросился на площадь перед зданием

казначейства. Здесь его окликнул майор Фернандес Давила, одевавшийся у себя на балконе:

— Дон Кристобаль, что случилось?

— Понятия не имею! Но я слышал выстрелы!

Через некоторое время в порт вошло каноэ, ходившее на разведку. Его команда стреляла в воздух и дико орала:

— К оружию! К оружию! Враг высадился на берег!

Ситуация прояснилась, хотя многие жители не могли поверить, что пираты отважились напасть на столь укрепленный город. На главной площади забили барабаны, послышался звон церковных колоколов. Офицеры, солдаты и мужчины-ополченцы, вооружившись саблями, мушкетами и аркебузами, поспешили к крепости Сантьяго, где в условиях влажного климата приходилось хранить весь порох. Тем временем многие горожане бросились спасать свое имущество: одни прятали деньги и наиболее ценные вещи в ямах и тайниках, устроенных в стенах домов, другие бежали на восточную окраину, чтобы оттуда попытаться уйти в горы.

Гарнизон крепости Сантьяго, услышав сигналы тревоги, начал просыпаться. Сержант Николас Трехо приказал открыть ворота крепости, чтобы впустить спешно возвращавшихся из города офицеров и солдат. Генуэзскому констеблю артиллерии Мануэлю де Оливеру он велел зарядить пушки картечью, а сам побежал будить коменданта — военного инженера Хуана де Сомовилья Техаду. Последний спросонья не понял, что происходит.

— К нам идут англичане! — объяснил ему сержант.

— Англичане? Не морочьте мне голову. Должно быть, это те шестеро пленных, которые сбежали от нас.

— Дон Хуан, их гораздо больше!

— Может, это команда с разбившегося судна?

— Дон Хуан, их несколько сотен человек! Они хорошо вооружены и движутся к нам по пляжу, что в районе Трианы.

Снаружи послышались мушкетные выстрелы, и комендант Техада понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

Поскольку стрельба, открытая защитниками блокгауза, всполошила жителей и гарнизон города, Морган отдал своим людям приказ поторопиться. За полчаса они покрыли расстояние в несколько миль — от жемчужной фермы до пляжа, находившегося близ пригорода Триана. От пляжа отряд повернул направо, обогнул скалу Пенья-дель-Анхель и оказался в узком проходе перед крепостью Сантьяго, в пределах досягаемости ее пушек. Адмирал решил, что проводник специально завел их в это место, и схватил его за горло.

— Мы не сможем пройти этой дорогой! — закричал он. — Ты придумал этот трюк, чтобы всех нас погубить!

Однако друзья Моргана подняли его на смех и оттащили от проводника. Один из англичан, сбежавших от испанцев, успокоил главнокомандующего:

— Пушки Сантьяго разряжены, так что можете не бояться.

Убедившись, что артиллерия крепости молчит, Морган приказал начать операцию. Флибустьеры с громкими криками пересекли открытый участок местности и разделились на две группы: меньшая, насчитывавшая около семидесяти человек, побежала к оврагу и по нему — к холму Ла-Глория, который возвышался над крепостью Сантьяго. Остальные бросились к крепости, обогнули ее и устремились по мосту в город. Позже очевидец событий Алонсо Санчес Рандоли показал под присягой, что пираты ворвались в Портобело, «стреляя из своих ружей во все живое — белых, черных и даже собак, чтобы посеять панику».

Почему же молчали крепостные пушки, которые констебль Мануэль де Оливер должен был зарядить картечью? Дело в том, что констебль в суматохе начисто забыл о картечи и приказал канонирам зарядить две — всего две! — пушки ядрами. Однако и тут не все прошло гладко. По данным Питера Эрла, в первую пушку затолкали ядро раньше, чем пороховой заряд, так что она вообще не смогла выстрелить. А вторую пушку навели слишком высоко, так что ядро, пролетев над головами флибустьеров, плюхнулось в море. Пока ее перезаряжали, люди Моргана успели преодолеть опасную зону, а искусные стрелки из числа буканьеров, засевшие на холме, начали обстреливать гарнизон крепости сверху. Говорят, первый же выстрел угодил пушкарю в голову, после чего остальные солдаты предпочли не высовываться из укрытий.

Авангард, ворвавшийся в город, немедленно рассыпался по улицам. Выстрелы, звон клинков, истошные крики женщин и плач детей — все смешалось в невообразимую какафонию. Тех, кто пытался оказать налетчикам сопротивление, тут же убивали. Прочих брали в заложники.

Незначительное сопротивление англичанам попытался оказать недостроенный форт Сан-Херонимо. Хотя это укрепление, поднимавшееся прямо из моря, выглядело весьма внушительно, гарнизон его состоял лишь из горсти солдат. В исправном состоянии находилась всего одна пушка, но поскольку весь порох отсырел, никакого проку от нее не было. Флибустьеры не знали, какова глубина водного пространства, отделявшего форт от набережной, и, укрывшись за вытащенными на берег каноэ, вступили с солдатами в ружейную перестрелку. Затем

защитникам Сан-Херонимо предложили сдаться, обещая всем пощаду. На это гордый комендант ответил:

— Никогда! Мы будем драться до самой смерти, как подобает настоящим солдатам!

Ситуация изменилась, когда к месту боя подошли несколько бывших английских пленников. Они посмеялись над нерешительностью своих товарищей, заверив их, что к форту можно добраться вброд.

Увидев, что корсары вошли в воду и вот-вот предпримут решительный штурм форта, испанский комендант пересмотрел свое первоначальное решение и сдался вместе со всеми своими людьми. Всех их отвели в большую церковь, куда флибустьеры сгоняли взятых в заложники горожан.

Когда над Сан-Херонимо взвился английский флаг, взошло солнце. Морган, прибыв в город, позволил участникам штурма позавтракать и немного отдохнуть. Затем был созван военный совет. Все прекрасно понимали, что без взятия крепостей Сантьяго и Сан-Фелипе в гавань нельзя будет ввести корабли флотилии и, соответственно, вывезти захваченную в Портобело добычу. Поскольку для штурма обеих крепостей людей у Моргана было явно недостаточно, решили начать с захвата ближайшей к городу крепости — Сантьяго.

В соответствии с разработанным планом 40 человек оставили охранять запертых в церкви пленных; второй отряд был послан на помощь мушкетерам, обстреливавшим крепость с вершины холма, а третий — на западную окраину Портобело, чтобы вести огонь по гарнизону Сантьяго с крыш и из окон домов. Группа отчаянных сорвиголов попыталась поджечь деревянные ворота подземного выхода из крепости, но эта затея не удалась: испанцы сбросили сверху бочонки с порохом и зажженными фитилями, вынудив смельчаков ретироваться под защиту домов.

Хотя этот рассказ вошел почти во все книги по истории пиратов Карибского моря, современные исследователи полагают, что Эксквемелин ввел в него слишком много художественного вымысла. Во-первых, среди защитников Сантьяго не было губернатора города. Во-вторых, испанские документы не подтверждают факта использования монахов, священников и женщин для доставки лестниц к стенам крепости.

Что же произошло на самом деле?

Вернувшись в город, Морган велел вывести из церкви майора города Андреса Фернандеса Давилу, двух монахов, нескольких женщин и монахинь и большую группу стариков. Их решили использовать в качестве живого щита. Подталкивая несчастных заложников в спины, флибустьеры начали продвигаться от

окраины города к главным воротам крепости. Помимо оружия они имели при себе топоры и зажженные факелы.

Защитники Сантьяго оказались перед нелегким выбором: стрелять в приближающуюся толпу соотечественников или сдаться на милость англичан. В конце концов некоторые канониры решили действовать так, как того требовал долг:

— Огонь!

Бабахнули пушки, заряженные соединенными цепями ядрами. Двое монахов получили ранения, один из флибустьеров был убит, но при этом одно из орудий взорвалось, слетев с лафета и покалечив несколько солдат.

Люди Моргана воспользовались этим обстоятельством, быстро преодолели остаток пути и бросились с факелами и топорами на ворота.

Тем временем другой отряд корсаров, тащивший осадные лестницы, скрытно обогнул крепость со стороны моря. Приставив лестницы к стене, нападавшие предприняли первую отчаянную попытку взобраться наверх, однако их штурм был отбит. Перегруппировав свои силы, флибустьеры повторили попытку — и на этот раз удача оказалась на их стороне! Над захваченным бастионом взвился красный флаг.

Увидев этот сигнал, буканьеры, находившиеся на холме, с криками «победа!» бросились к крепости — они хотели помочь своим товарищам завершить ее взятие. Около десяти часов утра крепость Сантьяго пала.

Согласно данным Питера Эрла, из восьмидесяти солдат гарнизона сорок пять были убиты, включая коменданта Хуана де Сомовилья Техаду. Сержант Николас Трехо был тяжело ранен и четыре дня провалялся среди груды окровавленных тел, пока флибустьеры не установили, что он жив. Начальник артиллерии Мануэль де Оливер вышел из боя целым и невредимым, однако устыдился этого и стал умолять одного из английских капитанов убить его.

— Для меня — великая честь убить такого предателя короля, как ты! — воскликнул капитан и, вынув из-за пояса пистолет, выстрелил несчастному прямо в сердце.

Захватив крепость Сантьяго, флибустьеры произвели из нее несколько выстрелов в сторону крепости Сан-Фелипе, находившейся на противоположном берегу бухты, а затем отправились грабить город. По словам Эксквемелина, «все пленники были доставлены в особые здания: мужчины в одни, женщины в другие. Пираты выделили караул для их охраны, а затем перенесли своих раненых в дом, стоявший поблизости. Когда все было кончено, пираты принялись пить и развлекаться с

женщинами», а также «обшаривать и грабить городские дома; при этом они допытывались у пленных, кто в городе богаче всех. Пленники им это сказали, и пираты схватили богачей, чтобы дознаться, куда они дели свое добро. Всех, кто упорствовал и не желал по доброй воле признаваться, тащили на дыбу и терзали, пока они не отдавали богу душу или не показывали всё, что от них требовалось. Были и такие, кто не имел вообще никакого добра; они также умирали под пытками, как мученики. Пираты не отпускали никого, и пленники показывали, где спрятано их добро».

О жестоком обращении людей Моргана с пленниками свидетельствуют как английские, так и испанские документы. Так, в «Календаре государственных бумаг» содержится пересказ письма Джона Стайла, отправленного в январе 1670 года из Порт-Ройяла в Англию: «Обычным делом среди приватиров, кроме зажигания фитилей и тому подобных изощренных мучений, является расчленение человека; сначала режут плоть, затем отрезают кисть, руку, ногу, иногда затягивают веревку вокруг его головы и палкой закручивают ее, пока глаза не повылезают, — это называется “вулдинг”. Перед захватом Пуэрто-Бельо так обращались с некоторыми людьми, поскольку они отказывались показать дорогу в город, которой не существовало, и со многими людьми в самом городе, поскольку те не могли показать богатство, о котором они ничего не знали; одна женщина была посажена голой на раскаленный камень и поджарена, так как она не призналась в наличии денег, которыми владела лишь в их воображении; об этом, как он слышал, некоторые говорили хвастливо, а один, который был болен, признался с сожалением».

В испанских документах сообщается о двух жительницах Портобело, которые были уличены в дружеских связях с флибустьерами. Они указывали последним на тех пленниц, у которых могли быть деньги и драгоценности. С этими женщинами «дурно поступали и [их] притесняли». Дон Педро Ладрон де Гевара показал под присягой, что некоторым пленницам «прижигали те части тела, которые он из приличия не может показать». Другой информатор, мулат Себастьян Кресло, утверждал, что англичане убили дочь коменданта Техады, когда она рыдала над трупом своего отца, и издевались над самой знатной сеньорой города — доньей Агустиной де Рохас. Женщина была раздета и посажена в пустую бочку из-под вина. Насыпав в бочку порох, флибустьеры зажгли у нее перед глазами фитиль и требовали показать, где она спрятала свои сокровища.

На следующий день Морган собрал своих капитанов на совет, чтобы решить, как им взять крепость Сан-Фелипе. Согласно

предварительной договоренности, суда флибустьерской флотилии, направлявшиеся из Бокас-дель-Торо в Портобело, должны были войти в гавань лишь после того, как ударный отряд захватит обе испанские крепости.

Примерно в девять часов утра Морган отправил двух человек в каноэ на переговоры с молодым комендантом крепости Сан-Фелипе доном Алехандро Мануэлем Пау-и-Рокаберти. Но едва каноэ приблизилось к берегу, как пушки крепости открыли по нему огонь, вынудив повернуть назад.

Итак, дон Алехандро решил драться. Какими же силами он располагал? Для обслуживания артиллерии у него было лишь 49 человек — половина необходимого состава. Гарнизон испытывал недостаток в провианте: на всех приходилось четыре фунта хлеба и запас вина. Комендант не знал, что жители города, убежавшие в горы, снарядили для защитников Сан-Фелипе каноэ с большим запасом бананов и маиса, а из Панамы, где уже получили известие о падении крепости Сантьяго, к Портобело движется авангард большого войска. Отсутствие связи с внешним миром в дальнейшем сыграет с доном Алехандро злую шутку.

В 11 часов утра от набережной в районе форта Сан-Херонимо отошла дюжина каноэ, в которых разместились две сотни вооруженных до зубов флибустьеров. Они пересекли бухту с юга на север и высадились на значительном расстоянии к востоку от Сан-Фелипе. Испанский гарнизон был приведен в полную боевую готовность. Солдаты усилили ворота крепости с помощью земли и камней, а затем заняли свои позиции на стенах и бастионах.

Корсаров вдоль берега моря вели два пленника — сержант Хуан де Мальвеги и альферес Алонсо Прието. Чем ближе они подходили к крепости, тем очевиднее становилась угроза для них со стороны крепостной артиллерии.

Дружище, если мы не свернем, то погибнем вместе с англичанами, — вполголоса сказал сержанту альферес.

— Весьма возможно, что Господь спасет нас за наше доброе намерение, — ответил Хуан де Мальвеги. — Если же он не пожелает это сделать, что ж, пусть лучше мы оба умрем, погубив всех англичан, чем позволим им захватить крепость.

— Э нет, дружище, — возразил Алонсо Прието. — У меня жена и дети, и я не хочу умирать.

К счастью для флибустьеров, среди них было немало таких, кто хорошо знал географию Портобело и его окрестностей. Один из англичан догадался, что испанский сержант хочет подставить их под огонь крепостных орудий, и ударил проводника прикладом мушкета по голове. Отряд тут же свернул на тропу, убегавшую в сторону холмов, где его не могла достать

артиллерия Сан-Фелипе.

В два часа дня защитники крепости вновь увидели неприятеля, показавшегося из лощины в пределах мушкетного выстрела.

— Огонь! — закричал комендант Пау-и-Рокаберти. Шквал огня из пушек и мушкетов заставил флибустьеров

немедленно отступить. Несколько человек было убито. Две другие попытки выйти из лощины и атаковать крепость также провалились.

Посовещавшись, англичане разделили свои силы. Один отряд двинулся под защитой скал и камней к стене, обращенной к бухте, и попытался поджечь находившиеся там ворота. Поскольку испанцы не могли обстреливать врага с этой стороны, они ограничились тем, что стали сбрасывать на флибустьеров камни и горшки с порохом.

Бой был упорным. Испанцы не сдавались, но у молодого коменданта неожиданно начали сдавать нервы. Он попросил лейтенанта Хуана Саборино, командовавшего бойцами на крепостной стене, спуститься вниз, на плац, для важного разговора. Когда Саборино подбежал к нему, комендант в отчаянии спросил:

— Сеньор лейтенант, что нам делать? — И тут же сам ответил: — Нам надо сдаться!

Саборино отказывался верить своим ушам:

— Сдаться? С какой стати? Враг убил у нас всего пять человек, а мы бьемся лишь два часа. Нет, мы будем сражаться до последнего человека!

Дон Алехандро сконфузился и велел лейтенанту вернуться на свое место.

Едва Саборино поднялся на стену, как за его спиной послышалась барабанная дробь. Это был сигнал прекратить огонь! Ничего не понимая, лейтенант снова бросился на плац. Оказалось, что комендант согласился на переговоры с англичанами. Со стены спустили лестницу, и два английских капитана поднялись наверх.

Переговоры заняли немного времени. Через несколько минут комендант Пау-и-Рокаберти согласился сдать крепость Сан-Фелипе на почетных условиях. Гарнизон мог отправиться по дороге на Панаму с «развевающимися знаменами, барабанным боем, зажженными фитилями и пулей в стволе».

Офицеры со всех сторон бросились к коменданту. Они были вне себя от ярости:

— Как вы посмели сдать крепость, не посоветовавшись с нами?!

— Это предательство!

— Где ваша честь, сеньор?

Слишком поздно. Пока испанские командиры выясняли отношения, флибустьеры вскарабкались по лестнице наверх и открыли главные ворота. Основной отряд ворвался на территорию крепости. Испанский флаг был спущен, его место занял флаг с крестом Святого Георгия.

Англичане не собирались выполнять условия соглашения. Как только солдаты гарнизона вышли за ворота, флибустьеры отобрали у них огнестрельное оружие, копья и знамена, оставив им только сабли. Лейтенант Саборино, возмущенный вероломством победителей, вырвавших у него из рук знамя и копье, с решительным видом направился к коменданту. Отыскав его в крепости, он высказал ему все, что думал о нем и его чудовищном поступке.

Дон Алехандро ничего не ответил лейтенанту. Как рассказывали очевидцы, комендант смотрел на Саборино как сумасшедший. Очевидно, он находился в шоке от того, что сделал. Его добрая репутация пошла прахом. Бесчестие и клеймо труса — вот что ожидало дона Алехандро в дальнейшем.

Не вынеся позора, он в ту же ночь попросил англичан дать ему флакон с ядом. Агония несчастного продлилась два дня.

ПОБЕДА НАД ВОЙСКОМ ИЗ ПАНАМЫ. ТРИУМФ НА ЯМАЙКЕ

После падения крепости Сан-Фелипе корабли ямайской флотилии, стоявшие недалеко от входа в бухту, смогли наконец войти в нее и стать на якорь. По данным испанских источников, у Моргана было 14 судов: флагманский корабль, три легких фрегата и восемь баландр (баландрами испанцы называли небольшие беспалубные суда, напоминавшие баркалоны, шлюпы, тартаны и каики). Пушки флотилии были нацелены на окрестности Портобело для предотвращения возможных нападений испанцев со стороны леса и гор. Кроме того, флибустьеры разместили в крепостях гарнизоны, а на сторожевых постах вокруг города — усиленные караулы.

Президент аудиенсии Панамы дон Агустин де Бракамонте узнал о захвате Портобело и крепости Сантьяго спустя сутки — в четверг 2 (12) июля. Это известие ошеломило молодого аристократа, который не мог поверить, что флибустьеры так быстро овладели одним из самых защищенных городов Испанской Америки. Впрочем, он мог утешиться мыслью, что вторая крепость — Сан-Фелипе — все еще удерживалась испанским гарнизоном.

Не тратя время на созыв военной хунты и пустопорожние разговоры, дон Агустин отдал приказ бить в барабаны и созывать мужское население Панамы на центральную площадь. В девять часов утра того же дня, вскочив в седло, он повел авангард своего войска через саванну в Вента-де-Крусес — небольшое селение, служившее промежуточной станцией для караванов мулов, которые с прибытием в Портобело галеонов «серебряного флота» доставляли туда сокровища Перу. Из указанного селения он отправил гонца в крепость Сан-Фелипе, чтобы сообщить ее коменданту о том, что помощь близка. Вечером в Вента-де-Крусес прибыли 200 солдат гарнизона Панамы. Еще больше людей пришло туда ночью. Позже Бракамонте напишет в отчете: «Я присягнул Господу, что выступлю в пятницу и буду в Портобело в субботу… дабы объединиться с горожанами, бежавшими в горы».

Хотя Морган и его капитаны утверждали, что в войске президента Панамы было три тысячи человек, в действительности под ружьем у Бракамонте находилось не более восьмисот солдат и ополченцев. Проведя смотр своего войска, президент вдруг

обнаружил, что из-за спешки часть людей не успела как следует снарядиться, мулаты из милицейских отрядов вообще явились босыми и без оружия и всем не хватало продовольствия. Пришлось отправить в Панаму несколько человек с заданием срочно достать необходимые припасы, оружие и обувь на веревочной подошве, чтобы ополченцам легче было передвигаться в горах.

Мулы со снаряжением и провиантом пришли из Панамы в Вента-де-Крусес через три дня, в воскресенье. В тот же день солдаты дона Агустина встретили в лесу близ деревушки Пекен беглецов из крепости Сан-Фелипе. Они передали президенту печальную новость, что их комендант струсил и сдал крепость врагу.

Бракамонте немедленно созвал военную хунту. На повестке дня стоял лишь один вопрос: стоит ли им продолжить движение к Портобело или вернуться в Панаму?

— Следует продолжить поход, — сказал один из офицеров, и остальные поддержали его.

С группой всадников президент поскакал к мосту через реку Каскабаль, протекавшую в семи милях от Портобело, где стал ожидать подхода основных сил. Здесь он связался с несколькими беженцами из города, которые рассказали ему о силах противника. Полученная информация обескуражила дона Агустина. Он понял, что победить флибустьеров будет не так-то просто.

7 (17) июля Бракамонте написал письмо губернатору Картахены дону Бенито де Фигероа с просьбой прислать подкрепления. Гонец, двигаясь сначала по суше, а потом на каноэ по морю, добрался до места назначения лишь спустя 19 дней. Фигероа немедленно собрал хунту, которая проголосовала за отправку помощи, однако на снаряжение флотилии из семи судов ушло слишком много времени. Она смогла отплыть из Картахены только 21 (31) августа — через полмесяца после того, как Морган покинул Портобело.

О приближении войска из Панамы адмирал флибустьеров узнал заранее. Он воспользовался этим известием, чтобы потребовать от Бракамонте выкуп. Спустя короткое время один из пленников, сержант-майор Антонио де Лара, доставил президенту письмо, написанное на хорошем испанском языке. «Сеньор, — сообщалось в нем, — завтра мы собираемся сжечь этот город дотла, а затем отплыть со всеми пушками и амуницией из крепостей. С собой мы хотим забрать всех пленных… Мы продемонстрируем им такую же доброжелательность, с какой английские пленники столкнулись в этом городе». Впрочем,

говорилось далее, отплытие может быть отложено, а город сохранен за выкуп в 350 тысяч песо. Письмо было подписано: «Портобело. 14 июля 1668 года. Энрике Морган».

К письму прилагались статьи капитуляции, подписанные Морганом, шестью его капитанами и одиннадцатью жителями города, включая майора и коменданта — единственного из трех комендантов, которому посчастливилось остаться в живых. Сержант-майор объяснил президенту, что был вынужден вести переговоры с капитаном Джоном Дугласом (Жаном Дюгла), уполномоченным адмирала Моргана, и подписал условия капитуляции под угрозой смерти.

Ответ дона Агустина Моргану был исполнен высокомерия и презрения: «Я так понял, что вы — [обычный] корсар, и отвечаю: вассалы короля Испании не ведут переговоры с лицами низкого звания».

Прочитав письмо президента Панамы, адмирал ответил ему в том же духе:

«Хотя ваше письмо не заслуживает ответа, ибо вы назвали меня корсаром, все же я черканул вам эту пару строк с просьбой прийти как можно скорее. Мы ожидаем вас со всей нашей любезностью, имея для встречи с вами порох и пули. Если вы не поторопитесь, мы с помощью Бога и нашего оружия сами придем и навестим вас в Панаме. А пока мы намерены разместить гарнизоны в крепостях и удерживать их для короля Англии, моего господина… Поскольку я не верю, что у вас имеется достаточное количество людей для того, чтобы завтра сразиться со мной, я велю освободить всех бедных пленников, дабы они могли оказать вам помощь».

Письмо заканчивалось дерзкой припиской: «Портобело, город короля Англии».

Морган мог позволить себе быть дерзким, так как прекрасно понимал, насколько незначительны и небоеспособны силы, которыми располагал Бракамонте. Когда панамское войско, измученное тяжелым переходом через горы, стало лагерем в заболоченной долине Матапало, примерно в полутора милях от Портобело, его боевой дух почти полностью угас. Частые ливни, духота, пропитанный влагой воздух и тучи москитов стали причиной распространения болезней. Как писал очевидец, солдаты и ополченцы «переносили страдания на ногах и сундуках, денно и нощно находясь по колено в грязи, постоянно обливаемые дождем с головы до пят». Промокли не только одежда и порох, но и запасы еды; вслед за болезнями начался голод.

Дон Агустино понимал, что с каждым днем ситуация будет

лишь ухудшаться. Поэтому, не дожидаясь подхода подкреплений из Картахены, он решил действовать. Войско выбралось из долины, поднялось на холмы и стало двигаться к городу. Флибустьеры, находившиеся в дозоре, подняли тревогу. Отряд лучших стрелков, поддерживаемый корабельной артиллерией, встретил неприятеля на подступах к Портобело и яростным огнем заставил его ретироваться.

Несколько раз небольшим группам испанцев все же удавалось проникать в город под покровом ночи. Одна из них смогла освободить несколько пленников и унести в горы образы девы Марии.

После пяти дней затишья Морган сформировал летучий отряд из двухсот стрелков, которые предприняли ответную вылазку. На склоне горы Эль-Матадор они сразились с испанцами. Последние потеряли в бою восемь человек убитыми, англичане — двоих. Кроме того, в испанский плен угодил йоркширец Роберт Барни.

По данным Питера Эрла, в тот же день к дону Агустино, заболевшему тропической лихорадкой, привели двоих испанских моряков. Они утверждали, что были захвачены в море Джоном Моррисом, одним из соратников Моргана, и вместе с ним попали в Портобело, откуда ухитрились сбежать. Президент допросил сначала их, а затем пленного англичанина. Уточнив силы корсаров и схему их размещения в городе, Бракамонте пожелал также знать, каковы ближайшие планы Моргана. Испанские моряки сказали, что захватчики намереваются забрать с собой все награбленное серебро и рабов, город сжечь, а пушки сбросить с крепостных стен в море. Барни придерживался другой точки зрения:

— Если Морган получит выкуп серебром, он оставит Портобело нетронутым.

Эта информация не содержала ничего нового. Гораздо больший интерес представляло утверждение испанских моряков о том, что нападение англичан на город было лишь отвлекающим маневром. Они рассказали президенту о военном совете, состоявшемся у берегов Никарагуа, во время которого французы отказались идти с англичанами на Портобело. А затем пояснили, что причина этого заключалась в тайном договоре, заключенном между адмиралами обеих флотилий. Согласно договору англичане должны были атаковать Портобело, чтобы заставить гарнизон Панамы двинуться ему на помощь. Французы же, воспользовавшись этим, должны были пересечь Панамский перешеек и напасть на саму Панаму.

Насколько рассказ моряков соответствовал

действительности? Не были ли они провокаторами? А может, англичане использовали испанских моряков «втемную», подбросив им эту сенсационную «утку» и позволив сбежать в лагерь к дону Агустино?

Как бы там ни было, президент решил подстраховаться и приказал арестовать обоих моряков «по подозрению в шпионаже». В то же время у него появился отличный повод вернуться домой, не утратив чести.

Окончательное решение принималось на военном совете, который был созван Бракамонте утром 13 (23) июля. Офицерам зачитали показания двоих моряков и пленного англичанина, после чего вперед вышел маэстре-де-кампо Хуан де Салина, командовавший авангардом панамского войска, и сказал:

— Мы имеем на сегодня лишь восемьсот людей, неопытных и плохо вооруженных, которые по силе не равноценны их врагам. Эти люди являются единственной защитой нашего королевства и всего Перу. Я считаю, что нам не удастся вернуть Портобело и его крепости. Единственное, что мы можем сделать, это оставить здесь достаточное количество людей, чтобы отбросить врага, если он рискнет выступить, а с остальными вернуться в Панаму.

Затем маэстре-де-кампо аргументировал свою точку зрения: болезнь людей, недостаток провианта и пороха, опасность со стороны французов, сила и информированность англичан о состоянии испанского войска.

— Если мы пойдем в атаку, — добавил он, — нас могут разбить в пух и прах.

Тридцать три офицера поддержали мнение Хуана де Са-лины. Решение хунты запротоколировали. Затем, желая еще больше усилить аргументы в пользу необходимости отступления, дон Агустино приказал двум хирургам написать заключение о плачевном состоянии здоровья его людей. Все документы были скреплены печатью и заверены королевскими нотариусами.

В то время как войско Бракамонте двинулось назад к Панаме, капитан Франсиско де Арикага с группой парламентеров отправился под белым флагом в Портобело. Президент поручил Арикаге встретиться с Морганом под предлогом обмена пленного англичанина на одного из «отцов города» и договориться о размере выкупа.

Морган не скрывал, что хотел бы покончить с делами как можно быстрее. Условия, выдвинутые им десятью днями ранее, не изменились: если испанцы выплатят ему 350 тысяч песо серебром, он не сожжет Портобело и вернет жителям 300 рабов, захваченных в городе и окрестностях. В случае невыполнения его требований он пообещал сжечь город дотла, разрушить крепости

и уничтожить всю артиллерию.

Капитан Арикага покачал головой. Столько денег не было во всей провинции. Самое большее, что он мог предложить, — 100 тысяч песо, причем половину этой суммы — деньгами, а половину — векселем на банк генуэзца Доминго Грилло, обладавшего монопольным правом на поставку африканских невольников в испанские колонии.

— Я ценю юмор, — усмехнулся Морган, — но где вы слышали, чтобы корсар согласился взять выкуп векселем? Мои люди хотели бы получить триста пятьдесят тысяч песо наличными, причем как можно скорее.

На этом первый раунд переговоров завершился.

Адмирал блефовал. Правда заключалась в том, что он и его люди пришли в Портобело не затем, чтобы довольствоваться скромной добычей и уничтожением испанского города. Им нужны были деньги, и они согласились бы ждать уплаты выкупа до тех пор, пока испанцы не соберут требуемую сумму. Однако силы флибустьеров начали таять. Хотя при захвате города и крепостей они потеряли лишь 18 человек, в последующие дни на кораблях участились случаи тропической лихорадки и иных болезней.

«Спустя четырнадцать дней, — рассказывает Эксквемелин, — многих стала косить эпидемия, от трупов шло зловоние; кое-кто пострадал от распутства — вина и женщин. Большинство раненых пиратов погибло. Погибло много и испанцев, однако не от обжорства, а от голода и горя: ведь если в былые времена начинали они день чашкой шоколада, то теперь считали за счастье поживиться кусочком хлеба или обрезком ослятины».

Согласно показаниям Хуана де Пинеды, пленника из Сан-Фелипе, пиратский гарнизон этой крепости насчитывал лишь 30 или 40 человек и сменялся каждые сутки, поскольку «болезни среди людей Моргана не прекращались». Время работало против флибустьеров. Испанцы постепенно стягивали из провинций в Панаму дополнительные силы и рано или поздно могли атаковать Портобело и выбить оттуда захватчиков. Поэтому оставаться в разоренном городе в ожидании того, что испанская сторона согласится выполнить его условия, Морган не мог. Уже через два дня после переговоров с Арикагой он отправил одного из пленных к Кристобалю Гарсия Ниньо, командовавшему арьергардом войска Бракамонте, с предложением возобновить переговоры.

Гарсия Ниньо повторил аргументы Арикаги. При этом он дал понять английской стороне, что испанцы не смогут собрать более 100 тысяч песо (около 25 тысяч фунтов стерлингов).

Морган вынужден был согласиться на предложенную сумму.

Но тут же добавил, что деньги должны быть выплачены в течение десяти дней — не позже.

Гарсия Ниньо предложил флибустьерскому адмиралу следующую процедуру передачи денег. Во-первых, для укрепления взаимного доверия обе стороны должны будут освободить заложников. Во-вторых, обмен заложниками и передача денег должны состояться после того, как англичане покинут Портобело. Затем представители обеих сторон должны будут подойти к устью гавани «на двух одинаковых [по силе] кораблях, один для передачи, а другой для приема денег, один вернется к берегу с испанскими заложниками, а другой выйдет в море с английскими заложниками».

Моргану такой сценарий не понравился. Он соглашался передать испанцам заложников — Гарсия Ниньо сам мог отобрать шесть флибустьерских капитанов. Соглашался, чтобы испанские заложники еще до ухода англичан проверили крепости и убедились, что все пушки в них остались нетронутыми. Однако не соглашался на то, чтобы его флотилия вышла в море до того, как деньги окажутся на борту кораблей.

На этом завершился второй раунд переговоров. Гарсия Ниньо поспешил в Панаму и прибыл туда в воскресенье 19 (29) июля — через день после прихода туда Бракамонте и его войска. Дона Агустина он застал в расстроенных чувствах: убедившись, что никаких французских отрядов на перешейке нет, президент теперь побаивался быть обвиненным в трусости и отказе от попытки изгнать английских корсаров из Портобело. К счастью, информация Гарсия Ниньо о том, что ему удалось договориться с Морганом о выкупе за город, значительно улучшила самочувствие дона Агустино.

На военном совете, созванном для обсуждения условий выкупа, Бракамонте выступил с трогательной речью. В ней он выразил сожаление, что во время его губернаторства «королевство Тьерра-Фирме понесло столь великое и справедливое наказание за свои грехи». Он был убежден, что в сложившихся обстоятельствах испанцам не оставалось ничего иного, как уплатить англичанам требуемый выкуп. Если бы флибустьеры сожгли Портобело и разрушили его крепости, испанская торговля в регионе пришла бы в упадок, а король не скоро нашел бы деньги на восстановление разрушенного.

Остальные члены хунты поддержали мнение дона Агустино, хотя контадор дон Себастьян Гомес Каррильо заметил, что своим согласием отдать деньги пиратам они создают опасный прецедент.

Деньги для выкупа Портобело и его фортификаций собрали

за три дня. Как сообщает Питер Эрл, кое-что взяли из королевского казначейства, однако большую часть суммы заняли у частных лиц (почти половину дал один богатый купец, торговавший с Перу и финансировавший неудачную вылазку Бракамонте в окрестности Портобело). Позже, после прибытия в Портобело галеонов «серебряного флота», жители несчастного города вынуждены были вернуть негоциантам Панамы занятую у них сумму.

24 июля (3 августа) двое панамских собственников каравана мулов написали расписку на переданные им сокровища и вместе с погонщиками и вооруженным эскортом двинулись по дороге на Портобело. Когда они прибыли в разоренный город, радости флибустьеров не было предела. Испанцы передали Моргану 27 слитков серебра стоимостью 43 тысячи песо, несколько сундуков серебряных пластин стоимостью 13 тысяч песо, четыре тысячи песо в золотых монетах и 40 тысяч песо в серебряных монетах — всего на сумму 100 тысяч песо.

Согласно легенде, которую приводят в своих сочинениях Эксквемелин и Шарлевуа, президент Панамы долго не мог понять, как это четыре сотни разбойников без артиллерии и осадной техники смогли взять, казалось бы, неприступный город. Он послал к флибустьерскому адмиралу парламентера с просьбой рассказать, каким образом ему удалось захватить столь сильное укрепление. Морган встретил посланца очень приветливо, передал ему «французское ружье длиной в четыре с половиной фута, стреляющее пулями весом шестнадцать штук на фунт, а также патронташ с тридцатью зарядами, также французский, и прочие принадлежности. Вручив подарки, Морган передал через этого гонца президенту, что дарит ему ружье и что через год или два сам придет в Панаму. Президент в ответ послал Моргану подарок: золотое кольцо со смарагдом; он поблагодарил Моргана и передал, что с Панамой ему не удастся проделать то же самое, что с Пуэрто-Бельо, даже если Моргану удастся подойти к городу».

Через два с половиной года Морган сдержит свое обещание и нагрянет в Панаму. А пока, погрузив на суда деньги, сокровища, ценные товары и продовольствие, он вывел свою флотилию в море. В протоколе отчета Моргана и его капитанов записано, что «когда плата была внесена, они вернулись на борт, оставив город и крепости в таком же хорошем состоянии, в каком они их нашли. В первой крепости находилось 30 бронзовых пушек, не считая железных, во второй — 13, все бронзовые, а в третьей — 14 пушек». Кроме того, адмирал и капитаны освободили всех «знатных женщин» и иных заложников, якобы добровольно

отдавших себя под защиту корсаров: «И, желая наилучшим образом оградить себя от обычных сплетен врагов, они утверждали, что нескольким знатным дамам и другим пленникам они предложили свободно уйти в лагерь президента, но дамы отказались, сказав, что они являются пленниками благородного человека, который проявил гораздо больше заботы об их чести, чем они могли бы найти в лагере президента среди его грубых панамских солдат; и так добровольно оставались с ним до момента передачи города и крепостей, после чего со многими благодарностями и добрыми пожеланиями вернулись в свои прежние дома».

В открытом море ямайская флотилия разделилась. Поданным Моргана, «капитан Эдвард Коллир сошел на берег в заливе Кордивант, в четырех лигах от Санта-Марты, чтобы достать провизию, и по счастливой случайности захватил в плен родственника губернатора, от которого… получил информацию о значительных приготовлениях испанцев против Ямайки, а также о восстании индейцев, взятии ими Момпоса, предании мечу мужчин, женщин и детей и намерении захватить Санта-Фе [Боготу], чтобы затем отыскать богатейший золотой рудник в доминионах короля Испании, для сохранения которого они [испанцы] весьма сильно укрепляли Санта-Марту».

Если верить Эксквемелину, прежде чем вернуться в Порт-Ройял, Морган взял курс на южное побережье Кубы. Там, на островах архипелага Хардинес-де-ла-Рейна, флибустьеры разделили добычу. Она «составила двести пятьдесят тысяч пиастров золотом, драгоценностями и серебряными изделиями, а сверх того взято было много холста, шелков и других товаров».

В середине августа 1668 года корабли Моргана с триумфом вошли в гавань Порт-Ройяла. Форты приветствовали их артиллерийским салютом и поднятием флагов, на улицах города трубили трубы и отбивали дробь барабаны. Ликующая толпа потянулась по Темз-стрит к песчаному берегу, желая видеть своих героев — разодетых в шелка и бархат джентльменов удачи и их адмирала Генри Моргана.

Губернатор Модифорд писал, что после грабежа Портобело участники похода получили по 60 фунтов стерлингов, но это была «официальная» цифра; в действительности добыча была более солидной. По данным испанского посла в Лондоне, «доля каждого солдата составила 600 (унций) или 80 фунтов в полкроновых унциях, откуда можно представить, сколько досталось офицерам, губернатору и их доверенным лицам».

По оценке Питера Эрла, на каждого участника экспедиции пришлось по 150 фунтов стерлингов. Это было больше, чем

обычный матрос той эпохи мог заработать за несколько лет честной службы!

Современник событий Ричард Браун в письме Джозефу Уильямсону от 9 ноября 1668 года писал:

«Около середины августа флот приватиров вернулся [на Ямайку] после захвата Пуэрто-Бельо. Слышал, что шесть капитанов с 500 людьми взяли этот город и три крепости, удерживали их 30 дней и вернули за 100 тысяч пиастров, не считая того, что они награбили в городе, который был очень богатым. Они снова все ушли, но с какой целью, я не могу сказать; адмиралом у них некий капитан Морган».

Добавим, что возвращение флотилии Моргана в Порт-Рой-ял породило невиданный деловой бум среди жителей города. Вице-губернатор острова сэр Джеймс Модифорд в письме своему лондонскому агенту сэру Эндрю Кингу отмечал, что у него, к несчастью, было при себе так мало наличных денег, что он упустил возможность купить у флибустьеров за бесценок продукты их грабежей:

«…Хочу представить вам отчет относительно экспедиции приватиров на Пуэрто-Принсипе и Пуэрто-Бельо; что касается последнего места, то я уверен, что они привезли вдвое больше добычи в драгоценных камнях, золоте и серебре, чем стоимость выкупа, который они получили за этот город; и я бы мог купить всё, что хотел, примерно по 40 шилл. за унцию золота, а серебро — от 2 шилл. 6 пенсов до 3 шилл. за унцию, но у меня не оказалось при себе наличных денег. Кое-что отправлено теперь в Старую, а еще больше в Новую Англию».

1 (11) октября 1668 года сэр Томас сообщал герцогу Альбемарлю, что сделал флибустьерам выговор за взятие Пуэрто-Принсипе и Пуэрто-Бельо, поскольку каперское поручение разрешало им нападать только на испанские корабли. В то же время он приложил к письму отчет Моргана и его офицеров от 7 (17) сентября, в котором те оправдывали свои действия угрозой испанского вторжения на Ямайку. «Весьма определенно, что испанцы намерены совершить нападение на этот остров, но не смогли собрать людей, — убеждал Модифорд герцога, — и они до сих пор вынашивают те же планы, и поэтому я не могу не осмелиться сказать, что это не очень-то правильно, чтобы мы были в какой-либо степени сдерживаемы, тогда как они вольны предпринимать против нас всё, что захотят; и поэтому мы никогда не будем в безопасности, пока король Испании не признает этот остров принадлежащим Его Величеству и таким образом не включит его название в статьи договора».

«Трогательная» забота сэра Томаса о флибустьерах

объяснялась его личной заинтересованностью в поступлении на остров взятой у испанцев добычи. Сохранились признания Чарлза Модифорда об основных статьях дохода его отца. По его сведениям, годовой доход сэра Томаса составлял 2500 фунтов стерлингов. Из них тысячу фунтов стерлингов он получал за службу в качестве губернатора, 600 фунтов стерлингов — в виде налога на спиртное, 400 фунтов стерлингов — за каперские грамоты и еще 500 фунтов стерлингов — в виде «подарков» от флибустьеров.

Яркую картину того, как корсары распоряжались своей долей добычи, рисует в своем сочинении Эксквемелин: «…такие люди пьют и развратничают до тех пор, пока не спустят всё до последнего гроша. Некоторые из них умудряются за ночь прокутить две-три тысячи пиастров, так что к утру у них не остается даже рубашки на теле. Я знал на Ямайке одного человека, который платил девке пятьсот пиастров лишь за то, чтобы взглянуть на нее голую. И такие люди совершают много всяческих глупостей. Мой бывший господин частенько покупал бочонок вина, выкатывал его на улицу, выбивал затычку и садился рядом. Все шедшие мимо должны были пить вместе с ним — попробуй не выпей, если тебя угощают под ружейным дулом, а с ружьем мой господин не расставался. Порой он покупал бочку масла, вытаскивал ее на улицу и швырял масло в прохожих прямо на одежду или в голову.

Друг к другу пираты относились заботливо. Кто ничего не имеет, может рассчитывать на поддержку товарищей. У пиратов был кредит и среди трактирщиков. Но на Ямайке кредиторам верить нельзя: ведь за долги они могут запросто тебя продать, и я сам тому не раз был свидетелем. В конце концов продали даже того пирата, который так щедро расплачивался с девкой. Сперва у него было три тысячи пиастров, а не прошло и трех месяцев, как его самого продали за долги, и как раз тому, в чьем доме он промотал большую часть своих денег».

Пока Морган оставался на Ямайке, власти острова продолжали скрупулезно собирать сведения об антибританских действиях испанцев в Вест-Индии; эти сведения затем отправлялись в Англию, где должны были убедить правительство и короля в правомочности антииспанских акций флибустьеров. В контексте вышесказанного следует рассматривать и «Показания под присягой Фрэнсиса Стюарда, шкипера, и офицеров корабля “Мёрчент эдвенчур” из Лондона», датированные 19 (29) сентября 1668 года. Пострадавшие утверждали, что «2 июня они отплыли с Ямайки в Лондон и 10-го числа после 22 часов погони были захвачены тремя испанскими военными кораблями, которые

задержали их пленниками и забрали все сундуки, чемоданы и вещи шкипера и матросов к их весьма великому ущербу».

Подобные эксцессы, естественно, оправдывали любые антииспанские операции флибустьеров в Карибском регионе.

ГИБЕЛЬ ФРЕГАТА «ОКСФОРД»

Известия о захвате Портобело пришли в Лондон гораздо раньше, чем в Мадрид, и были встречены британцами с энтузиазмом. Эта смелая акция напомнила им о славных временах Дрейка и королевы Елизаветы, и отныне к галерее героев, унизивших ненавистную империю испанских Габсбургов, добавилось новое имя — имя Генри Моргана.

В декабре разгневанный испанский посол граф де Молина напомнил английским министрам об англо-испанском мирном договоре 1667 года, но услышал в ответ, что договор касался лишь Европы и не распространялся южнее тропика Рака.

Вот если бы испанская сторона предоставила английским негоциантам привилегии в торговле с Испанской Америкой и признала Ямайку английским владением, необъявленная война за «линией дружбы» навсегда ушла бы в прошлое.

В конце того же месяца король Карл II принял испанского посла, выразил свое сожаление по поводу нападений на Пуэрто-Принсипе и Портобело, но, как всегда, нашел им объяснение в «нехристианском обращении» испанцев с подданными британской короны в Вест-Индии. В конце аудиенции Молина передал королю требование своего суверена наказать виновных в нападениях на Пуэрто-Принсипе и Портобело и возместить нанесенный Испании ущерб. Карл обещал во всем разобраться, как только получит официальные сообщения с Ямайки.

К тому времени флибустьеры, участвовавшие в походе на Портобело, успели промотать все награбленные богатства и были полны решимости снова выйти в море за добычей. Морган торопился, опасаясь негативной реакции Лондона на его предыдущие рейды и запрета на новые экспедиции.

В октябре Модифорд написал сэру Джозефу Уильямсону, секретарю лорда Арлингтона, что адмирал Морган, имея под своим командованием десять судов и 800 человек, отплыл из Порт-Ройяла к острову Ваш. Последний расположен к югу от Эспаньолы (Гаити), недалеко от ее юго-западной оконечности, и долгое время использовался в качестве убежища французскими, английскими и голландскими корсарами. Постоянного населения на острове Ваш не было, хотя природные условия позволяли выращивать там хлопок, индиго, сахарный тростник, табак и какао. Со всех сторон остров окружен рифами, банками и песчаными островками; в колониальную эпоху воды вокруг него изобиловали рыбой и черепахами, а на самом острове водились дикие свиньи и кабаны.

В конце года к острову Ваш пришли два французских корсарских судна, один из которых, фрегат «Серф Волан» («Бумажный змей»), находился под командованием уроженца Сен-Мало капитана Ла Вивона (встречаются и другие варианты написания этого имени — Ла Вевен, Вивьен). Фрегат был вооружен двадцатью четырьмя пушками и двенадцатью Фальконетами, экипаж насчитывал 45 человек. На Антильские острова Л а Вивон прибыл с каперским свидетельством от герцога де Бофора. Судя по всему, он не собирался идти в поход вместе с англичанами, а лишь доставил к месту базирования флибустьерской флотилии добровольцев с Тортуги и провиант. Морган же, нуждаясь не только в провизии, но и в хорошем боевом судне, решил во что бы то ни стало присоединить его к своей флотилии.

14 (24) октября из Англии на Ямайку прибыл 22-пушечный королевский фрегат «Оксфорд» (водоизмещение — 240 тонн, экипаж — 95 человек). Его прислали «для защиты острова, подавления приватиров и поощрения торговли и коммерции». Однако в Порт-Ройяле фрегат лишился своих командиров, поскольку его капитан, некто Хакит, «поссорился со шкипером, пронзив его насквозь, отчего тот умер, и теперь сбежал из-за этого». В силу сложившихся обстоятельств Модифорд решил передать «Оксфорд» под командование Эдварда Коллира и приказал ему идти на соединение с ямайской флотилией к острову Ваш. Коллир увеличил количество пушек на фрегате до тридцати четырех, довел численность экипажа до 180 человек, после чего покинул Порт-Ройял и направился к юго-западной оконечности Эспаньолы. 29 октября (8 ноября) он стал на якорь близ острова Ваш.

В британских архивах сохранилось свидетельство Ричарда Брауна, находившегося на борту «Оксфорда» в качестве хирурга. Письмо Брауна адресовано Джозефу Уильямсону и датировано 20 (30) января 1669 года. Согласно его версии, в задачу капитана «Оксфорда» входило расследование дела, связанного с ограблением французскими корсарами английского торгового кеча «Комонвэлс» из Виргинии; шкипером кеча был Исаак Раш. Французы забрали с «Комонвэлса» двенадцать бочек свинины, бочку масла и другие продукты. Виновным в этом пиратском акте решили сделать капитана Ла Вивона. Коллир отправил к нему своего лейтенанта с приказом явиться на борт «Оксфорда». Изумленный Ла Вивон едва не задохнулся от ярости:

— Черт возьми, я впервые слышу, чтобы капитану французского военного корабля какой-то иностранец приказывал оставить его корабль!

Тогда на следующее утро Коллир снялся с якоря, подошел вплотную к «Серф Волану» и пригрозил взять его на абордаж. Сила была на стороне англичан, и Ла Вивон, поднявшись на борт «Оксфорда», вынужден был вступить в переговоры с Коллиром. Последний попросил его предъявить каперское свидетельство. Немного поупрямившись, француз показал патент, подписанный герцогом де Бофором.

Англичане знали, что виргинский кеч был ограблен неким капитаном Ларошем из Тулона. На следующий день они привезли на остров Ваш шкипера «Комонвэлса» и показали ему французского капитана. Исаак Раш тут же «опознал» в Ла Вивоне «капитана Ла-Роша». Капитану «Серф Волана» приказали перейти на борт «Оксфорда» вместе со всей командой, а его корабль захватили. Затем Ла Вивону объявили:

— Месье, вас будут судить на Ямайке как пирата.

Кроме обвинения в ограблении виргинского кеча капитану «Серф Волана» инкриминировали использование каперского свидетельства, действительного лишь в пределах Средиземного моря, но не в водах Вест-Индии.

Всех пленных французов Коллир доставил в Порт-Ройял, где капитана Ла Вивона немедленно отдали под суд. Сэр Джеймс Модифорд, занимавший должность вице-адмиралтейского судьи Ямайки, нашел его виновным в пиратстве и приговорил к смертной казни, а французский фрегат объявил законным призом. Несчастный Ла Вивон едва не лишился чувств. Кто-то подсказал ему подать прошение о помиловании губернатору, что он и сделал. В конце концов этим француз спас свою шею от петли.

Что касается «Серф Волана», то его переименовали в «Сэтисфекшн», и в декабре он присоединился у острова Ваш к остальным кораблям ямайской флотилии.

«Потом Морган собрал у себя военный совет с капитанами других пиратских кораблей, — рассказывает Эксквемелин, — и на этом совете пираты обсудили, в какое именно место испанского побережья им надлежит отправиться. Договорившись, пираты подняли паруса и взяли курс на восточную оконечность острова Эспаньолы, чтобы затем отправиться к острову Савоне [Саоне]; они решили, что суда сперва разойдутся, а потом снова соберутся в условленном месте, и там уже они договорятся окончательно, куда же им идти дальше. На всех кораблях выпили за здоровье короля и будущие успехи; при этом многие подняли стрельбу — господа были внутри корабля, а все остальные на палубе. Но весело было начало, а печальным оказался конец этого пиршества. Шальным выстрелом из мушкета какой-то пират

угодил в пороховой погреб, и корабль — а на нем было триста англичан и пленники-французы — взлетел на воздух. Без малого тридцать человек простились с жизнью, но те, кто был в каютах, спаслись и отделались довольно легко. Моргану слегка свело ногу. Все находились на корме корабля, а на английских судах пороховые погреба располагаются в носовой части. И спаслось бы еще больше, если бы команда не перепилась до такой степени. Англичане не знали, чем объяснить это несчастье, и свалили все на французов, обвинив их в том, что они подорвали английский военный корабль; пираты говорили, будто французы получили от испанцев поручение напасть на английский корабль и завладеть им, если это удастся. В доказательство они показывали охранное письмо, отнятое у французов, а письмо это они получили у губернатора Баракоа; губернатор разрешал им следовать на Кубу и нападать на английские корабли, то есть на пиратов Ямайки… Охранное письмо француз получил не для того, чтобы сражаться с пиратами: ведь он сам находился под зашитой английских разбойников; скорее оно нужно было для того, чтобы вести с испанцами торговлю. Капитана французского судна оставили в живых, но дело было уже загублено. Англичане вернулись на Ямайку; французский капитан последовал за ними, надеясь устроить там свои дела; однако по прибытии на Ямайку он угодил в тюрьму и одно время опасался, что его повесят».

Эксквемелин не совсем точен, поскольку не был очевидцем происшедшего. Гораздо объективнее взрыв на «Оксфорде» описал Ричард Браун:

«2-го января [1669 года], около 10 часов утра, на борту “Оксфорда” состоялся военный совет с участием адмирала Моргана, капитана Коллира, капитана Пеннанта, капитана Эйлетта, капитана Бигфорда, капитана Морриса-старшего, капитана Морриса-младшего, капитана Брюстера, капитана Торнбери. И около 12 часов, когда он закончился, капитан приказал, чтобы стреляли из 15 пушек в честь их намерения идти атаковать Картахену с теми судами, которые у них имелись тогда, а также с 2 или 3 другими, прибытия которых они ожидали, вместе с кораблем месье Ла Вивена, находившимся в их владении. Людей же, с коими они могли это осуществить… включая дополнительно 180 человек, было не более девятисот. Но около 12 часов ситуация изменилась, ибо когда все капитаны, включая французского капитана, обедали на квартердеке, “Оксфорд” взорвался и более 200 человек погибли, в том числе капитан Эйлетт — командир “Лилли” (последний командир “Форсайта” в Англии), капитан Бигфорд, капитан Моррис, капитан Торнбери, капитан Уайтинг… Уцелели лишь шестеро

мужчин и 4 юнги, приписанные к “Оксфорду”: капитан Коллир, м-р Томас Виннер — шкипер, м-р Рич[ард] Норман — помощник шкипера, м-р Рич[ард] Браун — хирург, кок и 8 других, которые были на борту французского приза; добрая половина [людей] охотилась, а другие стирали свою одежду на берегу. Трудно представить, из-за чего произошла эта печальная авария, но, видимо, причиной ее стала халатность артиллериста при забивке пороха в пушки, которые несколько ранее были разряжены. В момент взрыва судна капитан Уайтинг, казначей и я обедали… Грот-мачта была выдернута из корабля и упала на штирборт квартердека, где капитан Эйлетт, капитан Бигфорд и некоторые другие капитаны прохаживались, и все получили удар в голову грот-мачтой, и капитан Уайтинг, который находился справа от меня, и казначей, находившийся слева… потонули. Мне, слава Богу, удалось избежать этого. Я лишь услышал страшный шум, с огнем и дымом, и зубчатые стены навеса, охваченные огнем, упали на меня. И тут же я почувствовал, как палуба поехала, и вода накрыла меня с головой, я нырнул, но вскоре вынырнул снова и так уцелел, забравшись верхом на бизань-мачту. Здесь было не более 20 людей разного сорта с других кораблей и из нашей команды, которые уцелели, но многие из них получили сильные травмы, а все, кто был на палубе или в любой другой части судна, погибли, кроме тех, кто находился на квартердеке.

Лодки, пришедшие, чтобы спасти тех, кто потерпел кораблекрушение, доставили нас на судно капитана Вивена, которое мы перед тем взяли. И 6 января капитан Коллир пошел на нем под всеми парусами к Ямайке».

Краткое сообщение об этой трагедии оставил в своем дневнике и Уильям Бистон: «Адмирал Морган и те капитаны, которые сидели на той стороне стола, что и он, уцелели, а те капитаны, что сидели с другой стороны, все были убиты, и этот случай спас Картахену от нападения».

Капитан Джон Эйлетт, упомянутый Брауном, был уроженцем Колчестера. Он никогда не помышлял стать флибустьером и во флотилию Моргана попал в силу сложившихся обстоятельств. Первые сведения об Эйлетте датируются 1655 годом, когда, находясь в Новой Англии, он снарядил кеч «Провиденс» для доставки провизии на недавно захваченную англичанами Ямайку. В море его перехватили испанцы (февраль 1656 года), которые доставили пленника в Санто-Доминго. В ноябре того же года Эйлетт написал письмо лорду-протектору Кромвелю, информируя его о варварском обращении испанцев с англичанами в Вест-Индии. Когда через несколько месяцев пленника отправили в Испанию, судно, на котором он находился, попало в руки

англичан. В апреле 1658 года, уже находясь в Лондоне, Эйлетт предстал перед Верховным судом Адмиралтейства, где показал под присягой, каким образом угодил в испанский плен. Получив под свое командование 28-пушечное судно «Ковентри», он в июне того же года покинул Плимут, взяв курс на Ямайку. На остров Эйлетт прибыл в сентябре. Там его судно было включено в состав флотилии Кристофера Мингса, отправившейся в крейсерство к берегам Испанского Мейна. После грабежа Санта-Марты он вернулся на «Ковентри» в Пойнт-Кагуэй. В начале июня 1660 года его корабль был признан непригодным для дальнейшего несения службы и отправлен в Англию. На родину Эйлетт вернулся осенью того же года, где, узнав о реставрации монархии, тут же записался в королевский флот. Он участвовал во второй англо-голландской «торговой войне» в качестве капитана фрегата «Портленд», но после участия в сражении Четырех дней (июнь 1666 года) потерял этот пост. В августе 1667 года Эйлетт обратился с ходатайством к королю, умоляя его величество передать ему под командование 60-тонный приз «Казамин», стоявший на якоре в Дептфорде. Год спустя Эйлетт получил под свое командование небольшой 10-пушечный фрегат «Лилли», вооруженный с корсарскими целями. Прибыв в Порт-Ройял в конце 1668 года, он тут же отправился на рандеву с флотилией Моргана — как оказалось, себе на погибель.

Еще один погибший капитан, Уильям Уайтинг, впервые «засветился» на флибустьерской стезе в сентябре 1663 года, когда промышлял в Карибском море на судне «Риковери». В сентябре 1664 года Уайтинг зашел за провизией на остров Барбадос, а в январе 1665 года пожаловал на Ямайку. Оттуда в мае он отплыл в Северную Америку, где его команда хотела продать товары, захваченные на испанских судах, и несколько индейцев-рабов. Но когда в декабре Уайтинг появился в Виргинии, он и его люди были арестованы по приказу губернатора Бартлета, заподозрившего их в пиратстве. Из Виргинии Уайтинга отправили в Англию, где 22 ноября (2 декабря) 1667 года он давал показания по этому делу. Очевидно, его оправдали, так как в 1668 году он вернулся на Ямайку и упоминался среди моряков, проживавших в Порт-Ройяле. В сентябре того же года Уайтинг и его компаньоны Артур Бёрнхэм и Эндрю Шеферд купили судно «Блэссинг» для крейсерства против испанцев. Увы, присоединение к флотилии Моргана стало для Уайтинга роковым.

После взрыва «Оксфорда» флибустьерам пришлось отказаться от первоначального плана совершить нападение на Картахену. Уильям Дампир позже писал, что жители этого испанского города свято верили, будто сама Богоматерь из картахенского монастыря

Ла-Попа «присутствовала на борту в тот вечер, когда военный корабль “Оксфорд” взорвался у острова Ваш возле Эспаньолы, и что она вернулась домой все мокрая».

Действительно, вера католиков в заступничество Девы Марии всегда была очень крепкой.

ПОХОД В ВЕНЕСУЭЛУ. ЗАХВАТ МАРАКАЙБО И ГИБРАЛТАРА

После гибели фрегата «Оксфорд» Эдвард Коллир вернулся на трофейном «Сэтисфекшне» в Порт-Ройял. Там, посовещавшись с командой, он решил не возвращаться к Моргану, а отправиться в самостоятельный рейд. Хирург Ричард Браун присоединился к нему. 18 (28) февраля 1669 года он писал секретарю Уильямсону, что «Сэтисфекшн» был снабжен провизией на четыре месяца, чтобы идти в залив Кампече. Поход растянулся на 18 месяцев, причем Коллир, по словам Брауна, оказался «тупым и ленивым командиром». Он редко получал известия с Ямайки и «не видел никаких испанских кораблей, против которых имел каперскую грамоту».

А что же Морган? Несмотря на потерю «Оксфорда», он не стал отказываться от своего намерения совершить поход к берегам Южной Америки. В отчете адмирала и его капитанов записано:

«Мы смиренно информируем Ваше Превосходительство, что после несчастья, случившегося с фрегатом “Оксфорд”, мы использовали все возможности для движения в наветренную сторону, чтобы в итоге как можно лучше раскрыть замыслы врага, а также подготовиться к исполнению нашего долга по содействию Вам на случай, если флотилия бискайцев, обычно именуемая флотилией Барловенто, о которой Ваше Превосходительство так много наслышаны, вздумает предпринять покушение на остров [Ямайка], находящийся под Вашим управлением».

Ход этой экспедиции в официальном отчете описан весьма лаконично. Поэтому обратимся к более детальному и живописному рассказу Эксквемелина:

«Спустя восемь дней после взрыва английского корабля [“Оксфорд”] англичане выловили разлагающиеся тела убитых, однако не для того, чтобы их похоронить, как повелевал печальный долг, а чтобы снять с них одежду и золотые кольца. Пираты выловили трупы, сняли с них платья и отрубили пальцы, на которых были кольца, а затем бросили тела за борт на съедение акулам. Долгое время к берегу волны прибивали человеческие кости.

Морган остался верен принятому решению: на острове Савойе [Саоне] он должен был собрать совет, чтобы выяснить, куда же держать путь. Так как он сам назначил этот остров для встречи, то пошел к нему под всеми парусами с оставшимися

пятнадцатью кораблями. Он командовал самым крупным кораблем (приватирским судном «Лилли», шкипером которого был Ричард Норман. — *В. Г.),* на котором было четырнадцать пушек. Команды всех пятнадцати кораблей в общей сложности насчитывали девятьсот шестьдесят человек. Через несколько дней пираты подошли к мысу Кабо-де-Лобос, лежащему на южном побережье Эспаньолы… Тут поднялся сильный восточный ветер, и бушевал он целых три недели; что ни день пираты предпринимали попытки поставить паруса, чтобы обойти мыс, но это им не удавалось. Наконец они все-таки добрались до места. В семи или восьми милях от рейда они заметили еще один корабль. Это был англичанин, шедший прямо из Англии. Несколько кораблей отделились от флотилии и направились навстречу, надеясь что-либо купить на этом судне. Морган же следовал своим курсом и назначил местом встречи залив Окоа, где обещал подождать отставшие корабли».

Через два дня флотилия достигла залива Окоа, где запаслась водой и стала на якорь в ожидании остальных кораблей. Тем временем часть людей — по пять или шесть с каждого судна — высадилась на берег, надеясь раздобыть свежие припасы и сберечь заготовленные ранее. «Они истребляли и лошадей, и ослов, и коров, и овец, — пишет автор «Пиратов Америки». — Испанцам же это пришлось не по вкусу; заметив, что каждый раз пираты сходят на берег небольшими группами, они решили сыграть с ними шутку. Испанцы послали за солдатами в Санто-Доминго… Когда пираты снова сошли на берег, испанцы угнали весь скот с пастбищ на морском берегу. Пираты вошли в лес и удалились примерно мили на три, и было их всего человек пятьдесят. Испанцы выгнали на них отменное стадо быков и трех-четырех пастухов, которые это стадо пасли. Пираты убили одного быка, а остальных не тронули, но только они взялись за тушу, чтобы утащить, как испанцы напали на них с криками “Mata, mata!” (что по-испански означает “убей, убей!”). Пираты бросили добычу, построились и как бешеные накинулись на врагов; половина пиратов вскоре сложила головы, оставшиеся дрались отчаянно. Бой длился довольно долго, но в конце концов пираты отступили и скрылись в лесу. Испанцы пустились было их преследовать, но когда убедились, что пираты стреляют без промаха, то прекратили преследование. Тем временем пираты остались в лесу, чтобы собрать раненых и перенести их затем на берег… На следующий день на берег сошел сам Морган с отрядом в двести человек, но испанцы были уже далеко и увели с собой всех коров. Тогда Морган спалил на берегу несколько домов и вернулся на корабль».

Не дождавшись отставших кораблей, флибустьерский адмирал приказал судам идти на рандеву к острову Саона. Через некоторое время, убедившись, что отбившиеся от флотилии корабли не придут (а это были суда капитанов Джона Анселла, Геррита Герритсзоона, Джозефа Брэдли, Йеллеса де Леката и прочие), Морган провел смотр своих сил. Выяснилось, что на каждом из восьми оставшихся кораблей насчитывается примерно по 50 человек. Напасть с такими силами на Картахену было бы форменным безумием, поэтому, посовещавшись с французским капитаном Пьером Пикардийцем, участвовавшим в 1666 году в походе Франсуа Олоне на Маракайбо, Морган изменил первоначальный план и решил повторить «подвиг» Олоне. Его решение поддержали капитаны Адам Брюстер, Джеффри Пеннант, Джон Моррис, Ричард Норман, Эдвард Демпстер и Ричард Добсон.

Корабли пересекли Карибское море с севера на юг и, миновав остров Кюрасао, подошли к Арубе. Здесь экипажи выторговали у местных индейцев овец и коз, затем, после двухдневной стоянки, под покровом ночи тихо снялись с якорей. На другой день в полдень флотилия вошла в Венесуэльский залив. Чтобы испанские дозорные не обнаружили их раньше времени, суда остановились на значительном удалении от сторожевой башни, а вечером продолжили путь. На рассвете 9 марта (по григорианскому календарю) они подошли к трем островкам, окруженным обширными песчаными мелями; эта естественная преграда затрудняла вход в озеро Маракайбо.

Извилистый и мелкий пролив, проходивший между островами Сапара и Сан-Карлос, был весьма сложен и опасен для прохода судов. На восточном берегу острова Сан-Карлос флибустьеры неожиданно увидели форт, возведенный испанцами после французского набега 1666 года. Согласно испанским источникам, это укрепление было хорошо обеспечено провиантом и военным снаряжением. Однако защищала его лишь горстка людей: комендант и восемь солдат.

Мелководье не позволило пиратам подвести суда к берегу, и они спустили на воду шлюпки и каноэ. Заметив приближение неприятеля, испанцы открыли по нему огонь из пушек. Поскольку Морган не знал, сколь малочисленны силы защитников форта, он не решился бросить своих людей на штурм, ограничившись осадой Ла-Барры. В ту же ночь, взорвав часть укреплений, испанские солдаты бежали на лодке в город.

Эксквемелин сообщает, что, заняв форт, флибустьеры «очень удивились, никого не обнаружив в столь укрепленном месте. Они подбежали к погребу, еще полному порохом, и увидели, что огонь

от зажженных фитилей подбирается по пороховым дорожкам и горит на расстоянии дюйма от большой кучи пороха. Так что промедли они хоть одно мгновение — и крепость взлетела бы на воздух вместе с теми, кто ее захватил. Морган приказал немедленно вытащить порох из крепости и подорвать крепостные стены, а все пушки бросить в кучу. В крепости было шестнадцать пушек (по данным Моргана, одиннадцать пушек. — *В. Г.),* стрелявших восьми-, двенадцати- и двадцатичетырехфунтовыми ядрами, шестьдесят мушкетов и боевых припасов в должной пропорции. Пушки были сброшены со стен, а лафеты сожжены».

На рассвете следующего дня флибустьеры разделили захваченный провиант и переправили на адмиральский корабль «Лилли» несколько трофейных пушек и бочонков пороха. Остальные пушки заклепали и зарыли на пляже. Вслед за этим, погрузившись на малые суда и каноэ, корсары двинулись через мелководный залив Табласо к Маракайбо. До города, лежавшего на западной стороне пролива, было примерно 20 миль.

Описывая Маракайбо, автор «Пиратов Америки» отмечал: «Вид у него довольно приятный, потому что все дома выстроены вдоль берега и удачно расположены. Город густо заселен. Вместе с рабами в нем три или четыре тысячи жителей… В городе есть церковь, четыре монастыря и госпиталь. Управляется город вице-губернатором, который подчинен губернатору Каракаса и входит в провинцию Каракас. Тамошние торговцы промышляют кожами и салом. У жителей много скота, а их плантации лежат милях в тридцати от Маракайбо, близ большого селения, которое называется Гибралтар (Сан-Антонио-де-Гибралтар. — *В. Г.).* Эти плантации дают много какао и различные овощи и плоды, которыми снабжают город Маракайбо… Каждый день из Гибралтара в Маракайбо отправляются барки, груженные лимонами, апельсинами, дынями и прочей снедью. В Маракайбо их нагружают мясом. В Гибралтаре нет ни коров, ни овец. Перед городом Маракайбо расположена прекрасная гавань, и там можно построить сколько хочешь кораблей…»

Солдаты, бежавшие из форта Ла-Барра, предупредили жителей о приближении неприятеля. Капитан Хуан Санчес Воррего, управлявший городом, тут же велел барабанщикам бить сигнал тревоги. Раздались крики «к оружию!». Но на этот призыв откликнулись лишь 12 человек — маловато для города, в котором проживали 400 семей. Остальные, прихватив с собой самые ценные вещи, бросились в окрестные леса и горы.

Капитан предпринял еще одну попытку организовать сопротивление. Проклиная трусов и паникеров, он объявил, что все жители должны стать под знамена со своим оружием «под

страхом лишения жизни как предателей королевства». Увы, результат был тот же. Никто не желал повторения кошмара 1666 года. В конце концов город покинули все, включая Сан-чеса Воррего и его солдат.

Спустя сутки после падения форта Ла-Барра, не встретив ни малейшего сопротивления, люди Моргана вступили в опустевший город. Обыск домов показал, что в них остались только немощные старики и старухи, не успевшие или не сумевшие по состоянию здоровья уйти в лес.

Когда флибустьеры убедились, что в Маракайбо им никто не угрожает, они разместились в богатых особняках на главной площади, а в кафедральном соборе устроили гауптвахту.

«В тот день, когда пираты вошли в город, сотня этих разбойников решила отправиться за добычей и пленниками, — рассказывает Эксквемелин. — На следующий вечер они вернулись, ведя за собой пятьдесят мулов, навьюченных добром, и около тридцати пленных: были среди них и мужчины, и женщины, и дети, и рабы. Как обычно, их стали терзать, пытаясь узнать, куда скрылось население города. Одних просто истязали и били; другим устраивали пытки святого Андрея, загоняя горящие фитили между пальцами рук и ног; третьим завязывали веревку вокруг шеи, так что глаза у них вылезали на лоб и становились словно куриные яйца. Кто вообще не желал говорить, того забивали до смерти… Пытки продолжались три недели. Одновременно пираты совершали ежедневные набеги в окрестности города и всегда приносили большую добычу… После того как пираты выявили сотню богатейших семейств Маракайбо и разграбили все их имущество, Морган решил отправиться в Гибралтар. Впопыхах снарядили корабли и доставили на них добычу и пленников; затем подняли якоря и взяли курс на Гибралтар… Несколько пленников высадили на берег и послали в Гибралтар, заставив их от имени Моргана потребовать сдачи города».

Когда флибустьеры подошли к Гибралтару, испанцы открыли по ним огонь из тяжелых пушек. Этот отпор лишь раззадорил англичан: они решили, что «там, где крепко защищаются, наверняка много добычи, ну а сахар всегда подсластит и кислую кашу».

Испанские документы не дают подробного описания набега англичан на Гибралтар, поэтому вновь предоставим слово Эксквемелину:

«На следующий день, рано-рано утром, пираты сошли на берег и избрали не самый прямой и короткий путь, а по предложению одного француза, который уже бывал здесь и

хорошо знал эти места, пошли по другой, лесной дороге; это давало им возможность напасть на Гибралтар с возвышенности и с тыла. Но часть пиратов все же двинулась главным путем, чтобы у испанцев создалось впечатление, будто именно отсюда готовится на них удар. Однако такие предосторожности были ни к чему: испанцы хорошо помнили, что произошло два года назад (в действительности три года назад. — *В. Г.)* при налете французов, и предпочли добровольно покинуть эти места, чтобы снова не подставлять свои шеи под топор. На дороге, по которой испанцы отходили, они соорудили несколько засад… Крепостные орудия испанцы заклепали, а порох увезли.

В городе пираты не встретили никого, остался там лишь один придурковатый испанец. Когда его спросили, куда же ушли все жители, он ответил, что не знает, потому что их об этом не спрашивал, когда они удирали. Затем пираты спросили его, знает ли он, где тут поблизости плантации. Он сказал, что за всю свою жизнь был только на двадцати плантациях. На вопрос, не знает ли он, где хранилось в церкви золото и серебро, он ответил “да” и привел их в алтарь. “Здесь, — сказал он, — я видел все церковное золото и серебро, но где оно теперь, этого я не знаю”. Больше от него ничего нельзя было добиться, и тогда его связали и стали избивать. На это простодушный человек вскричал: “Не трогайте меня, я покажу вам мой дом и все мое золото и добро!” Пираты решили, что голова у него исправно работает и что он только притворяется дураком. Его освободили, и он привел пиратов к своей хижине, где закопал несколько глиняных мисок, деревянных тарелок и прочую рухлядь, а также три пиастра. Пираты спросили, как его зовут, и он ответил: “Я дон Себастьян Санчес, брат губернатора Маракайбо”. Тогда пираты снова стали пытать его, бить и калечить, и вскоре все его тело сочилось кровью. Он просил его отпустить и пообещал привести пиратов к своему *инхенио,* где у него хранится все имущество и живут его рабы. Когда его развязали, он уже не мог ходить, его посадили в седло. Но стоило им войти в лес, как бедняга сказал, что у него нет инхенио и вообще нет ничего и что живет он в лечебнице, — потом пираты сами убедились в этом. Его снова связали, избили, нацепили на руки и на ноги камни, взяли пальмовые листья, подожгли и сунули прямо в лицо, так что он потерял человеческий образ, и снова стали бить. Он терпел эти мучения еще с полчаса, а затем испустил дух… В этот же день партия пиратов привела какого-то бедняка с двумя дочерьми. На следующее утро пираты вышли с ним из города и потребовали привести туда, где прятались остальные; однако испанцы, заметив пиратов, тотчас же уходили дальше в лес… Этот бедняга

не мог найти ни одного человека; пираты же думали, что он их намеренно водит вокруг да около, и в ярости повесили его на дереве, хотя несчастный умолял сохранить ему жизнь. Потом пираты разделились и принялись искать людей в окрестностях города… Наконец удалось поймать одного нефа; ему пообещали, что возьмут с собой на Ямайку и, если добыча будет найдена, дадут ему столько денег, сколько он пожелает, а также оденут его в испанское платье. Негру все это пришлось по душе: он сразу же вывел пиратов туда, где скрывались испанцы. Как только пираты захватили несколько человек, они заставили негра убить одного из пленников, чтобы тот не перебежал к испанцам… Пираты ходили с ним целых восемь дней… Всех пленников, захваченных в пути, они принуждали за ними следовать, а награбленное добро везли на мулах. Под конец пираты набрали столько пленных, что не могли уже двигаться дальше; поэтому они решили вернуться в Гибралтар, куда и привели всех, кого им удалось захватить, — мужчин, женщин, детей и рабов. Всех вместе их набралось двести пятьдесят человек.

Когда пираты добрались до места, они стали выпытывать у пленных, не спрятали ли они денег и не знают ли, где их схоронили другие. Всех, кто не хотел признаваться, убивали после ужасных пыток. Особенно досталось одному старому португальцу, человеку лет шестидесяти, про которого неф сказал, что он очень богат. Пираты связали старика и спросили, где у него деньги. Однако тот поклялся всеми святыми, что у него нет ничего, кроме сотни реалов, да и те украл молодой человек, который живет у него; ему не поверили и избили так, что на бедняге не осталось живого места. Поскольку он и после этого не пожелал признаваться, его подвесили за большие пальцы рук и ног к четырем столбам, так что он повис в воздухе примерно в полутора футах над землей. Но и этого было мало: пираты положили ему на ягодицы камни весом в двести фунтов, а потом подожгли пальмовые листья и ими опалили лицо и волосы несчастного. Но, невзирая на тяжкие пытки, он так и не признался, что у него есть деньги. Тогда его освободили и привязали к столбу в той церкви, в которой находился арсенал… Пробыв в оковах дней пять, он подозвал одного дружелюбно настроенного пленника и сказал, что хочет достать денег для выкупа — пятьсот пиастров. Едва пленник сообщил об этом пиратам, как те задали бедняге великую взбучку. Ему сказали, что с него теперь сдерут уже не сотню, а тысячу пиастров, иначе не жить ему на свете. Португалец стал торговаться, настаивая на том, что он человек бедный и торговлей спиртными напитками едва зарабатывал себе на жизнь, но пираты упорно требовали от

него тысячу пиастров. А бедняга видел, каким пыткам подвергают испанцев, требуя сказать, где спрятаны деньги. Некоторых подвешивали за половые органы и многократно шпиговали испанскими саблями, а затем истерзанная жертва умирала в муках на глазах мучителей, причем порой несчастные еще жили четыре-пять дней. Других привязывали к деревянному кресту и всовывали между пальцами рук и ног горящие фитили. Некоторых связывали, разводили огонь и совали в огонь ноги, предварительно намазав их салом, так что люди эти тотчас же вспыхивали… Перерезав хозяев, принялись за рабов. Наконец нашелся один раб, который согласился провести пиратов к выходу из лагуны, где стояли корабль и четыре барки, груженные ценными товарами из Маракайбо. Одновременно пиратам удалось отыскать раба, который знал, где прятались губернатор и большая часть женщин Гибралтара… Пираты отрядили человек сто на двух маленьких судах к выходу из лагуны, где стояли корабли, а остальные направились на поиски губернатора. Пленных доставили на суда и на следующий день вышли в путь. Сам Морган с отрядом в триста пятьдесят человек отправился на поиски губернатора, который ушел вверх по реке вглубь страны и там основательно укрепился. Но, узнав от гонца о приближении пиратов, собрал своих людей и ушел в горы по такой узкой дороге, что пройти по ней можно было только гуськом. Кроме того, испанцы сделали на ней засаду, откуда можно было перестрелять всех пиратов, если бы те отважились погнаться за ними.

Но все получилось совсем иначе. Пошел дождь, вода хлынула потоками, и мулы с деньгами и добром, женщины и дети начали тонуть. У пиратов часть оружия стала явно непригодной, порох подмок. Если бы испанцы выделили пятьдесят человек, вооруженных пиками, они без труда перекололи бы всех разбойников… Наконец с большими трудностями пираты перебрались через потоки воды. Испанцы могли бы еще спастись, но женщины и дети так устали, что на них просто жалко было глядеть. Они должны были бежать через лес почти по пояс в воде…»

Через две недели в Гибралтар вернулись суда, ходившие к устью озера; с собой они привели кубинский корабль и четыре барки с пленными, а также с грузом полотна и шелка. В конце концов, проведя в Гибралтаре пять недель, флибустьеры приготовились покинуть это поселение. Перед уходом они послали несколько пленников в лес, чтобы передать скрывавшимся горожанам требование о выкупе. Ответ испанцев был уклончивым: с одной стороны, они сказали, что у них нет

денег, а с другой — попросили пиратов подождать, пока они соберут требуемую сумму.

Морган решил, что потерял уже достаточно много времени, и отдал приказ возвращаться в Маракайбо. Забрав рабов и четверых заложников, а остальных отпустив за скромный выкуп, флибустьеры погрузились на свои суда и подняли паруса.

РАЗГРОМ ИСПАНСКОЙ АРМАДЫ ДЕ БАРЛОВЕНТО

7 (17) апреля 1669 года флотилия флибустьеров вернулась из ограбленного Гибралтара в Маракайбо. Там к Моргану привели какого-то беднягу, лечившегося в городском лазарете. Этот человек сообщил адмиралу сенсационную новость: пока основные силы корсаров находились в Гибралтаре, в устье лагуны вошли три испанских военных корабля из армады де Барловенто!

Армада де Барловенто впервые была создана в 1641 году для защиты Антильских островов и Испанского Мейна от нападений иностранных корсаров, но к середине 1640-х годов была расформирована. В 1665 году испанцы решили возродить эту сторожевую флотилию, планируя включить в ее состав 12 кораблей. В действительности в июле того же года в армаду вошли семь кораблей под командованием генерал-капитана дона Агустина де Дьостеги. Однако еще до отплытия флотилии из Испании у дона Агустино забрали четыре лучших фрегата, после чего выход оставшихся трех судов в море отложили на неопределенное время.

Через два года, встревоженный ростом активности иностранных корсаров в Вест-Индии, испанский Совет по делам Индий попросил королеву вернуться к идее возрождения армады де Барловенто. 21 июля 1667 года новая флотилия в составе трех галеонов и двух фрегатов под командованием Дьостеги вышла из Сан-Лукара, взяв курс на Пуэрто-Рико. Зимой 1667/68 года армаду де Барловенто разделили на две эскадры: одна должна была патрулировать залив Кампече, а другая — прибрежные воды Больших Антильских островов. Деятельность обеих эскадр оказалась неэффективной, сказывались недостаток знаний об условиях навигации в Вест-Индии, отсутствие хорошо отлаженной системы разведки и малое количество судов, вынужденных оперировать на необъятных просторах Карибского моря и Мексиканского залива. В итоге испанцы «проворонили» как набег Моргана на Пуэрто-Прин-сипе, так и его нападение на Портобело.

Летом 1668 года два самых сильных галеона армады были отозваны в Европу (Дьостеги привел их в Испанию в декабре). Три оставшихся судна перешли под командование вице-адмирала дона Алонсо де Кампос-и-Эспиносы. Его флагманом — *капитанои* — стал 38-пушечный галеон «Магдалена» (водоизмещение 412 тонн, команда 280 человек). Вице-адмиральским кораблем — *альмирантои* — был 26-пушечный фрегат «Сан-Луис»

(водоизмещение 218 тонн, команда 140 человек, командир Матео Алонсо де Уидобро), купленный для эскадры вице-королем Новой Испании. Третьим судном был 16-пушечный фрегат «Нуэстра Сеньора дель Кармен» (команда насчитывала 150 человек).

Несмотря на малочисленность испанской эскадры, ее огневая мощь значительно превосходила огневую мощь флотилии Моргана.

В начале февраля 1669 года, когда армада де Барловенто находилась в Гаване, дон Алонсо получил сообщение о сборе флибустьеров близ острова Ваш и их планах атаковать Картахену. Хотя инструкции предписывали адмиралу прибыть в мае в мексиканский порт Веракрус, чтобы конвоировать в Европу флот Новой Испании (им командовал генерал-капитан дон Энрике Энрикес де Гусман), дон Алонсо решил, что успеет настичь флотилию Моргана и уничтожить ее.

9 (19) марта, когда флибустьеры уже грабили Маракайбо, армада прибыла в Сан-Хуан — столицу Пуэрто-Рико. Местный губернатор сообщил адмиралу, что не располагает сведениями о ямайской флотилии. Посовещавшись со своими капитанами, дон Алонсо велел сниматься с якоря и идти вдоль северного побережья Пуэрто-Рико на запад. Во время шторма был потерян фрегат «Нуэстра Сеньора дель Кармен». Его заменили трофейным 14-пушечным французским шлюпом «Маркиза», переименованным в «Нуэстра Сеньора де ла Соледад» и отданным под командование Диего де Варрио.

Достигнув пролива Мона, корабли армады де Барловенто повернули на юг, затем обогнули остров Саона и 15 (25) марта стали на якорь в порту Санто-Доминго. Там от пленного француза узнали, что восемь пиратских кораблей отправились в сторону острова Тринидад, «намереваясь прийти и разграбить все города Испанского Мейна». Поданным Экскемелина, француз рассказал испанцам, «что готовится нападение на Каракас».

20 (30) марта эскадра дона Алонсо покинула Санто-Доминго, взяв курс на побережье Южной Америки. Через несколько дней испанцы задержали голландский шлюп с Кюрасао. Его шкипер сообщил, что десять каперских судов, покинув воды Эспаньолы, пришли на Кюрасао, купили там запас мяса, после чего отправились в набег на Маракайбо. Хотя в действительности флотилия флибустьеров насчитывала восемь судов и мясо они приобрели не на Кюрасао, а на Арубе, в целом информация голландского шкипера дала дону Алонсо верный ориентир. Испанцы устремились в Венесуэльский залив. Там корабли бросили якорь возле Гуаранао, на восточной стороне залива, и отряд солдат был выслан в сторону дозорной башни. Метиса,

командовавшего дозором, доставили на борт флагманского корабля, где он подтвердил, что пиратская флотилия находится в лагуне.

— Они ограбили Маракайбо, — сказал он, — и пошли в Гибралтар.

Эта новость была встречена адмиралом с энтузиазмом. Флибустьеры угодили в ловушку! Если закрыть им выход из озера, они вынуждены будут либо принять неравный бой, либо сдаться.

Немедленно гонцы были отправлены в Коро, чтобы достать там лоцманов, знающих, как провести корабли через песчаный бар и по узкому проливу, соединявшему залив с озером; кроме того, адмирал послал за подкреплениями в Ла-Гуайру, а губернаторам Маракайбо и Мериды написал письма с призывом сделать все возможное, чтобы затруднить врагу выход из озера.

Вскоре лоцманы, прибывшие из Коро, провели корабли дона Алонсо к песчаному бару, где адмирал с несказанной радостью обнаружил, что Морган не оставил в форте Ла-Барра гарнизон. Сорок мушкетеров с порохом, фитилями, боевым снаряжением, пушечными лафетами и провиантом были немедленно посланы на берег острова Сан-Карлос, чтобы снова привести форт в состояние боеготовности. Солдаты отыскали в песке сброшенную с бастионов артиллерию, извлекли из запальных отверстий гвозди и смогли починить шесть пушек. Их подняли на крепостные стены и установили на новые лафеты. Комендантом форта был назначен Антонио Камарильо.

Поскольку тяжелый галеон «Магдалена» не мог пройти через мелководный участок в устье пролива, пришлось забрать из его трюма весь балласт и запасы пресной воды. 5 (15) апреля после нескольких неудачных попыток галеон все же смог пересечь бар и занять позицию за островом Сапара. «Соледад» и «Сан-Луис» стали за ним на расстоянии пушечного выстрела от форта. Таким образом, испанцы полностью блокировали выход из озера.

Когда Морган вернулся из Гибралтара в Маракайбо, к нему привели больного из лазарета, который рассказал, что в проливе появились три испанских военных корабля, а в форте Ла-Барра разместился испанский гарнизон. Это сенсационное известие сначала было воспринято флибустьерским вожаком с недоверием, но вечером того же дня ему принесли письмо от дона Алонсо, подтвердившее наихудшие опасения. Свой вариант текста этого послания приводит Эксквемелин:

«Письмо испанского генерала дона Алонсо дель Кампо-и-Эспиносы Моргану, адмиралу пиратов.

От своих друзей и соседей я получил сообщения, что вы

осмелились предпринять враждебные действия против страны и города, находящихся под властью Его Католического Величества, короля Испании, моего господина. Поэтому моим долгом было прийти сюда и занять крепость, которую вы захватили у горсти трусов, установить в ней пушки и тем самым укрепить выход из гавани — словом, сделать все, как велит долг. Тем не менее, если вы смиренно вернете все, что вами награблено, и освободите рабов и пленников, я из-за мягкосердия и жалости к вам отпущу вас, чтобы вы смогли добраться до вашей родины. Но если, несмотря на мои добросердечные предложения, вы станете упрямиться, я приведу из Каракаса более легкие суда и прикажу моим войскам в Маракайбо уничтожить вас без всякой пощады. Вот мое последнее слово: отдавшись в мои руки, вы будете вознаграждены, в ином случае я прикажу моим храбрецам отомстить вам за все те обиды, которые вы нанесли испанскому народу в Америке.

Дано на корабле Его Католического Величества “Магдалена”, коим я командую, стоящем у входа в лагуну Маракайбо, 24 апреля 1669 года.

Подписал:

дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса».

Дата письма явно ошибочная — она не подтверждается ни испанскими, ни английскими документами. Отчет Моргана и его капитанов содержит иной текст письма дона Алонсо:

«В соответствии с уведомлением, которое я получил на острове Санто-Доминго, что вы проследовали мимо в сторону Мейна, я прибыл сюда следом [за вами] с этими кораблями и, курсируя вдоль берега, узнал, как вы разграбили Маракайбо и как вы ушли в Гибралтар, из-за чего я остановился здесь, в Ла-Барре, с флотилией, ожидая прибытия быстроходных фрегатов, входящих в состав этой флотилии, и с ними я войду и совершу нападение. Посему, если вы хотите получить пощаду и сдадитесь немедленно со всем, что имеете, всё будет нормально. Но если вы не хотите, то фрегаты сразу же по прибытии войдут с большим количеством людей и с приказом предать всех мечу, не щадя никого, в том случае, если вы откажетесь от пощады, которую я вам предлагаю.

Датировано адмиралом 10 апреля 1669 года.

Дон Алонсо де Кампас Эспиньола.

Направлено командиру англичан в озере Маракайбо».

Ситуация была явно критической. Испанцы превосходили англичан в артиллерии, а с приходом подкреплений из соседних

провинций силы дона Алонсо должны были увеличиться в несколько раз. Попытка прорваться на кораблях через блокированный неприятелем пролив казалась невозможной, но и бегство по суше представлялось такой же утопией.

Морган решил посоветоваться с командами кораблей. Как рассказывает Эксквемелин, он зачитал письмо испанского генерал-капитана «сперва по-английски, потом по-французски, а затем спросил: хотят ли они отдать добычу в обмен на право свободного выхода или готовы сражаться? Все ответили, что лучше сражаться до последней капли крови, чем отдать добычу: ради нее они однажды уже рисковали жизнью и готовы снова поступить точно так же. Из толпы вышел один пират и объявил Моргану, что готов с двенадцатью товарищами подорвать самый большой испанский корабль. Он предложил превратить [кубинское] судно, которое пираты захватили в лагуне, в брандер, но снарядить как обычный боевой корабль, подняв флаги и установив на его борту чурки с шапками, чтобы казалось, будто на нем настоящая команда, а вместо пушек выдвинуть из портов деревянные чурки, которые называют негритянскими барабанами, то есть отрезки полых древесных стволов длиной около полутора футов. Поскольку пираты находились в столь бедственном положении, совет был одобрен».

Через неделю, вызвав своего секретаря, адмирал продиктовал ответ испанскому генерал-капитану. Эксквемелин утверждает, что Морган «все еще надеялся найти другие способы одолеть испанского адмирала. Итак, он еще раз обратился к испанцам со следующим предложением: пираты готовы уйти из Маракайбо, не спалив города и не причинив ему вреда, даже без выкупа они готовы отдать половину рабов и выпустить остальных пленников безвозмездно, а также отказаться от выкупа за Гибралтар и освободить заложников». Однако в отчете самого Моргана и его капитанов о подобном предложении ничего не говорится. Зато приводится следующий текст письма: «Сэр, я прочитал ваш вызов, и, поскольку я знаю теперь, что вы находитесь так близко, я избавлю вас от необходимости идти сюда с вашими быстроходными фрегатами, приняв решение навестить вас со всей своей экспедицией, а уж там мы положимся на военное счастье… Я лишь желаю вам быть великодушным и сдержать слово, и мы быстро закончим поединок.

Датировано в Его Величества английском городе Маракайбо 7 (17) апреля 1669 года. До свидания.

Ваш Г. Морган.

Командиру флотилии Барловенто».

Вся следующая неделя ушла на подготовку судов к бою и

снаряжение брандера. Шпионы исправно доносили дону Алонсо обо всем, что делается в лагере флибустьеров. Испанцы знали, что большой кубинский корабль переоснащается и должен стать флагманом флотилии Моргана. На нем установили пять пушек, а в трюм загрузили порох и боеприпасы. Также сообщалось, что один из шлюпов пираты переоборудуют в брандер. Данная информация в действительности являлась дезинформацией! Испанцы не догадывались, что в качестве брандера планируется использовать не шлюп, а большой трофейный корабль.

Желая обезопасить свои суда, командующий армадой приказал заготовить длинные шесты и разместить вдоль бортов бочки с водой. Кроме того, специальные группы матросов были выделены для тушения огня.

Тем временем Морган продолжал активно готовиться к сражению. По данным Эксквемелина, «часть пиратов собрала в городе всю смолу, воск и серу и снарядила огромный брандер. Трюмы судна набили пальмовыми листьями, перемешав их с воском, смолой и серой; на эту смесь положили большие полотнища холста, которыми накрывали пушки; под каждой чуркой поставили шесть горшков с порохом; чтобы взрыв оказался еще сильнее, подпилили наполовину бимсы. Кроме того, проделали новые пушечные порты и вместо пушек вставили в них “негритянские барабаны”. На палубе поставили несколько деревянных чурок и надели на них шапки, чтобы издали они выглядели как люди; наконец подняли адмиральский флаг. Когда корабль-брандер был готов, решили идти под всеми парусами к устью лагуны, посадив в одну из барок всех пленных, а во вторую — добычу и женщин. Каждую из барок охраняло по двенадцать вооруженных пиратов; там, где были индейцы, погрузили несколько тюков с товарами, а где были женщины — положили весь запас золота и драгоценностей. Всем баркам было дано указание держаться позади в определенном месте, но по условному сигналу они должны были поравняться с флотилией и как можно быстрее выйти в море. Брандеру дано было указание идти перед флагманом (фрегатом «Лилли». — *В. Г.)* и взять на абордаж самый большой корабль, но если в силу каких-либо обстоятельств это ему бы не удалось, то на абордаж должен был кинуться сам адмирал. Позади флагмана шло еще одно судно, которое должно было оказать помощь брандеру: если бы враг что-либо заметил, с него должны были подкинуть смолы и прочую легковоспламеняющуюся рухлядь. Когда Морган отдал все приказания, пираты дали клятву драться плечом к плечу до последней капли крови, а если дела обернутся плохо, то не давать врагу пощады и биться до последнего человека; тому, кто проявит

особую храбрость, совершит какое-нибудь геройство или захватит неприятельский корабль, обещана была из обшей добычи особая премия».

25 апреля 1669 года Морган с брандером, «Лилли» и одиннадцатью небольшими судами отправился навстречу испанским кораблям, которые продолжали стоять на якоре в середине пролива. Вечером, приблизившись к ним на расстояние чуть больше пушечного выстрела, флибустьеры отдали якоря. Весь следующий день они стояли без движения, ожидая благоприятного ветра.

27 апреля во время утреннего отлива флибустьерская флотилия двинулась в сторону вражеской эскадры. «Испанцы решили, что пираты готовы на все, лишь бы выйти из пролива; и их корабли, подняв якоря, пошли навстречу пиратским, — читаем у Эксквемелина. — Корабль-брандер двинулся на самый большой испанский корабль (флагманский галеон «Магдалену». — *В. Г.) и* таранил его. Когда испанский генерал сообразил, что это за судно, он отдал приказ своим людям перебраться на его палубу и срубить мачты, чтобы судно унесло течением. Но испанцы не успели ничего сделать: брандер внезапно взлетел на воздух, просмоленное полотно облепило такелаж “испанца”, и охваченный мощным пламенем корабль генерала заволокло густым дымом. Когда со среднего корабля (фрегата «Сан-Луис». — *В. Г.)* увидели, что флагман горит, капитан его тотчас же умчался под прикрытие форта и наскочил на мель; третье судно («Нуэстра Сеньора де ла Соледад». — *В. Г.)* хотело повторить этот маневр, но пираты погнались за ним по пятам и захватили его. Ворвавшись на корабль, они мгновенно перетащили к себе все, что было возможно, и запалили судно. Горящий корабль погнало к берегу, на нем почти никто не уцелел. Пираты стали вылавливать людей, плывущих между судами, но те предпочитали идти ко дну, а не в руки пиратов…»

У нас имеется возможность сравнить эту информацию с той, которая содержится в отчете Моргана и его капитанов: «На следующее утро мы снялись с якоря и решительно напали; и после того, как мы обменялись несколькими бортовыми залпами между *альмирантой* (на самом деле *капитаной. — В. Г.)* и фрегатом “Лилли”, брандер, наблюдая за ситуацией и найдя ее подходящей, пошел прямо к борту [испанского флагмана], каковой маневр был весьма успешным: они немедленно вспыхнули оба, остальные бежали. Вице-адмиральский корабль [альмиранта “Сан-Луис”] стал под фортом; это был корабль с 20 пушками и 140 людьми. Другой фрегат, взятый нами, имел 12 пушек и 80 человек. Альмиранта (на самом деле капитана. — *В.*

Г.), которая была сожжена, имела 40 пушек и 280 человек, из коих спаслись лишь 50…»

Согласно испанским данным, дон Алонсо оставался на юте горящей «Магдалены», бросая в воду доски и обломки рангоута, — так он хотел помочь своим людям, не умеющим плавать. Затем генерал-капитан прыгнул за борт и поплыл к шлюпке, болтавшейся за кормой.

Матео Алонсо де Уидобро, командовавший «Сан-Луисом», сначала хотел оказать помощь флагману, но, увидев столб огня, понял, что «Магдалена» обречена, и повернул в сторону форта. За ним бросились три флибустьерских судна. Когда «Сан-Луис» стал под защитой крепостных орудий, флибустьеры отошли. С началом отлива вице-адмиральский корабль выбросился на мель. Уидобро приказал своим людям забрать с «Сан-Луиса» оружие и провизию и присоединиться к гарнизону форта Ла-Барра, а сам с группой солдат остался на борту, чтобы предать фрегат огню и не позволить корсарам захватить его в качестве приза.

Что касается сержант-майора Диего де Варрио, командовавшего «Соледадом», то его попытка уйти под прикрытие форта не увенчалась успехом. Во время постановки паруса канат застрял в блоке и неуправляемое судно понесло к заболоченному, покрытому манграми берегу острова Сан-Карлос. За ним погнались восемь флибустьерских шлюпов и флотилия каноэ. Испанцы в панике начали прыгать за борт, и не успел Варрио поджечь «Соледад», как судно было взято на абордаж. В последний момент испанский командир все же успел покинуть судно. В форт он прибыл без оружия, мокрый, по уши в болотной тине.

Меньше двух часов потребовалось Моргану, чтобы разгромить армаду де Барловенто. Это казалось невероятным, в это невозможно было поверить! Но факты, как говорится, вещь упрямая. Испанский Мейн и испанские колонии на островах Вест-Индии остались практически беззащитными перед шайками английских и французских корсаров.

«Выполнив, с Божьей помощью, сию службу, — записано в отчете Моргана и его капитанов, — мы вернулись в Маракайбо, чтобы отдохнуть и запастись провиантом, исключая 7 человек, которые погибли при исполнении обязанностей…»

Теперь единственным препятствием, мешавшим флибустьерам выйти в открытое море, оставался форт Ла-Барра. Его гарнизон был усилен двумя сотнями моряков и солдат, спасшихся с потерянных кораблей эскадры, а также семьюдесятью ополченцами, прибывшими из окрестных селений. Кроме того, со дня на день ожидалось прибытие подкреплений из Ла-Гуайры и

Каракаса.

Поскольку дон Алонсо, преследуемый корсарами, вынужден был уйти на своей шлюпке далеко к северу, общее командование испанскими силами временно — на три дня — взял на себя комендант Антонио Камарилье.

На рассвете следующего дня флибустьеры предприняли попытку захватить форт. «Они сошли на берег, — рассказывает Эксквемелин, — где из крепости их яростно стали обстреливать из тяжелых пушек. У пиратов же были только ружья и ручные гранаты; пушки на их кораблях были слишком малого калибра, и ядра их не могли сокрушить мощные стены крепости. Весь остаток дня они обстреливали крепость из ружей, и стоило появиться кому-нибудь над ее стенами, по этому человеку стреляли как по мишени. Но когда пираты попытались влезть на крепостные валы, чтобы забросать испанцев ручными гранатами, их довольно скоро отбили. Испанцы открыли сильный огонь и принялись бросать горшки с порохом, который взрывался от горящих фитилей; пираты вынуждены были отойти и насчитали тридцать человек убитыми и много раненых. К вечеру несолоно хлебавши они поднялись на борт своих кораблей».

Опасаясь, что утром флибустьеры могут перенести пушки с кораблей на берег, испанские солдаты и моряки всю ночь готовились к предстоящему сражению. Тем временем Морган вернулся в Маракайбо, где велел отремонтировать захваченное испанское судно «Нуэстра Сеньора де ла Соледад» и пополнить запасы провизии. На месте гибели «Магдалены» он оставил один из своих кораблей, велев морякам следить за фортом и поднять с затонувшего галеона серебро (по свидетельству пленного испанского штурмана, на флагмане было много слитков и звонкой монеты). «Потом, — пишет Эксквемелин, — он послал к генералу человека и потребовал выкуп за Маракайбо, грозясь сжечь все дома. Испанцам стало ясно, что они попали в беду и что у них не хватит сил, чтобы избавиться от пиратов; поэтому они решили заплатить выкуп, хотя дон Алонсо не желал даже и слушать об этом. Итак, этот человек вернулся и спросил, сколько же потребует Морган в качестве выкупа. Морган потребовал тридцать тысяч пиастров и пятьсот голов скота и обещал не причинять городу никакого вреда и выпустить всех пленников. В конце концов пираты согласились на двадцать тысяч пиастров и пятьсот голов скота».

На следующий день жители привели скот, который потребовал от них флибустьерский адмирал, а также передали часть денег. Буканьеры, профессионально умевшие заготавливать солонину, тут же перебили всех коров и быков и засолили мясо.

«Вскоре испанцы принесли остальные деньги и потребовали освободить пленников, — продолжает свой рассказ Эксквемелин. — Однако Морган не хотел ничего знать и сказал, что передаст пленников тогда, когда отойдет на расстояние пушечного выстрела от крепости: таким путем он желал обеспечить себе свободный выход. Пираты подняли якоря и направились к выходу из лагуны, где оставили один из своих кораблей. Он еще стоял там, и его команда выловила среди обломков судна серебряных слитков на пятнадцать тысяч пиастров и множество шпаг и кинжалов, отделанных серебром. От пожара серебро сплавилось, и попадались обломки весом до тридцати фунтов. После этого Морган сообщил пленникам, что они должны выпросить у генерала для него свободный проход; если генерал не сделает этого, то он повесит всех пленников. Пленники посоветовались друг с другом и послали к дону Алонсо человека просить его, чтобы он дал возможность пиратам выйти мирно, иначе это может им стоить жизни; они пытались склонить его к этому на разные лады и говорили, что от этого зависит судьба их жен и детей… Однако генерал не внял их мольбам и дал отрицательный ответ; он обвинил их в малодушии. Если бы, сказал он, они обороняли крепость от пиратов так же, как он, то не так-то легко далась бы она в руки разбойников. Он не хочет и думать о сдаче крепости или о том, чтобы пиратам дать возможность ускользнуть; напротив, он всех их намерен пустить ко дну; крепость настолько сильна, что с ее помощью он может выиграть битву к вящей славе короля и к его, генерала, чести. Безутешные испанцы возвратились к Моргану и передали ему слова дона Алонсо. Морган ответил, что он уже нашел способ выйти из лагуны».

Подчиняясь требованиям своих людей, адмирал согласился произвести раздел захваченной добычи до начала операции по выходу из озера. Это решение объяснялось тем, что «обычные места сбора были далеко, а ближайшие находились на Эспаньоле; по пути же туда бури могли разогнать корабли, так что на тех судах, где не было добычи, пираты рисковали не получить ничего. Поэтому собрали все деньги, а также драгоценности и чеканное серебро, и общая сумма достигла двухсот пятидесяти тысяч пиастров, не считая разных товаров и рабов. Добычу распределили по кораблям, а затем на каждом из них совершили ее дележ. Когда все честь по чести было сделано, пираты дали клятву, что никто из них не утаит ни шиллинга, будь то золото, серебро, драгоценности, жемчуг или камни — алмазы, смарагды или безоаровые камни. Морган первый поклялся в том на Библии, и так же поступили все остальные пираты».

После дележа добычи адмирал раскрыл флибустьерам свой план выхода из озера Маракайбо в Венесуэльский залив и открытое море.

Днем, в канун ночи, которая была намечена для прорыва через пролив, часть флибустьеров села в каноэ якобы для того, чтобы высадиться на берег в районе форта Ла-Барра. Поскольку берег скрывали густые заросли, испанские солдаты не могли видеть, что там происходит. Флибустьеры же легли на дно своих каноэ и в полном составе вернулись к кораблям. Затем они повторили прежний маневр — из форта было видно, как к берегу направилась новая партия вооруженных людей. Создавалась иллюзия, что Морган готовится атаковать форт со стороны суши. Нервы дона Алонсо не выдержали, и он приказал солдатам перетащить часть пушек, нацеленных на пролив, на противоположную сторону.

«Настала ночь, — сообщает Эксквемелин, — и когда Морган убедился, что все пираты наготове, он приказал поднять якоря, поставить паруса. Корабли понеслись в струе течения, и их прибило почти к самой крепости. В этот момент пираты поставили паруса так, чтобы использовать ветер с суши, и пронеслись мимо крепости. Испанцы тотчас повернули часть пушек в сторону моря, однако пираты успели уже осуществить свой маневр, и их корабли почти не пострадали от крепостных орудий. Впрочем, испанцы так и не решались повернуть все пушки в сторону моря, опасаясь, что основные силы пиратов нападут на них с суши. На следующий день Морган отправил к крепости каноэ, чтобы обменять пленных пиратов, которых вот-вот должны были предать смерти, на испанских пленников. Для этого Морган выдал пленникам барку и дал возможность уйти всем, кроме заложников из Гибралтара, за которых еще не было уплачено. Их отпустить Морган не хотел, потому что надеялся получить положенный выкуп. На прощание он выстрелил по форту из семи пушек, однако ответного залпа не последовало».

Когда корабли пересекали Венесуэльский залив, налетел сильный ветер с северо-востока, одно из судов дало течь и вся флотилия была вынуждена стать на якорь. Лишь через неделю с лишним установилась нормальная погода, позволившая флибустьерам продолжить путь домой. Они прибыли в Порт-Ройял 27 мая 1669 года. Моргана и его людей опять встретили как героев.

Никто не знает, какова была реальная стоимость привезенной корсарами добычи. Хотя Эксквемелин оценил ее в 250 тысяч пиастров, сэр Джеймс Модифорд утверждал, что она была меньше той, которую Морган захватил в Портобело. Губернатор Ямайки

уточняет, что доли отдельных флибустьеров были вполовину меньше тех, которые они получили по итогам прежней экспедиции.

В то время как вся Ямайка прославляла своих «славных приватиров» и их адмирала Моргана, иная участь ожидала командиров армады де Барловенто. Дон Алонсо де Кампос-и-Эспиноса и Матео Алонсо Уидобро были арестованы по приказу вице-короля Новой Испании и отправлены в Севилью, чтобы предстать там перед трибуналом. Военная хунта при Совете по делам Индий, рассмотрев дело подсудимых, указала на допущенные ими ошибки, но все же отметила, что в ходе сражения оба вели себя мужественно. Это дало основания снять с них обвинения в трусости и позже выпустить на свободу. Что касается сержант-майора Диего де Варрио, то его обвинили в потере корабля «Нуэстра Сеньора де ла Соледад», разжаловали в рядовые и сослали на четыре года в один из дальних гарнизонов.

А что же случилось с теми судами ямайской флотилии, которые не смогли присоединиться к Моргану у острова Саона в феврале 1669 года и по этой причине не участвовали в набеге на Маракайбо? Отставшие от основных сил флибустьерские капитаны (Геррит Герритсзоон, Джозеф Брэдли, Йеллес и другие) выбрали своим вожаком Джона Анселла, который повел их в набег на венесуэльский город Куману. «Дойдя до тех мест, — сообщает Эксквемелин, — пираты высадились обычным способом и напали на индейцев, живших на берегу; однако, когда они дошли до города, их окружили испанцы и индейцы, так что у них сразу же пропала охота к грабежам и явилось желание как можно скорее добраться до своих кораблей. Во всяком случае, пробивались они к кораблям довольно смело и в конце концов пробились, правда, ряды их основательно поредели. Человек сто погибли на месте высадки, пятьдесят буквально принесли на борт. Когда же эти пираты вернулись на Ямайку, всякий, кто ходил с Морганом в Маракайбо, донимал их вопросом: много ли выручили они в Кумане и по какой причине остались в дураках?»

Люди Моргана, как обычно, очень быстро промотали вырученные в походе деньги и горели желанием отправиться в новую экспедицию. Однако летом того же года политическая ситуация в Вест-Индии резко изменилась.

ДЕРЗКИЙ ВЫЗОВ МАНУЭЛА РИВЕРО ПАРДАЛА

14 (24) июня 1669 года барабанный бой созвал людей на рыночную площадь. Рядом с королевским штандартом там уже стояли члены Совета Ямайки, губернатор сэр Томас Модифорд и адмирал ямайской флотилии Генри Морган. По сигналу сэра Томаса городской глашатай зачитал прокламацию:

— Поелику силы под командованием адмирала Моргана с Божьей помощью счастливо уничтожили флотилию, которую испанцы собирались использовать против этого острова, и поскольку наш суверенный господин король через своих государственных министров уведомил меня о том, что с подданными его католического величества до будущих распоряжений необходимо обходиться как с добрыми соседями и друзьями, я данной прокламацией аннулирую и отменяю все каперские свидетельства, которые ранее были пожалованы мной приватирам, и отныне запрещаю любые враждебные действия против вассалов его католического величества!

Эта новость была воспринята жителями Ямайки неоднозначно. Те, кто был заинтересован в развитии плантационного хозяйства и торговли, отнеслись к запрещению каперства положительно. Дельцы, вложившие деньги в каперство и скупавшие флибустьерскую добычу, а также владельцы портовых таверн и публичных домов высказывали открытое недовольство изменением политики в отношении Испании.

Поскольку в распоряжении у губернатора не было ни одного военного корабля, он не мог заставить флибустьеров прекратить морские походы. В итоге часть судов флибустьерской флотилии ушла из Порт-Ройяла с обычными паспортами или даже нелегально. Два судна отправились к северному побережью Кубы, восемь — к островам Кайман, где разделились: пять шлюпов пошли к Москитовому берегу Никарагуа, а легкий фрегат и две бригантины направились в Мексиканский залив. Последними командовали Джозеф Брэдли, Геррит Герритсзоон и Йохан Йеллес.

Морган остался на Ямайке. В период вынужденных «каникул» он покинул Порт-Ройял, перебравшись вместе с женой Марией Елизаветой на одну из своих загородных плантаций.

Тем временем испанские колониальные власти предприняли ряд карательных мер, призванных отомстить англичанам за грабеж Портобело и других городов на Мейне, и выдали

репрессальные грамоты нескольким корсарам. Один из них отличился набегом на остров Малый Кайман. Это нападение подробно описано в отчете капитана Сэмюэла Хатчинсона, представленном Роберту Биндлоссу 16 (26) июня 1669 года. Ссылка на этот отчет имеется в английском «Календаре государственных бумаг». Ниже приводится копия отчета капитана Хатчинсона:

«Ямайка.

Отчет, данный под присягой, о покушении испанцев на английских рыбаков на Кайманах, сожжении губернаторского дома и похищении всех его вещей, а также о захвате ими одного корабля, одного кеча и трех больших шлюпов с поломкой и уничтожением всех рыбацких лодок и каноэ, которые имелись на острове.

Сэмюэл Хатчинсон, командир корабля “Хоупвелл”, стоя на якоре в гавани Хадсонс-Хоул на Малом Каймане, 14-го дня апреля увидел пять парусников, которые оказались большими кораблями, кроме одной тартаны. Они появились около четырех часов пополудни с южной стороны острова и стали на якорь с английскими флагами на мачтах на расстоянии мушкетного выстрела от внешней стороны рифов у названного Хадсонс-Хоула. Они выстрелили из шести или семи пушек в сторону корабля названного Хатчинсона, на котором названный Хатчинсон поднял свои флаги и выпалил из одной пушки в подветренную сторону, на что испанцы спустили английский и подняли бургундский флаг, продолжая стрелять, и приготовили тартану и несколько лодок для абордирования корабля Хатчинсона… У названного Хатчинсона потерян был лишь один человек, хотя он получил несколько попаданий в корпус своего судна, его грот-рей был сбит, а мачта раскололась; губернатор Кайманов находился тогда на борту; наступил вечер, лодки вернулись к борту их кораблей, и около двух часов ночи испанцы зажгли ложные огни в северной части острова и в это же время высадили около двухсот человек на восточной оконечности острова. Названный Хатчинсон удерживал свой корабль до тех пор, пока хоть один человек держался на ногах возле него; наконец, отправился на берег вместе с губернатором, чтобы спастись от захвата в плен испанцами, взявшими судно на абордаж. Названный Хатчинсон отступил в лес и, достигнув морского побережья, приблизился к нескольким испанским лодкам, спрашивая у них имя их адмирала и о причинах того, почему они явились уничтожать купцов и рыбаков, но не получил никакого ответа. После того как они захватили корабль Хатчинсона… на второй день, 17-го числа того же месяца, они оснастили его и увели прочь вместе с

названным кечем и тремя шлюпами, примерно с семнадцатью или восемнадцатью пленниками.

Сия правдивая реляция Сэмюэла Хатчинсона, командира корабля “Хоупвелл”, дана мне под присягой шестнадцатого дня июня 1669 года.

[Подпись] Роберт Биндлас».

Активность испанских корсаров в Карибском море еще более возросла после того, как 10 (20) апреля 1669 года королева-регентша Испании официально разрешила своим губернаторам в Вест-Индии вести военные действия против подданных английской короны: «Я решила сообщить вам, что после получения сего письма вассалы короля, моего сына, могут… осуществлять против англичан в Индиях любые враждебные акты, удерживая в качестве законных призов все корабли, принадлежащие подданным короля Англии, которые они смогут захватить у тех берегов, и вторгаться, и занимать любые острова, города или места, которые англичане заняли или укрепили в Индиях».

В июне копии этого письма были направлены по назначению с галеонами «серебряного флота». Губернатор Картахены дон Педро де Ульоа получил указанное разрешение королевы 17 (27) октября того же года. 24 декабря 1669 года (3 января 1670 года по новому стилю) он выдал репрессальную грамоту португальскому корсару Мануэлу Риверо Пардалу, и через три дня тот вышел на 14-пушечном фрегате «Сан-Педро-и-ла-Фама» в море. Команда его насчитывала 70 человек.

Похожую репрессальную грамоту губернатор Сантьяго-де-Кубы выдал 26 января (5 февраля по новому стилю) капитану Франсиско Галесио, командиру судна «Сан-Николас-де-Толентино». Грамота позволяла ему «предпринимать любые враждебные действия, разрешенные во время войны, овладевая кораблями, островами, городами и портами, какие англичане имеют в Индиях».

Риверо Пардал первоначально планировал высадиться в Порт-Моранте на юго-восточном побережье Ямайки, похитить там полсотни рабов, продать их в Гаване, а на вырученные деньги снарядить флотилию для новых нападений на англичан. Однако противные ветры не позволили ему осуществить этот замысел, и он совершил набег на остров Большой Кайман. Там Риверо сжег хижины рыбаков и ловцов черепах, захватил кеч и каноэ, а также четверых детей, которых увез на Кубу.

В конце февраля того же года, крейсируя между Кубой и Ямайкой, Риверо наткнулся на корабль «Мэри энд Джейн»

флибустьера Бернарда Клаэзоона по прозвищу Спейрдик. Последний ходил на Кубу с мирными целями. Губернатор Ямайки еще в конце января поручил ему отвезти кубинским властям письма с уведомлением о мире между Англией и Испанией, подписание которого готовилось в Мадриде. Спейрдик благополучно доставил упомянутые письма и несколько испанских пленников в гавань Мансанильо, откуда послал сообщение губернатору города Баямо. Губернатор прислал в Мансанильо одного из своих офицеров, который принял пленных и трижды обыскал трюм английского судна. В трюме находились предметы роскоши из Европы. Убедившись, что Спейрдик пришел с мирными намерениями, офицер позволил ему сбыть контрабандные товары местным жителям.

27 февраля, покинув Мансанильо, чтобы идти назад в Порт-Ройял, Спейрдик заметил паруса неизвестного судна с английским флагом на корме. Это был фрегат Риверо. От борта «Мэри энд Джейн» отвалила шлюпка с двумя моряками, которым поручено было выяснить принадлежность встреченного судна. Эти двое были задержаны Риверо. Узнав от пленных, что их судно приписано к Ямайке, португалец тут же спустил английский флаг и произвел по «Мэри энд Джейн» бортовой залп.

Хотя у Спейрдика было меньше людей, он принял вызов, и два судна сошлись в артиллерийской дуэли, продолжавшейся около трех часов. Бой прервался с наступлением темноты. На рассвете «Мэри энд Джейн» и «Сан-Педро» снова вступили в сражение, продолжавшееся около четырех часов. Риверо потерял половину своих людей. Однако численное превосходство команды «Сан-Педро» все же дало себя знать. К тому моменту, когда флибустьеры сдались, их корабль был охвачен огнем на баке и юте, а пять человек были убиты, включая Спейрдика (по другим данным, погибли лишь три человека — капитан, матрос и юнга). В плен угодили 13 уцелевших моряков. Четверых пленных португалец решил забрать в Картахену, а прочим через восемь или десять дней позволил взять шлюпку с запасом провизии и вернуться на Ямайку.

18 (28) марта Модифорд описал этот инцидент в письме лорду Арлингтону: «Несмотря на отмену мной каперских свидетельств и пр., испанский военный корабль, снаряженный губернатором Сантьяго-де-Кубы, напал на наше торговое судно под командованием капитана Бернарда, старого приватира, который был допущен к торговле испанцами в Баямо; он имел лишь 18 людей, а тот, другой, — 80. Наш корабль оказал весьма храброе сопротивление, убив 36 человек, и к тому моменту, когда сдался, был охвачен огнем от носа до кормы. Мы потеряли

доброго старого капитана и четырех людей, девятеро пришли сюда в лодке, а остальные четверо были доставлены пленными в Картахену. Я велел всем дать показания под присягой. После этого я получил сообщение, что напарник этого бискайца напал у мыса Каточе на два наших небольших судна, которые шли в [Мексиканский] залив за кампешевым деревом; они счастливо захватили его, но документы его пока не доставлены; после знакомства с ними я смогу сообщить вашему сиятельству, какими силами они располагали и откуда пришли. Это вызвало такое негодование во всем корпусе приватиров, что, как я слышал, они серьезно подумывают о мести и назначили на следующий месяц общий сбор на Кайманах, куда я хочу отправить человека, чтобы отговорить их или умерить их планы».

Встревоженные активностью испанских корсаров власти Ямайки в течение весны и лета продолжали собирать сведения о враждебных действиях испанцев против подданных британской короны в Вест-Индии. 30 марта (9 апреля) были взяты показания у капитана Джона Коксона и его компаньона Питера Бёрсетта. Свидетели сообщили, что «десять недель тому назад» они поднимались на борт приватирского судна капитана Томаса Роджерса, находившегося в заливе Кампече. Роджерс рассказал им, что шестнадцатью днями ранее он «был атакован испанским военным кораблем из Картахены и, защищаясь, взял его на абордаж и захватил». На борту приза флибустьеры обнаружили англичанина Эдварда Брауна; последний на допросе «признался», что, когда он жил с испанцами в Картахене, там «была объявлена война Ямайке посредством битья в барабаны».

На следующий день губернатор Ямайки взял показания у Николаса Хикса. Тот заявил, что, посетив в ноябре 1669 года остров Кюрасао, встретил там «некоего Принса, англичанина, который был тогда пилотом или шкипером испанского корабля из Пуэрто-Бельо». Принс сообщил Хиксу, что испанцы в Портобело поклялись «не давать пощады ни одному англичанину, торговому или военному кораблю, и он был уверен, что они никогда не имели мира с англичанами».

5 (15) мая были взяты показания под присягой у боцмана судна «Эмити» Уильяма Лейна. Выйдя из Бристоля под командованием капитана Уильяма Кэндса, судно посетило Мадейру, откуда направилось к Невису. «Около девяти недель назад, — сообщил Лейн, — в 35 лигах в наветренную сторону от Антигуа испанский фрегат взял “Эмити” на абордаж и захватил его. Имя капитана было дон Франсиско; он отправил свой приз в Картахену и высадил англичан на берег Кюрасао, показав губернатору свою каперскую грамоту, которая была выдана в

Старой Испании… чтобы не давать пощады ни ямайцам, ни французам с острова Тортуга».

Тем временем Риверо Пардал снова вышел из Картахены на промысел. Его фрегат сопровождало судно «Гальярдина» — бывший французский капер, захваченный испанцами двумя годами ранее. 1 (11) июня, подняв на мачтах фальшивые английские флаги, Риверо и его компаньон появились у северного побережья Ямайки, где в течение полутора часов преследовали торговый шлюп Уильяма Харриса. Последний в отчаянии выбросил свое судно на пляж и, отстреливаясь, укрылся в зарослях на берегу. Корсары ухитрились стащить шлюп Харриса на воду и, прихватив с собой обнаруженное поблизости каноэ, увели захваченные призы на Кубу.

Через неделю Риверо Пардал снова появился у северных берегов Ямайки. Десант из тридцати налетчиков сжег несколько домов в Монтего-Бее. Затем, погрузив скудную добычу на свои суда, испанцы вернулись на Кубу.

23 июня (3 июля) Риверо Пардал в третий раз появился в водах Ямайки — на сей раз у южного побережья; кроме «Сан-Педро» и «Гальярдины» в его флотилии находился ранее захваченный шлюп, который он успел переоснастить в Сантьяго-де-Кубе. Около сорока всадников из состава ямайской милиции заметили подозрительные суда за час до того, как они стали на якорь, и воспрепятствовали высадке неприятеля на берег. На следующий день, переместившись на полсотни миль к западу, люди Пардала все же высадились в одной из бухт и сожгли в прибрежной полосе два дома.

В одном из писем с Ямайки, датированном 28 июня (8 июля), сообщалось, что испанцы, предав огню много домов и взяв пленных, «появились затем близ Уэлзи-Вуда, но, обнаружив на берегу вооруженных людей, ушли назад в море». Налетчиков определили по куску парусины, прибитому к дереву возле места высадки, на котором было написано собственноручное послание Риверо Пардала Генри Моргану с вызовом его на бой:

«Я, капитан Мануэл Риверо Пардал, командиру эскадры приватиров на Ямайке. Я тот, кто за этот год совершил следующее. Я пришел на побережье Кайманов, сжег 20 домов, сразился с капитаном Эйри и захватил у него кеч, нагруженный провизией, и каноэ. И я тот, кто захватил капитана Бейнса и отвел приз в Картахену, а теперь я пришел на это побережье и жгу его. И я прибыл, чтобы встретиться с генералом Морганом, с 2 кораблями, несущими 20 пушек. Я требую, дабы он, прочитав сие, отправился на это побережье и встретился со мной, чтобы он мог увидеть храбрость испанцев. Лишь за неимением времени я не

пришел к входу в Порт-Ройял, чтобы передать сие на словах от имени моего короля, да хранит его Господь. Датировано 5 июля 1670 года».

В конце сентября Мануэл Риверо зашел в однуиз бухт на востоке Кубы, где голландский флибустьер Йохан Йеллес как раз кренговал свое судно, и высадил на берег 80 мушкетеров. Однако, как писал хирург Ричард Браун, людям Йеллеса посчастливилось сбежать. В это время ветер с моря занес в бухту 9-пушечный фрегат «Долфин», которым командовал старый приятель Моргана капитан Джон Моррис. Хотя корабль Риверо был сильнее, имея на борту «восемь добрых пушек, шесть вертлюжных пушек и большой запас амуниции с фанатами и горшками с горючей смесью», корсары Морриса смело атаковали его. После первого же залпа «Долфина» испанцы оставили свои пушки и бросились врассыпную. Риверо попытался остановить бегущих, но был убит наповал выстрелом в горло. Когда, по информации Брауна, люди Риверо стали в панике прыгать за борт, флибустьеры хладнокровно расстреливали их прямо в воде. В живых осталось лишь четверо или пятеро испанцев, спрятавшихся в трюме. Их нашли, когда «Сан-Педро-и-ла-Фама» был взят на абордаж. Среди пленных оказался и индеец Хуан де Лао, служивший на судне коком.

Объявив испанский фрегат законным призом, Моррис обнаружил среди бумаг Риверо репрессальные грамоты, которые были доставлены в Порт-Ройял вместе с призом и испанскими пленными. 31 октября (10 ноября) Модифорд приложил эти документы к очередному письму, адресованному лорду Арлингтону, и отправил их в Англию как доказательство враждебности испанцев; при этом он особо отметил, что Риверо был «весьма уважаемой персоной среди них и имел право держать королевский штандарт на грот-мачте». Указанные бумаги до сих пор хранятся в британских архивах, включая напыщенную поэму, в которой незадачливый корсар-поэт воспевал свои подвиги.

Примечательно, что Арлингтон отнесся к сообщениям Модифорда о нападениях испанских корсаров на англичан в Вест-Индии достаточно спокойно, понимая, что они были спровоцированы набегами Моргана на Пуэрто-Принсипе, Портобело, Маракайбо и Гибралтар. 12 (22) июня 1670 года он писал губернатору Ямайки из Уайтхолла: «Нападения испанских военных кораблей на капитана Бернарда и прочих, имевшие место в заливе Кампече, вовсе не удивительны после тех враждебных акций, которые ваши люди совершили на их территориях, и, поскольку этот способ войны не делает чести и не приносит прибыли Его Величеству, он намерен положить ему

конец».

В то же время Арлингтон намекнул Модифорду, что, пока новый англо-испанский договор не подписан, король готов терпеть присутствие корсаров на Ямайке — правда, при условии, что они не будут вести военные действия против испанских подданных на суше.

НАЧАЛО ПОДГОТОВКИ К ПАНАМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Получив известия о бесчинствах Риверо Пардала на ямайском побережье, колониальная администрация острова решила использовать этот факт для возобновления антииспанских операций. 29 июня (9 июля) 1670 года в Спаниш-Тауне состоялось экстренное заседание Совета Ямайки. На нем присутствовали губернатор сэр Томас Модифорд, генерал-лейтенант сэр Джеймс Модифорд (брат сэра Томаса), генерал-майор Томас Модифорд, подполковник Томас Баллард, подполковник Джон Коуп, подполковник Ричард Хоуп, подполковник Роберт Биндлосс, подполковник Уильям Айв, майор Томас Фаллер и майор Энтони Коллир. Члены совета постановили:

«Поелику этому собранию благодаря копии каперской грамоты, отправленной его превосходительству почтенным Вилле-мом Беком, губернатором Кюрасао, стало известно, что королева-регент Испании своей цедулой, датированной в Мадриде 20 апреля 1669 года, приказала своим губернаторам в Индиях вести открытую войну против подданных нашего суверенного государя короля в этих краях; что губернатор Сантьяго-де-Ку-бы исполнил оное посредством пожалования каперских свидетельств для войны против нас и недавно в крайне враждебной манере высадил своих людей в трех местах на северном берегу этого острова, продвинувшись, насколько хватило смелости, вглубь страны, предав огню все дома, к которым они подступили, убивая и захватывая в плен всех жителей, которых они смогли встретить, а теперь еще они появились с тремя кораблями на южной стороне этого острова, в Митчелс-Хоуле, в восьми лигах от нашей главной гавани, и подошли к берегу, полному людей, но, увидев, что жители приготовились встретить их, отступили и на следующий день высадились в Паратил-Бее (Пэрроти-Бей в приходе Сент-Элизабет. — *В. Г.),* расположенном в восемнадцати лигах в подветренной стороне, и там сожгли два дома; что различные иные испанские губернаторы пожаловали каперские грамоты, набирают войска против нас и (как нам достоверно сообщили) превратили Сантьяго-де-Кубу в свою базу и главное место сбора, где их войска формируются и объединяются для быстрого вторжения на сей остров; из-за этого их намерения, ежели позволить ему созреть до такой степени, что враг получит возможность высадить свои войска на этом острове, мы вынуждены будем пренебречь

постоянной заботой о наших плантациях и переключить внимание на передвижение врага, вследствие чего наши плантации придут в упадок, наш скот и прочая живность одичают, наши рабы уйдут в лес, и мы, даже если победим в войне, вернемся к исходному состоянию, понеся невосполнимые потери и причинив огромный вред службе Его Величества. И поелику Его Величество, благодаря своей необыкновенной королевской проницательности и великой заботе о нас, указал в последней статье его королевских инструкций, каковую его превосходительство в данных чрезвычайных обстоятельствах соизволил передать этому собранию в следующих словах:

“И поскольку это правительство может столкнуться с различными обстоятельствами, по которым нам нелегко заранее сделать предписания и директивы касательно нашей службы и блага этого острова, вместо них вы, в полном согласии с Советом, должны взять на себя заботу об оном в таком объеме и столь действенно, словно были проинструктированы нами; и, сообщив нам о таких экстраординарных случаях, вы получите затем подтверждение от нас сообразно требованиям нашей службы”.

Итак, во исполнение того великого доверия, которое данной инструкцией было возложено на нас… в силу данной острой необходимости мы покорно уведомляем и просим ваше превосходительство для своевременного предотвращения надвигающегося несчастья… пожаловать каперское поручение адмиралу Генри Моргану, чтобы быть ему адмиралом и главнокомандующим всех военных кораблей, приписанных к этой гавани, и всех офицеров, солдат и моряков, приписанных к ним; просить его со всей возможной поспешностью собрать их в единый флот и выйти с ними в море для обеспечения безопасности берегов этого острова, торговых кораблей и иных судов, торгующих с ним и возле него; и нападать, захватывать, уничтожать все вражеские суда, которые окажутся в пределах его досягаемости; а также для уничтожения складов и магазинов, построенных для этой войны; и рассеивать те войска, которые уже собраны или могут быть собраны для ведения оной; чтобы он имел полномочие высадить во вражеской стране столь много своих людей, сколь он сочтет необходимым, и с ними отправиться к таким местам, в которых, по его данным, будут находиться упомянутые магазины и войска; и тогда, соответственно, брать, уничтожать и рассеивать их; и, наконец, совершить всеми доступными способами подвиги, которые будут служить сохранению и спокойствию этого острова, что является главным интересом Его Величества в Индиях; и чтобы для лучшего управления названными флотом, офицерами, солдатами и

моряками он получил полномочие использовать военный устав в соответствии с военными статьями, уже составленными или теми, которые будут составлены его превосходительством, каковой должен быть с самого начала объявлен им; и далее постановлено, что здесь не будет никакой иной платы для вознаграждения упомянутого флота, кроме того, что они получат все вещи, товары и пр., которые смогут добыть в экспедиции, дабы разделить их между собой согласно их обычным правилам; и для лучшего поощрения их наняться на эту столь необходимую службу далее постановлено… что ни один человек, реально приписанный к упомянутому флоту, не будет преследоваться за долги, а будет сим защищен до будущих распоряжений…»

В заключительной части своего постановления Совет Ямайки распорядился обнародовать его во всех приходах острова.

2 (12) июля Морган встретился с губернатором и членами совета, которые вручили ему новое каперское свидетельство. Содержание этого документа отчасти дублировало процитированное выше решение:

«Сэр Томас Модифорд, баронет, губернатор Его Величества острова Ямайка, главнокомандующий всеми силами Его Величества на названном острове и соседних островах, вице-адмирал Его Королевского Высочества герцога Йоркского на морях Америки.

Адмиралу Генри Моргану, эсквайру, приветствие. Поелику королева-регент Испании своей Королевской цедулой, датированной в Мадриде 20 апреля 1669 года, дала указание своим губернаторам в Индиях объявить и вести войну против нашего Суверенного Государя Короля в сих краях; и поелику дон Педро Байона де Вилья-Нуэва, генерал-капитан провинции Парагвай и губернатор города Сантьяго-де-Куба и его окрестностей, исполнил оное и недавно весьма враждебным и варварским образом высадил своих людей на северной стороне этого острова, и они вторглись на незначительное расстояние во внутренние районы, сжигая все встречные дома, убивая или захватывая в плен всех жителей, которые им встретились; и поелику остальные губернаторы в этих краях пожаловали каперские грамоты для осуществления подобных враждебных действий против нас и старательно накапливают силы для отправки в Сантьяго-де-Кубу, их главное место сбора и складирования, и оттуда… собираются осуществить вторжение и окончательное завоевание (как они надеются) этого острова, для предотвращения сих злонамеренных замыслов, во исполнение великого доверия, которое Его Милостивое Величество оказал мне, я назначаю — в силу полных прав и полномочий…

полученных мною от Его Королевского Высочества Джеймса, герцога Йоркского, Его Величества верховного лорда-адмирала, а также ввиду большого доверия, которое я испытываю к вашим, названный Генри Морган, примерному поведению, смелости и верности, — адмиралом и главнокомандующим всех кораблей, барок и других судов, уже снаряженных или которые в дальнейшем будут снаряжены для общественного служения и защиты этого острова, а также офицеров, солдат и моряков, которые уже имеются или будут посажены на них, приказывая вам приложить все старания, чтобы собрать все суда в одно соединение или флот и побудить их полностью обеспечить себя людьми, снаряжением, вооружением и провиантом, и при первой же возможности, как только позволят ветер и погода, выйти в море для охраны и защиты этого острова и всех судов, торгующих с ним или около него; и, в дополнение к этому, приложить максимум стараний к неожиданному захвату, взятию, потоплению, рассеиванию и уничтожению всех вражеских кораблей или судов, которые попадутся вам на глаза. А также, для предотвращения намерения напасть на это место, вы настоящим получаете полномочие и обязываетесь в случае, ежели вы и ваши офицеры в результате обсуждения найдете сие возможным или выполнимым, высадиться и достичь названного города Сантьяго-де-Куба или другого места, принадлежащего врагам, где, как вам станет известно, построены магазины или склады для ведения этой войны, или где назначены места сбора их силам… и там использовать все возможности для захвата названных складов и брать, убивать и рассеивать названные силы. И всем офицерам, солдатам и морякам, которые имеются или будут иметься или сядут на названные суда, настоящим строжайше вменяется как на море, так и на суше повиноваться вам как своему адмиралу и главнокомандующему во всех делах, которые будут поручены им; и вы сами должны соблюдать и следовать всем приказам, которые вы время от времени можете получать от Его Превосходнейшего Величества, Его Королевского Высочества и от меня лично».

К этому каперскому поручению прилагались инструкции из одиннадцати пунктов:

«1. Вместе с этими Инструкциями вы получите мою каперскую грамоту, которую вам надлежит прочитать всей экспедиции и принять к исполнению… для чего вы сможете получить от этого острова всю необходимую помощь.

2. Вы должны сообщить мне, какие силы вы можете использовать и в чем вы нуждаетесь, чтобы мы могли всё это просчитать и снабдить вас со всей возможной поспешностью.

3. Вы должны принять к сведению и сообщить вашему флоту и солдатам, что вы действуете по старому доброму правилу “нет добычи — нет платы” и, следовательно, всё, что будет получено, будет разделено между ними в соответствии с обычными правилами.

4. В случае, если вы, руководствуясь вашим каперским поручением, найдете целесообразным атаковать Сантъяго-де-Кубу и Бог дарует вам победу, вам надлежит… оберегать и помогать этому городу и окрестным районам, пока вы не сообщите о вашем успехе и не получите мои последующие приказы касательно оного, дабы ваш внезапный уход или их внезапное возвращение не доставило нам новых хлопот…

5. В силу этого вы объявите о прощении, возможности владеть имуществом и освобождении от налогов всем испанцам, которые подчинятся и дадут гарантию своей лояльности Его Величеству, и свободу всем рабам, которые пожелают прийти [к вам]; и тем, кто своей честной службой будет достоин этого, вы должны объявить, что плантации их сбежавших хозяев будут распределены среди них в качестве вознаграждения за оную, и дать им достаточные гарантии в письменном виде как относительно их свобод, так и имущества, сохранив за короной Англии четвертую часть продуктов, которую они будут ежегодно уплачивать для годового содержания сил, призванных защищать те края.

6. Если вы найдете, что данный курс приносит положительный эффект, вы можете постоянно придерживаться его для сохранения сахарных предприятий и тростника; но если… вам не удастся извлекать пользу из этого места продолжительное время, а испанцы и рабы отвергнут ваши предложения, тогда вы всё это разорите, предав рабов-мужчин мечу, а женщин-рабынь сделав пленницами для доставки их сюда и продажи в пользу вашего флота и армии; и, кроме того, людей, которые не говорят по-испански и являются недавно купленными неграми, вы тоже можете сохранить в пользу флота и армии; или, если какие-либо корабли окажутся там ради доставки их в Новую Англию или Виргинию, вы можете отправить их всех в пользу всё тех же.

7. Вы должны выяснить, как обходились с нашими пленными, и, если врагами была дана пощада тем из наших, кто попал к ним в руки, вы… должны поступить точно так же или даже лучше, ибо наш обычай превосходит их в цивилизованности и гуманности, при этом всячески стараясь сделать так, чтобы все слои населения узнали о вашей выдержке и доброй натуре и о вашей неспособности и отвращении к кровопролитию.

8. Вы получаете настоящим власть исполнять закон как

маршал (судебный исполнитель. — *В. Г.) в* соответствии с теми военными законами, которые были изданы мною, и законами, принятыми Актом парламента для управления флотом, которые я одобрил как годные для службы; и настоящим уполномочиваю вас применять их к тем, кто откажется повиноваться вам, предварительно объявив им сии законы, дабы никто не мог притвориться, что не знал о них.

9. Если будут встречены какой-то корабль или корабли, не имеющие каперских грамот, вы сим наделяетесь властью выдать им каперские грамоты в соответствии с утвержденной мною формой, взяв залог в 1000 ф. ст. для гарантии их исполнения.

10. Оные корабли в составе этой экспедиции вы должны держать при себе под своим командованием, упорядочив и расположив их для наилучшего исполнения этой службы, не позволяя захватчикам или обманщикам продать их до того, как они вернутся в порт приписки.

11. Что касается многих вещей, которые могут приключиться в этом предприятии и которые не могут быть мною предусмотрены и предвидены в этих инструкциях, то, соответственно, все подобные случаи я оставляю на ваши хорошо известные предусмотрительность и умение вести за собой, передавая вам то, что имеется в этом месте, дабы исполнить всё, что нужно, желая тем самым успеха вам и счастья этому острову.

Остаюсь вашим преданным другом и слугой

Томас Модифорд».

Понимая, что его антииспанская политика может вызвать недовольство правительства в Лондоне, Модифорд 6 (16) июля отправил лорду Арлингтону письмо, к которому приложил не только вышеупомянутое решение Совета Ямайки, но и копию испанской каперской грамоты, выданной губернатором Сантьяго-де-Кубы в начале 1670 года. Кроме того, в тот же день он продиктовал своему секретарю пространное письмо для канцлера казначейства лорда Эшли. В письме Модифорд сообщал, что его сын Чарлз должен передать лорду-канцлеру документы, содержащие не только анализ политической ситуации в Вест-Индии, но и аргументы в поддержку антииспанских действий приватиров Ямайки.

Через год сэр Томас привел 14 доводов, которые должны были оправдать его решение отправить флибустьеров Ямайки против испанцев. Многие из этих доводов повторяли уже известные нам, некоторые выглядели новациями. В десятом доводе подчеркивалось, что каперское поручение было выдано Генри Моргану исключительно с целью «отмщения испанцам за

их враждебные действия» и для недопущения подобных действий в будущем. В одиннадцатом доводе Модифорд пояснил, что капитанам флибустьерских судов каперские грамоты были переданы только для исполнения приказов Моргана, не выходящих за рамки службы его величеству.

В конце сентября 1670 года сын губернатора Чарлз передал королю петицию, к которой прилагалась еще одна порция доводов о необходимости поощрения флибустьеров «ради безопасности острова Ямайка»:

1. Флибустьеры поставляют на остров оперативную разведывательную информацию о передвижениях испанского флота и о враждебных намерениях испанцев в отношении Ямайки.

2. Обеспечивая безопасность Ямайки, флибустьеры тем самым помогают плантаторам и способствуют притоку на остров купцов.

3. Благодаря флибустьерам становится известно о том, с какой бесчеловечностью, предательством и жестокостью испанцы обращаются с англичанами, угодившими к ним в руки, забирая у них корабли и товары и заставляя пленных работать в качестве рабов.

4. Флибустьерство нельзя сократить без значительных издержек для королевской казны и большого ущерба для острова, ибо, когда сэр Томас попытался обуздать флибустьеров, они отправились к французам на Тортугу, превратились в обычных пиратов и стали нападать на англичан так же, как и на испанцев. Если бы король «во время последней войны» не разрешил губернатору выдать флибустьерам каперские грамоты против испанцев, остров мог быть потерян.

5. Если бы в Вест-Индии у англичан не было боевых кораблей, испанцы «несомненно напали бы на Ямайку или, по крайней мере, захватывали бы любой корабль, направляющийся с Ямайки в Англию». Но если король все же намерен подавить флибустьеров, он должен отправить в Вест-Индию достаточные вооруженные силы и приказать сэру Уильяму Годолфину, специальному посланнику в Испании, добиться от испанского короля официального признания Ямайки британским владением; без этого, если флибустьерство запретят, ни один купец не захочет торговать на Ямайке и никто не захочет основывать там плантации.

Отметим, что из всех представленных доводов правительство в Лондоне согласится лишь с последним.

В письме лорду Арлингтону, датированном 30 июля (9 августа), Модифорд сообщил, что кроме адмирала Моргана

каперские свидетельства были выданы еще десяти капитанам приватирских судов.

22 июля (1 августа) Морган получил от губернатора дополнительные инструкции. В них указывалось, что, поскольку ничто не может быть столь противно интересам его величества, как «старый незаконный обычай капитанов приватиров покидать флот, когда им заблагорассудится», Морган, обнаружив подобное намерение, решением военного трибунала должен был отобрать у таких ненадежных лиц каперские грамоты и передать их тем, в ком он не сомневается. Если бы кто-то из капитанов покинул флот без разрешения адмирала, а затем был бы пойман, его следовало заковать в цепи и отправить к начальнику полиции Ямайки. Никто из «частных солдат или моряков» не имел права покинуть флот или «бегать с одного корабля на другой» без собственноручного письменного разрешения адмирала. Для более надежного поддержания дисциплины среди солдат и моряков Моргану предписывалось назначить помощников капитанов на каждый корабль. Наконец, он должен был присылать губернатору сообщения обо всех своих перемещениях, успехах и потерях, чтобы тот мог выслать ему новые инструкции и необходимую помощь.

12 (22) августа адмирал снялся с якоря и под грохот артиллерийского салюта вывел свою флотилию из гавани Порт-Ройяла. Буквально на следующий день Модифорд получил письмо с новыми инструкциями короля относительно приватиров. Карл II требовал, чтобы губернатор Ямайки удерживал флот флибустьеров от активных антииспанских действий.

20 (30) августа Модифорд написал лорду Арлингтону, что, получив королевские инструкции 13 (23) августа, он тут же отправил сообщение о них Моргану. При этом Модифорд просил адмирала, чтобы, «отправляясь на эту войну, он вел себя со всей возможной сдержанностью». Приостановив поход, Морган ответил, что готов придерживаться новых указов, «насколько это возможно, но нужда может заставить его или высадиться на сушу в стране испанцев для получения дров, воды и провизии, или покинуть эту службу». 14 (24) августа флибустьерская флотилия продолжила движение вдоль южного побережья острова.

Согласно «Правдивому отчету об экспедиции адмирала Генри Моргана против испанцев в Вест-Индии в год 1670», написанному на основании реляции самого адмирала, под его командованием в это время находилось 11 судов с шестьюстами людьми на борту. Посетив бухту Блуфилдс-Бей, флотилия обогнула западную оконечность Ямайки — мыс Негрил, поднялась на север, к побережью Кубы, а оттуда повернула на восток, в сторону

Эспаньолы.

Во время плавания корабли попали в шторм; три судна, включая фрегат «Долфин» Джона Морриса, временно отбились от основных сил. 2 (12) сентября Морган прибыл к острову Ваш, назначенному местом сбора для всех флибустьеров Карибского моря. Отсюда, согласно данным Эксквемелина, он послал письма «губернатору Тортуги и всем плантаторам и охотникам Эспаньолы», в которых «сообщил о своем намерении собрать силы для нападения на какое-нибудь значительное поселение. И коль скоро победа будет одержана — и губернатор, и плантаторы, и охотники пожнут ее плоды. Получив это письмо, пираты Тортуги и Эспаньолы потянулись во флотилию Моргана: после столь счастливых походов да еще при столь доброжелательном отношении к французам пираты относились к Моргану лучше, чем когда бы то ни было. На Тортуге все капитаны пиратских судов тотчас же изъявили желание выйти в море и взять на борт столько людей, сколько могли их суда вместить; однако не все могли разместиться на кораблях, и многие на каноэ поплыли вдоль берега, чтобы пристать к флотилии, остальные пошли лесом к южному берегу острова, дабы сесть там на корабли англичан».

Вице-адмиралом формирующегося флота избрали Эдварда Коллира, недавно вернувшегося на Ямайку из бесплодной восемнадцатимесячной экспедиции на фрегате «Сэтисфекшн». Врач Ричард Браун, находившийся на борту корабля Коллира и «не заработавший даже двух пенсов», был назначен главным хирургом флота.

6 (16) сентября Морган отправил своего вице-адмирала к побережью Новой Гранады с флотилией из трех больших и трех малых судов, на борту которых разместились 400 человек (Эксквемелин пишет, что в этой флотилии было четыре судна и одна барка). Коллир и его люди должны были добыть у испанцев продовольствие и информацию «о готовившемся испанском вторжении на Ямайку», а также, если повезет, ограбить в Рио-де-ла-Аче, *ранчерию* — местную жемчужную ферму.

В письме лорду Арлингтону, датированном 20 (30) сентября, губернатор Ямайки упомянул о том, что 12-го числа капитан Хиз доставил к нему пакет с новостями от Моргана. Адмирал сообщал, что после выхода в море благополучно обогнул Ямайку и поднялся на широту Кубы, где оставил один из кораблей для разведки и добычи «языка». Затем на флотилию обрушился шторм, в результате которого три судна отбились от оставшихся семи. Спустя несколько дней, пишет далее Модифорд, в Порт-Ройял прибыли «три добрых судна и кеч», которые были тут же

отправлены в помощь Моргану. В письме сообщалось также о капитане Джозефе Брэдли, вернувшемся из похода в Мексиканский залив: «Капитан Брэдли на прошлой неделе привел квакерское судно, управляемое неким Уотсоном, которое он отбил у испанского военного корабля через 13 дней после того, как тот захватил его, с шестью матросами; названный Уотсон, две проповедующие квакерство женщины и прочие, коих военный корабль уже собирался доставить в Гавану, были перехвачены Брэдли в пределах досягаемости пушек Моро-Касл (гаванской крепости Эль-Морро. — *В. Г.)*».

И Брэдли, и его компаньоны Геррит Герритсзоон и Йохан Йеллес, долгое время промышлявшие в Мексиканском заливе, вскоре тоже присоединились к флоту Моргана.

НАБЕГ ФЛИБУСТЬЕРОВ НА РИО-ДЕ-ЛА-АЧУ

Пока часть корсаров и буканьеров занималась охотой и снаряжением судов у острова Ваш, флотилия Эдварда Коллира ушла к берегам Южной Америки. На траверзе Рио-де-ла-Ачи она появилась лишь спустя пять недель — 14 (24) октября.

Эксквемелин описал этот поход весьма схематично и неточно. Питер Эрл, опираясь на данные из испанских архивов, нарисовал более достоверную картину происшедшего.

Население городка в то время не превышало ста человек, включая испанцев, негров, мулатов и метисов. Хотя гавань защищал форт с четырьмя пушками, флибустьеры полагали, что им не будет оказано серьезное сопротивление.

Суда Коллира были замечены береговой стражей на рассвете. В семь часов утра флибустьеры осуществили высадку примерно в двух милях от городка и стройной колонной двинулись к нему по пляжу. Часть жителей Рио-де-ла-Ачи тут же бежала в лес со всеми ценными вещами; другие «при первом появлении врага застыли от страха и не хотели сражаться». Описывая их поведение, очевидец сообщал, что некоторые из них умоляли пиратов пощадить их, а некоторые «спрятались под тюфяками и корзинами».

Без труда овладев городком, Коллир оставил пленных под охраной небольшого отряда, а сам с основными силами двинулся к форту. На переговоры с гарнизоном был выслан трубач — солдатам предлагали сдаться на почетных условиях. Однако к тому времени гарнизон форта был усилен сорока моряками с корсарского судна «Гальярдина», еще недавно оперировавшего против англичан в консорте с Риверо Пардалом, а теперь стоявшего на якоре в гавани. Эти моряки убедили солдат принять бой. Ответ коменданта, доставленный парламентером Коллиру, гласил: «Нет, мы не можем сдаться просто так, ибо это — крепость, принадлежащая королю. Мы можем сдаться лишь в силу принуждения оружием».

Началось сражение, длившееся до вечера. Когда с обеих сторон было убито несколько человек, бой затих и испанцы запросили пощады. Заняв форт, флибустьеры допросили пленных. Двоих из них Коллир велел казнить за то, что «по их вине он потерял так много времени».

Захватив форт и заперев в нем 44 пленника, флибустьеры отправились грабить покинутое жителями селение. Увы, добыча

их разочаровала. Пришлось выслать в погоню за беглецами летучий отряд. Он настиг одну из групп беженцев. «На следующий день, — рассказывает Эксквемелин, — пленников стали пытать обычным образом, чтобы узнать, где спрятаны добро и деньги, причем некоторые пленники это знали, а другим ничего не было на этот счет известно. Пираты разделились на группы и сумели захватить довольно много всякого добра и рабов. Испанцы, которые не осмеливались перед этим выйти из леса, устроили все же несколько засад, чтобы остановить пиратов. Но это не помогло, ибо, кто пытался повредить пиратам, тут же попадал в плен».

В отличие от Моргана, никогда не опускавшегося до истязания пленных, Эдвард Коллир пользовался у испанцев весьма дурной репутацией. По свидетельству очевидцев, вице-адмирал собственноручно убил трех пленников, тогда как его люди «хладнокровно совершили тысячу [иных] гнусных дел».

Поскольку захват сокровищ не являлся главной задачей этой экспедиции, флибустьеры через четыре дня переключились на поиски провианта. Пленным сообщили, что, если в течение двадцати четырех дней они не доставят в Рио-де-ла-Ачу тысячу арроб мяса и две тысячи арроб маиса, их всех обезглавят. Специальные уполномоченные были посланы во все уголки провинции с заданием организовать сбор мяса и маиса. Один из них сообщил об этом в письме, адресованном Симону Барранко, губернатору Санта-Марты. Последний вызвал своего секретаря и продиктовал ему письмо для губернатора Картахены дона Педро де Ульоа. Новости были неутешительными. Флибустьеры проболтались, что собирают на Ямайке и у острова Ваш большой флот для вторжения на Испанский Мейн. Нападению могли подвергнуться либо Картахена, либо Панама. Когда дон Педро не позднее 9 ноября (по григорианскому календарю) прочитал письмо от губернатора Санта-Марты, то почти не сомневался, что флибустьеры готовятся напасть на Картахену.

Вскоре после того как требование корсаров было выполнено и провиант погрузили на их суда, Коллир отдал приказ возвращаться на остров Ваш. Помимо мяса и маиса налетчики забрали с собой 38 пленных, «Гальярдину» и еще одну барку, находившуюся в гавани Рио-де-ла-Ачи в день захвата городка.

«С тех пор как Морган послал четыре корабля и барку, — писал Эксквемелин, — уже прошло пять недель, и им овладело беспокойство; он не знал, что и думать: то ли пираты захватили богатую добычу и поэтому задержались, то ли они разбиты; в те места испанцам могло прийти подкрепление из Картахены и Санта-Марии (Санта-Марты. — *В. Г.),* кроме того, пираты могли

нарваться на боевые корабли из Картахены. Морган готов был уже изменить свой первоначальный план, но тут подоспели долгожданные корабли».

Возвращение флотилии Коллира было встречено приветственными возгласами и ружейным салютом. Радость флибустьеров еще более возросла, когда они узнали, что корабли доставили из Рио-де-ла-Ачи не только большой запас провианта, но также два испанских приза и партию рабов.

ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП ПОДГОТОВКИ К ПАНАМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Пока отряд Эдварда Коллира бесчинствовал на берегах Новой Гранады, остальные флибустьеры тоже не сидели без дела: они охотились на острове Ваш и южном побережье Эспаньолы, заготавливали дрова, коптили мясо убитых свиней и коров, очищали и смолили борта кораблей и выполняли прочие необходимые работы.

В «Правдивом отчете и реляции об этой моей последней экспедиции против испанцев» Морган отмечал, что 30 сентября (10 октября) к его флотилии присоединился фрегат «Дол-фин» капитана Джона Морриса. Старый товарищ адмирала привел с собой фрегат Риверо Пардала «Сан-Педро-и-ла-Фама», захваченный им близ восточного побережья Кубы. Приз был переименован в «Лэмб» и передан под командование капитана Ричарда Пауэлла.

7 (17) октября, в разгар сезона ураганов, на флотилию Моргана обрушился жестокий шторм, который выбросил на берег все суда, кроме адмиральского. Когда погода наладилась, команды приступили к починке кораблей. Почти все они, за исключением трех, вскоре снова были на плаву.

В октябре на рандеву к острову Ваш пришли еще три французских судна с Тортуги, а в ноябре — семь судов с Ямайки. Исходя из данных, присланных ему Морганом, губернатор Ямайки 31 октября (10 ноября) писал лорду Арлингтону, что во флоте флибустьеров насчитывается 1100 англичан и 200 французов; кроме того, велись переговоры еще с 400 французами, восставшими на Тортуге и Эспаньоле против губернатора Бертрана д'Ожерона — администратора ненавистной им монопольной Французской Вест-Индской компании. Модифорд добавил, что из Порт-Ройяла к Моргану собираются также отплыть корабли капитанов Лауренса Принса, Томаса Харрисона и Ричарда Ладбери, недавно вернувшиеся из Никарагуа, а также пять других судов; благодаря им флот должен был получить еще порядка 400 человек, и в итоге под командованием Моргана должно было собраться не менее 2100 человек.

Коллир вернулся к острову Ваш 28 ноября (8 декабря). Французы узнали в трофейной «Гальярдине» флибустьерский корабль с Тортуги, захваченный *капитаной* из Картахены пятью годами ранее. Адмирал согласился передать этот приз одному из своих французских союзников — капитану Жану Гасконцу.

29 ноября (9 декабря) Морган и его капитаны допросили испанских пленных, доставленных Коллиром. От них хотели получить сведения, подтверждающие намерение испанцев захватить Ямайку. О том, как это делалось, позже рассказал хирург Ричард Браун:

«Первым делом, когда мы оказывались в чужих краях, был захват пленного, от которого мы требовали сказать, подписать собственноручно и заверить печатью, что в Картахене, Порто-Белло или других морских городах они [испанцы] собирают войска и снаряжают флот для выхода в море, дабы вторгнуться на Ямайку. Некоторые под пытками соглашались сделать то, что нам было нужно. Другие, более благородные и сильные, не желали говорить или подписывать то, о чем они не знали, каковых тогда рубили на части, расстреливали или вешали».

Среди тех, кто отказался подписать то, что требовали от него флибустьеры, был капитан «Гальярдины» Мануэль Фернандес де Акоста. Однако другие испанцы оказались не столь стойкими. 29 ноября (9 декабря) 1670 года секретарь Моргана Джон Пик записал показания шкипера «Гальярдины» Марко де Лубы и моряка с Майорки Лукаса Переса. Ниже приводится текст показаний шкипера:

«Ноября 29-го, 1670 года.

Свидетельство Маркуса де Лубы, испанца, старшего пилота приза “Галердина”, родившегося на Гран-Канарии, возраст — сорок семь лет или около того; будучи спрошенным, сказал, что он видел завербованных людей в Картахене, все — вооружены для враждебных действий против англичан. И далее сказал, что несколько испанских кораблей получили и все еще имеют каперские грамоты от президента Панамы дона Хуана Переса де Гусмана; что они захватили несколько английских судов; что испанцы весьма настроены против острова Ямайка, особенно по причине того, что в Старой Испании снаряжен флот, чтобы идти в эти края под командованием и управлением некоего дона Алонсо, а более ничего не сказал.

Дано под присягой в вышеозначенный день и год в присутствии

Генри Моргана

и прочих офицеров флота».

Лукас Перес подтвердил эту информацию и добавил, что испанцы снарядили два корабля для действий против Ямайки — один с 18, другой с 12 пушками; кроме того, по его словам, президент Панамы пожаловал несколько каперских грамот для нападений на англичан, в силу которых было захвачено несколько английских кораблей.

Упоминание в показаниях пленников президента Панамы могло указывать на то, что именно Панама должна была стать главной мишенью Моргана.

Среди капитанов, присоединившихся к флибустьерскому флоту у острова Ваш, весьма примечательными персонами были Лауренс Принс, Томас Харрисон (или Харрис) и Ричард Ладбери, которые, имея под своим командованием 170 человек, вернулись в Порт-Ройял из похода на Испанский Мейн. В своем отчете губернатору Ямайки они рассказали, что сначала, поднявшись по реке Магдалена вглубь Новой Гранады, пытались оказать помощь восставшим индейским племенам. Планировался захват города Момпос, но, угодив под обстрел артиллерии форта, возведенного испанцами на острове посреди реки, флибустьеры вынуждены были ретироваться. В августе отряд Принса, Харрисона и Ладбери, насчитывавший тогда около двухсот человек, отправился в Никарагуа. Зайдя в устье реки Сан-Хуан, они оставили там свои суда, добрались с помощью индейцев-проводников до ее истока и напали на форт Сан-Карлос, возведенный испанцами рядом с озером Никарагуа. Гарнизон форта насчитывал лишь 37 солдат. Испанцы отвергли ультиматум о капитуляции, убив в завязавшемся бою 16 и ранив 18 флибустьеров. Когда форт все же пал, комендант Гонсало Ногера Ребольедо под пытками признался, что четырьмя часами ранее отправил лодку с сообщением о появлении пиратов в город Гранаду. Капитан Принс тут же снарядил быстроходное каноэ, которое на третий день перехватило упомянутую лодку. Оставив в форте два десятка человек, отряд из 120 флибустьеров незаметно проник в Гранаду, захватил заложников и до полудня ограбил дома самых зажиточных горожан.

В своем отчете Модифорду руководители экспедиции утверждали, что взятая в Гранаде добыча оказалась скромной — на каждого участника пришлось по 7 фунтов серебра и 12 фунтов стерлингов в звонкой монете. В испанском отчете об этом нападении отмечалось, что Принс «осуществил разорение и тысячу разрушений, отправив голову священника в корзине и заявив, что он поступит с остальными пленными таким же образом, если они не дадут ему 70 тысяч песо выкупа». По сведениям Ричарда Брауна, после грабежа Гранады на каждого участника экспедиции пришлось по 30 или 40 фунтов стерлингов.

На Ямайку все три капитана вернулись в октябре. Губернатор Модифорд «пожурил» их за действия без каперской грамоты, а затем отправил к Моргану. Последний, узнав о похождениях Принса, назначил его одним из своих первых помощников.

Примерно в это же время к флибустьерскому флоту

присоединился Хамфри Фёрстон. Несколько ранее он покинул Ямайку на небольшом 30-тонном судне «Порт-Ройял» (принадлежавшем доктору Джорджу Холмсу), имея предписание идти к берегам Юкатана за кампешевым деревом. Вместо этого Фёрстон взял на абордаж испанский 40-тонный торговый корабль «Сан-Томас», нагруженный шелком, вином, одеждой и иными товарами. Свой приз он переоснастил в боевое судно, привел в Порт-Ройял, а оттуда отправился к острову Ваш на рандеву с Морганом.

«Суда Моргана были готовы, — рассказывает Эксквемелин, — больше никого не ждали… Тем временем только что прибывшие суда были также подготовлены для похода; на все корабли погрузили мясо, разделив его, как и маис, в соответствии с численностью команд. Затем Морган назначил место сбора — мыс Тибурон, на западном побережье Эспаньолы; там пираты должны были сообща решить, какое же место им лучше атаковать. Вскоре корабли добрались до мыса Тибурон, где их уже поджидал Морган; пришли сюда суда с Ямайки, которые вышли оттуда в поисках флотилии Моргана. Теперь вся флотилия состояла из тридцати семи кораблей и нескольких небольших барок».

В «Правдивом отчете…» также говорится о 37 судах. Однако, по данным ямайского губернатора Модифорда, флот Моргана насчитывал 36 судов, в том числе 28 английских и 8 французских. Сохранился список всех капитанов и кораблей флота с указанием их водоизмещения, количества пушек и численности экипажей.

Английские суда … Капитаны … Тоннаж / Пушки / Экипаж

«Сэтисфекшн» (фрегат) … Генри Морган … 120 / 22 / 140
«Мэри» (фрегат) … Томас Харрисон … 50 / 12 / 70
«Мейфлауэр» … Джозеф Брэдли … 70 / 14 / 100
«Пирл» … Лауренс Принс … 50 / 12 / 70
«Сивилиэн» … Ян Эрасмус Рейнинг … 80 / 12 / 75
«Долфин» (фрегат) … Джон Моррис … 60 / 10 / 60
«Лилли» (фрегат) … Ричард Норман … 50 / 10 / 50
«Порт-Ройял» … Джеймс Деллиат … 50 / 12 / 55
«Гифт» … Томас Роджерс … 40 / 12 / 60
«Джон» … Джон Пайн … 70 / 6 / 60
«Сан-Томас» … Хамфри Фёрстон … 50 / 8 / 45
«Форчун» … Ричард Ладбэри … 40 / 6 / 40
«Констант Томас» … Кун Дебронс … 60 / 6 / 40
«Форчун» … Ричард Добсон … 25 / 6 / 35
«Просперес» … Генри Уилс … 16 / 4 / 35

«Сэкрифайс оф Эйбрэхэм» … Ричард Тейлор … 60 / 4 / 30
«Вирджин куин» … Джон Беннет … 15 / — / 30
«Рикавери» … Джон Шеферд … 18 / 3 / 30
«Уильям» (шлюп) … Томас Вудриф … 12 / — / 30
«Бетти» (шлюп) … Уильям Кёрсон … 12 / — / 25
«Форчун» (кеч) … Клемент Симоне … 40 / 4 / 40
«Индевор» … Джон Харменсон … 25 / 4 / 35
«Бонавенчур» … Роджер Тейлор … 20 / — / 25
«Просперес» … Патрик Данбар … 10 / — / 16
«Индевор» … Чарлз Сван … 16 / 2 / 30
«Лэмб» (шлюп) … Ричард Пауэлл … 30 / 4 / 30
«Форчун» … Иона Рикс … 16 / 3 / 30
«Фри гифт» … Роджер Келли … 15 / 4 / 40
Итого: 28 английских судов, прибывших с Ямайки … 1120 / 180 / 1326
«Сент-Катрин» … Франсуа Требютор … 100 / 14 / 110
«Гальярдина» … Жан Гасконец … 80 / 10 / 80
«Сен-Жан» … Диего Мулат … 80 / 10 / 80
«Сен-Пьер» … ПьерАнто (Пикардиец) … 80 / 10 / 90
«Дьябль Волан» … Дюмангль … 40 / 6 / 50
«Сёрф» (шлюп) … Жозеф … 25 / 2 / 40
«Лион» (шлюп) … Шарль … 30 / 3 / 40
«Сент-Мари» … Жан Линокс … 30 / 4 / 30
Итого: 8 французских судов с Тортуги и Сен-Доменга … 465 / 59 / 520
Всего: 36 судов … 1585 / 239 / 1846

Это было самое крупное соединение корсарских кораблей за всю историю Америки.

«После генерального осмотра, — продолжает свой рассказ Эксквемелин, — выяснилось, что на них насчитывается две тысячи один человек; все хорошо вооружены ружьями, пистолетами, саблями, у всех были порох и пули, а также все прочее необходимое боевое снаряжение… Когда Морган все осмотрел, он разделил свои силы, иначе говоря, составил две эскадры под двумя различными флагами — королевским флагом Англии и белым флагом; потом он назначил вице-адмирала и контр-адмирала. Всем кораблям, которым не было дано особых поручений, он отдал приказ: овладевать испанскими поселениями, захватывать все корабли, которые встретятся в море или в гавани, а также разрешил репрессии, исходя из того, что испанцы — это открытые враги английской короны. Точно так же он дозволил, не испрашивая у испанцев на то разрешения, брать в их гаванях воду и все, что необходимо для плавания».

Согласно показаниям индейца Хуана де Лао, среди пиратов находилась одна женщина: «Это была маленькая старая англичанка, и все знали, что она была ведьмой, которую англичане брали с собой для того, чтобы она делала им предсказания и с помощью своего дьявольского искусства сообщала, что им следует предпринять».

Покончив со всеми подготовительными работами, адмирал 2 (12) декабря собрал капитанов на борту флагманского фрегата «Сэтисфекшн». Эксквемелин рассказывает: «Офицеры собрались и решили, что у Моргана должно быть для особых поручений сто человек; это было сообщено всем рядовым, и они выразили свое согласие. При этом было решено, что каждый корабль должен иметь своего капитана; потом собрались все низшие офицеры-лейтенанты и боцманы — и решили, что капитану нужно выдать восемь долей и еще сверх того, если он отличится; хирургу нужно дать двести пиастров на его аптеку и одну долю (по данным голландского капера Яна Эрасмуса Рейнинга, хирургам должны были выплатить по 100 пиастров на медикаменты. — *В. Г.);* плотникам — по сто пиастров и одну долю. Кроме того, была установлена доля для особо отличившихся и пострадавших от врага, а также для тех, кто первым водрузит флаг на укреплении врага и провозгласит его английским; они решили, что за это следует добавить еще пятьдесят пиастров. Тот, кто будет подвергаться большой опасности, получит сверх своей доли еще двести пиастров. Гренадеры, которые забрасывают крепость гранатами, должны получать по пять пиастров за каждую гранату.

Затем было установлено возмещение за увечья: кто потеряет обе руки, должен получить сверх своей доли еще полторы тысячи пиастров или пятнадцать рабов (по выбору пострадавшего); кто потеряет обе ноги, должен получить тысячу восемьсот пиастров или восемнадцать рабов; кто потеряет руку, безразлично левую или правую, должен получить пятьсот пиастров или пять рабов. Для потерявшего ногу, безразлично левую или правую, полагалось пятьсот пиастров или пять рабов. За потерю глаза полагалось сто пиастров или один раб. За потерю пальца — сто пиастров или один раб. За огнестрельную рану полагалось пятьсот пиастров или пять рабов. За парализованную руку, ногу или палец полагалась такая же плата, как и за утраченную конечность. Сумма, необходимая для выплаты подобных возмещений, должна была изыматься из общей добычи перед ее дележом. Предложения были единодушно поддержаны как Морганом, так и всеми капитанами флота».

Далее Эксквемелин сделал еще одно небольшое дополнение по поводу заключенного между пиратами соглашения:

«Кроме того, решили предпринять еще вот что: если какой-нибудь корабль первым захватит в море или гавани вражеское судно, выделить его команде из общей добычи премию в тысячу пиастров, а если добыча на таком судне оценена будет суммой свыше десяти тысяч пиастров, то добавить еще по тысяче с каждых десяти тысяч. Также под страхом телесного наказания или казни было установлено, что никто не смеет, захватив судно, разрушать его, если на нем нет врагов».

Во время военного совета Морган выдал каперские свидетельства тем капитанам, которые их не имели. Покончив с этим вопросом, перешли к обсуждению возможных объектов для нападения. Первым объектом был назван город Сантьяго-де-Куба, упоминавшийся в инструкциях ямайского губернатора. Поскольку этот город после экспедиции Мингса 1662 года был сильно укреплен и обещал мало добычи, большинство капитанов отвергли его в качестве главной цели похода. Вторым возможным объектом назывался Веракрус. Капитаны знали, что он наполнялся сокровищами только с приходом в его гавань кораблей «серебряного флота», а в остальное время представлял собой довольно сонное и небогатое поселение. Поэтому идея похода на Веракрус тоже была отброшена. Обсуждались еще две цели — Картахена и Панама. После бурных дебатов капитаны остановили свой выбор на Панаме, о чем они письменно уведомили адмирала:

«Достопочтенный сэр,

После серьезного обсуждения того, какой город может быть наиболее выгодным для сохранения англичан, особливо для безопасности Его Величества острова Ямайка, а также для предотвращения вторжения испанцев, учитывая, что все прочие командиры флота полностью доверили нам, чьи имена указаны ниже, принять решение о нападении на такой город, какой мы сочтем наиболее подходящим для захвата ради благополучия Ямайки и чести нашей нации, мы все твердо решили, что для блага Ямайки и сохранения нас всех необходимо захватить Панаму, президент которой пожаловал несколько каперских поручений против англичан к большому убытку Ямайки и наших купцов, о чем показания под присягой двух испанских пленников весьма красноречиво свидетельствуют. Таково мнение и решение подполковника и вице-адмирала Джозефа Брэдли, Ричарда Нормана, Томаса Харрисона, Роберта Деландера, Джона Хармонсона, Джона Галуна [Жана Гасконца], Джона Пайна, Диего Молины [Мулата], контр-адмирала [Эдварда] Коллира, Лоренса Принса, Джона Морриса, Томаса Роджерса, Чарлза Свана, Генри Уилса, Ричарда Ладбери, Клемента Симмонса.

Генри Моргану, эсквайру, адмиралу и главнокомандующему Его Величества флота, принадлежащего Ямайке, снаряженного для этой экспедиции».

Текст данного решения вместе с показаниями испанских пленников был отправлен Модифорду 6 (16) декабря. Губернатор получил его тогда, когда о заключении мира с Испанией ему было уже известно. Тем не менее, согласно показаниям Джона Пика, губернатор не отменил задуманную экспедицию. Ниже приводятся показания Пика, взятые у него под присягой в апреле 1672 года:

«Свидетель сказал, что он был секретарем адмирала Генри Моргана в ходе всей панамской экспедиции, что он писал все его письма и просматривал те, что были отправлены названному адмиралу сэром Томасом Модифордом или любым иным лицом с Ямайки. Что он присутствовал, когда два испанца, Маркас де Луба и Лукас Перес, давали показания под присягой на борту “Сэтисфекшна”, и что после их показаний командиры решили, что им следует взять Панаму; и что сэр Томас Модифорд узнал о проекте от специально отправленного корабля, и что полковник Бледри Морган прибыл на флот на шлюпе, который ушел с Ямайки через десять дней после прихода упомянутого корабля, и что сэр Томас Модифорд в своем письме, отправленном на этом шлюпе, не отменил всё это. И сей свидетель дальше сказал, что он привез подлинную копию журнала адмирала Моргана, которая была доставлена в Совет [Ямайки] 31 мая, за которую они выразили ему благодарность и велели это отметить. И сей свидетель далее вспомнил, что шлюп, который был послан к ним и доставил письмо сэра Томаса Модифорда с ответом на то, которое было отправлено с извещением об их решении относительно Панамы, прибыл за три дня до того, как мы пошли к городу, а более этот свидетель ничего не сказал».

ЗАХВАТ МОРГАНОМ ОСТРОВА САНТА-КАТАЛИНА

Суда флотилии начали сниматься с якорей 6 (16) декабря, о чем Морган сообщил Модифорду в письме, датированном указанным числом. Эту дату подтверждает также участник похода Уильям Фрогг в своей «Реляции…» от 4 (14) апреля 1671 года. В то же время в «Правдивом отчете…» от 20 (30) апреля 1671 года секретарь Моргана записал, что они вышли в море 8 (18) декабря.

Готовя себе алиби, Модифорд все же отправил адмиралу флибустьеров сообщение о Мадридском мире, «полученное им от частного лица», но шлюп с этим сообщением прибыл на Эспаньолу через несколько дней после ухода оттуда пиратских кораблей. 18 (28) декабря губернатор написал лорду Арлингтону, что вновь отправил шлюп с сообщением о Мадридском мире на поиски адмирала — на сей раз в сторону материка, и выразил надежду, что известие об англо-испанском договоре не позволит приватирам совершить нападение на подданных испанской короны. Позже, как отмечалось выше, Джон Пик показал под присягой, что шлюп с письмом губернатора прибыл в расположение флота за три дня до того, как Морган повел своих людей на Панаму, но в указанном письме не было прямых указаний об отмене экспедиции.

По пути к Панамскому перешейку флот флибустьеров подошел к острову Санта-Каталина (совр. Providencia). Это случилось 14 (24) декабря, в канун католического Рождества. На острове Морган рассчитывал найти людей, способных провести его войско через перешеек к Панаме.

Следует заметить, что после того, как испанцы отбили Санта-Каталину у англичан в 1666 году, они значительно укрепили ее, возведя на малом острове (Исла-Чика) десять фортов и батарей. Командиром гарнизона был дон Хосе Рамирес де Лейва, сменивший убитого в 1668 году Хосе Санчеса Хименеса. Рамирес слыл человеком беспринципным — говорили, что он обворовывал своих солдат и довел их до голода. Сколько всего людей находилось на Санта-Каталине в конце 1670 года, точно неизвестно. По данным Эксквемелина, на острове «оказалось всего четыреста пятьдесят человек: сто девяносто солдат гарнизона, сорок женатых поселенцев, сорок три ребенка, тридцать один раб Его Величества с восьмью детьми, восемь ссыльных, тридцать девять рабов-негров, принадлежащих частным лицам с двадцатью двумя детьми, собственность

различных приватных особ и просто двадцать семь негров с двенадцатью детьми». Уильям Фрогг считал, что гарнизон острова насчитывал 300 солдат, а комендант Рамирес утверждал, что у него в подчинении находилось лишь 80 солдат. Фрогг, по всей видимости, завысил численность гарнизона, включив в него не только солдат, но и жителей острова, способных носить оружие. Рамирес, наоборот, занизил реальное количество солдат. По мнению Питера Эрла, гарнизонные силы Санта-Каталины могли насчитывать около двухсот человек.

Главным звеном в системе обороны острова была крепость Ла Кортадура (у Эксквемелина — форт Сан-Херонимо), располагавшаяся на южном берегу Исла-Чики. Она контролировала узкий пролив и подвижной мост, связывавший малый остров с большим, а также гавань; крепость была вооружена «восьмью пушками, стрелявшими двенадцати-, восьми- и шестифунтовыми ядрами. Кроме того, там были мушкеты, порох, свинец, фитили и боевой припас». Возле нее находилась батарея Сан-Матео, образованная турами, наполненными землей; она была вооружена тремя пушками.

В центре Исла-Чики, на высоком холме, стояла крепость Эль-Кастильо-де-Санта-Тереса. В русском переводе книги Эксквемелина ошибочно указано, что она была вооружена двенадцатью пушками; в оригинальном издании говорится о двадцати пушках, «стрелявших двенадцати-, восьми- и шестифунтовыми ядрами». Кроме того, в крепости имелись «мушкеты, связанные по десятку, и девяносто обычных мушкетов, а также гранаты, порох, фитили и разный боевой припас. Крепость была построена из камня на известковом растворе. Стены ее поражали необычайной толщиной, вокруг крепости был ров хотя и без воды, но весьма внушительный — глубина его достигала двадцати футов. Войти в крепость можно было только по мосту. В самом центре крепости был холм, обнесенный со всех сторон кирпичными стенами. На нем было четыре пушки, которые могли вести огонь и по гавани, и по острову. Со стороны гавани крепость была совершенно неприступна: гора обрывалась вниз, а течение под берегом было очень сильным. Со стороны суши взять крепость силой было тоже непросто — к ней вела дорога не шире трех-четырех шагов, сжатая с обеих ее сторон скалистыми крутыми обрывами».

Кроме трех перечисленных укреплений на острове имелось еще семь батарей. Эксквемелин описывает их следующим образом:

«Четвертая батарея называлась Платформой-де-Сан-Аугустин. На ней было три пушки, стрелявшие восьми- и

шестифунтовыми ядрами.

Пятая батарея называлась Платформой-де-ла-Консепсьон. На ней было две пушки, стрелявшие восьмифунтовыми ядрами.

Шестая батарея называлась Платформой-де-Нуэстра-Сеньора-де-Гуаделупе. На ней было две пушки, стрелявшие двенадцатифунтовыми ядрами.

Седьмая батарея называлась Платформой-де-Сан-Сальвадор. На ней было две пушки, стрелявшие восьмифунтовыми ядрами.

Восьмая батарея называлась Платформой-де-лос-Артильерос. На ней было две пушки, стрелявшие шестифунтовыми ядрами.

Девятая батарея называлась Платформой Санта-Крус. На ней было три пушки, стрелявшие восьми- и шестифунтовыми ядрами.

Десятая батарея называлась Эль-Фуэрте-де-Сан-Хосе. На ней было шесть пушек, стрелявших двенадцати- и восьмифунтовыми ядрами. Кроме того, там были два десятка связанных мушкетов, двадцать обычных мушкетов, запасы пороха, свинца, фитилей и прочего боевого припаса.

На острове имелся также специальный арсенал, и в нем хранилось более трех тысяч фунтов пороха, а также различные боевые припасы».

Подробные рассказы о том, каким образом флибустьеры захватили Санта-Каталину, содержатся в сочинении Эксквемелина и в книге Дионисия ван дер Стерре «Весьма примечательные путешествия, совершенные Яном Эрасмусом Рейнингом в основном в Вест-Индии, а, кроме того, и во многих других частях света» (1691). Их сведения дополняют отчеты Моргана, Фрогга, а также испанские документы.

«Подойдя к острову, — сообщает Эксквемелин, — Морган выслал вперед хорошо вооруженное судно, на борту которого было четырнадцать пушек; люди с этого судна должны были, войдя в гавань, разведать, нет ли там кораблей, помешать им уйти к материку, дабы беглецы не сообщили, что приближается пиратский флот. На следующее утро корабли Моргана отдали якорь близ местечка Агуада-Гранде (на западном берегу. — *В. Г.)*, где находилась испанская батарея с четырьмя пушками. Морган приказал высадить на берег около тысячи человек и сам сошел вместе с ними. Пираты высадились, привели в порядок все свое боевое снаряжение и прочесали лес, но проводника не нашли; им встретился лишь один пират, который уже бывал на этом острове во время похода Мансфельда. Вечером пираты отправились на то место, где в старину была резиденция губернатора. Там находилась батарея, которая называлась Платформой Сантьяго, однако людей на ней не было, поскольку все испанцы, чтобы лучше защищать остров, перебрались на малый островок [Исла-

Чика], расположенный совсем близко от большого… Испанцы укрепили его со всех сторон фортами и батареями, и он казался неприступным. Завидя пиратов, они сразу же открыли с малого острова огонь из тяжелых пушек, однако урона пиратам не причинили. Наступила ночь, пираты не могли продвигаться дальше и вынуждены были расположиться на ночлег, по старому обычаю, под звездами, с пустыми желудками: весь день у них во рту не было ни крохи.

Около часа ночи пошел сильный и продолжительный дождь. Пираты сожгли несколько хижин, чтобы обогреться, однако дождь был столь пронизывающим, а одеты они были так легко (на них ничего не было, кроме рубахи и штанов), что холод пробирал их до костей. К утру дождь утих, и пираты принялись чистить оружие: оно сильно подмокло… Если бы этой ночью на пиратов напала сотня хорошо вооруженных воинов, они без труда отправили бы всех разбойников на тот свет. Приведя оружие в порядок, пираты двинулись в путь, однако дождь припустил еще сильнее, и одновременно испанцы открыли огонь из пушек, показывая, что у них-то порох не отсырел. Во время дождя пираты не смогли подойти к фортам и принялись искать укрытие, чтобы спасти ружья от сырости; все они стали сооружать шалаши, сдирая для этого листья с веток. В добавление ко всем неприятностям у них в еще большей мере разыгрался аппетит, и все думы их были заняты поисками пищи. Неподалеку бродил старый мерин, брошенный испанцами… Мерина убили, и каждому досталось по куску с палец величиной, и эту старую скотину ели как самое изысканное блюдо, какое только можно пожелать; и зевать при этом не приходилось: каждый норовил перехватить кусок соседа».

Данный факт подтверждает также Ян Эрасмус, который весьма радовался оттого, что ему перепал кусок печени убитого коняги.

«Между тем дождь не стихал, — продолжает свое повествование Эксквемелин, — и Морган, видя, что его люди уже ворчат и поговаривают о возвращении на корабль, послал к испанцам каноэ под белым флагом с требованием сдать остров; и в случае отказа Морган грозил истребить всех защитников. После полудня каноэ вернулось с ответом губернатора; губернатор писал, что желает обсудить предложение Моргана со своими офицерами и просит два часа на размышление; он добавил, что об окончательном решении поставит Моргана в известность. Наконец от испанцев пришло каноэ под белым флагом, на нем находилось два человека, которым было поручено подписать капитуляцию. Но перед тем как сойти на берег, испанцы —

комендант и знаменосец — потребовали, чтобы в качестве заложников пираты дали им двух своих капитанов. Оба испанца, представ перед Морганом, заявили, что готовы передать остров неприятелю, поскольку у них нет сил, чтобы отстоять его; однако они обратились к нему с просьбой такого рода: пусть, если на то будет его воля, он спасет честь губернатора и офицеров и с этой целью прибегает к следующей уловке. Пираты должны ночью взойти на мост, соединяющий малый остров с большим, и захватить форт Сан-Херонимо. Одновременно они должны подвести все свои корабли к крепости Санта-Тереса, захватить ее и приготовить каноэ, чтобы высадить отряд у батареи Сан-Матео. Поступая так, пираты перехватят губернатора на пути из форта Сан-Херонимо в крепость и захватят его в плен. В этом случае губернатор сдаст крепость, то есть впустит в нее англичан, сделав вид, будто это его собственные войска. С обеих сторон пусть откроют яростную пальбу, но без ядер, вхолостую, так, чтобы никому не причинить никакого вреда. Кроме того, испанцы попросили Моргана высадить их на побережье материка в любом месте, где угодно будет Моргану, дабы они могли добраться до своих. Морган согласился на это при одном условии, чтобы никто из его людей не пострадал при этой операции… Посланцы поклялись, что выполнят все, как было условлено, простились с Морганом и отправились к своему губернатору».

Адмирал флибустьеров немедленно приказал своим кораблям войти в гавань; одновременно он распорядился подготовиться к занятию форта Сан-Херонимо, что предусматривалось заключенным с испанцами соглашением. Вечером того же дня начался «потешный» штурм всех фортов и батарей Исла-Чики, однако, «несмотря на то, что условились стрелять только вхолостую, Морган приказал своим людям зарядить ружья как можно тщательнее, но стрелять в испанцев только в том случае, если будет замечено, что они ведут огонь ядрами и пулями». Сражение позабавило всех его участников, поскольку «с обеих сторон весело палили из тяжелых пушек и перестреливались из маленьких, не причиняя при этом друг другу никакого вреда».

В полночь флибустьеры, захватив все укрепления, стали хозяевами Исла-Чики. Индеец Хуан де Лао, находившийся на борту одного из английских судов, был очевидцем происшедшего. Позже, сбежав от флибустьеров, он рассказал губернатору Картахены свою версию захвата Санта-Каталины. Первая часть его рассказа вполне согласуется с данными Эксквемелина. Морган действительно отправил письмо Рамиресу, требуя сдать остров и угрожая расправой в случае неподчинения. «После этого я

слышал несколько пушечных выстрелов и узнал, что англичане и французы победоносно вступили во владение фортами острова. Они взяли в плен весь гарнизон и всех, кто там находился, не убив ни одного человека». Лао также добавил, что это удивительное сражение стало следствием соглашения между испанцами и французами, договорившимися не проливать кровь в день католического Рождества.

Став хозяевами положения, флибустьеры приказали испанскому коменданту собрать всех жителей острова, после чего их заперли в церкви. Вслед за этим «началось истребление кур, свиней, телят и овец; варили и жарили всю ночь; когда нужны были дрова, валили постройки. Пищу варили всем скопом, и, когда насытились, остатки снесли в церковь женщинам — мужчинам же не дали ничего».

На следующий день Морган приказал отправить всех пленных мужчин на плантации заготавливать провиант.

— А что делать с женщинами, сэр?

— Женщин оставьте под охраной в церкви.

Часть флибустьеров занялась доставкой трофейного ручного оружия, пороха и амуниции на борт кораблей, тогда как другим было велено заклепать орудия, а лафеты сжечь.

Поскольку для удержания острова адмирал не хотел выделять людей из состава экспедиции, он решил разрушить все фортификации. Кроме того, перед уходом решено было предать огню все жилища и деревянные постройки. Пощадили только церковь (на ее сохранении настаивали французские флибустьеры-католики).

Оценивая размер захваченной на Санта-Каталине добычи, Уильям Фрогг отмечал, что она оказалась весьма скромной — захватчикам достались лишь 60 негров-рабов и 500 фунтов стерлингов.

«Когда Морган все уладил, — пишет Эксквемелин, — он приказал узнать у пленных, нет ли среди них разбойников, которые знали бы окрестности Панамы или Пуэрто-Бельо. На призыв пиратов отозвались трое (по свидетельству Моргана, четверо. — *В. Г.),* они утверждали, что хорошо знают эти места. Морган обласкал их и стал затем допытываться, не смогли ли бы они провести его войска к Панаме, и вообще хотят ли они быть его проводниками; при этом он обещал их выпустить на волю и взять с собой на Ямайку, наделив такой же добычей, как и всех остальных пиратов. Когда пленники уяснили, чего от них, собственно, хотят, они с радостью согласились служить Моргану. Один из них был метисом (по свидетельству Яна Эрасмуса, мулатом. — *В. Г.),* и он вызвался добровольно сопровождать

пиратов, ибо желал отомстить за все те утеснения, которым подвергался у испанцев, а в жизни ему и впрямь не повезло, и, пылая злобой, он убивал, насильничал и воровал. Этот злодей уговорил двух своих товарищей служить пиратам. А эти двое были индейцами, знавшими испанские обычаи, и им ведомы были все местные дороги. Метис угрожал им смертью, если они не пойдут служить пиратам. Моргану он сказал, что те двое дорогу знают отлично, но их нужно нещадно бить, если они позволят себе ослушаться тех, кто им приказывает». Прежде чем двинуться со всем флотом к побережью Панамского перешейка, Морган решил выслать вперед три или четыре корабля с ударным отрядом и захватить форт Сан-Лоренсо, защищавший вход в реку Чагрес.

ШТУРМ ФОРТА САН-ЛОРЕНСО-ДЕ-ЧАГРЕС

Для нападения на Сан-Лоренсо Морган отобрал 470 добровольцев, которых возглавил вице-адмирал флота Джозеф Брэдли. Под его командованием находился 14-пушечный фрегат «Мейфлауэр». В помощь Брэдли были выделены капитан Ричард Норман, командовавший 10-пушечным фрегатом «Лилли», и голландец Ян Эрасмус Рейнинг, шедший на 12-пушечном «Сивилиэне». Давид Марли называет капитаном «Сивилиэна» Йохана Йеллеса де Леката, но последний, скорее всего, был заместителем Яна Эрасмуса. В этой акции участвовал также Геррит Герритсзоон по кличке Рок Бразилец.

По данным Эксквемелина, для переброски отряда Брэдли к побережью Панамского перешейка Морган выделил «четыре корабля и барку». В «Правдивом отчете…» говорится, что под командование вице-адмирала Брэдли были переданы три корабля с тремя капитанами и четырьмя лейтенантами.

Направив к Сан-Лоренсо меньшую часть своих сил, Морган не знал, что президент Панамы дон Хуан Перес де Гусман значительно усилил гарнизон этой крепости.

Из письма дона Хуана королеве-регентше от 19 февраля 1671 года видно, что о планах флибустьеров атаковать Картахену, Портобело или Панаму он узнал еще 5 (15) декабря 1670 года. Это известие доставил ему «по дарьенской дороге» посланец дона Педро де Ульоа, губернатора Картахены. Испанцы ошибочно полагали, что в объединенном войске английских и французских корсаров насчитывается около трех тысяч человек. Поскольку президент Панамы не располагал военными кораблями и не мог разбить неприятеля на море, он решил сосредоточить усилия на защите трех сухопутных районов — города Панамы, коммуникаций на перешейке и карибского побережья. Предполагалось, что Морган может выбрать один из двух возможных путей: либо высадиться в Портобело и пройти к Панаме по «дороге мулов», либо захватить крепость Сан-Лоренсо, подняться по реке Чагрес до селения Вента-де-Крусес, а уже оттуда нанести удар по Панаме. Соответственно, дону Хуану пришлось отправить дополнительные силы, провиант и военное снаряжение как в Портобело, так и в Сан-Лоренсо.

Обычно гарнизон Сан-Лоренсо не превышал 160 солдат. Однако ситуация была угрожающей, и дон Хуан усилил его почти в два раза. С этой целью он перебросил в крепость 50 солдат

панамского гарнизона во главе с адъютантом Луисом Гонсалесом и 150 ополченцев из милицейских частей города (в том числе 70 испанцев и 80 мулатов, самбо и свободных негров) во главе с капитаном Хуаном де Легисано. Они прибыли в Сан-Лоренсо за две недели до прихода флибустьеров и поступили в распоряжение коменданта крепости дона Педро де Лисальдо-и-Урсуа. С приходом подкреплений общая численность гарнизона Сан-Лоренсо превысила 350 человек (Эксквемелин определил его численность в 314 человек, Фрогг — в 370 человек).

«Примерно за пять месяцев до этого я консультировался с доном Хуаном де Арасом, капелланом аудиенсии, и другими разумными персонами, — писал губернатор Панамы. — И они убеждали меня, что форты на реке, как и крепость, неприступны. В ответных письмах, которые я получил от дона Педро де Лисальдо, он заверил меня в том же относительно [укреплений] Чагре, дабы я не беспокоился о них, поскольку если бы даже и шесть тысяч человек подступились к ним, он с теми фортификациями и людьми, коими располагал, смог бы защититься и разбить их». Комендант Сан-Лоренсо полагал, что «если даже вся Англия придет, они [англичане] не смогут захватить крепость».

Подробное описание крепости Сан-Лоренсо содержится в сочинении Эксквемелина. «Покинув остров Санта-Каталина, — сообщает Эксквемелин, — три дня спустя (по данным Фрогга, через девять дней. — *В. Г.)* пираты подошли к крепости Чагре (Сан-Лоренсо-де-Чагрес. — *В. Г.),* которая стояла на высокой горе в устье одноименной реки. Крепость со всех сторон была защищена палисадами с земляными насыпями, а гору пересекал глубокий ров глубиной футов в тридцать (Фрогг определил его глубину в 12 футов. — *В. Г.).* По дороге в крепость через него был перекинут узкий мост, по которому мог пройти только один человек; со стороны суши у крепости было четыре бастиона, а с моря — один (в действительности два. — *В. Г.).* С юга гора была очень крута и взобраться на нее было совершенно невозможно, с северной же стороны протекала река. У самой воды на скале стояла башня, и на ней было установлено восемь пушек, которые уничтожили бы каждого, кто появился со стороны реки; немного дальше было еще две батареи по шесть пушек, державших под обстрелом берег. На горе было несколько складов с боевым снаряжением и провиантом… В гору вела лестница, по которой поднимались в крепость. К западу от крепости имелась гавань… Перед крепостью также была недурная якорная стоянка, глубина воды достигала там восьми футов; в устье реки была скала, едва скрытая водой».

Корабли флибустьеров появились близ устья реки Чагрес. Два дня ушло на рекогносцировку. Брэдли с сожалением констатировал, что войти в реку, не взяв крепость, было невозможно. Он также понял, что его люди не смогут подняться на скалу ни со стороны моря, ни со стороны реки. Оставалось высадиться на берег в четырех милях к северу от Сан-Лоренсо и атаковать крепость со стороны суши.

27 декабря 1670 года (6 января 1671 года по григорианскому календарю) часовой, дежуривший на дозорной башне крепости, увидел, как флибустьерская флотилия стала на якорь в гавани Эль-Портете-де-Наранхос («Апельсиновая гавань») и шесть каноэ начали доставлять на пляж вооруженных людей. С утра до полудня они совершили 15 ходок, высадив от трехсот до четырехсот человек. К часу дня флибустьеры скрылись в лесах и оврагах, лежавших между пляжем и крепостью.

Кроме часового за маневрами неприятеля внимательно следили разведчики — 25 лучников и копейщиков капитана-негра Хосе де Прадо. Они сообщили коменданту крепости о численности, диспозиции и вооружении корсаров, после чего дон Педро велел людям Прадо устроить засаду в узком проходе на подступах к Сан-Лоренсо. В письме, адресованном президенту Панамы, дон Педро писал:

«Сеньор, уведомляю вас, что сегодня, в праздник Богоявления, враг высадил своих людей с флагами и трубами в Портете-де-Наранхос, менее чем в лиге от этой крепости… Я ожидаю их в два-три часа ночи или на рассвете. Донесения указывают на то, что там примерно три сотни людей, но даже если там будет намного больше, они будут хорошо проучены. Да хранит вас Господь многие годы. Здесь имеется плеть для этих неверных!»

И дон Педро, и капитан Прадо ошиблись в своих расчетах. Флибустьеры не стали углубляться в лес, а за два часа прошли вдоль пляжа от места высадки до подножия скалы. Наиболее трудным оказался последний участок пути, когда им пришлось карабкаться вверх, пробивая себе путь через заросли с помощью мачете. К двум часам пополудни люди Брэдли находились уже под крепостью. Перед ними лежал открытый участок местности, легко простреливаемый испанцами. За этим участком тянулся глубокий овраг — Ла-Кебрада-де-лас-Лахас («Овраг с помоями»), а за ним ввысь уходили стены и бастионы Сан-Лоренсо.

У флибустьеров не было ни пушек, ни осадной техники. Большинство из них были вооружены мушкетами, пистолетами, саблями или мачете. Кроме того, гренадеры имели при себе ручные бомбы или гранаты. Последние представляли собой

начиненные ружейным порохом и кусочками железа небольшие глиняные горшки и бутылки или чугунные шары. Вес гранаты обычно не превышал двух-трех килограммов. Запалом для нее служил короткий фитиль, поджигавшийся перед броском. Он был самым «слабым местом» этого снаряда, поскольку горение не отличалось устойчивостью и гренадеру было трудно рассчитать точное время до взрыва. Метнуть гранату так, чтобы она взорвалась в момент приземления, мог только настоящий мастер своего дела. Бросок осуществлялся снизу вверх, из-под руки; при этом фаната летела на расстояние в несколько десятков метров.

Поскольку Брэдли был невысокого мнения о храбрости испанцев, он решил атаковать крепость без промедления. Однако первый штурм оказался неудачным. Эксквемелин рассказывает:

«Когда пираты подошли к крепости, испанцы встретили их залпом из тяжелых пушек и нанесли пиратам большой урон… Место, по которому должен был пройти отряд, чтобы захватить крепость, было совсем плоское и голое. Испанцы их видели, сами же оставались невидимыми. Отряд попал в тяжелое положение, пираты не знали, как лучше захватить крепость, которая застряла у них, словно кость в горле. Вернуться назад они тоже не могли, дабы не опозориться перед своими товарищами. Поэтому они решили взять крепость штурмом, пусть бы даже она не стоила этого. Они храбро пошли в атаку с ружьями и гранатами, но испанцы были надежно прикрыты и не несли почти никаких потерь. Они стреляли сверху из пушек и мушкетов и кричали: “Vengan demas, perros ingleses enemigos de Dios y del Rey; Vosotros no habeis de ir a Panama!” Это означало: “Приведите и остальных, английские собаки, враги Бога и короля, вам все равно не пройти в Панаму!”

В конце концов пираты были вынуждены отступить».

Неудача под стенами Сан-Лоренсо ставила под угрозу срыва всю задуманную акцию по захвату Панамы. Брэдли, посовещавшись со своими людьми, решил в тот же вечер предпринять еще одну отчаянную попытку штурма. То вскакивая на ноги, то припадая к земле, флибустьеры быстро миновали открытое пространство и залегли в овраге под стенами крепости. Здесь они разделили свои силы. Основной отряд во главе с Брэдли должен был штурмовать стену между бастионами Сан-Франсиско и Сан-Хосе, тогда как второму отряду было поручено атаковать бастион Сан-Антонио, находившийся возле выступа скалы, обращенного к морю.

Солнце садилось, и силуэты защитников крепости были четко видны на фоне солнечных лучей. Первыми в атаку пошли гренадеры. Под прикрытием огня из мушкетов они забросили

зажигательные бомбы на навес из тростника и пальмовых листьев, защищавший от дождей двойной частокол деревянных стен. Тростник и листья загорелись, осветив солдат гарнизона; одна секция навеса обвалилась за парапет, на склад оружия и пороха; другие секции, объятые пламенем, рухнули на деревянные стены.

Одержать победу над испанцами штурмующим помог случай, ярко описанный Эксквемелином: «Одному из пиратов пробили стрелой плечо (Ян Эрасмус Рейнинг утверждает, что это был Рок Бразилец. — *В. Г.)*. Кляня все на свете, он вытащил ее, схватил кусочек ситца, который был у него в кармане, обмотал стрелу и сунул ее в огонь. Стрела вспыхнула, он забил ее в ружье и выстрелил в один из крепостных домиков, покрытый пальмовыми листьями. Его товарищи поступили так же. Вскоре они изловчились и подожгли два или три дома. Испанцы были так увлечены обороной, что даже не заметили, как занялась у них над головой крыша; от пожара взорвалась часть порохового запаса, и много испанцев погибло. Пираты, завидя взрыв, стали наступать еще яростнее, но пожар не поколебал испанцев, они стали гасить огонь. Однако воды им не хватало, чтобы остановить пламя… Как только пираты заметили, что огонь усилился и перешел на другие дома внутри крепости, они догадались, как зажечь ее и снаружи. Сначала они пытались поджечь палисады. Однако дело это оказалось тяжелым, и пираты понесли большие потери. В ров, куда спустились пираты, испанцы бросали горшки с порохом, вставляя в эти бомбы горящие фитили. Много пиратов погибло. Но остальные шли на штурм, несмотря на сопротивление испанцев. К ночи палисады охватил огонь, и пираты ползком пробирались через завесу пламени… К утру все палисады сгорели дотла. Земля начала оседать в ров, а вместе с ней стали отваливаться и пушки. Испанцы остались без защиты, но продолжали мужественно отстреливаться. Губернатор крепости отдал жестокий приказ: несмотря ни на что, ни один человек не должен покидать свой пост. Он велел подкатить к бреши, образовавшейся от пожара, новые пушки и продолжать стрельбу. Однако, когда укрытий не стало, испанцы пали духом. Пираты, ослепленные яростью, уже не могли приметить ни одного защитника крепости — то ли они где-то прятались, то ли уже бежали.

Между тем огонь разрастался. Как только была прорублена большая брешь, пираты сами стали тушить пламя, засыпая его землей. Часть пиратов принялась тушить пожар, часть пустилась преследовать врага… Около полудня пираты [во главе с Яном Эрасмусом] прорвались через брешь, и, хотя огонь все еще пылал,

губернатор с оставшимися двадцатью пятью солдатами сопротивлялся, причем те, кто уже не мог стрелять из ружей, дрались пиками или кидали в пиратов камни. Однако, несмотря ни на что, пиратам удалось проникнуть в крепость и овладеть ею. Оставшихся в живых добили без пощады. Их сбросили в ров, где они переломали себе кости. Губернатор отступил к арсеналу, там стояли еще две пушки. Он решил защищаться до конца и не сдавался, поэтому пиратам пришлось убить его».

Ян Эрасмус, временно возглавивший отряд после серьезного ранения Джозефа Брэдли, водрузил над крепостью свой флаг.

По информации президента Панамы, испанские солдаты «защищались с большой храбростью и решимостью, убив около двухсот человек и отбив более шести атак, пока англичане не взяли верх ночью с помощью своих зажигательных снарядов, предав огню фортификации, поскольку снаружи они были деревянными. Таким же образом они сожгли гауптвахту, или дом губернатора, покрытый пальмовыми листьями, и уничтожили в нем все доброе оружие».

Согласно данным Питера Эрла, перелом в ходе сражения случился после того, как в семь часов вечера взорвалась бронзовая пушка, развороти часть крепостной стены. Флибустьеры устремились в образовавшуюся брешь, швырнув гранаты на крыши дома коменданта и порохового склада. Пожар и гибель многих людей деморализовали защитников Сан-Лоренсо. Около полуночи примерно 150 солдат покинули крепость, бросившись к реке, — там были ошвартованы каноэ, на которых они могли уйти вверх по течению. Оставшиеся полторы сотни солдат во главе с доном Педро де Лисальдо еще пытались удерживать свои позиции возле бреши и на бастионе Сан-Антонио. Они дважды отбивали атаки флибустьеров, ведя огонь из пушек, заряженных картечью. Но во время третьего штурма бастион пал. Дон Педро с лейтенантом, капелланом и горстью солдат укрылся внутри фортификации, отказавшись сложить оружие и просить пощады. Все они погибли смертью героев.

Позже испанская корона выплатила тысячу дукатов родителям дона Педро, поблагодарив их за то, что они воспитали такого храброго сына.

Эксквемелин и Ян Эрасмус сообщают, что при захвате Сан-Лоренсо флибустьеры потеряли больше ста человек, около шестидесяти человек были ранены. Уильям Фрогг писал, что в бою пали капитан Брэдли, его заместитель Пауэлл и еще 150 человек. В «Правдивом отчете…» утверждалось, что испанцы потеряли 360 человек, тогда как «с нашей стороны были убиты лишь тридцать человек, один капитан и один лейтенант, и

семьдесят шесть ранены, в том числе храбрец Брэдли и два лейтенанта, которые умерли от ран спустя десять дней, к великому огорчению адмирала и всего флота».

Немногим уцелевшим пленникам флибустьеры приказали перетащить трупы убитых испанских солдат с горы в долину и там похоронить. Раненых испанцев отнесли в церковь, в которой укрывались женщины. Командование крепостью взял на себя майор Ричард Норман.

Тем временем Морган, остававшийся на Санта-Каталине, приказал грузить на суда провиант и сниматься с якоря. Выйдя в открытое море, флибустьерский флот взял курс на крепость Сан-Лоренсо. 2 (12) января он подошел к устью реки Чагрес. «Как только Морган увидел над крепостью английский флаг, — сообщает Эксквемелин, — он тут же вошел в реку. Но его корабль [“Сэтисфекшн”] и еще три судна наскочили на утес в самом устье реки… У пиратов не было времени, чтобы перенести грузы на берег, устранить последствия аварии: внезапно налетел северный ветер, разбил суда в щепки и выбросил их на берег».

Согласно информации Фрогга, «при проходе через отмель адмиральский корабль, который был остановлен встречными ветрами, и еще шесть малых судов потерпели крушение, и десять человек утонули». Среди погибших была и ведьма-предсказательница. Сам Морган писал, что пострадали пять судов, включая флагман.

Из других источников известно, что в числе разбившихся было также судно «Сан-Томас», которым командовал капитан Хамфри Фёрстон. Судовладелец Джордж Холмс позже обратился в суд, требуя, чтобы адмирал возместил ему стоимость затонувшего парусника.

Разместив своих людей в поселке Чагрес и в частично восстановленной из руин крепости, Морган не мешкая стал готовиться к походу через Панамский перешеек. Флибустьеры снарядили несколько обнаруженных близ устья реки плоскодонок и установили на каждую из них по несколько пушек, а также спустили на воду все каноэ, которые имелись на борту кораблей.

Эксквемелин утверждал, что в крепости были оставлены 400 человек и еще полторы сотни — на судах, стоявших в устье. Морган в своем отчете отмечал, что для охраны Сан-Лоренсо и кораблей он оставил 300 человек под командованием Ричарда Нормана. Все остальные флибустьеры (по разным оценкам — от 1200 до 1400 человек) должны были участвовать в экспедиции к тихоокеанскому побережью. При этом отряд не взял с собой никаких припасов, надеясь пополнить их в тех местах, где выше по течению испанцы и индейцы соорудили засады.

ПОХОД ВОЙСКА МОРГАНА ЧЕРЕЗ ПАНАМСКИЙ ПЕРЕШЕЕК

8 (18) января (по данным Моргана, «в понедельник девятого») флотилия флибустьеров двинулась в беспрецедентный поход через Панамский перешеек. Эксквемелин сообщает, что в ее составе было пять небольших судов и 32 каноэ; в «Правдивом отчете…» уточняется, что флибустьеры имели семь судов и 36 лодок.

Как уже отмечалось выше, президент Панамы дон Хуан Перес де Гусман позаботился об усилении не только крепости Сан-Лоренсо, но и коммуникаций на перешейке. «Капитаном реки Чагрес» был назначен сорокалетний уроженец Кадиса Франсиско Гонсалес Саладо. Под его командование дон Хуан передал от четырехсот до пятисот ополченцев — индейцев, негров, мулатов, метисов и самбо. Хотя у них было слишком мало оружия (210 мушкетов и пистолетов, 114 пик и 69 луков), их великолепное знание местности и умение устраивать засады могло превратить продвижение неприятеля через леса и горы перешейка в сущий ад.

Обосновавшись в Вента-де-Крусес, Гонсалес Саладо решил соорудить на берегах реки Чагрес четыре баррикады: Барро-Колорадо (или Сантиссима-Тринидад), Торномаркос, Каньо-Кебрадо и Барбакоас. Самым сильным укреплением был аванпост Барро-Колорадо, находившийся примерно на полпути между Сан-Лоренсо и Вента-де-Крусес. Ниже по течению Гонсалес разместил дозорные пункты и патрули, имевшие в своем распоряжении флотилию каноэ. Передовой дозор он оставил в 20 милях от Сан-Лоренсо, в пункте, называвшемся Дос-Брасос. Именно здесь капитан услышал гул канонады, доносившийся со стороны карибского побережья, из чего смог заключить, что враг атаковал крепость. Гонсалес выслал на помощь гарнизону Сан-Лоренсо 50 ополченцев, но в пути они встретили раненых солдат, бежавших из крепости, и повернули назад. Отправив донесение о случившемся президенту Панамы, капитан отступил к Барро-Колорадо, где узнал о падении крепости.

Луис де Кастильо был оставлен командовать укреплением Барро-Колорадо, тогда как Гонсалес Саладо посетил две другие баррикады — Торномаркос и Каньо-Кебрадо, — пообещав их охранникам прислать в скором времени подкрепления. Своим командным пунктом капитан избрал четвертое укрепление — Барбакоас.

В это время двум братьям-метисам Солис и негру из Верагуа, сидевшим в панамской тюрьме за какое-то преступление, позволили выйти на свободу, возглавить вспомогательный отряд в составе 250 ополченцев и кровью искупить свою вину. Присматривать за ними должен был лейтенант, ранее служивший в крепости Сан-Лоренсо. Отряд двинулся из Панамы в Вента-де-Крусес и далее на реку Чагрес, где ему надлежало объединиться с людьми Гонсалеса. После этого ополченцы должны были спуститься вниз по реке и либо сразиться с неприятелем на марше, либо атаковать его в Сан-Лоренсо. Испанцы пока не подозревали о реальных силах флибустьеров, полагая, что им будут противостоять лишь «те люди в крепости, которые ее взяли».

10 (20) января, когда дон Хуан Перес де Гусман узнал о падении крепости Сан-Лоренсо и начале движения флибустьеров в сторону Панамы, его терзали боли от рожистого воспаления на правой ноге. Врачам пришлось трижды делать президенту кровопускание. Тем не менее, собрав все силы, дон Хуан заставил себя встать с постели, одеться и облачиться в доспехи. Он решил двинуться со всем панамским гарнизоном в Вента-де-Крусес, объединиться там с отрядами Гонсалеса, а затем сразиться с войском Моргана на реке Чагрес. Но люди, хорошо знавшие реку, отговорили его от этой затеи, заявив, что враг может обойти Дос-Брасос стороной, перейти на реку Га-тун и выйти к Панаме за спиной у президента. Тогда дон Хуан выслал еще два отряда в Вента-де-Крусес, а сам с остальным войском отправился в деревню Гуаябаль, находившуюся в 16 милях от Панамы. В своем отчете он позже напишет:

«С собой я взял восемьсот человек и три сотни негров, которые были прислужниками и рабами по контракту. И из вышеназванного места [Гуаябаля] я отправил в Крусестри сотни людей, среди которых пошла сотня индейцев из Дарьена с их командирами; к ним я питал больше доверия и был о них более высокого мнения, чем о других, пока что не проявивших смелости исполнить что-либо.

Находясь днем в Гуаябале, где мои люди восстанавливали силы, я получил письмо от капитана-негра по имени Прадо, в котором он заверил меня, что враг движется против нас в количестве двух тысяч человек; эти новости так расстроили моих людей, что они стали докучать мне и понуждать вернуться в город, заявляя, что в нем они будут защищаться до конца. Но в то время укрепить его было невозможно, он имел много входов, и все дома были построены из дерева. И как только враги сделали бы брешь, мы быстро оказались бы перед лицом их неистовства и

принуждены были бы с плачем спасать себя. В силу означенных доводов я не согласился с ними. На следующее утро на рассвете (это была суббота 24 января по григорианскому календарю. — *В. Г.)* я обнаружил, что со мной осталось не более трети моих людей, остальные покинули меня. Так что я был вынужден вернуться в город, дабы убедить их сражаться возле Панамы — иного выхода не было».

Между тем флибустьеры, двигаясь вверх по реке, имели весьма смутное представление о диспозиции испанцев. «В первый же день, — рассказывает Эксквемелин, — они прошли примерно шесть испанских миль и к вечеру достигли места, которое называлось Рио-де-дос-Брадос [Дос-Брасос], где часть отряда сошла на берег, чтобы отоспаться; на плаву об этом нечего было и думать — в такой тесноте сидели на палубах. На берегу были возделанные поля. Пираты надеялись найти какие-нибудь овощи или фрукты, чтобы утолить голод, однако испанцы унесли буквально всё и дома оставили совершенно пустыми. Пираты расположились на ночлег, надеясь, что на следующий день им удастся найти, чем набить желудок».

Ополченцы братьев Солис, приблизившись к Дос-Брасос, с удивлением увидели огромную флотилию барок и каноэ, двигавшуюся со стороны крепости вверх по течению. По их прикидкам, силы неприятеля превышали полторы тысячи человек. Позже президент Панамы так опишет реакцию ополченцев на увиденное: «Они встретили врага, поднимающегося вверх по реке к Дос-Брасос (каковой находится в шести лигах от крепости), но не сразились с ним, убежав в горы и не отважившись предпринять хотя бы пару попыток атаковать…»

На рассвете следующего дня (9 января — по Эксквемелину и Яну Эрасмусу, 10 января — по Моргану) флибустьеры двинулись дальше и к полудню достигли деревни Крус-де-Хуан-Гальего. Здесь, по данным Яна Эрасмуса, четыре судна со 160 людьми вынуждены были повернуть назад. Эксквемелин пишет, что в этом месте пираты «должны были оставить свои корабли, потому что река стала очень мелкой — в верховьях ее давно не было дождей. Кроме того, в воде плавало много бревен, которые мешали продвигаться дальше, и приходилось предпринимать большие усилия, чтобы проводить корабли через эти заторы. Проводники сказали нам, что в двух-трех милях выше начинается участок, где удобно идти берегом; решено было часть отряда направить по суше, а часть по воде на каноэ. В этот вечер команды пожелали остаться на кораблях: ведь в случае нападения многочисленного отряда они все равно должны были бы отойти на суда, под защиту корабельных пушек. Когда Морган двинулся дальше, он

оставил на кораблях сто шестьдесят человек. Им было запрещено сходить на берег, чтобы никто из них не попал в плен и чтобы никто не узнал численность экипажей».

По свидетельству самого Моргана, он оставил для охраны кораблей и лодок 200 человек под командованием капитана Роберта Деландера.

«На следующий день, это уже был третий по счету, ранним утром несколько пиратов вышли в сопровождении проводника, чтобы поглядеть, можно ли высадиться на берег, — продолжает свое повествование Эксквемелин. — Пираты, естественно, опасались, что враги могут устроить засаду: ведь леса на побережье были очень густые; кроме того, вокруг тянулись болота, и это еще больше осложняло все дело. Морган счел необходимым высадить часть отряда на каноэ в местечке Седро-Буэно; вечером каноэ вернулись и забрали еще одну партию. Пираты рвались в бой, чтобы раздобыть чего-либо съестного, — уж больно они страдали от голода.

На четвертый день большинство пиратов уже шли по суше, их вел провожатый; часть отправилась на каноэ с другими проводниками. Они плыли на двух каноэ впереди флотилии на расстоянии примерно трех мушкетных выстрелов и должны были первыми обнаружить засады испанцев. Но у испанцев были лазутчики, которые обогнали пиратов и сообщили обо всем, что видели; они предупредили испанцев о приближении пиратов за полдня до того, как те появились. К обеду отряд добрался до селения Торна-Кабальос. Там их уже поджидали ушедшие вперед каноэ, которые обнаружили испанскую засаду. Пираты тотчас же приготовились к бою, да с таким воодушевлением и радостью, будто шли на свадьбу, надеясь разжиться пищей и питьем. Они теснили друг друга, каждый стремился вырваться вперед; однако, захватив укрепление [Барро-Колорадо], они убедились, что птицы покинули гнездо; нашли они здесь лишь полтораста кожаных мешков из-под хлеба и мяса, в них лишь несколько краюшек хлеба, а этого было явно недостаточно, чтобы накормить такую ораву. Хижины, построенные испанцами, были снесены. Поскольку ничего больше не было, пираты съели кожаные мешки, да с таким аппетитом, словно это было мясо. Каждый готовил их по своему вкусу, некоторые даже дрались из-за них; те, кто успел захватить мешки, были рады, что им достался лакомый кусочек».

Куда же делись защитники Барро-Колорадо и их капитан Луис де Кастильо?

Когда Франсиско Гонсалес Саладо покинул это укрепление, охранять его остались 216 человек, располагавших лишь 130 единицами огнестрельного оружия (30 ополченцев вскоре

заболели малярией и не могли сражаться). Луис де Кастильо оказался нерешительным и безынициативным командиром. Несколько раз он посылал письма Гонсалесу, жалуясь на мятежные настроения своих подчиненных и спрашивая разрешения отступить вверх по реке. Гонсалес ответил, что он должен оставаться на своем посту. Тогда Кастильо выслал на разведку несколько каноэ. Вернувшись, разведчики донесли, что враг приближается, имея в своем распоряжении два фрегата, две речные барки и две ланчи с артиллерией, а также около тридцати каноэ с большим количеством вооруженных людей. Нервы Кастильо не выдержали. В полночь, вопреки уставу, он созвал на военный совет своих офицеров, и те решили отступить, предварительно предав огню баррикаду, хижины и все припасы, которые невозможно было забрать с собой.

Тем временем флибустьеры, отдохнув в Барро-Колорадо, отправились дальше.

«К вечеру, — пишет Эксквемелин, — они достигли поста Торна-Муни [Торномаркос], где была устроена еще одна засада. Однако и ее испанцы покинули. Это открытие не вызвало у пиратов радости: я говорю радости, а не печали, потому что, нарвись пираты на испанцев, они испытали бы истинное счастье, бой окрылял их надеждой на пищу и питье. Вторую засаду они захватили мгновенно и сразу принялись за поиски съестного, однако, увы, испанцы оставили очень мало пищи; поэтому те, у кого не было даже кожи, должны были довольствоваться только водой».

Покинутой оказалась и третья баррикада — в Каньо-Кебрадо.

Гонсалес Саладо, посовещавшись со своими офицерами, пришел к выводу, что находящиеся под их командованием ополченцы не в состоянии остановить продвижение врага по реке. Поэтому было решено оставить последнюю баррикаду, находившуюся в Барбакоас, и отойти в Вента-де-Крусес. Оправдывая свои действия, Гонсалес писал президенту Панамы, что его люди были «бесполезны, недовольны и напуганы». Сам он задержался в Барбакоас с тремя священниками и четырьмя товарищами еще на пару дней, после чего тоже отступил в Вента-де-Крусес.

«На следующий день, пятый по счету, с наступлением дня пираты двинулись дальше, — продолжает свой рассказ Эксквемелин. — К обеду добрались до местечка под названием Барбакоа [Барбакоас], где наткнулись на еще одну покинутую засаду. Вокруг было много возделанных полей, и пираты отправились обшаривать их в надежде хоть как-нибудь утолить страшный голод. Однако испанцы и здесь почти ничего не

оставили. В конце концов, после долгих поисков, обнюхав и обшарив все углы, пираты заметили яму, которая, очевидно, была вырыта совсем недавно; в ней оказалось два мешка муки, две большие бутыли вина и бананы. Морган, зная, что от голода многие его люди размякли и ослабели, отдал приказ разделить найденные запасы между теми, кто в этом больше всего нуждался. Когда пираты кое-как утолили голод, отряд снова отправился в путь; те, кто от усталости уже не мог идти, сели в каноэ, а те, кто до этого плыл в них и раньше, сошли на берег. Так они плелись до самого позднего вечера, пока не добрались до какого-то поля и там заночевали».

Оценивая действия своих подчиненных на перешейке, президент Панамы позже с горечью писал:

«Получив несчастные новости о потере этой значительной крепости [Сан-Лоренсо-де-Чагрес], каковые на реке были восприняты с изумлением, и опасаясь, что англичане могут подняться к ним с двумя тысячами человек, Луис де Кастильо, капитан мулатов, которому комендант Саладо велел отправиться на его пост в место, именуемое Барро-Колорадо, созвал военный совет из офицеров, находившихся под его командованием, и, не получив от меня никакого приказа или полномочия к тому, отступил к Барбакоа, покинув свой пост, не встретившись с врагом лицом к лицу. Комендант Саладо сделал то же самое, оставив укрепления Барбакоа, и отступил со своими людьми к Крусес [Вента-де-Крусес]. Перед этим я впервые узнал о потере крепости Чагре. Два метиса, именуемые Солисами, и негр из Верагуа предложили с сотней людей вернуть крепость и либо рассеять врагов, если те попытаются подняться вверх по реке, либо задержать их… Но никто из них не справился со своим заданием; ибо, хотя я и отправил с этими Солисами двести пятьдесят отборных человек вместо ста, желаемых ими, они, встретив врага на реке, не отважились сразиться с ним, как должны были сделать, и не пошли отвоевывать крепость Чагре, а предпочли обойти вокруг горы и выйти к Капире, после чего все рассеялись, так и не сделав ничего путного».

Когда капитан Кастильо прибыл в ставку президента с рапортом, дон Хуан тут же обвинил его в самовольном оставлении поста и отстранил от командования.

Вернемся, однако, к войску Моргана.

«На следующий день, а это был день шестой, будить никого уже не надо было — всех томила голодная бессонница, — пишет Эксквемелин. — Пираты продолжали путь обычным образом: одни шли через лес, другие плыли на каноэ. Когда делали привал, кто-нибудь отправлялся в лес в поисках пищи; одни ели

листья, другие — семена деревьев или траву, настолько все оголодали. В тот же день пиратам удалось дойти до плантации, на которой стояла хижина, набитая маисом; ее тотчас же разнесли, и каждый получил столько маиса, сколько хотел; его ели прямо из горсти. Поделив маис, пираты отправились дальше; примерно через милю они наткнулись на индейскую засаду. Пираты бросили маис, надеясь, что встретят здесь людей и найдут съестные припасы, но, подойдя поближе к тому месту, где видели индейцев, не нашли ни людей, ни продовольствия; только на другом берегу они заметили сотню индейцев, пустившихся наутек. Кое-кто из пиратов бросился в воду, чтобы догнать индейцев; они решили, что если не будет ничего съестного, то съедят самих беглецов. Однако индейцы моментально скрылись в зарослях и успели ранить при этом двух или трех пиратов, причем один был убит наповал. Индейцы закричали: “На, perros, a la savanna, a la savanna!” Это означало: “Вот вам, собаки, какова саванна!” Пираты в этот день уже не могли идти дальше, ибо, чтобы продолжать путь, надо было переправиться на другой берег.

На ночлеге они стали роптать. Одни хотели вернуться назад, другие — таких было большинство — принялись ругать их. Однако вскоре все ожили: один из проводников сказал, что неподалеку должно быть селение, жители которого, без сомнения, окажут сопротивление, и поэтому там найдется кое-что съестное.

На следующий день, это был уже день седьмой, пираты проверили и прочистили ружья, чтобы при встрече с врагами не случилось осечки. Потом они переправились на каноэ на другую сторону реки; место, где они ночевали, называлось Санта-Крус. Когда все переправились и привели себя в порядок, отряд тронулся, надеясь напасть на защитников селения [Вента-де-Крусес] и, как я уже говорил, утолить голод».

Флибустьеров, двигавшихся в авангарде, возглавлял капитан Томас Роджерс. Им должны были противостоять солдаты и ополченцы Гонсалеса Саладо. Однако никакого сопротивления наступавшему противнику оказано не было, поскольку еще ночью защитники и жители Вента-де-Крусес покинули указанное селение.

«Около полудня они подошли к деревне Крус [Вента-де-Крусес] и увидели густой дым, — рассказывает Эксквемелин. — Все приободрились — испанцы, мол, уже готовят вертелы, чтобы встретить нас. Однако когда они подошли поближе, то убедились, что хоть огонь и полыхал, но пищи никакой в этом месте не было: испанцы сожгли все постройки, исключая укрепления и казенные скотные дворы. Коров, которые паслись неподалеку, куда-то

увели, так что нигде не было ни одной скотины, кроме собаки, которую пираты тотчас же убили и разодрали на части. В королевском складе нашли не то пятнадцать, не то шестнадцать глиняных сосудов с испанским вином и кожаный мешок с хлебом. Пираты, захватив вино, напились без всякой меры и чуть не умерли, и их вырвало всем, что они ели в пути, листьями и всякой прочей дрянью, — всем, чем они набили себе желудки. Им невдомек была истинная причина, и они было подумали, что испанцы добавили в вино яд; на следующий день они не в состоянии были передвигаться и вынуждены были заночевать в селении Крус, которое они накануне разорили… В это селение по реке приходят суда, потому что здесь есть склады, где хранят товары; отсюда грузы везут на ослах в Панаму. Морган был вынужден оставить каноэ и со всем своим отрядом двинулся по суше, а каноэ он вернул назад, туда, где остались корабли. Одно каноэ он приказал спрятать, чтобы в случае необходимости использовать его для связи с остальными пиратами.

Неподалеку от селения и на полях, окружавших его, пираты временами замечали испанцев и индейцев. Поэтому Морган решил сделать высадку с отрядом по меньшей мере в сто человек. Несмотря на голод, на предложение Моргана откликнулось довольно много пиратов. Они разбились по трое и по четверо, а также группами в пять-шесть человек и отправились на поиски пищи. Индейцы и испанцы, которые внимательно наблюдали за их действиями, напали на одну из таких партий и захватили ее в плен; остальные пираты вернулись и сообщили об этом Моргану, однако Морган скрыл от пиратов этот случай, чтобы они не пали духом, а на ночь выставил сильную стражу».

В понедельник 16 (26) января флибустьеры двинулись в сторону Панамы по дороге, петлявшей между покрытыми лесом высокими холмами. Дон Хуан Перес де Гусман выслал им навстречу отряд из четырехсот человек, включая 300 индейских лучников и 100 мушкетеров. Командовал ими капитан Хосе де Прадо, бежавший ранее из крепости Сан-Лоренсо. Там, где дорога сужалась, проходя по дну глубокого ущелья, Прадо устроил засаду.

Морган предвидел такую возможность. Эксквемелин свидетельствует: «Он выслал вперед хорошо вооруженный отряд в двести человек, дабы разузнать, нет ли на пути засад. Сделать их было очень легко: дорога сузилась и стала почти непроходимой; по ней могли идти не больше двенадцати человек в ряд, местами она была еще уже. Часам к десяти пираты подошли к местечку Кебрада-Обскура. Там в них выпустили три или четыре тысячи стрел, причем, откуда сыпались эти стрелы, нельзя было понять.

А затем дорога вступила в ущелье и так сузилась, что по ней едва мог пройти только один навьюченный осел. Это вызывало большую тревогу, поскольку пираты никого не видели, а стрелы сыпались на них градом. Они храбро бросились в лес, некоторые открыли огонь по испанцам, которые показались на склонах ущелья, но те через заросли отошли вглубь леса, к выходу из теснины, и там встретили пиратов тучей стрел. Испанцам помогал отряд индейцев, причем индейцы держались очень стойко до тех пор, пока не ранило их командира; он пытался подняться, чтобы поразить одного из пиратов дротиком, но был убит и остался лежать на месте рядом с еще двумя или тремя павшими в бою индейцами. Пираты шли на всё, только бы захватить пленных, но это никак не удавалось, потому что индейцы бегали значительно быстрее. В этом бою пираты потеряли восемь человек убитыми и десять ранеными, и если бы у индейцев было чуть больше выдержки, ни один из пиратов не ушел бы живым; к тому же индейцы стреляли из луков через заросли, из-за деревьев их стрелы в полете теряли силу и, никого не поражая, падали на дорогу».

По данным Уильяма Фрогга, флибустьеры потеряли в бою лишь одного человека, тогда как у индейцев погибло около тридцати человек, включая их касика. Питер Эрл сообщает, что потери приватиров составили три человека убитыми и шесть или семь ранеными.

Вскоре после описанных событий войско Моргана выбралось на широкую равнину, густо заросшую травой, и остановилось. На горе, находившейся впереди, разведчики заметили несколько индейцев. «Когда раненые были перевязаны, — продолжает рассказывать Эксквемелин, — пятьдесят наиболее проворных пиратов тут же погнались за индейцами, чтобы взять кого-нибудь из них в плен, однако все было тщетно. Но как только все пираты двинулись вперед, индейцы снова вынырнули перед ними и закричали, как и прежде: “A la savanna, a la savanna, Cornudos perros ingleses!” Они были на горе, и пираты, находясь в долине, предположили, что где-то должна быть еще одна засада. Чтобы обезопасить путь, Морган послал вперед двести человек, а остальных пиратов оставил на склоне горы. Как только испанцы или индейцы увидели спускавшихся в долину пиратов, они тотчас же туда помчались, словно хотели вступить в бой, но скрылись из виду и ушли через лес, оставив пиратов в покое. Вечером начался дождь, поэтому пираты уклонились в сторону, чтобы отыскать место для ночлега и там подсушить оружие. Но индейцы сожгли все свои жилища и увели коров, так что, страдая от голода, пираты были вынуждены вернуться. Они нашли несколько

жилищ, но ничего съестного там не было. Все люди не могли разместиться в этих хижинах, поэтому от каждой группы было выделено несколько человек, чтобы охранять оружие, которое и сложили в хижинах… Остальные спали под открытым небом, но сон был плохим, потому что дождь лил всю ночь не переставая.

На следующий день (27 января по григорианскому календарю. — *В. Г.),* день девятый, когда забрезжила заря, причем было еще весьма прохладно, Морган приказал снова отправиться в путь, и путь этот был труднее, чем когда бы то ни было прежде, потому что солнце палило немилосердно, — читаем у Эксквемелина. — Спустя два или три часа пираты заметили десятка два испанцев, которые следили за их действиями. Пираты попытались догнать их, но тщетно… Наконец пираты взобрались на гору (примерно в девять часов утра. — *В. Г.),* откуда открылся вид на Южное море и на большой корабль с пятью или шестью барками: суда эти шли из Панамы на острова Товаго и Тавагилья. Тут отвага снова наполнила сердца пиратов; и еще больше они возликовали, когда спустились с горы в обширную долину, где паслось много скота. Они тотчас же разогнали стадо и перебили всю скотину, которую удалось им догнать. Все делалось очень рьяно: одни пираты охотились, другие разводили огонь, чтобы без промедления приступить к приготовлению пищи. Кто волок быка, кто корову, кто лошадь, кто осла; туши тотчас же разрубили и неободранные куски мяса бросили в огонь; едва опалилась шерсть, как пираты накинулись на сырое мясо так, что кровь текла по их щекам. В разгар пиршества Морган приказал бить ложную тревогу: кто вскочил, кто пустился бежать, однако никто не расстался с мясом, свои куски они прихватили с собой. Наконец (около четырех часов пополудни. — *В. Г.)* все собрались и построились для дальнейшего похода. Отряду почти в пятьдесят человек было приказано выступить вперед, чтобы добыть пленных, поскольку Морган весьма опасался, что так и не получит никаких сведений о силах испанцев. Вечером снова показался отряд испанцев человек в двести, они что-то кричали, однако понять ничего было нельзя; за ними погнались, но испанцы словно провалились сквозь землю. Пройдя еще немного, пираты заметили башни Панамы, трижды произнесли слова заклятия и принялись кидать вверх шляпы, заранее уже празднуя победу. В эту ночь они решили выспаться, надеясь вступить в Панаму на следующий день рано утром. Они расположились в чистом поле и стали бить в барабаны, трубить в трубы и махать флажками, будто наступил большой праздник. На звуки труб прискакало около пятидесяти всадников, которые остановились на расстоянии выстрела; у них тоже были при себе трубы, и, дудя

в них, они кричали: “Mariana, manana perros nos veremos!” (“Завтра, завтра, собаки, мы вернемся!”). С этим они ускакали, оставив на месте человек семь или восемь для наблюдения за пиратами».

Проигнорировав соседство с испанским дозором, флибустьеры выставили вокруг лагеря караулы, нарезали для лежанок веток и травы и завалились спать. Грядущий день обещал быть горячим, и им нужно было как следует отдохнуть.

БИТВА ПОД СТЕНАМИ ПАНАМЫ

За несколько дней до генерального сражения в Панаме состоялись торжественные шествия и молебны. Президент аудиенсии дон Хуан Перес де Гусман предпринимал титанические усилия, чтобы воодушевить своих солдат и ополченцев на битву с грозным противником.

«Я прибыл в Панаму [из Гуаябаля] в субботу вечером (24 января по григорианскому календарю. — *В. Г.),* а в воскресенье утром пошел в большую церковь, где с великим благочестием получил святое вероисповедание пред ликом нашей Блаженной Божьей Матери Непорочного Зачатия, — писал он в своем отчете. — Затем я отправился к главной страже и ко всем, кто присутствовал там, обратился следующим образом. Чтобы все истинные католики, защитники веры, преданные нашей Богородице Чистого и Непорочного Зачатия, последовали за мной в тот же день в четыре часа пополудни, дабы выйти навстречу врагу, с предупреждением, что тот, кто откажется сделать это, будет арестован за бесчестье, трусость и подлое пренебрежение своим долгом.

Все предложили мне свое содействие, кроме тех, кто сбежал от меня в Гуаябале; и, приведя их в должный порядок, я повел основную их часть к главной церкви, где пред ликом нашей Богородицы Чистого и Непорочного Зачатия поклялся умереть, защищая Ее. И я отдал Ей кольцо с бриллиантом стоимостью сорок тысяч пиастров в знак моей покорности, с клятвой на устах и сердечной мольбой к Ней о помощи. И все присутствующие с большим воодушевлением принесли такую же клятву.

Образы Чистого и Непорочного Зачатия впервые со дня сражения в крепости Чагре были пронесены во время общего шествия, в котором приняли участие все религиозные общины и братство кафедрального собора Святого Франциска, а также монахини Богородицы из [монастырей] Росарио, Сан-Доминго и Мерседес вместе со всеми святыми и покровителями религиозных общин. И все святейшие таинства во всех церквях были открыты и выставлены на всеобщее обозрение. Были проведены мессы, дабы мне сопутствовал успех. Я разделил со всеми мои драгоценности и реликвии, собранные во время моих странствий, пожертвовав их вышеназванным образам, святым и патронам».

Это был действительно благородный жест со стороны дона Хуана. Общая стоимость пожертвований оценивалась в 28 тысяч 450 песо. Монахи монастыря Нуэстра-Сеньора-де-ла-Консепсьон получили девять тысяч песо; доминиканцам были отданы

массивное ожерелье из новогранадских изумрудов стоимостью 1500 песо и большая золотая цепь для Девы Розарий-ской; францисканцам достались бриллианты и иные драгоценности стоимостью 1200 песо и большая сумма денег для мессы; иезуитам президент подарил бриллиантовое кольцо и жезл с золотым навершием, украшенным бриллиантами, для Михаила Архангела.

Воскресным вечером 15 (25) января дон Хуан вывел свою армию из Панамы, «имея при себе три полевых орудия», и стал лагерем на равнине в лиге от города. В этом месте, называвшемся Мата-Аснильос, проходила дорога на Вента-де-Крусес.

Говоря о качестве своего войска, дон Хуан писал:

«Корпус людей, который я… привел с собой, состоял из двух видов: доблестных военных и лишенных мужества подлецов, многие из которых все свое имущество или плату, положенную им, оставили в крепости Чагре и в Пуэрто-Бельо, а большая часть моих людей состояла из негров, мулатов и индейцев — всего около тысячи двухсот, не считая еще двухсот негров из числа завербованных. У нас было мало ручного огнестрельного оружия, и оно было плохим по сравнению с тем, что нес враг. Ибо у нас имелись карабины, аркебузы и охотничьи ружья, но было мало мушкетов, поскольку их также оставили в Пуэрто-Бельо и Чагре.

Итак, мы сформировали армию из двух батальонов и кавалеристов, каковых было две сотни, сидевших на утомленных лошадях; их привели туда вместе с двумя большими стадами волов и быков, пригнанных пятьюдесятью погонщиками в надежде расстроить ряды врага. Вся армия выглядела живой и отважной, горевшей желанием ринуться в бой и не желавшей придерживаться каких бы то ни было правил для поднятия духа. Вот то, что я видел, и они сказали мне, что способны поразить врага словно молния».

По данным Фрогга, войско испанцев насчитывало 700 кавалеристов и около двух тысяч пехотинцев. В отчете Моргана утверждалось, что у испанцев было 600 всадников и 2100 пехотинцев. Иные данные приводит Ян Эрасмус Рейнинг: 2400 пехотинцев, 400 кавалеристов, от 600 до 700 индейцев и «большое количество негров».

В понедельник 16 (26) января в Панаме осталось очень мало народа. Большинство тех, кто мог носить оружие, находилось вместе с президентом аудиенсии в Мата-Аснильос. Женщины, дети, монахи и священники устремились в порт Перико, собираясь при первой же возможности уйти на судах в море. С собой они прихватили все самое ценное. В числе беженцев находились «капитан реки Чагрес» Франсиско Гонсалес Саладо и

секретарь президента Антонио де Сильва, имевший приказ — в случае поражения испанского войска — увезти из города архив дона Хуана. Кроме того, Гонсалес и Сильва должны были уничтожить все лодки и барки в порту и на побережье залива, чтобы не дать корсарам возможности выйти в море.

Понедельник 17 (27) января прошел для испанцев в тревожном ожидании. Численность панамского войска возросла за счет прибытия 250 ополченцев из Верагуа под командованием губернатора дона Хуана Портуондо Бургеньо. Небольшие отряды добровольцев подошли также из соседних деревень.

Авангард войска Моргана показался вечером того же дня. Флибустьеры выглядели комично: они приплясывали и горланили пьяные песни. Один из испанских офицеров, желая подбодрить необстрелянных ополченцев, крикнул своему товарищу:

— Дон Гомес, нам нечего бояться! Взгляните, там не больше шестисот пьяниц!

Но когда из лесу вышли новые отряды врага, души многих защитников Панамы похолодели от страха. Дон Симон Гонсалес, бывший помощник капитана Гонсалеса Саладо, вдруг заявил, что имеет двух добрых лошадок, готовых умчаться прочь, и посоветовал всем держать своих мулов наготове, «чтобы последовать его примеру». Президент, возмущенный провокационными речами дона Симона, набросился на него с кулаками:

— Вы — трусливый цыпленок и вражеский шпион! Вы вселили неуверенность в наших людей на реке Чагрес, а теперь хотите сделать то же самое здесь!

Офицеру охраны было приказано забрать у паникера шпагу, отвести в тюрьму и заковать в цепи.

Утро 18 (28) января выдалось солнечным и безоблачным. Морган поднял свой лагерь примерно в семь часов и двинулся к Панаме под грохот барабанов, с развевающимися знаменами красного и зеленого цветов. Проводники, однако, предупредили его, что «лучше было бы здесь свернуть с большой дороги и поискать другой путь, ибо испанцы на главной дороге безусловно устроили засады и, сидя в них, могут причинить много вреда». Вняв этому совету, Морган повел своих людей через лес по холмам Толедо и спустился на равнину Мата-Аснильос. Там флибустьеры заняли позицию на склонах возвышенности, известной с тех пор под названием Передовая гора, где болото и заливные луга надежно прикрывали один из их флангов. Отсюда была видна вся равнина от отрогов сьерры до побережья Тихого океана; в центре этой панорамы лежала как на ладони Панама.

«В среду утром враг обнаружил себя идущим в направлении нашего тыла тремя эскадронами, в которых они имели две тысячи триста человек, как я точно узнал впоследствии, но раз за разом они образовывали круг, продвигаясь вперед к фронту нашей армии, — рассказывает дон Хуан. — Я назначил командиром нашего левого крыла [коменданта Портобело] дона Алонсо де Алькаудете, командиром правого крыла — губернатора Верагуа дона Хуана Портуондо Боргеньо [Бургеньо], а в центре — сержант-майора [дона Хуана Хименеса Сальватьерра]. К этому я добавил прямое указание, чтобы никто не двигался с места без моего приказа и чтобы, приблизившись на расстояние выстрела, три первые шеренги произвели огонь с колена, а после этого залпа они должны были уступить место арьергарду, чтобы ему продвинуться вперед и выстрелить и чтобы, даже увидев, что кто-то упал мертвым или раненым, они не покинули свою позицию, а до конца соблюдали этот порядок».

Морган, готовясь к сражению, разделил свое войско на три батальона и построил в виде терции. Авангард из трехсот охотников-буканьеров и корсаров возглавили подполковник Лауренс Принс и его заместитель майор Джон Моррис. «Ядро» состояло из шестисот флибустьеров, причем правое крыло находилось под командованием самого Моргана, а левое — под командованием Эдварда Коллира. Арьергард из трехсот корсаров возглавил «добрый старый солдат» полковник Бледри Морган — однофамилец адмирала.

Мы имеем возможность сравнить, как описывали начавшееся сражение президент Панамы, Эксквемелин и Морган.

«Я был в это время на правом крыле авангарда, — рассказывает дон Хуан, — ожидая приближения врага; оно происходило быстро, пешим порядком, с холма в довольно узком месте, на расстоянии примерно трех мушкетных выстрелов от левого крыла нашей армии. И тут неожиданно я услышал громкий шум и выкрики: “Нападаем, нападаем, чтобы рассеять их!” Однако дон Алонсо де Алькаудете не смог ни удержать их в строю, ни пресечь их бегства, хотя он и рубил их шпагой, но они все пришли в замешательство; и я, хорошо зная фатальность этого, дал команду, чтобы они двинули стадо скота и ударили кавалерией. И тут же сам стал во главе эскадрона на правом крыле, крича: “Вперед, ребята, теперь осталось лишь одно — или победить, или умереть! За мной!” Я двинулся прямо на врага, но, едва наши люди увидели, как кто-то упал мертвым, а кто-то раненым, они сразу же повернули назад и бежали, оставив меня лишь с одним негром и слугой, которые сопровождали меня. Все еще двигаясь вперед в соответствии с моим обещанием Деве

Марии умереть, чтобы Ее защитить, я получил пулю в жезл, который держал в руке прямо возле щеки. В этот момент ко мне подскочил священник из большой церкви по имени Хуан де Дьос… умоляя меня отступить и спасти себя, на что я дважды резко отвечал отказом. Но на третий раз он проявил настойчивость, заявив мне, что подобное поведение — сущее безумие по отношению к Богу и не подобает христианину. С тем я и отступил, и это было чудо от Девы — сберечь меня от попадания многих тысяч пуль.

После этого я попытался со всей энергией убедить солдат повернуться лицом к врагу, но все было напрасно…»

Свою, более красочную, версию боя приводит Эксквемелин:

«Буканьеры двинулись вперед, остальные последовали за ними, спустились с холма, а испанцы уже поджидали их на широком открытом поле. Когда большая часть пиратов спустилась в долину, испанцы стали кричать: “Viva el Roy!” (“Да здравствует король!”). Одновременно пиратов атаковала конница, но тут всадникам помешало болото и они продвигались очень медленно. Двести охотников, на которых как раз и мчались всадники, подпустили их поближе. Часть буканьеров вдруг встала на колено и дала залп, потом то же самое сделали остальные, так что огонь велся беспрерывно. Испанцы же не могли причинить им никакого вреда, хотя стреляли довольно метко и делали все, чтобы отбить пиратов. Пехота попыталась прийти коннице на помощь, но ее обстрелял другой пиратский отряд. Тогда испанцы решили выпустить с тыла быков и привести пиратов в замешательство. Однако пираты мгновенно перестроились; в то время как остальные сражались с наступающими спереди, люди в арьергарде махали флажками, затем дали по быкам два залпа; быки обратились в бегство вопреки стараниям их погонщиков, которые побежали вслед за ними. Бой продолжался примерно часа два, пока испанская конница не была разбита наголову: большинство всадников было убито, остальные бежали. Пехотинцы, убедившись, что нападение их кавалерии принесло мало пользы, и не имея дальнейших приказов, которые должен был бы отдать их предводитель, выстрелили из мушкетов, бросили их и побежали во всю прыть; пираты, измотанные голодом и утомленные долгой дорогой, не смогли пуститься в погоню. Некоторые испанцы, не надеясь на свои ноги, спрятались в зарослях тростника у небольших прудов, однако пираты находили их и тут же убивали, словно это были собаки. Они взяли в плен группу серых монахов; те предстали перед Морганом, но он приказал их перебить без всякой пощады, не желая выслушать от них ни единого слова. После этого к нему

привели командира конницы, который был ранен в бою. Морган приказал допросить его, и тот сообщил, каковы у испанцев силы; он признался, что в бою участвовали четыреста всадников и двадцать рот пехоты, в каждой роте по сто человек, а также шестьсот индейцев, негров и мулатов и что в бой ввели две тысячи быков, чтобы расстроить ряды пиратов и затем перебить их всех до единого; кроме того, в различных местах города испанцы устроили баррикады из мешков с мукой, за которыми они поставили пушки со стороны той дороги, по которой должны были пройти пираты; были устроены редуты и на них установлено по восемь бронзовых пушек и выставлено пятьдесят человек».

Описание боя, которое дает в своей книге Эксквемелин, в целом соответствует «Правдивому отчету…», составленному на основе реляции Моргана:

«Наш адмирал, проведя смотр своих людей и подбодрив их, приказал всем офицерам идти исполнить полученные предписания. Тем временем неприятель, выстроившись в линию в выгодном месте, все еще оставался на месте и совершенно не хотел двигаться (хотя часто провоцировался нами), боясь потерять безопасную позицию в случае отступления. И наш адмирал, заметив это, немедленно отдал приказ, чтобы наши офицеры повернули наш корпус влево и попытались достичь соседнего холма; если бы мы им овладели, мы смогли бы тогда принудить неприятеля вступить в бой к его значительному ущербу, поскольку он не смог бы ввести в бой сразу весь свой основной корпус или больше людей, чем мы… а, кроме того, мы получили бы, таким образом, преимущество как относительно ветра, так и относительно солнца.

Наши офицеры строго исполнили полученный приказ, и спустя короткое время мы заняли этот холм с небольшим сухим проходом, выгодным для нас. В итоге враги были вынуждены ударить по нам в ходе спешного марша, не имея достаточного пространства, чтобы бросить вперед весь свой корпус, из-за большого болота, находившегося как раз у них за спиной и перед которым они преднамеренно выстроились в линию, рассчитывая поймать нас в ловушку. Но мы сменили нашу позицию таким образом, что в итоге нанесли ущерб им самим.

Когда мы поступили указанном образом, дон Франсиско де Аро, который командовал их кавалерией, вместе со своими всадниками предпринял первую атаку на наш авангард, каковую он провел весьма яростно, летя на полном скаку. А поскольку у нас не было пик, наш адмирал отдал приказ сдвоить наши ряды справа и сомкнуть шеренги справа и слева, чтобы замкнуть строй.

Однако их пылкий командир не мог остановить свой стремительный бег, пока не упал, расставшись с жизнью во фронтальной шеренге нашего авангарда.

На этом движение их конницы справа прекратилось, и тогда выступила их пехота, надеясь испытать свою удачу; но они оказались такими же безуспешными, как и их товарищи. Ибо мы, приготовившись вместе с нашим главным корпусом встретить их, первым же залпом оказали им такой горячий прием и продолжали нашу работу с такой силой и проворством, что наши друзья-испанцы решили, что лучше им было бы отступить, и вскоре были так крепко побиты еще и нашим левым крылом, которое вначале не могло вступить в сражение (так как ему мешали холмы), что наши враги не смогли выстоять… и… обратились в бегство.

Перед этим они использовали такую тактику, о которой редко можно слышать. Так, пока пехота била нас во фронт и по флангам, они решили заставить два больших стада быков — в каждом было более тысячи голов — вклиниться в правый и левый угол нашего арьергарда с намерением разбить и рассеять нас. Этот замысел, очевидно, имел бы эффект, если бы наш благоразумный адмирал с великим присутствием духа не сорвал их план, отдав приказ небольшому отряду стрелять в погонщиков, а не в скот, и это так сильно напугало остальных, что быки вскоре вынуждены были повернуть назад. Таким образом, указанная тактика не сработала: они находились в таком сильном замешательстве, что счастлив был тот, кто смог первым убежать в город».

Победа досталась флибустьерам через два часа после начала сражения. Многие испанские очевидцы объясняли это «волей Господа и силой врага».

Барабанщики Моргана дали сигнал к общему сбору. На поверке выяснилось, что убитых среди них почти не было, а ранено лишь несколько человек. Потери испанцев составили от шестидесяти до ста человек убитыми, не считая раненых. Дон Хуан Перес де Гусман, не пытаясь оказать сопротивление врагу в самом городе, с остатками своего войска спешно отступил в Капиру, тогда как часть пехотинцев вместе с раненым доном Алонсо де Алькаудете ушла в Портобело.

Воодушевленные успехом флибустьеры под прикрытием пленных направились к городу. Там им открылось нежданное зрелище: все улицы были перекрыты баррикадами, сложенными из бревен и мешков с мукой, на которых были установлены пушки. Взять их казалось намного труднее, чем сражаться с противником в открытом поле.

РАЗОРЕНИЕ ПАНАМЫ И ОПЕРАЦИИ В ЮЖНОМ МОРЕ

Войдя в Панаму по мосту Матадеро, находившемуся на западной окраине, флибустьеры обнаружили в городе около двухсот испанских солдат, два форта, а на каждой улице — баррикады, на которых было установлено в общей сложности 32 бронзовые пушки. Но вместо того чтобы защищаться из последних сил, капитан артиллерии дон Бальтасар Пау-и-Рокаберти приказал заклепать пушки на баррикадах и взорвать пороховой склад в главной крепости. Взрыв произошел раньше, чем ожидалось, забрав жизнь сорока не успевших эвакуироваться солдат гарнизона.

Незначительное сопротивление флибустьерам было оказано на Пласа-Майор, или Главной рыночной площади. Затем начали взрываться бочки с порохом, размещенные в домах по всему городу. Те жители, которые еще оставались в Панаме, бросились бежать из города с криками:

— Жгите, жгите всё! Это приказ дона Хуана!

Согласно «Правдивому отчету…» и испанским данным, когда флибустьеры заняли Панаму, весь город уже был объят пламенем. Эксквемелин утверждал, что поджог был осуществлен пиратами:

«После полудня Морган приказал тайно поджечь дома, чтобы к вечеру большая часть города была охвачена пламенем. Пираты же пустили слух, будто это сделали испанцы. Местные жители хотели сбить огонь, однако это им не удалось: пламя распространилось очень быстро; если загорался какой-нибудь проулок, то спустя полчаса он уже весь был в огне и от домов оставались одни головешки… Внутри многие дома были украшены великолепными картинами, которые сюда завезли испанцы. Кроме того, в городе было семь мужских монастырей и один женский, госпиталь, кафедральный собор и приходская церковь, которые также были украшены картинами и скульптурами, однако серебро и золото монахи уже унесли. В городе насчитывалось две тысячи отличных домов, в которых жили люди иных званий; было здесь много конюшен, в которых содержались лошади и мулы для перевозки серебра к Северному берегу… Кроме того, там был великолепный дом, принадлежащий генуэзцам, и в нем помещалось заведение, которое вело торговлю неграми. Его тоже сожгли. На следующий день весь город превратился в кучу золы; уцелели лишь двести складов и конюшни: они стояли в стороне. Все животные сгорели

вместе с домами, и погибло много рабов, которые спрятались в домах и уже не смогли вырваться наружу. На складах пострадало много мешков с мукой, после пожара они тлели еще целый месяц».

Эту информацию опровергает автор «Правдивого отчета…», писавший, что, войдя в город, «мы вынуждены были бросить все силы на тушение огня, охватившего дома наших врагов, которые они сами подожгли, чтобы не дать нам возможности ограбить их; но все наши усилия были напрасны, ибо к полуночи весь город сгорел, кроме части пригорода, которую с большим трудом нам удалось сохранить, включая две церкви и около трехсот домов».

Дон Хуан в своем отчете тоже не скрывал, что город был подожжен самими жителями — «рабами и владельцами домов». При этом пожар не затронул здания Королевской аудиенсии и Бухгалтерии, особняк президента, монастыри Ла-Мерсед и Сан-Хосе, отдельные жилища на окраинах и около трехсот хижин негров — погонщиков мулов из предместий Маламбо и Пьерде-Видас. (Впрочем, когда президент вернулся в разоренный город, он застал свой особняк в руинах: мебель и зеркала были разбиты, а бесценная коллекция картин и библиотека с пятьюстами книгами — уничтожены.)

К трем часам пополудни захватчики полностью овладели городом.

Антонио де Сильва, секретарь президента, укрылся на островах в Панамском заливе и позже рассказал о том, что видел и слышал. Согласно его свидетельству, в девять часов утра, после взрыва порохового склада, послышалась стрельба из пушек, аркебузов и мушкетов, не утихавшая до полудня. Кроме того, он видел бой на пляже, где корсары пытались не допустить сожжения лодок и барок. В три часа пополудни Сильва услышал ружейные салюты — сначала два, потом три, потом пять, которые он принял за сигналы, указывавшие на то, что враг полностью овладел городом. Примерно в это же время он наблюдал, как монахи грузились на корабль «Ла Наваль», стоявший на якоре у острова Табога. Многие суда уже успели уйти в море, включая большой галеон «Сан-Фелипе Нери», отчаливший двумя днями ранее (на нем ушел Франсиско Гонсалес Саладо). Сам секретарь спасся на борту судна «Нуэстра Сеньора дель Буэн Сусесо», которое отплыло в четыре часа пополудни. С высокой кормы судна он видел охваченный пожаром город и клубы дыма, застилавшие клонившееся к закату солнце.

Пока одни флибустьеры рыскали по городу в поисках вина и денег, другие попытались спасти от пожара хотя бы часть зданий — в них могли находиться сокровища, ради которых они

отправились в этот поход. Увы, устойчивый восточный бриз, разносивший искры на десятки метров, свел на нет все их усилия.

По словам Эксквемелина, после взятия Панамы «Морган приказал собрать всех своих людей и запретил им пить вино; он сказал, что у него есть сведения, что вино отравлено испанцами. Хотя это и было ложью, однако он понимал, что после крепкой выпивки его люди станут небоеспособными. Впрочем, угроза появления врага была маловероятной».

Ночь флибустьеры провели в окрестностях Панамы, в уцелевших от огня домах и хижинах, а на рассвете вернулись в город — точнее, в то, что от него осталось. Раненых доставили в церковь одного из монастырей, вокруг которой установили трофейные пушки.

Тем временем президент Панамы, полностью утратив управление не только войском, но и провинцией, отступил в городок Ната, находившийся в 70 милях к юго-западу от Панамы. 25 января (4 февраля) он обнародовал прокламацию: «Все, кто проживает в сим городе Нате и его юрисдикции, будь то солдаты, офицеры или любая иная персона, способная носить оружие, должны немедленно встать на защиту города Ната, принеся свое оружие…»

Через пять дней дону Хуану удалось собрать около трехсот солдат и ополченцев. Однако этих сил было крайне мало, чтобы выбить людей Моргана из Панамы. Весь месяц президент пытался увеличить свое войско, перемещаясь между Натой, Лос-Сантосом и индейской деревней Пенономе, но добился обратного результата: численность его войска не возросла, а сократилась. Бедный дон Хуан не видел в том своей вины. Он был убежден, что во всем виноваты трусливые подчиненные, отказывавшиеся выполнять его распоряжения. В конце своего отчета королю президент пафосно заявил:

«Сир, это было наказанием свыше, и то, что приключилось со мной, могло произойти даже с великим [конкистадором] капитаном Гонсало Фернандо де Кордовой, если бы его люди покинули его, поскольку один в поле не воин… Все президенты вместе взятые, какие когда-либо имелись в этом королевстве, не смогли бы сделать и третьей части того, что сделал я, дабы предотвратить указанное несчастье…»

30 января (9 февраля) дон Хуан написал письмо вице-королю Перу графу де Лемосу. Рассказав о потере крепости Сан-Лоренсо-де-Чагрес и Панамы и посетовав на свою несчастную судьбу, он отметил, что находится «без оружия, пороха, фитилей, ядер и денег, а все люди этого королевства так напуганы, что один лишь Бог мог бы вселить в них мужество». В то же время президент не

удосужился сообщить вице-королю о численности врага, не сказал, сколько ему нужно солдат для победы над Морганом и в каких портах Панамского перешейка войска из Перу могли бы высадиться.

6 (16) февраля дон Хуан написал аналогичное письмо губернатору Картахены, а три дня спустя — письмо королеве. Во всех письмах он говорил о страхе, охватившем его людей, демонстрируя при этом полное невежество в вопросах, касавшихся военного дела.

Губернатору Картахены дону Педро де Ульоа стало известно о потере Панамы благодаря сообщению, доставленному ему по морю из Портобело 2 (12) февраля. В тот же день он получил письмо из Испании, содержавшее копию Мадридского договора, новые инструкции и приказ королевы сохранять мир с англичанами во всей Испанской Америке. Поскольку нападение Моргана на Панаму являлось грубейшим нарушением условий англо-испанского договора, дон Педро написал адмиралу флибустьеров письмо с предупреждением об ответственности за этот враждебный акт:

«Сеньор генерал Энрике Морган. Прошло много времени с тех пор, как я впервые узнал о кораблях и людях, которые вы начали собирать у острова Ваш для вторжения на берега и в порты Тьерра-Фирме… Я слышал, что когда вы находились на острове Ваш… из Англии прибыл корабль с новостями о мире, подписанном в Мадриде между нашими королевствами 18 июля, — мире, который касается также Индий… Однако вы, публично нарушив верность и послушание, каковые вы должны были соблюдать в отношении его величества вашего короля, отправились со своим флотом… и пришли к острову Сайта-Каталина, который вы разграбили, сделав пленниками губернатора и испанский гарнизон, разрушив его форты и сбросив пушки в море. Оттуда вы перешли к побережью Портобело и крепости Чагрес, которую вы захватили 6 января, убив многих [солдат] из гарнизона, а затем отправились с большей частью вашего войска к городу Панаме, неся всем кровь и огонь, и разбили [войско] президента этого королевства, пытавшегося защититься от вас… У вас нет никаких оснований игнорировать мир, о котором вы узнали заранее, и… вам придется ответить за тот серьезный ущерб, который вы причинили, а также вернуть все, что вы награбили. Мне пришлось написать вам это, приложив копию о мире, чтобы вы могли осознать сие и подумать, что вам следует предпринять. Если вы не сделаете этого, я буду вынужден передать отчет обо всем королю, моему господину».

Неизвестно, получил ли Морган письмо дона Педро. В любом случае он продолжал заниматься тем, ради чего организовал и предпринял свою экспедицию.

Выше уже упоминалось о том, что накануне сражения с войском Моргана президент Панамы приказал сжечь все каботажные суда и лодки, остававшиеся на берегу Панамского залива, однако испанцы не успели выполнить его распоряжение. В Ла-Таске, предместье города, флибустьеры обнаружили барку, которая прибыла из Дарьена с грузом маиса и теперь из-за отлива лежала на берегу. Увидев неприятеля, команда барки попыталась сжечь свое судно, но отряд англичан помешал ей это сделать. До начала прилива флибустьеры разгрузили и переоснастили призовое суденышко, установив на его борту несколько легких пушек.

Проведя в Панаме неделю, сообщает Эксквемелин, Морган «послал отряд в сто пятьдесят человек в крепость Чагре, чтобы в тот же день известить ее гарнизон о счастливой победе. Через город отряд провожали все. Испанцы, стоявшие за городом, заметив их, отошли.

После полудня Морган снова вернулся в город, каждый отряд занял положенное ему помещение, а одна группа пиратов отправилась к руинам сожженных домов, где еще была надежда выудить знатную поживу: серебряную посуду и слитки серебра, которые испанцы бросали в колодцы. На следующий день было снаряжено еще два отряда, каждый по сто пятьдесят человек, чтобы разыскать жителей города, рассеянных по окрестностям. Через два дня пираты вернулись и привели с собой двести пленников — мужчин, женщин и рабов. В тот же день посланная Морганом барка вернулась еще с тремя захваченными барками, однако самый ценный приз — галеон, груженный королевским серебром и драгоценностями самых богатых торговцев Панамы, — был упущен; исчезли и монахи со всеми церковными украшениями, серебром и золотом. На этом галеоне было семь пушек и десять или двенадцать мушкетов, и стоял он только под нижним парусом, причем у команды не была заготовлена вода. Пираты захватили шлюп с этого корабля с семью матросами. Эти испанские моряки и сообщили разбойникам обо всем, что уже было сказано. Кроме того, они добавили, что галеон не мог выйти без воды в открытое море, однако предводителю пиратов было намного милее пьянствовать и проводить время с испанскими женщинами, которых он захватил в плен, нежели преследовать корабль. На следующий день пиратские барки отправились на поиски галеона, но эти поиски оказались бесполезными, поскольку на корабле уже узнали, что пираты выходили в море и

захватили шлюп. На галеоне тотчас же подняли паруса. Когда пираты увидели, что корабль ушел, они напали на барки, груженные различными товарами, которые направлялись на острова Товаго [Табога] и Тавагилья [Табогилья], и затем вернулись в Панаму. По возвращении они сообщили Моргану обо всем, что произошло. Пленных матросов допросили, и те ответили, что догадываются, куда отправился галеон, однако за это время его команда могла получить пополнение. Морган приказал собрать все суда, которые были в Панаме, снарядить их и догнать корабль; пираты вышли в море на четырех барках с командой в сто двадцать человек. Они пробыли в море целых восемь дней, но никого не встретили. Галеон улизнул быстро и бесследно. У пиратов не было больше никакой надежды догнать этот корабль, и они решили отправиться на острова Товаго [Табога] и Тавагилья [Табогилья]. Там они повстречали судно, шедшее из Пайты; оно было гружено шелком, сукном, сухарями и сахаром; на нем было примерно на двадцать тысяч пиастров чеканного серебра. С этим судном и сопровождавшей его баркой, на которую они погрузили добро и пленных, захваченных на островах Товаго [Табога] и Тавагилья [Табогилья], пираты вернулись в Панаму».

Корсарами, оперировавшими в Южном море, командовал капитан Роберт Сирл — тот самый, который отличился набегами на принадлежавший голландцам остров Тобаго в 1665 году и на испанский город Сан-Аугустин (современный Сент-Огастин) во Флориде в 1668 году. Морган не смог простить Сирлу, что он упустил галеон с сокровищами, и в дальнейшем никогда больше не оказывал ему содействия.

Тем временем люди, отправленные в Сан-Лоренсо, вернулись в Панаму с хорошей новостью. По их словам, два судна, вышедшие на поиски добычи, встретились близ устья реки Чагрес с испанским кораблем. Когда они начали преследовать его, капитан корабля, увидев над крепостью испанские флаги, опрометчиво решил войти в гавань. Там его и захватили. В трюмах призового судна обнаружили большое количество продовольствия, что привело сидевших на голодном пайке флибустьеров в совершенный восторг.

Узнав, что Сан-Лоренсо по-прежнему остается в руках его людей и гарнизон крепости в достаточной мере обеспечен продуктами питания, Морган решил не спешить с уходом из Панамы. «В то время как часть пиратов грабила на море, — свидетельствует Эксквемелин, — остальные грабили на суше: каждый день из города выходил отряд человек в двести, и, когда эта партия возвращалась, ей на смену выходила новая; все они

приносили большую добычу и приводили много пленников».

Данная информация подтверждается и другими источниками. Как писал Фрогг, «наши люди уходили группами иногда в 100, иногда в 40, иногда в 10 человек и каждый день захватывали пленных, но при этом ни разу не встретились с врагом лицом к лицу».

О пассивности испанцев сообщает и Морган. В своем отчете он отмечал, что его летучие отряды уходили на 20 миль в горы к северу и северо-востоку от Панамы, не встречая при этом никакого сопротивления. Да и сами испанцы признавали, что корсары перемещались по их стране с такой свободой, «словно они находились в Англии».

Эксквемелин, как обычно, описал невероятные насилия, которым подвергались захваченные в плен местные жители: «… чего только не приходило в голову пиратам, когда они допытывались у всех без исключения пленников, где спрятано золото. Пиратам удалось отыскать где-то за городом одного старика. На бедняге было отличное платье и шелковые штаны, и на поясе у него висел ключ из чистого серебра. Пираты спросили у него, где тот сундук, от которого этот ключ. Он ответил, что у него нет никакого сундука… Пираты не могли добиться от него никакого признания и избили так, что вывихнули обе руки, его глаза вылезли наружу, словно яйца. Поскольку он продолжал отпираться, его привязали за половой орган и стали снова бить; один из пиратов отрезал ему нос, другой ухо, третий подпалил кожу… В конце концов, когда он уже потерял дар речи и пиратам надоело его мучить, беднягу отдали на растерзание негру, который его пронзил копьем. Подобных жестокостей они натворили очень много. Пираты не давали пощады даже монахам, хотя и не рассчитывали получить с них деньги; они просто убивали всех подряд. Женщин тоже не щадили, кроме тех, с кем им хотелось позабавиться… Пираты вытаскивали женщин из церкви, где они находились, чтобы якобы дать им возможность умыться, а потом делали, что хотели: их истязали, били, морили голодом, подвергали различным пыткам. Морган, как генерал, должен, казалось бы, дать пример достойного обращения с пленницами, однако он сам был не лучше других, и, если привозили хорошенькую женщину, он сразу же творил с ней всяческие бесчинства. Весьма кстати поведать здесь читателю историю одной женщины, стойкость которой вошла в легенду.

Пираты, возвращавшиеся с моря, привезли с собой с островов Товаго [Табога] и Тавагилья [Табогилья] группу пленных, и среди них была жена одного богатого купца, молодая и красивая. Я не стану описывать ее красоту, а только скажу, что и в Европе краше

не было и нет никого. Ее муж отправился в Перу с товарами, и она скрывалась от пиратов со своими родственниками… Как только ее привезли к Моргану, он тотчас же приказал отделить ее от ближних и поместить вместе с рабыней в особые покои, хотя эта женщина со слезами на глазах молила оставить ее вместе со всеми. Он приказал дать ей все, что нужно, и послал ей к ужину блюда с собственного стола, хотя пищу ей и готовила рабыня. Сперва эта женщина сочла все эти знаки внимания проявлением благородного нрава Моргана, и она была очень удивлена этим и решила было, что пираты вовсе не такие злодеи, как о том ей говорили другие испанские женщины… Морган каждый день заходил в церковь, где содержались пленники, и проходил мимо помещения, где находилась эта женщина, здоровался с ней и иногда даже занимал разговором (он довольно хорошо говорил по-испански); Морган обещал дать ее друзьям и родственникам свободу, — словом, все шло, казалось бы, как подобает. Так продолжалось три дня, а затем он попытался ее обесчестить и предложил ей стать его наложницей, за что посулил разные драгоценности. Женщина эта была весьма добродетельна, она его поблагодарила и сказала, что находится в его власти; но сперва она думала, что он человек порядочный, и не предполагала, будто его благородству скоро придет конец; она сказала, что представить себе не может, как это у него появилась такая мысль, тем более что командиру столь сильного войска не следует подобные требования предъявлять к человеку, жизнь которого полностью в его руках. Эти слова не могли угасить все более и более распалившегося вожделения Моргана, он еще настойчивее стал добиваться своего, обещая ей возвратить все потерянное богатство… Но она отклоняла все его предложения со всей учтивостью, на которую только была способна. Однако Морган, не добившись ничего по-хорошему, решил применить силу, но она сказала, что достанется ему только мертвой. После этого она окончательно умолкла. В конце концов сопротивление этой женщины так разозлило Моргана, что он приказал перевести ее в другое помещение и запретил кому бы то ни было приходить к ней. Он приказал также отнять у нее платье и давать лишь столько пищи, чтобы она не умерла с голоду. Но она нисколько от этого не опечалилась и проявляла такую же стойкость, моля Бога, чтобы он дал ей силы выдержать издевательства Моргана. Но Морган обращался с ней невероятно жестоко под тем предлогом, что она якобы переписывается с испанцами и однажды будто бы послала к ним раба с письмом. Я никогда не предполагал, что женщина может вести себя с такой стойкостью; сам я ее не видел и не беседовал с ней, хотя изредка тайно

приносил ей немного еды. Скажу еще, что она испытала затем много бед не только от врагов, но и от своих друзей».

Можно ли верить этому рассказу Эксквемелина? Сам Морган всегда отрицал свое участие в издевательствах над пленными. Главный хирург экспедиции Ричард Браун, который никогда не скрывал жестоких подробностей флибустьерских деяний, говоря об адмирале, признавал, что «он был достаточно благороден в отношении побежденного врага».

В «Правдивом отчете…» пребывание флибустьеров в Панаме описано предельно кратко:

«Здесь, в этом городе, мы провели двадцать восемь дней, совершая постоянные вылазки на врага по суше в радиусе около двадцати лиг, не получив ничего, кроме одного выстрела в нас из мести, хотя мы захватили в это время около трех тысяч пленных разного сорта, а также задержали барки, крейсируя в Южном море и вывозя пленных с Тобоги [Табоги] и других островов близ того побережья, на которые испанцы бежали вместе со своими семьями».

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПОРТ-РОЙЯЛ

Проведя в Панаме больше трех недель и «добросовестно разграбив все, что попадалось ему под руку на воде и на суше», Морган отдал приказ готовиться к уходу. Каждому отряду было поручено достать мулов, чтобы перевезти добычу в Вента-де-Крусес, а затем по реке Чагрес — в крепость Сан-Лоренсо. «Тем временем, — сообщает Эксквемелин, — около ста пиратов Моргана стали готовить к отплытию корабль, который стоял в гавани; пиратам хотелось еще кого-нибудь ограбить в этих водах, и, кроме того, они рассчитывали захватить большой корабль и на нем возвратиться через Восточные Индии в Европу. Для этого они запаслись всевозможным боевым снаряжением, порохом и пулями, мукой и хлебом, взяв даже бронзовые пушки на тот случай, если под руку подвернется какой-нибудь остров, где можно будет сделать роздых. Их приготовления увенчались бы успехом, если бы об этом не узнал сам Морган. Он приказал срубить на этом корабле мачты и сжечь их, то же самое сделать и с барками, которые стояли неподалеку; таким образом, все планы этих пиратов были сорваны».

По мнению Питера Эрла, адмирал не хотел, чтобы дезертиры опозорили его имя; все, кто ушел с ним в поход из Порт-Ройяла, должны были вернуться с ним назад.

Когда привели мулов, Морган велел заклепать все трофейные орудия и сжечь лафеты, после чего потребовал от испанцев выкуп за женщин, детей и негров-рабов, а также за тех монахов, «которые были оставлены в качестве заложников за всех их собратьев». Голова каждого пленного испанца была оценена в 150 песо.

За два дня до выхода из города особый отряд отправился в сторону реки Чагрес на разведку. Ширились слухи, будто президент Панамы «собрал большие силы и устроил много засад, с тем чтобы отрезать пиратам путь к отступлению». Однако тревога оказалась ложной. Разведчики, вернувшись к Моргану, сообщили, что не обнаружили никаких засад. Пленники, которых они привели с собой, признались, что дон Хуан «хотел собрать большой отряд, однако все разбежались и его замысел не осуществился из-за нехватки людей».

14 (24) февраля 1671 года войско Моргана вышло из Панамы, ведя за собой 175 мулов с грузом ломаного и чеканного серебра, а также заложников — от пятисот до шестисот мужчин, женщин, детей и рабов. В селении Вента-де-Крусес адмирал сообщил пленникам, что они должны уплатить выкуп в трехдневный срок,

иначе он заберет их с собой на Ямайку. Тем временем часть флибустьеров принялась заготавливать рис и маис.

Из «Правдивого отчета…»:

«Четырнадцатого февраля мы покинули Панаму и начали наш марш к нашим кораблям со всеми нашими пленными и на следующий день примерно в два часа пополудни прибыли в Вента-Крус, который расположен примерно в пятнадцати английских милях. Здесь мы оставались, восстанавливая наши силы, до двадцать четвертого числа, дав испанцам возможность выкупить пленных».

Из других источников известно, что, находясь в Вента-де-Крусес, флибустьеры захватили еще полторы сотни пленников, за которых также потребовали выкуп.

«Вскоре Морган созвал своих людей и потребовал от них, по старому обычаю, дать клятву… что никто не утаит ни шиллинга, будь то серебро, золото, серая амбра, алмазы, жемчуг или какие-нибудь другие драгоценные камни, — продолжает делиться своими воспоминаниями Эксквемелин. — Правда, бывали случаи, когда люди давали ложную клятву; чтобы предупредить подобные происшествия, он после того, как дана была клятва, обыскивал пиратов, причем обыску подвергались все до единого. Товарищи Моргана, и в частности капитаны, которым он сообщил о своем намерении, нашли, что обыск необходим. В каждом отряде был выделен человек для этой цели. Морган приказал обыскать и себя самого, а также всех капитанов, и чаша эта никого не миновала. Французские пираты были недовольны, однако их было меньше и им пришлось смириться с обыском, хотя им было ведомо, что Морган именно французов подозревал в утайке ценностей. После того как все были обысканы, пираты сели на каноэ и на корабль, стоявшие на реке, и… прибыли в крепость Чагре, где всё в общем было в порядке, плохо приходилось лишь раненым, которые вернулись туда после боя. Большая часть из них умерла от голода; здоровые тоже чувствовали себя довольно плохо…

Когда Морган со своим отрядом прибыл в Чагре (26 февраля по юлианскому календарю. — *В. Г.),* он решил, что лучше всего здесь и разделить награбленную добычу; провиант уже кончился. Поэтому сделали так: по совету Моргана отправили корабль в Пуэрто-Бельо, чтобы… потребовать выкуп за крепость Чагре. Спустя два дня люди с этого корабля привезли известие, что испанцы не помышляют ни о каком выкупе. На следующий день каждый отряд получил свою часть добычи, чуть побольше или чуть поменьше той доли, которую выделил Морган; каждому досталось подвести пиастров.

Слитки серебра оценивали в десять пиастров за штуку,

драгоценности пошли буквально за бесценок, и много их пропало, о чем Морган предупредил пиратов. Заметив, что дележ этот вызвал у пиратов недовольство, Морган стал готовиться к возвращению на Ямайку. Он приказал разрушить крепость и сжечь ее, а бронзовые пушки доставить на борт своего корабля; затем (6 марта по юлианскому календарю. — *В. Г.)* он поставил паруса и без обычных сигналов вышел в море; кто хотел, мог следовать за ним. За Морганом пошли лишь три, а может быть, четыре корабля, на которых были его единомышленники… Французские пираты погнались за ним на трех или четырех кораблях, рассчитывая, если догонят, совершить на них нападение. Однако у Моргана были изрядные запасы всего съестного, и он мог идти без стоянок, что его врагам было не под силу: один остановился здесь, другой — там ради поисков себе пропитания, иначе они не могли бы добраться до Ямайки».

Согласно более поздним оценкам, добыча, взятая Морганом в Панаме и доставленная в Порт-Ройял, могла стоить шесть миллионов эскудо. Сам Морган оценил ее лишь в 30 тысяч фунтов стерлингов. По сведениям Ричарда Брауна, серебро и другая ценная добыча стоили около 70 тысяч фунтов стерлингов, не считая иных богатых товаров, но людей «обманули на очень большую сумму» — на каждого пришлось всего по 10 фунтов стерлингов, не считая негров-рабов (по данным сэра Томаса Линча, флибустьеры доставили из Панамы на Ямайку от четырехсот до пятисот негров, которые могли быть проданы по цене 80 песо «за голову»). Некоторые источники указывают, что после дележа рядовые участники похода получили примерно по 15–18 фунтов стерлингов. Как бы там ни было, самый грандиозный поход флибустьеров Вест-Индии принес им весьма скромный доход.

В крепости Сан-Лоренсо командиры заставили рядовых участников похода признать, что они довольны результатами дележа добычи. Как заметил Ричард Браун, «мы вынуждены были либо удовлетвориться полученным, либо быть закованными в цепи».

Мятежные настроения в войске, особенно среди французов, нашли отражение в постановлении военного совета, собранного Морганом на развалинах Сан-Лоренсо. На заседании присутствовали контр-адмирал Эдвард Коллир, полковник Бледри Морган, капитаны Ричард Норман, Томас Харрисон и Роберт Деландер и секретарь адмирала Джон Пик. Последний записал в протоколе:

«24 марта 1670 года (дата ошибочная; очевидно, 4 марта 1671 года. — *В. Г.),* в штаб-квартире на руинах крепости Чаг-ре.

На совете, собранном по приказу адмирала и генерала Моргана, было единогласно решено, что зачинщиками беспорядков и склонности к мятежу, которые проникли на флот, являются прежде всего французы; нижеподписавшиеся пришли к выводу, что для предотвращения несчастья и посрамления оружия его всемилостивейшего величества, уполномоченными солдатами и верными подданными коего мы являемся, необходимо, дабы те, кто относит себя к англичанам, немедленно отделились от иностранцев, буканьеров и отъявленных авантюристов и тотчас отправились к его превосходительству сэру Томасу Модифорду, губернатору Ямайки и верховному адмиралу в этих морях, и доложили его превосходительству обо всех и каждом из наших деяний, дабы они могли быть представлены его всемилостивейшему величеству для королевского одобрения.

Подписали члены совета.

Джон Пик, секретарь».

После этого, спасаясь от мятежников, Морган с несколькими офицерами поднялся на борт корабля «Мейфлауэр», принадлежавшего погибшему капитану Джозефу Брэдли, и взял курс на Ямайку. Их сопровождали Лауренс Принс на «Пирле», Джон Моррис на «Долфине» и Томас Харрисон на «Мэри».

Даже спустя год после описанных событий флибустьеры, по данным сэра Томаса Линча, «ужасно бранили» Моргана за то, что он заставил их «страдать от голода, обманул и сбежал». Ричард Браун писал, что голода, охватившего рядовых участников похода на пути из Панамы в Сан-Лоренсо-де-Чагрес, можно было избежать, если бы командиры погрузили на мулов достаточный запас продовольствия, а не «серебро и другие продукты грабежей стоимостью около 70 тысяч ф. ст., не считая иных богатых товаров, и не обманули солдат на очень большую сумму». Он также отметил, что из тридцати семи судов, отправившихся с Морганом в «эту несчастную экспедицию», 19 судов рассеялись и пропали навсегда, а до Ямайки смогли со временем добраться не более десяти.

Браун вообще недоумевал, что подтолкнуло «наших грандов» отправить такой большой флот по такому ничтожному поводу, как действия капитана «жалкого маленького 8-пушечного испанского боевого судна, который пришел хвастливо на эти берега с каперской грамотой от королевы Испании… взял одно суденышко… сжег 4 или 5 домов и забрал около 30 свиней… а потом и сам был захвачен со своим кораблем». Мы, продолжает он, за один час нанесли испанцам больше вреда, чем они нам —

за семь лет; потери, которые они получили от нас в Панаме, просто невероятны, а «единственной причиной раздоров были испанское золото и серебро».

Морган вернулся в Порт-Ройял с четырьмя судами 12 (22) марта. Через некоторое время пришли еще шесть судов. 20 (30) апреля адмирал составил отчет о панамской экспедиции, который был передан губернатору и Совету Ямайки. 31 мая (10 июня) в Спаниш-Тауне состоялось заседание ямайского совета. В протоколе заседания записано:

«В Совете, созванном в Сант-Яго-де-ла-Веге [Спаниш-Тауне] 31 мая 1671 года. Присутствовали: его превосходительство сэр Томас Модифорд, губернатор; подполковник Джон Коуп, подполковник Роберт Бринолосс [Биндлосс], подполковник Уильям Айви, майор Чарлз Уитфилд, майор Энтони Коллир и капитан Генри Моулзвёрт.

Адмирал Генри Морган представил отчет об экспедиции на Панаму губернатору и Совету, которые весьма благодарили его за выполнение его последнего поручения и весьма одобрили его действия.

Это точная копия протокола.

Чарлз Аткинсон, клерк Совета».

Совершенно иначе итоги панамского похода оценили его рядовые участники, а также их кредиторы и родственники. Год спустя Ричард Браун писал секретарю Джозефу Уильямсону, что «во времена сэра Томаса Модифорда» на Ямайке «было очень много жалоб на адмирала Моргана, Коллира и других командиров, но ничего нельзя было сделать, и лишь с прибытием [нового губернатора] сэра Томаса Линча они вернулись к законности. Командиры осмеливаются появляться [на людях] лишь изредка; вдовы, сироты и оскорбленные жители, которые возлагали такие большие надежды на сей славный проект, теперь разорены из-за ухода приватиров».

Но гораздо более ужасные последствия поход Моргана имел для жителей Панамы и окрестностей. Дон Франсиско де Маричалар, занявший в октябре 1671 года пост исполняющего обязанности президента Панамы, с горечью писал королеве: «Коротко говоря, Ваше Величество, это королевство находится в таком плачевном состоянии, что вы не можете себе даже представить: жители наги, бедны, без еды и все больны. Со времени вторжения случилось столь много смертей, что, как меня заверили, умерло более трех тысяч человек».

7 (17) ноября того же года в Панаме судили бывшего президента дона Хуана Переса де Гусмана. Его обвиняли в

провале военной кампании на реке Чагрес, в поражении под стенами Панамы и в приказе сжечь город, чем был нанесен ущерб в размере от 11 до 18 миллионов песо. Защитником дона Хуана выступил опытный юрист дон Франсиско Хаймес. Он умело подорвал доверие судей к ключевым свидетелям, таким как капитан Франсиско Гонсалес Саладо, лейтенант Луис де Кастильо и генеральный прокурор дон Франсиско де Валье (последний слыл личным врагом опального президента). Все 13 пунктов обвинения были разбиты Хаймесом в пух и прах. 10 (20) февраля 1672 года дон Хуан был полностью оправдан. Он умер спустя три года в Мадриде — униженным, но отстоявшим свою честь.

РЕАКЦИЯ ЕВРОПЫ НА СОЖЖЕНИЕ ПАНАМЫ

Разграбление Панамы получило широкий резонанс не только в Вест-Индии, но и в Европе. Одно из первых сообщений об этом событии опубликовала газета «Голландский Меркурий» в апреле 1671 года. Она поместила перевод письма, которое комендант Портобело отправил губернатору Картахены.

На Пиренейский полуостров первое сообщение о том, что «англичане под командованием Моргана» взяли Панаму, доставил из Картахены капитан Себастьян Дуран. Это случилось 26 мая (5 июня), когда его судно бросило якорь в порту Лиссабона. Португальцы были рады узнать, что их давний враг и сосед посрамлен британцами. Английский консул в португальской столице сообщал в одной из своих депеш: «Они говорят, что король Англии способен завоевать весь мир, ибо для англичан нет ничего невозможного».

В испанской столице о разорении Панамы узнали 1 (11) июня. Английский посол сэр Уильям Годолфин доносил в Лондон: «Я не могу описать, какой эффект эта новость произвела в Мадриде». По его словам, королева-регентша была «в таком дурном расположении духа, так рыдала навзрыд и металась в ярости, что те, кто был рядом с ней, боялись, как бы это не сократило ей жизнь». Она часами молилась, не вставая с колен, и вся страна погрузилась в траур. Англо-испанский договор, подписанный 8 (18) июля 1670 года, оказался под угрозой срыва.

Годолфин, стараясь успокоить испанских министров, уверял, что его монарх не причастен к «недавнему инциденту в Америке». В гневном письме лорду Арлингтону он обращал его внимание на то, что равновесие сил в Европе нельзя подвергать риску ради того, чтобы набить пиастрами разбойничьи кошельки.

Если сравнить дивиденды от разграбления Панамы и уступки, сделанные испанской короной англичанам по Мадридскому миру 1670 года, то станет понятно, что гораздо большую ценность для Англии имели статьи упомянутого договора. Статья VII гласила: «Все обиды, потери, убытки и оскорбления, которые английская и испанская нации… претерпели друг от друга когда-либо в прошлом в Америке, должны быть преданы забвению и совершенно стерты из памяти, словно их никогда и не было. Кроме того, договорено, что светлейший король Великобритании, его наследники и преемники будут удерживать и вечно владеть… всеми землями, районами, островами, колониями или

доминионами, расположенными в Вест-Индии или в любой иной части Америки, которые король Великобритании и его подданные в настоящее время удерживают».

Таким образом, Испания впервые официально признала Ямайку английским владением.

Хотя статья VIII договора запрещала английским и испанским подданным свободно торговать друг с другом в Вест-Индии, следующая, IX статья, по словам Годолфина, «оставляла двери открытыми». Она предусматривала пожалование купцам обеих наций лицензий на право торговли в английских и испанских владениях. Кроме того, статья X разрешала кораблям обеих наций в случае непогоды или поломки заходить в порты друг друга, где капитаны могли производить ремонт и переоснастку своих судов, а также запасаться провизией и дровами.

21 июня (1 июля) 1671 года посол Венеции в Испании Карло Контарини писал дожу и сенату:

«Серьезная потеря Панамы сопровождается острым чувством горечи, охватившим часть здешнего правительства, превосходящим привычные характеристики этой нации, в коих возвеличиваются ее доходы и ничего не говорится о потерях. На днях был созван Государственный совет, на котором присутствовала сама королева. На нем граф Пеньяранда, председатель Совета по делам Индий, ворчливым тоном и с печальным выражением лица доложил о потерях, понесенных короной с тех пор, как он занял сей пост. Он сообщил об огромном напряжении, возникшем из-за этого величайшего несчастья, которое, если его не излечить, принесет еще большие убытки. Он посетовал на неблагосклонность к нему судьбы и жаловался, что дополнительные энтузиазм и энергия, которые он проявил в своих действиях, несомненно, более значимы, чем они представляются в свете происшедших событий. Последние статьи договора с англичанами были нацелены на установление постоянных и безопасных отношений в Америке. Но вместо сохранения доверия и соблюдения их целостности он теперь видит их разорванными и нарушенными…»

Годолфин продолжал уверять двор в Мадриде, что его король не причастен к разорению Панамы. 9 (19) августа он имел аудиенцию у королевы, во время которой энергично убеждал ее, что король Карл удручен случившимся. В то же время, следуя инструкциям лорда Арлингтона, посол добавил, что, если испанцы предпримут враждебные действия против англичан и попытаются захватить Ямайку, король Великобритании «будет вынужден отомстить за это».

В условиях, когда Испания не располагала средствами для

ведения войны против Англии, королева взяла себя в руки и ответила Годолфину, что удовлетворена заверениями короля Карла о его непричастности к панамскому инциденту.

Графде Молина, вернувшийся послом в Англию, потребовал от британского правительства суда над Морганом. Карл готов был пойти на уступки испанской стороне. Впрочем, всю вину за сожжение Панамы он возложил не на командующего и участников панамской экспедиции, а на Модифорда.

Новым вице-губернатором Ямайки еще 23 сентября (3 октября) 1670 года был назначен протеже графа Карлайла полковник Томас Линч (в декабре он был торжественно возведен в рыцари и стал сэром Томасом Линчем). Петиция Совета Ямайки, купцов и плантаторов о продлении полномочий Модифорда была проигнорирована. В начале января 1671 года король подписал инструкции Линчу, к которым прилагались королевский указ о его назначении и документ, отменяющий губернаторские полномочия Модифорда. Однако из-за бюрократических проволочек новый вице-губернатор смог получить все необходимые документы лишь в конце зимы, в Вест-Индию отплыл в апреле, а в Порт-Ройял прибыл с двумя военными кораблями — «Эсистенс» и «Уэлкам» — 25 июня (5 августа).

На причале измученных долгим переездом Линча и его семью приветствовали Модифорд и Морган. Затем новый правитель Ямайки был приглашен на официальный обед в дом Модифорда, где присутствующим зачитали королевскую прокламацию об отставке прежнего губернатора. В письме лорду Арлингтону вице-губернатор заметил: «Люди были не очень довольны».

28 июня (8 августа) в Сантьяго-де-ла-Веге (Спаниш-Тауне) состоялось заседание Совета Ямайки, на котором было решено «немедленно объявить, что все, сделанное в рамках закона, изданного от имени сэра Томаса Модифорда, остается в силе до следующего верховного суда и что все мировые судьи должны продолжать исполнять свои обязанности в силу их поручений от сэра Томаса Модифорда, пока новые поручения не будут выданы».

В приватной инструкции король предписывал Линчу, что, «как только он возьмет под свой контроль управление и форт [форт Чарлз], во избежание каких-либо осложнений… ему необходимо арестовать сэра Томаса Модифорда и отправить домой под усиленной охраной, поскольку вопреки ясным распоряжениям короля он совершил многие преступные и враждебные акции против подданных доброго брата Его Величества — Католического Короля».

В вину Модифорду могли поставить не только поощрение

антииспанских экспедиций в те годы, когда на официальном уровне в англо-испанских отношениях наметилось потепление, но и утаивание от короны значительной части доходов от каперства. Отчеты самого губернатора о доходах и расходах Ямайки с 4 (14) июня 1664 года по 25 июня (5 июля) 1671 года, включая отчет о «пятнадцати процентах с призов в пользу Его Величества», показывают ничтожно малые поступления от захваченной флибустьерами добычи. Специальный отчет о призах охватывал период с 20 (30) августа 1665 года по 17 (27) ноября 1667 года. В нем доля короля была оценена в 858 фунтов стерлингов 18 шиллингов и 3 пенса, что явно мало, учитывая активность флибустьеров в указанное время. Бухгалтер Модифорда Кэри Хиляр показал под присягой, что «отчет о пятнадцати процентах точно соответствует записям адмиралтейского суда», но это лишь усилило недоверие правительства как к отчетам, славшимся с острова, так и к деятельности адмиралтейского суда Ямайки. Еще более удивительным было утверждение Хиляра о полном отсутствии доходов от призов за период с 1668 по 1671 год, когда Морган совершил свои самые масштабные походы.

Модифорд и Морган догадывались, что их могут взять под стражу в любой момент, но оба держались молодцами, не проявляя и тени страха. Более того, Модифорд в течение следующих шести недель оказывал Линчу всяческую помощь в управлении делами колонии, а когда новый глава ямайской администрации заболел подагрой, великодушно предоставил ему жилье в собственном доме.

В мае 1671 года Чарлз Модифорд, сын опального губернатора, был арестован в Лондоне и заточен в королевскую тюрьму Тауэр в качестве «дополнительной гарантии» доставки его отца в Англию. В начале августа, когда эта новость достигла Ямайки, Линч понял, что настало время исполнить приказ его величества. 12 (22) августа он заманил сэра Томаса Модифорда на борт фрегата «Эсистенс» под предлогом, что хочет «кое-что передать ему от короля». Там в присутствии капитана Джона Хаббарта и четырех членов Совета Ямайки экс-губернатору показали указ о его аресте в наказание за то, что, вопреки строгим указаниям из Лондона, он санкционировал антииспанские действия флибустьеров.

Модифорд встретил эту новость с величайшим достоинством, выразив лишь удивление по поводу бестактного способа его ареста и заверив, что «мог продемонстрировать свое послушание добровольным подчинением воле Его Величества». Линч, смутившись, тут же сообщил арестованному, что лорд Арлингтон гарантировал его личную безопасность и неприкосновенность

всего его имущества; просто, в угоду испанцам, необходимо было «проявить некоторую мстительность за столь несвоевременные набеги».

Несмотря на опасения Линча, никто не встал на защиту Модифорда и не предпринял попытки его освободить. Морган не присутствовал при аресте своего патрона — в это время он находился у себя дома, страдая от тропической лихорадки, которой заболел еще на Панамском перешейке.

15 (25) августа в Порт-Ройяле состоялось очередное заседание Совета Ямайки, на котором были зачитаны письма и инструкции короля по поводу взятия под стражу и отправки в Англию сэра Томаса Модифорда.

Через несколько дней опального губернатора переправили на борт торгового судна «Джамайка мерчент», которым командовал капитан Джозеф Напмен. Присматривать за Модифордом должны были 12 военных моряков во главе с лейтенантом, специально переведенные для этого с фрегата «Эсистенс». 22 августа (1 сентября) судно Напмена покинуло гавань Порт-Ройяла, взяв курс на Англию.

Плавание через Атлантику прошло без эксцессов. В ноябре сэр Томас Модифорд был помещен в Тауэр, где провел более двух лет; впрочем, содержался он там с должным уважением и совершенным комфортом.

ТРИУМФ В ЛОНДОНЕ. ВОЗВЕДЕНИЕ МОРГАНА В РЫЦАРИ

Известный английский писатель, коллекционер и мемуарист Джон Ивлин, введенный в состав Совета по делам заморских плантаций, записал в своем дневнике, что 29 июня (9 июля) 1671 года на заседании совета были зачитаны «письма сэра Томаса Модифорда, посвященные экспедиции и подвигу полковника Моргана и прочих людей с Ямайки на Испанском континенте в Панаме».

19 (29) августа на другом заседании упомянутого совета, согласно информации того же Ивлина, снова «были зачитаны письма сэра Томаса Модифорда, дающие изложение подвига в Панаме, каковой был весьма бравым; они взяли, сожгли и разграбили город громадных сокровищ, хотя лучшая часть богатства была увезена на корабле и находилась на какой-то якорной стоянке в Южном море; после того как наши люди разорили страну на шестьдесят миль вокруг, они вернулись в Номбре-де-Дьос (в крепость Сан-Лоренсо-де-Чагрес недалеко от Номбре-де-Дьоса. — *В. Г.)* и погрузились на суда, чтобы идти на Ямайку. Подобной акции не было со времен знаменитого Дрейка».

Пока члены правительства и лондонские обыватели обсуждали бравые деяния адмирала Моргана на Испанском Мейне, сам «виновник торжества» все еще оставался на Ямайке, со дня на день ожидая приказа о своем аресте.

21 сентября (1 октября) на заседании Совета Ямайки была зачитана петиция Джорджа Холмса, адресованная губернатору и совету. В британском «Календаре государственных бумаг» записано: «Сей петиционер поручил некоему Хамфри Фёр-стону, командиру его корабля “Порт-Ройял”, имевшего водоизмещение 30 тонн, идти в залив Кампече за кампешевым деревом, но Фёрстон, вопреки его указаниям, превратил судно в боевой корабль, захватил испанский корабль в 40 тонн, нагруженный шелком, вином, новым испанским сукном, а также другими товарами… В январе он присоединил корабль к флоту, отправлявшемуся в Панаму, и, после беседы с адмиралом Генри Морганом, отплыл с этим флотом к Чагресу, где, идя следом за адмиральским кораблем на реку, Фёрстон был занесен на буруны и сел на мель; но, хотя адмирал получил 1000 ф. ст. [компенсации] за свой корабль и пообещал возместить потери всем другим, которые потеряли корабли, в соответствии со

статьями, подписанными с согласия самого адмирала, капитана Эдварда Коллира, капитана Лауренса Принса, капитана Томаса Хейнса и других, петиционер так и не получил компенсации; молит, чтобы названный адмирал предстал перед их милостями, дабы дать ответ по этому делу. Решено, что адмирал Морган должен явиться на следующее заседание Совета, чтобы ответить доктору Холмсу на оное, дабы все было сделано по закону и справедливости».

К сожалению, документы умалчивают о том, чем закончилась данная тяжба. Скорее всего, друзья адмирала «уговорили» Холмса отозвать заявление и не искать неприятностей на свою голову.

Следуя инструкциям его величества, сэр Томас Линч объявил о запрещении каперства и амнистии тем флибустьерам, которые добровольно сдадутся властям. В королевских инструкциях, полученных им, указывалось, что «для лучшего поощрения всех капитанов, офицеров и моряков, приписанных к каким-либо приватирским судам, находящимся в настоящее время на морях Америки, прийти и приобщиться к земледелию и торговле, вы должны немедленно после опубликования мирного договора объявить всеобщую амнистию и прощение тем из них, кто придет и подчинится нашему правительству (в пределах такого разумного срока, каковой вы определите по согласованию с Советом)… за все преступления и нарушения, совершенные ими с июня 1660 года до опубликования упомянутого мира». Линч должен был заверить флибустьеров, что «они будут всецело владеть теми вещами, каковые будут находиться в их распоряжении на момент опубликования упомянутого мира, за исключением десятой и пятнадцатой частей добычи», причитающихся лорду-адмиралу и королю. А тех флибустьеров, которые откажутся подчиниться, необходимо было привести к покорности силой.

Приказ об аресте Моргана Линч получил в ноябре 1671 года. Тем не менее новый губернатор не рискнул взять адмирала под стражу немедленно: во-первых, тот был болен, а во-вторых, сэр Томас опасался возмущения и ухода с острова тех приватиров, которые добровольно явились туда после объявления амнистии. Отдавая должное честности и храбрости «короля» флибустьеров, губернатор в то же время не сомневался, что подчиненные ему «рыцари абордажного топора» совершили массу преступлений. Так, в декабре Линч писал в Лондон: «…если говорить о нем правду, то он — честный, храбрый малый, имел каперскую грамоту и инструкции от сэра Томаса Модифорда и Совета, которым, как они решили, он повиновался и следовал столь прилежно, что они объявили ему публичную благодарность,

каковая отмечена в книгах Совета. Однако надо признать, что приватиры совершили различные варварские деяния, которыми усугубили вину своего вице-адмирала».

Несмотря на болезнь, Морган, по всей видимости, присутствовал на свадьбе третьей дочери покойного сэра Эдварда Моргана. Регистры прихода Сент-Кэтрин показывают, что 30 ноября (10 декабря) 1671 года Йоханна Вильгельмина вышла замуж за старого полковника Генри Арчболда, члена Совета Ямайки и владельца одной из крупнейших плантаций на острове.

27 января (6 февраля) 1672 года в письме сэру Джозефу Уильямсону Линч сообщал, что собирается отправить «адмирала Моргана» в Англию на борту фрегата «Уэлкам». Но сделать это удалось лишь весной. 4 (14) апреля Линч передал капитану Джону Кину, командовавшему упомянутым фрегатом, приказы и инструкции следующего содержания: «Немедленно отплыть в Англию, взяв под охрану “Лайон оф Бристол”, кеч “Голден хайнд”, пинк “Провиденс оф Лондон” и доггербот “Джоанна”; достигнув первого же порта в Англии, доставить на берег письма и сообщение лорду Арлингтону о своем прибытии; взять на борт полковника Генри Моргана в качестве заключенного Его Величества; забрать у капитана “Эсистенса” [флибустьерского вожака] Фрэнсиса Уизерборна и содержать под стражей своего заключенного до получения высочайшего повеления».

Один из членов Совета Ямайки, генерал-майор Джеймс Баннистер, передал Моргану письмо для лорда Арлингтона, в котором дал узнику весьма лестную характеристику: «Податель сего, адмирал Морган, отправляется домой на фрегате “Уэлкам”, чтобы отчитаться, как предполагается, за свои действия против испанцев. Я не знаю, найдет ли он там одобрение, но здесь за свою благородную службу он получил громкие и почетные аплодисменты как со стороны сэра Томаса Модифорда, так и со стороны Совета, выдавших ему каперское поручение. Я надеюсь, без обид могу сказать, что он — очень достойный человек, невероятно храбрый и способный вести за собой, который может, будь на то воля Его Величества, хорошо служить обществу на родине или быть весьма полезным этому острову, если война с испанцами вдруг вспыхнет снова. Я прошу помощи у Вашей светлости, чтобы он мог получить поддержку со стороны Его Величества в этом деле, и тем самым Ваша светлость сможет рассеять сомнения членов [Тайного] Совета, которые могут возникнуть у них относительно его каперского поручения».

Хирург Ричард Браун тоже хотел отправиться в Англию на борту «Уэлкама», уверяя, что «адмирал Морган обещал взять его с собой», но в последний момент Линч запретил ему покидать

Ямайку и велел капитану Кину не пускать его на корабль. В письме госсекретарю Уильямсону обиженный Браун писал: «Я не считаю себя чем-либо обязанным адмиралу Моргану, поскольку, если бы он сдержал свое слово, я бы уехал; дай Бог, чтобы он смог найти хотя бы несколько таких преданных друзей, как я, но золото в его кармане, принадлежащее мне и другим [участникам панамской экспедиции], может кое-что сделать».

Через пару дней «Уэлкам» снялся с якоря и, салютовав форту Чарлз, вышел из гавани Порт-Ройяла в открытое море. Его путь лежал сначала на запад, к островам Кайман и кубинскому мысу Сан-Антонио. Затем, подхваченный Гольфстримом, он прошел Флоридским проливом в северном направлении и, оставив за кормой побережье Америки, направился через неспокойные воды Атлантического океана к родным берегам. Спустя три месяца он был уже в Англии.

4 (14) июля капитан Кин писал из Спитхэда, что двое заключенных — Морган и Уизерборн — все еще находятся на борту его фрегата, «но очень измучены своим долгим заключением, особенно полковник Морган, который весьма болен».

Спустя некоторое время капитан Кин получил с нарочным пакет, запечатанный королевской печатью. Высочайшее указание гласило: «Полковника Моргана отпустить на берег под честное слово. Жительство иметь в Лондоне на собственный счет».

Влиятельные друзья не оставили Моргана без поддержки. В августе госсекретарь Уильямсон получил письмо от Уильяма Моргана, заместителя лейтенанта в графстве Монмут, «желавшего, чтобы он благосклонно отнесся к полковнику Генри Моргану с Ямайки, [моему] родственнику и бывшему соседу, высланному за неправильное поведение на испанской территории на службе у Его Величества, ибо я располагаю весьма положительными отзывами о нем; предпринимая недавние действия в отношении Панамы, он вел себя так благоразумно, верно и решительно, как и следовало ожидать; и после возвращения его служба была отмечена тамошним губернатором и Советом, которые объявили ему благодарность; все добрые люди были бы обеспокоены, если бы человек такой преданности и ревностного служения делу Его Величества в тех краях был низвергнут за неимением друзей, готовых ему помочь».

Страстные призывы друзей Моргана были услышаны. Молодой сэр Кристофер Монк, второй герцог Альбемарль, оказал Моргану протекцию. «В свои девятнадцать лет, — писал Жорж Блон, — герцог был богат, как Крез, верховодил светскими львами и явно не стремился получить приз за добродетель и

благонравие. В Лондоне нельзя было найти человека, более подходящего… Моргану, чем этот способный юноша».

Единственная реальная угроза для «короля» флибустьеров исходила от испанского посла: даже если Морган и не знал о Мадридском мире, его каперское свидетельство не давало ему права вести военные действия на суше и разорить Панаму. Однако защита Моргана обращала внимание министров двора на фразу в его поручении, выданном Советом Ямайки, где прямо говорилось о том, что он получает «полномочие высадить во вражеской стране столь много своих людей, сколь он сочтет необходимым, и с ними отправиться к таким местам, в которых, по его данным, будут находиться… склады и войска; и тогда, соответственно, брать, уничтожать и рассеивать их; и, наконец, совершить всеми доступными способами подвиги, которые будут служить сохранению и спокойствию этого острова, что является главным интересом Его Величества в Индиях».

Один из министерских секретарей заметил, что, маршируя и вступая в бой организованным военным строем, Морган тем самым «присвоил себе привилегии армии Его Величества» и осуществил официальный акт войны. Морган ответил, что он лишь завершил работу, начатую в Портобело, и предотвратил будущие нападения испанцев на английские корабли и Ямайку, надеясь, что это будет «война ради окончания войны». «Рассадницу чумы» Панаму необходимо было уничтожить, чтобы положить конец испанской агрессии.

Его также спросили, почему он не поверил испанцам, когда они сказали, что между их странами подписан мир. Морган ответил, что он не верил никому, кто говорил ему об этом.

И добавил, что ни за что не поверил бы этому, поскольку весь его прежний опыт подсказывал ему, что испанцы были лжецами.

— Ай ловкач! — рассмеялся король.

Морган стал невероятно популярным среди британцев, особенно в столице. Он был душой любой компании как в городских тавернах, так и при дворе. Герцог Альбемарль и герцог Монмут находились в числе его друзей и собутыльников.

Можно не сомневаться, что король получил неплохой доход от приватирских экспедиций Моргана. Немало досталось и его брату герцогу Йоркскому, занимавшему пост лорда-адмирала Англии.

Карл II провел консультации с братом и членами так называемого «министерства КАБАЛ» *(CABAL Ministry)* — лордами Клиффордом, Арлингтоном, Бекингемом, Эшли и Лодердейлом. Они полагали, что в условиях разгоревшейся третьей англо-голландской войны сохраняется риск потери Ямайки. Нужно было

вернуть Моргана на остров для восстановления спокойствия колонистов и укрепления береговой обороны.

Вердикт судей, рассматривавших дело Моргана, был предсказуем:

— Не виновен!

Экс-флибустьер снова вышел сухим из воды, и публика была в восторге.

Через некоторое время лорд Арлингтон передал Моргану просьбу короля Карла высказать свои соображения по поводу усиления обороноспособности Ямайки. Морган охотно откликнулся на это и подготовил памятную записку, датированную 1 (11) августа 1673 года. В ней он подробно расписал, что следует предпринять для защиты острова и его морской столицы — Порт-Ройяла. В частности, он просил позволить купцам снарядить 26-пушечный корабль с необходимыми припасами и командой, насчитывающей всего 30 моряков, и выделить для его сопровождения королевский фрегат пятого ранга. На Ямайку необходимо было доставить 20 новых пушек (в том числе 10 кулеврин и 10 полукулеврин), чтобы установить их на батареях Порт-Ройяла, а также снабдить форты порохом, ядрами и иным боевым снаряжением. Этого, по мнению Моргана, было вполне достаточно для защиты гавани и складов.

20 (30) ноября король принял Моргана в Уайтхолле и подарил ему табакерку со своим изображением. После этого Морган проводил все больше времени при дворе, выискивая подходящий случай вернуться на Ямайку — там его ожидали жена, родственники и друзья.

23 января (2 февраля) 1674 года лорд Арлингтон информировал Совет по делам торговли и плантаций, что король Карл решил назначить новым губернатором Ямайки графа Карлайла, а его заместителем — Моргана. Принимая столь необычное решение, король учел «его [Моргана] преданность, благоразумие, храбрость и долгое знакомство с этой колонией».

Через два месяца Совет по делам торговли и плантаций рассмотрел проект поручения «полковнику Моргану, назначенному милостью Его Величества заместителем губернатора Ямайки и главнокомандующего этого острова». В случае отсутствия губернатора или его недееспособности Морган должен был исполнять его обязанности в полном объеме. Одновременно был рассмотрен проект инструкций Моргану, включавший три пункта: со всей возможной поспешностью вернуться назад на Ямайку; в случае отсутствия губернатора созвать совет и торжественно обнародовать как свое поручение, так и поручение генерал-губернатора, принеся присягу на

верность и верховенство, а также клятву относительно надлежащего исполнения своих полномочий; в случае отсутствия губернатора исполнять все то, что губернатор уполномочен делать в соответствии с инструкциями его величества.

По мнению Эрнеста Крейксханка, инструкции Моргану могли быть разработаны «опытной рукой философа Джона Локка, который был тогда секретарем Совета по делам торговли и плантаций».

Поскольку граф Карлайл отказался от предложенной ему должности, новым губернатором Ямайки 3 (13) апреля утвердили лорда Джона Воана.

Слухи о новых назначениях быстро разлетелись по английской столице, перенеслись через Атлантику и достигли Ямайки. В июне Уильям Бистон сделал в своем дневнике лаконичную запись: «Июня 6. Капитан Кент прибыл из Лондона с новостями, что лорд Воан приедет в качестве губернатора, а сэр Генри Морган — в качестве вице-губернатора».

Тогда же, в июне, помимо должности заместителя губернатора Морган получил назначение на должность генерал-лейтенанта «как конных, так и пеших сил Ямайки».

Осенью Морган и Модифорд были приглашены в гости к лорду Беркли. Там они познакомились с писателем Джоном Ивлином. Последний 20 (30) октября записал в своем дневнике:

«У лорда Беркли я имел беседу с сэром Томасом Модифордом, бывшим губернатором Ямайки, и с полковником Морганом, который поведал о доблестном походе от Номбре-де-Дьоса до Панамы, что на Американском континенте; он сказал мне, что 10 000 человек могли бы легко завоевать все Испанские Индии… Они взяли большую добычу, а могли бы взять гораздо больше, если бы их не рассекретили и не обнаружили еще до того, как они приблизились, из-за чего у испанцев было время перенести лучшую часть сокровищ на борт кораблей, каковые вышли в море на виду у наших людей, не имевших лодок, чтобы преследовать их. Они подожгли Панаму и разорили страну на шестьдесят миль вокруг. Испанцы были такими ленивыми и неопытными, что побоялись открыть огонь из большой пушки».

Судьба Модифорда сложилась вполне благополучно: суд не смог «доказать» его вину. Дело о «панамском инциденте» постепенно превратилось в фарс и закончилось тем, что Карл II разрешил сэру Томасу вернуться на Ямайку (где его назначили главным судьей острова), а Моргана в ноябре 1674 года возвел в рыцари и пожелал ему проявить свои лидерские качества на посту заместителя лорда Воана и генерал-лейтенанта ямайских вооруженных сил.

НА ПОСТУ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА ЯМАЙКИ. КОНФЛИКТ С ЛОРДОМ ВОАНОМ

Хотя королевским указом каперство на Ямайке было запрещено, в 70–80-е годы XVII века остров по-прежнему служил убежищем для многих английских и голландских флибустьеров. На пиратстве продолжали наживаться как продажные колониальные чиновники, так и представители деловых кругов: купцы, плантаторы, судовладельцы, содержатели гостиниц и питейных заведений. Их тайные, а порой и явные связи с пиратами подкреплялись заинтересованностью в источнике быстрого и легкого обогащения. Например, голландский флибустьер Питер Янсзоон (в английских документах — Питер Джонсон), арестованный на Ямайке в 1672 году за грабеж испанского корабля и уничтожение его команды, был признан невиновным и, по словам сэра Томаса Линча, «через полчаса явился в таверну выпить со своими судьями». Линчу пришлось снова арестовать Янсзоона и отдать под суд. На этот раз пирата признали виновным и приговорили к смертной казни. Перед повешением голландец «усердно каялся, словно был таким набожным и таким невинным, как один из ранних мучеников».

Борьба Линча с флибустьерами происходила на фоне расцвета испанского корсарства. В 1672–1674 годах английские купцы, судовладельцы и заготовители кампешевого дерева буквально завалили короля Карла жалобами на незаконные захваты их судов испанцами в водах Юкатана и Больших Антильских островов. Ситуация усугублялась тем, что некоторые известные флибустьеры, например Йохан Йеллес и Филипп Фицджеральд, перешли на испанскую службу и принялись безжалостно разорять английскую торговлю.

В ноябре 1674 года сэр Томас Линч был официально смещен с поста губернатора без предварительного уведомления. На его место, как отмечалось, король утвердил лорда Воана, третьего и последнего графа Карбери.

Джон Воан был сыном Ричарда, второго графа Карбери, и его второй жены Фрэнсис, дочери и сонаследницы сэра Джона Элтама. Возведенный в рыцари ордена Бани в апреле 1661 года, Воан был избран членом парламента от города Кармартен (1661–1679), а затем от графства Кармартеншир (1679–1681, 1685–1687). Титул второго лорда Воана он унаследовал после смерти

своего старшего брата Фрэнсиса в 1667 году. Будучи человеком высокообразованным, лорд покровительствовал литераторам, в частности был патроном великого английского поэта и драматурга Джона Драйдена и даже написал пролог в стихах к его пьесе «Завоевание Гранады».

Назначив сэра Генри Моргана заместителем лорда Воана, король и его министры полагали, что возвращение в Вест-Индию «грозы Испанского Мейна» заставит испанцев умерить свой пыл и впредь вести себя с английскими моряками и негоциантами более вежливо.

20 (30) ноября, уже точно зная о скором прибытии Моргана на Ямайку, Линч в письме сэру Джозефу Уильямсону выразил свою обеспокоенность данным фактом: «В ближайшие два-три месяца испанцы ожидают прибытия галеонов вместе с 20 [каперскими] судами из Бискайи, Остенде и Флиссингена, которые, вероятно, займутся очисткой Индий от всех, кто тут завелся. Одной из причин их прибытия стал переполох в связи с благосклонным отношением двора к адмиралу Моргану и его возвращением в Индии, что весьма встревожило испанцев и заставило короля предпринять срочные усилия по строительству укреплений на берегах Южного моря».

31 декабря 1674 года (10 января 1675 года по григорианскому календарю) в Уайтхолле были подписаны дополнительные инструкции лорду Воану. Король поручил новому губернатору проверить достоверность сообщений о антибританских действиях испанских корсаров в Карибском море и в случае их подтверждения потребовать от испанских колониальных губернаторов, выдавших корсарам каперские грамоты, возместить английским подданным нанесенный им ущерб и наказать виновных. В случае отказа испанской стороны удовлетворить претензии пострадавших негоциантов и судовладельцев король разрешал выдать последним репрессальные грамоты против испанцев.

8 (18) января 1675 года лорд Воан и Морган отплыли из Даунса в Вест-Индию в составе одной флотилии, но в районе Форленда судно «Джамайка мерчент» (капитан Джозеф Напмен), на борту которого разместился со своим багажом сэр Генри, потеряло из виду фрегат «Форсайт», на котором путешествовали лорд Воан и его свита. Через десять дней капитан Напмен повстречал большую флотилию английских «купцов», направлявшуюся под конвоем в Средиземное море, и некоторое время шел на юг вместе с ней. Затем, повернув на юго-запад, его судно поймало устойчивые пассатные ветры и кратчайшим путем пошло через Атлантику в сторону Малых Антильских островов.

Прибыв в Карибское море, Напмен направился к восточной оконечности острова Ваш, где 25 февраля (3 марта) «Джамайка мерчент» неожиданно налетел на рифы. Команде и пассажирам удалось перебраться на берег острова, но судно было разбито волнами.

Вскоре к месту крушения подошло судно «Гифт» ямайского флибустьера Томаса Роджерса — старого приятеля Моргана, участника панамской экспедиции, крейсировавшего теперь с французским каперским свидетельством. Морган перебрался к нему на борт и 5 (15) марта благополучно прибыл в гавань Порт-Ройяла — раньше, чем туда пришел корабль лорда Воана.

6 (16) марта полномочия Моргана в качестве генерал-лейтенанта и вице-губернатора были зачитаны в Порт-Ройяле. На следующий день в Сантьяго-де-ла-Веге (Спаниш-Туане) собрался Совет Ямайки. В британском «Календаре государственных бумаг» записано:

«Протокол Совета Ямайки. Присутствовали: сэр Томас Линч, губернатор, сэр Генри Морган, полковник Чарлз Уитфидд, полковник Томас Баллард, подполковник Роберт Биндлосс, майор Энтони Коллир, Сэмюэл Лонг и Джон Уайт. После зачитывания отмены полномочий сэра Томаса Линча было признано, что сэр Генри Морган, будучи назначенным вице-губернатором в силу собственноручной подписи Его Величества… в достаточной степени облечен властью, дабы взять на себя управление [островом]; после этого сэр Томас Линч сложил с себя управление, и было приказано сразу же издать прокламацию о том, чтобы все лица, военные и гражданские, продолжали исполнять свои обязанности до дальнейшего распоряжения. После сообщения, сделанного сэром Генри Морганом по поводу крушения судна капитана Напмена на острове Ваш, было решено со всей возможной поспешностью отправить туда шлюпы и лодки, дабы спасти столько грузов Его Величества, сколько удастся».

Через четыре дня Совет острова, заседавший в Порт-Ройяле, принял постановление о передаче Моргану как главнокомандующему сухопутными и морскими силами Большой печати Ямайки.

Вечером 14 (24) марта на борту «Форсайта» в Порт-Ройял прибыл лорд Воан. Его встретили артиллерийским салютом и, как писал Морган, «устроили для него прием в Королевском доме за прекрасным ужином». Утром лорд Воан взял управление островом в свои руки, о чем свидетельствуют записи в регистрах Совета Ямайки: «Присутствовали: лорд Джон Воан, генерал-капитан и пр., сэр Генри Морган, полковник Джон Коуп, полковник Чарлз Уитфилд, подполковник Роберт Биндлосс,

подполковник Томас Фаллер, майор Энтони Коллир и Джон Уайт. Зачитаны полномочия Его Превосходительства, скрепленные Большой печатью, в силу которых Совет Его Величества также был сформирован».

Лорд Воан дал клятву верности и присягнул как генерал-капитан и верховный губернатор Ямайки, а Морган сделал то же самое в качестве вице-губернатора. Все офицеры, как военные, так и гражданские, остались на прежних постах и должны были исполнять свои обязанности «до дальнейшего уведомления».

В тот же день губернатор осмотрел фортификации Порт-Ройяла, за которые отвечал комендант Теодор Кэри, а 16 марта отправился в Сантьяго-де-ла-Вегу. Очевидец сообщает, что его сопровождали 150 всадников, рота пехотинцев, семь карет и «лучшие люди» Ямайки. В столице острова губернатора встретили еще две роты пехотинцев, после чего Воан был приглашен на ужин в дом сэра Томаса Модифорда.

На заседании Совета Ямайки, состоявшемся 29 марта (8 апреля), бывшего губернатора попросили представить отчет о состоянии вооружения, а также запасах пороха и боеприпасов в Порт-Ройяле. Поскольку Линч «умолял продлить срок сдачи отчета об оружии и амуниции по причине болезни полковника Теодора Кэри, капитана форта Чарлз», совет постановил, «чтобы сэр Генри Морган, подполковник Роберт Биндлосс и полковник Уильям Бистон приняли и изучили этот отчет, после чего вернули оный Его превосходительству».

Ревизия королевских складов показала, что в них хранится лишь 14 бочонков пороха — этого, по мнению Моргана, «не хватило бы и на три часа сражения». Было установлено, что часть порохового запаса Линч продал испанцам.

2 (12) апреля Морган, Биндлосс и Бистон «были назначены комиссионерами адмиралтейства». Проверив отчеты о захваченных призах, комиссия Моргана установила, что в период губернаторства Линча имел место «величайший обман в мире». Капитан Джордж Гэллоп, командовавший кораблем «Томас энд Фрэнсис», в консорте с приватирским судном «Флайинг хорс» в феврале 1674 года захватил голландское невольничье судно «Сусанна» с большим количеством африканцев на борту и, прежде чем привести приз в Порт-Ройял, тайно переправил часть невольников на свою ямайскую плантацию. Морган полагал, что доход от этого приза, оценивавшийся в семь тысяч фунтов стерлингов, должен был принадлежать королю. Когда лорд Воан потребовал от Линча объяснений, экс-губернатор с невинным видом заявил, что вся выручка от продажи «Сусанны» и рабов пошла в карман капитану Гэллопу.

День спустя лорд Воан обнародовал в Порт-Ройяле королевскую прокламацию, повелевавшую всем английским приватирам, служившим иностранным государям, немедленно уйти с этой службы и вернуться на Ямайку. Добровольно сдавшимся обещали амнистию «за все грабежи, которые ранее были совершены ими против испанцев». Однако большинство флибустьеров проигнорировали это требование.

16 (26) апреля капитан Напмен написал судовладельцу Олдермену отчет, каким образом он потерпел кораблекрушение и какую часть груза ему удалось спасти. В «Календаре государственных бумаг» этот отчет приводится в сокращенном виде: «Без сомнения, он был уже извещен о несчастной потере 25 февраля судна “Джамайка мерчент” на восточной стороне острова Ваш, к югу от Эспаньолы, в 24 часах плавания от этого порта. Не понимает, какой злой гений привел его туда, и никогда еще не было человека более изумленного, чем он, учитывая курс, которого они придерживались. Все люди уцелели, а через 5 или 6 дней некий капитан Томас Роджерс, ямайский приватир, плавающий теперь на французской службе, отвез сэра Генри Моргана и всех пассажиров на Ямайку, но он и его люди остались, чтобы спасти, по возможности, груз Его Величества и корабельное снаряжение; он был вынужден предложить им одну треть из того, что им удастся спасти, иначе не смог бы заставить их делать что-либо. Прошел месяц, прежде чем они добрались до Порт-Ройяла; за это время они сохранили большую часть груза Его Величества… С трудом спас золото мистера Олдермена и его сына, поскольку был вынужден плыть с ним на спине. Оставил небольшой шлюп, чтобы охранять корабль в интересах короля, и после этого лорд Воан послал два больших шлюпа, дабы спасти то, что еще можно было сберечь… Дает опись спасенного груза Его Величества, в том числе: 8 баррелей пороха, 458 ручных гранат, 301 мушкет с ударно-кремневым замком, 480 карабинов, 2667 длинных пик, 186 кремневых драгунских пистолетов, 10 000 кремней, 805 бумажных патронов, 78 пистолетов, 544 ядра для кулеврин, 323 ядра для полупушек, 2 петарды».

Тем временем Морган продолжал осваиваться на новом для него поприще. Дни его в основном были заполнены рутинной работой, связанной с изучением отчетов о состоянии острова и нужд его жителей. 26 апреля (6 мая) лорд Воан и ассамблея Ямайки, собравшаяся в Сантьяго-де-ла-Веге, рассмотрели 45 актов, законов и уставов по улучшению социальных и экономических отношений в колонии. В частности, предусматривались меры по сохранению поголовья крупного рогатого скота; улучшению управления сервентами и

упорядочению отношений между ними и хозяевами; предотвращению ухода моряков с кораблей в поисках спиртного; усилению надзора за африканскими невольниками; формированию милицейских сил; восстановлению и поддержанию в надлежащем порядке дорог на всем острове, особенно тех, что ведут к церквям и рынкам; предотвращению мошенничества со стороны производителей и продавцов рома; минимизации убытков от возможных пожаров; установлению денежных курсов; регулированию цен на мясо в розничной торговле; регулированию действий шерифа во время проведения казней; недопущению торговли спиртными напитками лицами, не имеющими на это лицензии; недопущению пьянства, богохульства и ругани в общественных местах; суровому наказанию за кражу лодок, каноэ, барок и иных судов в любой части острова; недопущению судебного преследования лиц по внешним долгам в течение пяти лет после их прибытия на Ямайку; сохранению саванн и небольших плантаций; учреждению верховного суда в Сантьяго-де-ла-Веге и т. д.

Довольно скоро отношения между «интеллектуалом» лордом Воаном и «грубияном» Морганом ухудшились, а потом и вовсе стали враждебными. 4 (14) мая ассамблея Ямайки проголосовала за то, чтобы губернатор имел постоянную резиденцию в Сантьяго-де-ла-Веге (Спаниш-Тауне), а генерал-лейтенант — в Порт-Ройяле. При этом лорд Воан должен был получать ежегодное жалованье в размере двух тысяч фунтов стерлингов. Никаких надбавок для его светлости не предусматривалось; одновременно «сэру Генри Моргану за его доброе служение стране» назначили ежегодное жалованье в размере 600 фунтов стерлингов, но только на период его вице-губернаторства. Преемники сэра Генри такой привилегии не должны были иметь. Через два дня постановление ассамблеи было подтверждено Советом Ямайки.

18 (28) мая лорд Воан написал госсекретарю сэру Джозефу Уильямсону письмо с сообщением о текущих делах. Письмо он решил передать «через их общего друга сэра Томаса Линча, которого он будет теперь всегда так называть, поскольку весьма доволен его благоразумным правлением и ведением дел». В письме отмечалось, что сэр Томас лично расскажет госсекретарю о том, что случилось на Ямайке после прибытия Воана на остров, «о несчастном кораблекрушении сэра Генри Моргана и потере грузов Его Величества, вызванных непрофессиональным управлением и умышленным нарушением его [Воана] точных письменных предписаний, о его [Моргана] поведении и слабости, проявленной на заседаниях ассамблеи; каковые, наряду с другими глупостями, так надоели ему [Воану], что он

совершенно устал от него».

Губернатор полагал, что для пользы королевской службы Моргана следовало бы отстранить от выполнения обязанностей. Разделение полномочий между губернатором и вице-губернатором, по мнению Воана, стало причиной постоянных склок и вредит делу. О «дурном поведении» Моргана губернатор написал всем министрам двора, «надеясь, что Его Величество и Его Королевское Высочество будут этим весьма возмущены». В конце своего письма лорд Воан отметил, что было бы неплохо, если бы король внес поправку в губернаторские полномочия, разрешив ему в случае отъезда или приближения смерти назначить себе «достойного преемника», каковым мог стать «скорее сэр Томас Линч, нежели кто-либо иной».

В августе близ мыса Негр ил, что у западной оконечности Ямайки, появился корабль флибустьерского капитана Джона Эдмундса. Последний решил «завязать» с пиратским прошлым и сдаться властям острова, но хотел иметь гарантии того, что его амнистируют. Через своего приятеля Уильяма Крейна капитан связался с Морганом. 25 августа (4 сентября) сэр Генри написал Эдмундсу ответное послание, заверив капитана, что «ему окажут весьма любезный прием в любом порту и г-н Крейн нарочным сообщит ему, что ему предоставят столько привилегий, сколько он может ожидать от написавшего сии строки».

В начале осени губернатор отправил в Лондон очередную жалобу на своего заместителя. В письме госсекретарю Уильямсону, датированном 20 (30) сентября, лорд Воан отмечал, что, согласно показаниям капитана Напмена, «истинной причиной» крушения корабля «Джамайка мерчент» был сэр Генри Морган. С каждым днем Воан «все больше убеждался в неблагоразумности и непригодности» Моргана заниматься гражданским управлением. По его словам, сэр Генри «так уронил себя и свой авторитет в Порт-Ройяле, предаваясь пьянству и азартным играм в тавернах», что губернатор готов был сам отстранить его от управления делами «ради репутации острова и безопасности этого места».

Однако 6 (16) декабря Уильямсон ответил из Уайтхолла, что он «с сожалением узнал о недоразумениях между его превосходительством и сэром Генри Морганом», и пожелал Воану наладить дружеские отношения со своим заместителем.

15 (25) декабря в Совете Ямайки были зачитаны новые инструкции, полученные из Лондона, согласно которым Моргана следовало ввести в состав совета с принятием соответствующей присяги. Кроме того, Морган был назначен председателем адмиралтейского суда, в состав которого вошли два его

заместителя и несколько офицеров. По замечанию Жоржа Блона, свои позиции сэр Генри сохранил «благодаря разъедающей силе золота, откровенному подкупу и интригам».

23 января (2 февраля) 1676 года состоялось очередное заседание Совета Ямайки, на котором присутствовали губернатор, сэр Генри Морган, полковники Джон Коуп, Чарлз Уитфилд и Энтони Коллир, а также подполковники Роберт Биндлосс, Томас Фаллер и Джон Уайт. Среди прочих дел совет рассмотрел рапорт Моргана о «грубых и неприличных словах и поведении» полковника Уильяма Айви по отношению к губернатору «в его собственном доме» и просил, чтобы полковник Айви отчитался о своем поведении перед членами совета на следующем заседании.

Несмотря на рекомендации государственного секретаря Уильямсона, предлагавшего лорду Воану найти возможность помириться со своим заместителем и действовать «в одной упряжке», конфликт между двумя высшими должностными лицами Ямайки продолжал тлеть, то затухая, то разгораясь с новой силой. 2 (12) февраля Морган писал Уильямсону:

«Благородный сэр,

ваше письмо от 16 июля теперь у меня, за которое, как и за все прочие ваши любезности, я покорнейше благодарю вашу честь так, как только преданное и обязанное сердце может сделать. Мне очень жаль, что я не смог ответить на ваши срочные распоряжения; ибо, по правде сказать, имея мало возможностей управлять, я не мог дать вашей чести полный отчет о состоянии острова, осмотреть который Его превосходительство [лорд Воан] пока не позволяет мне… Но если ваша честь сочтет сие возможным, я думаю, что для пользы службы Его Величества мне надо разрешить получать его приказы через вашу честь. Тогда я смогу приложить все мои усилия, дабы удовлетворить вас в оном…

Ваш послушный и покорный слуга

Генри Морган.

Ямайка, Порт-Ройял, 2 февраля 1675/6 года».

Спустя три недели видный ямайский общественный деятель и плантатор Питер Бекфорд писал Уильямсону, что на острове по-прежнему существуют «определенные разногласия» между лордом Воаном и сэром Генри Морганом, но не взял на себя смелость определить, кто же из них виноват в этом. Бекфорд также сообщил, что губернатор переехал из Спаниш-Тауна в Порт-Ройял, чтобы лично препятствовать выходу оттуда флибустьеров

и приобретению ими французских каперских свидетельств. Воан не сомневался, что флибустьеры, околачивавшиеся в Порт-Рояйле, пользовались тайной поддержкой Моргана и Биндлосса.

2 (12) мая, отвечая на письмо госсекретаря Уильямсона, ямайский губернатор уверял последнего, что не питает к Моргану «личных антипатий, но стремится добросовестно выполнять свой долг». Именно поэтому он высказал свое мнение относительно потери королевского имущества во время крушения судна «Джамайка мерчент», отметив, что это случилось из-за ошибки Моргана. Воан уверял, что хотя Морган «написал о нем много ложных и вредоносных пасквилей», он не опустится до того, чтобы мстить ему. «Больше всего меня возмущает то — и я считал своей обязанностью сообщить об этом вашей чести, — что сэр Генри, вопреки долгу и оказанному ему доверию, восхваляет приватирство и ставит преграды всем моим планам и намерениям сократить число тех, кто избрал эту проклятую жизненную стезю».

Губернатор издал несколько прокламаций, в которых открыто заявил, что не допустит грабежей и хищений и будет преследовать нарушителей закона как пиратов, если они осмелятся прийти «в любой из наших портов». По его словам, многие флибустьеры ушли из Порт-Ройяла на Тортугу, где приобрели французские каперские свидетельства, «а сэр Генри рекомендовал некоторых из наших английских приватиров французскому правительству для получения каперских грамот, имел собственный интерес в их судах, передал полномочия своему брату [свояку] Биндлоссу на получение десятины для короля Франции и с тех пор поддерживает с ними связь». Воан заподозрил Моргана в том, что он хотел спасти от виселицы пирата Джона Дина, капитана судна «Сент-Дэвид»; поэтому, явившись в адмиралтейский суд, губернатор своей властью добился осуждения обвиняемого.

На следующий день лорд Воан написал письмо графу Энглси, лорду-хранителю Большой печати Англии, в котором отметил, что Морган «не оправдал оказанного ему доверия» и «умышленно нарушает мои приказы и не повинуется им лишь потому, что они мешают его каперским проектам».

По мнению губернатора, после суда над Джоном Дином «сэр Гарри был таким наглым и нечестивым в тавернах и в собственном доме, что допустил некоторые высказывания, которые, видимо, были реакцией на мои действия в суде и попыткой защитить пирата».

Воан опять обвинил Моргана в намерении возродить приватирство, а также в том, что он вместе с Робертом

Биндлоссом «призывал подданных короля брать французские каперские свидетельства и выходить на промысел в море», имея личную заинтересованность в их судах и призах, а также «получил доверенность на сбор десятины для короля Франции». Губернатор надеялся, что министры двора больше не будут назначать Моргана на руководящие должности, которые он использует «лишь в своих собственных целях».

В указанном письме его превосходительство высказал также беспокойство по поводу Биндлосса, которому он не рискнул доверить ведение ни гражданских, ни военных дел. «Он очень буйный малый, — пишет губернатор, — несколько лет назад он был корабельным хирургом, однако никогда не будет сговорчивым в любом правительстве». Поэтому, резюмировал Воан, он хотел бы получить от правительства «частную инструкцию», которая позволила бы ему вывести Биндлосса из состава Совета Ямайки.

24 июля (3 августа) лорд Воан предпринял в Совете Ямайки новое наступление на Моргана и Биндлосса. В журнале совета записано, что его превосходительство от имени короля выдвинул обвинения «против сэра Генри Моргана и Роберта Биндлосса». Вызвали Моргана. Лорд Воан начал задавать ему вопросы о его связях с флибустьерами в 1675 году, на которые сэр Генри тут же давал ответы. Затем губернатор перечислил основные пункты выдвинутых против Моргана обвинений, сопроводив их доказательствами. Вице-губернатор обвинялся в том, что в марте 1675 года самовольно использовал имя и полномочия его превосходительства в различных письмах, адресованных флибустьерам, на что Морган немедленно дал свои пояснения. Следующие пункты обвинения были направлены против Роберта Биндлосса. В них отмечались его связь с флибустьерами, тайная переписка с губернатором Тортуги Бертраном д'Ожероном и передача «французскому адмиралу» десятой части добычи, захваченной английскими корсарами, приписанными к Ямайке.

Биндлосс, как и Морган, держался нагло и отверг выдвинутые против него обвинения. Протокол допросов, пункты обвинений и ответы обвиняемых вместе с письмами и свидетельскими показаниями были сложены в отдельную папку и внесены в регистры совета; копии всех документов, подписанных клерком совета и скрепленных печатью его превосходительства, с первым же кораблем были отправлены королю Карлу.

2 (12) августа губернатор настрочил еще одну жалобу на Моргана и Биндлосса — на сей раз «государственному секретарю южного департамента» Генри Ковентри. Он сообщил, что по его приказу «сэр Генри Морган и подполковник Роберт Биндлосс 24

июля предстали перед советом», и рассказал Ковентри о том, что там произошло. Воан обвинил Моргана и его свояка в создании «приватирской фракции», которая действовала вопреки приказам и распоряжениям губернатора.

Далее его превосходительство заметил, что когда он обвинил Биндлосса в связях с губернатором Тортуги и получении им французской доверенности на право взимания $^1/_{10}$ части добычи, которую английские приватиры, прикрывавшиеся французскими документами, захватывали у испанцев, «он публично оправдывал законность этого и сказал, что испанцы делали то же самое в Кадисе и Сан-Себастьяне». Члены Совета Ямайки, по утверждению Воана, были шокированы «весьма грубым и наглым» поведением Биндлосса и его отказом дать письменные ответы на выдвинутые против него обвинения («он заявил, что никому не доверяет»). Тогда губернатор, потеряв терпение, велел полицейскому старшине взять подполковника под стражу, что принудило Биндлосса пойти на попятную и сделать то, что от него требовали.

28 сентября (8 октября) Совет Ямайки рассмотрел информацию лорда Воана о том, что сэр Генри Морган передал ему сообщение, представляющее общественный интерес, а именно: что капитан Уильям Брэгг сделал резкие высказывания в адрес сэра Томаса Модифорда. Согласно заявлению сэра Генри, Брэгг заявил, будто сэр Томас Модифорд был повинен в государственной измене. Подробности этого дела были изложены Морганом в письме секретарю Ковентри, датированном 20 (30) октября. По его словам, 27 сентября, находясь в собственном доме, капитан Уильям Брэгг («человек, пользующийся доброй славой и имуществом как здесь, так и в Англии») обедал с ним, а затем, рассуждая о сэре Томасе Модифорде, вдруг заявил, что «сэр Томас был предателем, что он может доказать это и хотел бы отправиться домой в Англию с упомянутым сэром Томасом». Когда Морган спросил его, почему он не рассказал это его превосходительству, Брэгг ответил, что не знаком с губернатором так хорошо, как с сэром Генри, и что расскажет об этом позже. Морган немедленно доложил о случившемся Воану. Последний «встретил сэра Генри очень хорошо», затем послал капитану Брэггу приказ не покидать город и быть готовым явиться в совет на следующий день. Но когда полицейскому старшине приказали доставить Брэгга, тот сбежал. В погоню за ним отправили конный эскадрон под командованием полковника Томаса Балларда и подполковника Сэмюэла Лонга, однако беглец неожиданно сам явился к губернатору.

Морган приложил к письму секретарю Ковентри показания

Брэгга, из которых напрашивался вывод, что сэр Томас Модифорд не питал любви к королю, был повинен в государственной измене и не мог оставаться главным судьей Ямайки. В ответ возмущенный до невозможности сэр Томас подал иск против капитана Брэгга, обвинив его в наглой клевете.

В конце осени пакет документов с жалобами лорда Воана на Моргана и Биндлосса достиг Уайтхолла. Он включал в себя: 1) письмо лорда Воана секретарю Ковентри, датированное 2 августа 1676 года; 2) изложение допроса сэра Генри Моргана и полковника Биндлосса его превосходительством и членами Совета Ямайки; 3) краткий пересказ выступлений сэра Генри Моргана и полковника Биндлосса в совете, заседавшем в Порт-Ройяле 24 июля 1676 года; 4) отчет Моргана секретарю Ковентри о его показаниях, данных губернатору и Совету Ямайки 2 августа 1676 года (в нем Морган выразил готовность предстать даже перед Судом Королевской Скамьи и там доказать, что «единственным интересом его жизни было служение Его Величеству»); 5) письмо Моргана секретарю Ковентри, в котором он уверял, что после прибытия на остров не написал флибустьерам ни одной строчки, а все копии его писем к ним — фальшивки (одновременно Морган заступился за своего друга Биндлосса, назвав все обвинения против него происками «завистников»); 6) каперское свидетельство капитана Джона Беннета, выданное ему губернатором Тортуги в апреле 1675 года; 7) письмо Моргана капитану Джону Беннету от 25 марта 1675 года, приглашающее от имени губернатора всех английских и французских приватиров приходить в порты Ямайки и пользоваться здесь полной свободой, как в прежние времена; 8) аналогичное приглашение капитанам Роджерсу, Райту, Невиллу, Беннету, Пигниру и другим, действовавшим с французскими каперскими свидетельствами, датированное 26 марта 1675 года; 9) письмо Биндлосса секретарю Ковентри от 29 июля 1676 года, в котором он оправдывает себя («я скорее перерезал бы себе горло, чем вызвал неудовольствие Его Величества своими действиями»), а заодно и Моргана; 10) пункты обвинения, выдвинутого губернатором против Биндлосса; 11) ответы Биндлосса на все пункты обвинения; 12) замечания лорда Воана по поводу ответов Биндлосса; 13) показания Биндлосса, данные полковнику Томасу Фаллеру 1 августа 1676 года; 14) приказ совета, отправляющий Роберта Биндлосса осмотреть некоторые форты в Порт- Ройяле; 15) допрос губернатором Чарлза Барре, секретаря Моргана, по поводу писем сэра Генри флибустьерским капитанам; 16) письмо Биндлосса секретарю Ковентри от 12 сентября 1676 года, в котором он отрицает свою дружбу с флибустьерами и

высказывает готовность выйти в море на фрегате и сразиться с ними по приказу короля; 17) показания Чарлза Барре, данные в Порт-Ройяле 12 сентября 1676 года и свидетельствующие о том, что сэр Генри писал свои письма флибустьерам «с согласия лорда Воана» и не вел с ними никаких частных дел.

В ноябре Карл II отреагировал на жалобы ямайского губернатора весьма неожиданно: велел Ковентри отослать все документы «назад лорду Воану, губернатору Ямайки, для рассмотрения в тамошнем Совете». Кроме того, Ковентри было поручено передать копии документов по указанному делу лордам Комитета по торговле и плантациям, чтобы узнать их мнение.

К 28 ноября (8 декабря) лорды указанного комитета просмотрели документы, присланные лордом Воаном, и, прежде чем высказать свое мнение, распорядились подготовить для них краткий пересказ того, о чем в них говорилось. В то же время Ковентри сообщил присутствующим, что «лорд Воан затребовал и изъял у сэра Генри Моргана письма, которые он написал ему как государственному секретарю». Подобное самоуправство могло иметь для губернатора весьма неблагоприятные последствия.

В следующем году король Карл решил прислать на Ямайку нового губернатора в лице графа Карлайла, хотя официально он был утвержден в этой должности лишь 1 (11) марта 1678 года.

28 сентября (8 октября) Уильям Бистон записал в журнале: «Все законы были приняты, губернатор [Воан] подписал их все, кроме нескольких второстепенных и акта о доходах, после чего распустил ассамблею, оставив остров сэру Генри Моргану, своему преемнику, и лорду Карлайлу без каких-либо доходов».

11 (21) марта 1678 года лорд Воан последний раз принял участие в заседании Совета Ямайки в качестве губернатора острова. В протоколе совета записано, что на нем помимо Воана присутствовали Морган, полковники Томас Фримен и Томас Фаллер, подполковники Томас Баллард, Роберт Биндлосс и Сэмюэл Лонг, а также Джон Уайт и Джон Болл. Губернатор уведомил членов совета, что состояние здоровья не позволяет ему исполнять свои обязанности, после чего отчитался о проделанной работе и расходовании средств. Воан заверил, что за время своего губернаторства не потратил на себя из общественных денег даже фартинга. В заключение его превосходительство сообщил, что передал копии своего поручения и королевских инструкций сэру Генри Моргану, который отныне должен исполнять обязанности губернатора.

ЗАБОТА О ЯМАЙКЕ И СОБСТВЕННОМ КОШЕЛЬКЕ

Лорд Воан покинул Ямайку в марте. В дневнике Бистона записано: «Марта 14-го, 1678 года. Лорд Воан отправился в Англию на корабле капитана Нёрса, оставив управление островом в руках сэра Генри Моргана, вице-губернатора, который пополудни опубликовал приказ для всех офицеров, гражданских и военных продолжать и впредь исполнять все так, как они это делали до сих пор».

Взяв бразды правления Ямайкой в свои руки, Морган проявил себя большим энтузиастом работ по укреплению обороноспособности Порт-Ройяла. Указанные работы начались после того, как 28 марта (7 апреля) на Ямайку с Барбадоса прибыл капитан Мосли и заявил:

— Там так напуганы слухами о войне с Францией, что все Наветренные острова укрепились и приготовились к защите!

Морган «приказал удвоить стражу в Порт-Ройяле, и стража была введена в наиболее удобных [для высадки] местах острова». Кроме того, 3 (13) апреля был созван Совет Ямайки. На нем сэр Генри присягнул в качестве главнокомандующего, а члены совета «поклялись быть ему верными». Затем губернатор постановил «собрать пятого числа военный совет из полевых офицеров для обсуждения нынешнего положения острова и приведения его в состояние обороны».

На военном совете, собравшемся в Порт-Ройяле 5 (15) апреля, присутствовали Морган и 17 офицеров. На нем, поданным Бистона, «было решено… чтобы военные статьи оставались в силе двадцать дней, а остров — на военном положении; и чтобы в это время были предприняты всевозможные работы по строительству оборонительных сооружений во всех частях острова». Всем полковникам было приказано собрать в подчиненных им полках военные трибуналы, объявить о введении военного положения, провести во всех подразделениях военные учения, проверить, хорошо ли они обеспечены оружием и боевым снаряжением, после чего доложить об исполнении данного приказа сэру Генри. Далее, военный совет запретил любым каноэ приставать к берегу в Порт-Ройяле в ночное время (с десяти часов вечера до восхода солнца). Кроме того, «каждый десятый негр в сельской местности и каждый четвертый негр в Порт-Ройяле» должны были быть задействованы на строительстве фортификаций. Отрядам под командованием полковника Балларда и капитана Раймса

предписывалось каждую ночь нести патрульную службу, а отдельным ротам — каждую ночь быть начеку в Сантьяго-де-ла-Веге, Солт-Понде и Порт-Ройяле.

Затем состоялось заседание Совета Ямайки, после которого Морган «взял с собой некоторых джентльменов осмотреть форты».

Из дневника Уильяма Бистона видно, что всю вторую половину апреля и начало мая жители Порт-Ройяла активно занимались фортификационными работами. 15 (25) апреля он писал: «Мы начали возводить линию из камня на восточной стороне форта Сент-Джеймс и завершили ее двадцать третьего вечером». Через девять дней — новая запись: «[Оборонительные] линии из камня начали возводить возле тюрьмы и полностью завершили утром второго мая».

25 апреля (5 мая) в морской столице Ямайки прошло еще одно заседание военного совета, на котором Морган рассказал о том, что удалось сделать для укрепления Порт-Ройяла «с момента их последней встречи». Поскольку запланированные работы по возведению укреплений не были завершены, военное положение на острове решили продлить до 10 (20) июня.

В начале мая Бистон записал: «С морской стороны, за бруствером, мы начали строить ретраншемент, каковой был завершен весьма быстро и пушки [на нем] установлены».

Из различных документов видно, что главные усилия Морган и его администрация направили на укрепление восточного оборонительного рубежа и центральной части южной стороны Порт-Ройяла. Новые каменные стены были возведены возле тюрьмы, положив начало форту Руперт — он был вооружен 22 пушками и охранял юго-восточные подходы к городу. Еще один форт был построен на северной оконечности палисадов и назван фортом Карлайл в честь нового губернатора.

29 мая (8 июня), когда отмечали день рождения короля, на всех фортах подняли флаги, но, как писал очевидец, «большой флаг на форте Чарлза снесло ветром, что было, на наш взгляд, дурным предзнаменованием».

Население и власти Ямайки по-прежнему опасались вторжения французов, тем более что стало известно о появлении в Карибском море крупного флота под командованием вице-адмирала графа д'Эстре. Бистон писал:

«Мая 31. Заседал Совет, который наложил эмбарго на все суда сроком на четырнадцать дней; генерал-лейтенант отправил шлюп к побережью Эспаньолы для сбора новостей и прочего относительно французов; первого июня он вернулся с известием, что корабль графа д'Эстре с восьмьюдесятью пятью медными пушками и еще шесть лучших судов из состава флота, три

приватных боевых корабля и два транспорта сели на мель у острова [Авес] и на них они потеряли около четырехсот человек и триста пятьдесят медных пушек; и что д'Эстре с остальной частью флота был в Пти-Гоаве, откуда затем отплыл к Наветренным островам, а потом собирался идти во Францию, что положило конец нашим нынешним страхам относительно французов».

В июне Совет Ямайки распорядился премировать команду и шкипера шлюпа «Эдвайс», ходившего на разведку к берегам Эспаньолы, «за их добрую службу и готовность исполнять приказы губернатора». Тогда же было решено отменить военное положение и разрешить всем судам, стоявшим в гавани Порт-Ройяла, свободно покидать ее.

18 (28) июля к гавани Порт-Ройяла подошла эскадра кораблей королевского флота в составе «Джерси» (капитан Темпл), «Хантера» (капитан Тосир) и «Карлайла» (капитан Сван). С ними прибыли граф Карлайл, генерал-майор сэр Фрэнсис Уотсон, две роты пехотинцев и много переселенцев. «…Утром он (граф Карлайл. — *В. Г.)* высадился под грохот артиллерийского салюта, устроенного с фортов и кораблей, — сообщает Бистон, — и, чтобы встретить его, был поднят полк и немедленно созван Совет; губернатор был приведен к присяге, а затем его поручение было зачитано в старой церкви, откуда все отправились обедать; после оного в этот день не случилось ничего нового, только вечером на берег высадились две роты пехотинцев, каковых по приказу милорда я расквартировал в тавернах до получения на сей счет последующих указаний».

На следующий день Совет Ямайки был собран для того, чтобы познакомить его членов с привезенными графом документами. 24 июля (3 августа) Морган и другие члены совета отправились с губернатором и генерал-майором в город, чтобы показать их жилища, «каковые им не понравились».

31 июля (10 августа) граф Карлайл написал письмо госсекретарю Ковентри, в котором рассказал о том, как он прибыл на Ямайку, как радушно его встретили и как основательно сэр Генри Морган укрепил Порт-Ройял, возведя здесь два новых форта — Руперт и Карлайл.

В августе граф Карлайл, Уотсон и другие чиновники, прибывшие из Англии, перебрались из Порт-Ройяла в Пэссидж-Форт, а оттуда — в Сантьяго-де-ла-Вегу, где и решили поселиться. Когда они уходили, их сопровождали лучшие люди Порт-Ройяла, три конных отряда и залпы артиллерийского салюта.

Вскоре корабль «Джерси» отправили к острову Ваш, где, как сообщалось ранее, потерпело крушение судно «Джамайка мерчент». Спасателям под руководством капитана Кларка удалось

поднять со дна моря 20 пушек и больше двухсот ядер, которые в сентябре «Джерси» благополучно доставил в Порт-Ройял. Спасенные пушки значительно усилили обороноспособность города.

В конце октября на Ямайке объявился флибустьерский капитан Джордж Спарр, «который примерно тремя месяцами ранее с неким [Эдвардом] Невиллом и со ста пятьюдесятью людьми взяли Кампече». С собой Спарр привел испанский приз. Посоветовавшись с Морганом и Биндлоссом, граф Карлайл решил помиловать пирата, позволил ему войти в гавань Порт-Ройяла и сбыть добычу. В письме госсекретарю Ковентри губернатор сообщил, что в то время в Карибском море промышляли около 1200 английских флибустьеров, многие из которых имели при себе французские каперские свидетельства. Набег Спарра и Невилла на Кампече граф объяснил их желанием отомстить испанцам за нападения на английские суда и жестокое обращение с английскими пленниками. «Если вспыхнет война с Францией, — отмечалось в письме, — этот остров будет нуждаться в их [флибустьеров] помощи, ибо у нас имеется не более четырех тысяч белых, способных носить оружие, но эту тайну не следует разглашать».

В мае 1679 года в Порт-Ройяле была сформирована новая рота пехотинцев, перешедшая под командование Моргана. В реестре роты упоминаются «генерал-лейтенант сэр Генри Морган, рыцарь, капитан; Ральф Фезерстонхог, лейтенант; Юзер Тирилл, прапорщик», а также три сержанта, три капрала, два барабанщика и 100 рядовых солдат. Командование ротой принесло сэру Генри дополнительный доход.

7 (17) июля близ Порт-Ройяла неожиданно появилась французская эскадра под командованием графа д'Эстре. Последний отправил на берег четырех офицеров, чтобы просить власти Ямайки разрешить французам взять дрова и воду в Блуфилдс-Бее. Получив позволение и лоцмана, французская эскадра в тот же вечер снялась с якоря. Об этом визите губернатор тут же сообщил в письме Ковентри: «Седьмого числа в 11 часов вечера Пойнт [Порт-Ройял] был встревожен появлением в открытом море восьми французских военных кораблей. Пойнт стрелял из пушек, чтобы подать сигнал тревоги в подветренную сторону. Я услышал его в Гуанабоа, в 22 милях от Пойнта, взял лошадь и еще до рассвета привел отряды в состояние полной боевой готовности. Прибыв рано утром в Пойнт и найдя его хорошо защищенным, я встретил там графа д'Эрво, мальтийского рыцаря, с некоторыми другими французскими офицерами, которые заявили, что приехали от графа д'Эстре просить позволения взять дрова и воду

в Блуфилдс-Бее или Пойнт-Негриле — самых западных портах этого острова. Было дано пояснение, что они направлялись сначала в Картахену, чтобы затребовать оттуда всех французских пленных, но, будучи занесенными к этому острову штормовыми ветрами, направлялись теперь к Гаване с тем же требованием; что они не верили в то, что испанцы соизволят дать им дрова и воду, которую они намеревались просить, и считали, что отказ испанцев мог привести к ссоре… Они сказали нам, что покинули Францию с 14 судами, но оставили семь в Лиссабоне, чтобы дождаться графа Шомберга. Мы не имели возможности выяснить, какова действительная цель прихода французов в здешние края; они говорят, что против испанцев, но люди не верят их речам. Они восхищались островом, однако сказали, что Куба, должно быть, лучше. Их любезно принимали с утра до вечера, когда небольшой фрегат вошел в устье гавани, забрал их на борт и, отсалютовав форту, вернулся к флотилии, которая весь день крейсировала примерно в двух лигах в наветренной стороне от нашего порта. Пойнт был так встревожен, что жители увезли свои вещи и семьи из страха перед французским десантом; и когда несколько шлюпов пришли с сообщением, что французская флотилия переместилась в наветренную сторону, это возбудило в них такие опасения, что я созвал Совет в Пойнте. Согласились, что должен быть созван военный совет и введено осадное положение сроком на 30 дней, что и было сделано. Все жители, солдаты и рабы были задействованы на возведении укреплений, и я был весьма рад возможности продолжить работы, которые в иных обстоятельствах продвигались бы очень медленно… Королевский фрегат “Хантер” и два шлюпа следят за французской флотилией. 12 июля в 7 часов вечера пришли новости из Блуфилдс-Бея, что в подветренной стороне, о восьми французских военных кораблях, появившихся в этой бухте. Это успокоило людей, боявшихся, что они [французы] были в наветренной стороне…»

Военный совет приостановил действие гражданского права и до 10 (20) августа ввел законы военного времени, о чем было немедленно объявлено. Морган настоял на возведении новых батарей между фортами Чарлз и Руперт. Было построено укрепление, ставшее известным как форт Морган или Морган-Лайн, в котором установили 16 пушек; их доставили моряки с корабля «Хантер». Как писал его капитан, «[я отправил] 30 наших людей на берег, дабы затащить большие пушки на новый форт Морган».

В августе, сентябре и октябре военный совет Ямайки несколько раз продлевал осадное положение, «так как опасность

от французов не исчезла, а фортификации не были завершены». Морган по-прежнему большую часть своего времени посвящал организации работ по укреплению оборонительных рубежей как в самом Порт-Ройяле, так и в других частях южного побережья. Кроме того, он рассылал письма знакомым флибустьерам, продолжавшим грабить испанцев под прикрытием французских каперских грамот, обещая всем, кто вернется на Ямайку, не только прощение, но и земельные участки.

15 (25) сентября граф Карлайл подготовил очередной отчет для госсекретаря Ковентри, в котором, в частности, отметил: «С 30 августа я провел в Пойнте три дня, а в пятницу утром отправился с сэром Генри Морганом в Три-Риверс, что примерно в двенадцати милях от Пойнта, и вокруг Грейт-Харбор — к Скалам (Rocks), откуда мы осмотрели наиболее удобные проходы, чтобы обезопасить как Пойнт, так и Лигуаней в случае нападения на них со стороны суши. Еще сотню негров добавили к рабам в Пойнте, чтобы возводить там укрепления».

Далее граф поделился печальным известием, что в понедельник 1 (10) сентября умер сэр Томас Модифорд. Бывшего губернатора отпевали в церкви Святой Екатерины в Спаниш-Тауне. Морган был среди тех, кто проводил своего бывшего покровителя и компаньона в последний путь. На могиле сэра Томаса позже написали, что он был «душой и жизнью всей Ямайки… первым сделал ее такой, какая она есть… самым лучшим и дольше всех управлявшим губернатором, самым крупным плантатором, самым способным и справедливым судьей этого острова из всех, каких он когда-либо имел».

В период губернаторства графа Карлайла — явно при попустительстве сэра Генри — флибустьерство на Ямайке вновь переживало «золотые денечки». Так, когда власти узнали о пиратских похождениях капитанов Джона Коксона, Бартоломью Шарпа и Ричарда Сокинса в Гондурасе, губернатор и Морган закрыли глаза на эти «шалости». Получив от флибустьеров взятку, они разрешили им через подставных лиц доставить добычу в ямайские гавани и, уплатив пошлины, сбыть ее.

8 (18) октября люди капитана Эдмунда Кука привели в Порт-Ройял «барк с какао и шкурами, который они захватили у одного испанца на Арубе». Пираты беспрепятственно высадились на берег, перед этим «публично уплатив пошлины».

В феврале 1680 года Морган возбудил дело против капитана Фрэнсиса Мингема, обвинив последнего в клевете и потребовав взыскать с него две тысячи фунтов стерлингов. Мингем еще в марте 1679 года был задержан за попытку обмануть таможню, а его пинк «Фрэнсис» по решению адмиралтейского суда

(председателем которого был Морган) должны были продать с торгов. Но в дело вмешался губернатор, не одобривший решение суда. Мингем, внеся залог, отправился в Англию. Там в октябре он подал петицию в Тайный совет, умоляя отменить решение адмиралтейского суда Ямайки, а также встретился с сэром Чарлзом Модифордом, которого попросил выступить посредником в переговорах с Морганом. Когда в конце года они вернулись на Ямайку, сэр Чарлз нанес визит сэру Генри и попытался уладить его конфликт с Мингемом. Морган пообещал, что если Мингем оплатит ему все расходы, связанные с этим делом, и отдаст его жене карету и лошадей, то он полностью оправдает капитана и простит ему две тысячи фунтов стерлингов, которые суд обязал его уплатить в качестве компенсации за нанесенный моральный ущерб. Мингем отказался от предложения Моргана и был снова втянут в судебный процесс. 23 февраля (4 марта) граф Карлайл писал министрам торговли и плантаций:

«Перед Рождеством некий капитан Фрэнсис Мингем прибыл сюда из Англии с приказом Ваших светлостей, дабы показать его сэру Генри Моргану и г-ну Томасу Мартину, генеральному сборщику таможенных пошлин, — приказом в связи со скандальной петицией, поданной против них Вашим светлостям… Этот Мингем — весьма дурной человек. Он решил… прислужиться мне, как он уже прислужился сэру Генри Моргану и мистеру Мартину, словно я был обеспокоен тем, что он так ложно и злонамеренно обвинил их. Его корабль был осужден в адмиралтейском суде и продан всего за 300 ф. ст., тогда как в петиции говорится о 800 ф. ст., которые якобы были поделены между ними [Морганом и Мартином], хотя я не сомневаюсь, что они не взяли себе ни пенни. Сэр Генри как судья адмиралтейского суда не получил даже положенное ему вознаграждение, а мистер Мартин отдал свою часть на строительство биржи в Порт-Ройяле ради поощрения торговли. Они теперь участвуют в судебном процессе с Мингемом в Верховном суде, о результатах которого я сообщу так быстро, как только смогу».

Карлайл добавил, что адвокат Мингема просил его «отговорить сэра Генри Моргана от продолжения суда, обещая письменное подтверждение Мингема, что его петиция была ложной и скандальной. Сэр Генри, однако, решил оставить решение на усмотрение суда присяжных, и жюри постановило выплатить ему 2000 ф. ст. за причиненный его репутации ущерб».

На следующий день свой отчет министрам торговли и плантаций написал Морган:

«Во исполнение приказа Ваших светлостей от 10 октября

[1679 года] передаю заверенную копию всего судебного процесса, которая вместе с иными документами и свидетельскими показаниями, без сомнения, докажет Вашим светлостям, что петиция Фрэнсиса Мингема является ложной и скандальной — за исключением того факта, что его корабль был осужден в суде. Петиция утверждает, что он был осужден за две бочки бренди; но в действительности там было две большие корабельные бочки бренди и двадцать бочек черной вишневой наливки, которые явно находились на борту втайне от таможни. Прочие заявления такие же ложные.

Совершенно очевидно, что Мингем бессовестным образом дал ложную клятву, ибо он представил Верховному суду юстиции билль, уверяя под присягой, что никогда не подавал петицию и не передавал мне копию приказа Ваших светлостей, а чуть позже — другой билль, частично подтверждающий этот. С моей стороны и со стороны мистера Мартина во время судебного процесса в адмиралтейском суде не было никакой злобы, о которой ложно утверждает Мингем, или корыстных мотивов… Должность адмиралтейского судьи была дана мне не потому, что я знаю дело лучше других, а также не из-за ее доходности, поскольку я оставил школу слишком рано, чтобы слыть знатоком тех или иных законов, и гораздо больше упражнялся с пикой, чем с книгой; что касается выгоды, то здесь, в этом городе, не сыщется ни одного носильщика, который не заработал бы больше денег, чем я получаю в этом суде. Но я искренне стараюсь поддерживать честь суда ради служения Его Величеству».

Проиграв дело в ямайском суде, капитан Мингем был арестован, но все же ухитрился через свою жену Дороти передать еще одну жалобу в Тайный совет. Она рассматривалась в июне 1680 года, а в конце июля министры подписали приказ о том, чтобы капитан Мингем был выпущен на свободу.

20 (30) мая 1680 года в Совете Ямайки составили пространный отчет, адресованный министерству торговли и плантаций. Его подписали Морган, Биндлосс, Арчболд, Баллард и еще ряд членов совета. Чиновники жаловались на то, что их редко созывают; что после введения «новой модели» управления ямайская ассамблея стала игнорировать их мнения; что сохранение в Вест-Индии прочного мира с испанцами необходимо, так как это благоприятствует развитию торговли; что необходимо дальнейшее укрепление береговой обороны и подавление пиратства. В то же время Морган и его коллеги признавали, что антииспанские акции английских флибустьеров обычно провоцировались жестоким обращением испанцев с захваченными в плен английскими моряками, торговцами и

заготовителями кампешевого дерева. Не имея возможности найти понимание ни на Ямайке, ни в Европе, пострадавшие от испанского произвола англичане массово уходили во французские колонии, получали там каперские свидетельства и начинали мстить своим обидчикам под чужим флагом. Для борьбы с морским разбоем Совет Ямайки просил правительство в Лондоне прислать на остров пару фрегатов шестого ранга, пригодных для оперирования на мелководье, и один фрегат пятого ранга — для их поддержки, а также еще раз строжайшим образом запретить английским подданным служить иностранным государям. Говоря о силах флибустьеров, Морган и другие члены совета отмечали, что в последнее время они значительно возросли: «У них есть один корабль с 28 пушками, один — с 24, один — с 12, один — с 8 (не считая шлюпов и барок), все — чрезвычайно хорошо укомплектованы и намного лучше вооружены, чем любой из наших европейских кораблей. Самым большим из них был приз, захваченный неким Питером Харрисом у голландцев, в погоне за которым Его Величества корабль “Саксесс” был, к сожалению, потерян».

Отвезти отчет Совета Ямайки в Англию взялся сам граф Карлайл. Утром 27 мая (6 июня) 1680 года он, его жена леди Кэтрин и их челядь отплыли из Порт-Ройяла на борту корабля «Иксчейндж». Следом за ними в море вышли «Хантер» и многие другие корабли. Управление Ямайкой «снова перешло к сэру Генри Моргану как вице-губернатору и генерал-лейтенанту».

После отъезда графа Карлайла сэр Генри начал активно расширять свои земельные владения на острове. 22 июня (2 июля) Эдвард Хант и его жена Урсула продали Моргану за 70 фунтов стерлингов 300 акров земли в приходе Сент-Мэри, к северу и к западу от реки Негро, а 9 (19) октября сэр Генри купил у Роджера Эллетсона и его жены Анны семь участков земли, прилегавших к его прежнему приобретению. За 690 акров он заплатил 600 фунтов стерлингов.

Не забывал сэр Генри и о преследовании наиболее одиозных флибустьеров, отказывавшихся сотрудничать с ямайской администрацией. 1 (11) июля 1680 года он выдал полицейскому старшине ордера на арест нескольких пиратских вожаков, которые в феврале указанного года повторили его прежний «подвиг» — взяли и ограбили Портобело. Через несколько дней Морган сообщил об этом в отчете министрам торговли и плантаций, а также в письме лорду Сандерленду. Кроме того, сэр Генри рассказал о появлении вблизи острова французского корсара, которого он пытался захватить, но безуспешно. «При первой же возможности я отправлю жалобу французскому

губернатору Эспаньолы, у которого французские приватиры обычно получают свои каперские свидетельства, — писал он. — Нас не меньше беспокоят и приватиры, приписанные к нашему острову. Строгие приказы об их аресте были выданы лордом Карлайлом перед его отъездом, а затем и мною, и некоторые из их людей были схвачены и сейчас сидят в тюрьме в ожидании суда; остальные напуганы и, не имея смелости войти в какой-либо из наших портов, будут держаться в стороне до тех пор, пока не найдут себе [безопасное] место для поселения. Я весьма опасаюсь, что это может привести к потере островом многих людей, и предотвратить сие можно только с помощью постоянного присутствия здесь небольшого маневренного фрегата, который патрулировал бы прибрежные воды вокруг острова и нападал на приватиров. Их количество увеличивается за счет нуждающихся и несчастных, и они поощряются беспечностью и малодушием испанцев, несмотря на многочисленность последних. Ничто не может быть более фатальным для этой колонии, чем соблазнительно заманчивые смелость и успех приватиров, привлекающие к себе белых сервентов, а также всех несчастных и отчаянных людей. Я не жалею усилий, чтобы подавить это растущее зло, выдав недавно специальное поручение для суда над несколькими беглыми белыми, застрелившими человека из отряда, посланного на их задержание. Эти приватиры отпугивают испанцев от торговли с нами, которая в противном случае была бы значительной».

Осенью Совету Ямайки снова пришлось вернуться к скандальному делу капитана Мингема. 5 (15) ноября Морган и 13 членов совета заслушали прибывший из метрополии приказ короля Карла «об освобождении Фрэнсиса Мингема из тюрьмы». Во исполнение высочайшего повеления сэр Генри распорядился немедленно освободить арестованного. При этом майор Эдвард Йомен, полицейский старшина, поклялся, что Фрэнсис Мингем был арестован за свои действия в суде, но что он не получал прямых указаний сэра Генри Моргана на арест и заключение Мингема в тюрьму. Тюремщики Роберт Стели и Гарри Саунд, со своей стороны, поклялись, что не получали от Моргана приказов удерживать капитана Мингема под стражей. Сам Мингем признал, что в тюрьме ему была оказана необходимая медицинская помощь, и отказался от прежнего утверждения, что заплатил за пребывание в тюрьме 16 фунтов стерлингов. Члены совета пришли к выводу, что «все неприятности Фрэнсиса Мингема на Ямайке были вызваны скорее его собственными неблагоразумием и злобной жаждой мести, чем желанием сэра Генри Моргана во что бы то ни стало задавить его».

На следующий день члены совета подписали коллективное письмо, адресованное министрам торговли и плантаций, в котором сообщили о выполнении приказа по освобождению капитана Мингема. В то же время они заявили, что перенос судебного разбирательства из колонии в метрополию и принятие там окончательного решения по судебным делам являются плохим прецедентом, поскольку могут полностью уничтожить систему правосудия на Ямайке и привести к упадку торговли — особенно в условиях значительной удаленности острова от Англии, затрудняющей оперативное исправление ошибок в судопроизводстве и опровержение заведомо ложных свидетельств.

12 (22) ноября сэр Генри подготовил отчет о текущих делах для лорда Сандерленда. Он рассказал о прибытии в Порт-Рой-ял королевского фрегата «Норвич», командир которого, капитан Хейвуд, сообщил ему о заключении мира между французами и испанцами. Поскольку условия мирного договора были ему неизвестны, Морган просил лорда Сандерленда прислать их копию. «Прошло двенадцать дней с тех пор, как сюда прибыл из Испании мистер Джон Крокер, купец, с лицензией от короля Испании, чтобы торговать в Америке неграми с англичанами, французами и голландцами, — пишет далее Морган. — Он уверенно заявил, что вскоре у нас будет свободная торговля с Испанией в соответствии со статьями недавнего договора. Это быстро сделает сей остров весьма значительным, ибо все наличные деньги, которые имеются у нас, поступили сюда благодаря частной торговле с ними. Недавно сюда прибыл пустой кеч лишь с двумя людьми на борту. Они заявили под присягой, что отправились из Новой Англии в Гвинею, где погрузили негров, слоновую кость и золотой песок, после чего отплыли к Невису. По пути они зашли на остров Сен-Мартен, управляемый французами, чтобы взять дрова и воду, и были сначала встречены в гавани с большим дружелюбием, но позже неожиданно захвачены, а их корабль разгружен. Шкипер и его помощники остались там, чтобы вернуть утраченное, но согласились, чтобы эти двое рискнули тайком добраться до нашего острова, и когда я подробнее узнаю всю историю этого шкипера, я перешлю ее Вашей светлости. Здесь все спокойно; благодатный сезон дождей обещает весьма обильный урожай».

Продолжая усердно трудиться на ниве административного управления, Морган 27 января (6 февраля) 1681 года продиктовал своему секретарю новый отчет о ямайских делах — на этот раз в министерство торговли и плантаций. В нем сэр Генри опять упомянул о прибытии в Порт-Ройял капитана

Крокера, получившего от севильской Торговой палаты двухлетнюю лицензию на покупку и продажу африканских невольников в Вест-Индии. «Теперь он ожидает корабли Королевской Африканской компании с неграми, — сообщается в отчете, — намереваясь отплыть на следующей неделе в Картахену. Один корабль уже прибыл, а другой мы ожидаем с часа на час, ибо он заходил на Барбадос лишь за свежей провизией. Нет сомнений, что Ямайка много выиграет от этой торговли с испанцами… Около 20 декабря сюда прибыло четыре небольших фрегата… под командованием четырех флиссингенцев, адмиралом у них — капитан Корнелиус Реерс, подчиняющийся герцогу Бранден-бургскому и имеющий репрессальные грамоты для действий против испанцев. Они хотели получить пропуск для входа в гавань и переоснащения, приведя с собой два приза — один, нагруженный испанским вином с Канарских островов, второй — с жиром, а также небольшой галеот с солью и бренди. Они заверили, что у герцога союз с Англией, надеясь получить разрешение на продажу своих призов и на вырученные деньги приобрести все необходимые припасы для их нынешней экспедиции. В ответ я отдал распоряжения секретарю острова и офицеру флота выяснить, в чем каждый из кораблей испытывает нужду, на что они доложили мне о их потребностях, оценивавшихся примерно в 800 ф. ст. За сим я разрешил им продать их призы, что они и сделали, и приказал, чтобы трофейный корабль, нагруженный вином, отплыл на днях из нашего порта в Европу вместе с несколькими английскими кораблями. Все четыре фрегата ушли отсюда в субботу, направившись в восточном направлении, чтобы крейсировать и выискивать добычу сначала возле Эспаньолы, а затем у Мейна. Когда они находились здесь, их больше радовала не возможность обновить припасы, а испуг испанца, вызванный опасением, что они могут его перехватить. Они наверняка так и поступили бы (искушение было весьма велико), если бы я решительно не выступил на его защиту… Через несколько дней он получит пропуск, чтобы идти в Картахену. Бранденбуржцы заверили меня, что король Дании собирается весьма скоро отправить еще большие силы с таким же поручением, как у них, дабы получить удовлетворение от испанцев, которые не пожелали дать его в Европе. За неимением копий некоторых договоров с союзниками Англии я теряюсь в догадках, как управлять дальше. Сейчас я действую по согласованию с Советом, полагаясь на наше благоразумие и рассудительность, но я прошу как можно скорее прислать мне инструкции по данному вопросу…

Ежели я не получу королевских приказов как можно быстрее

созвать ассамблею, наше правительство будет стеснено в доходах, поступление которых закончится в марте. Необходимы внимание и добрая воля Ваших светлостей, дабы сие предотвратить. За последние три месяца у нас не было никакой определенной информации о французском флоте, так что мы не представляем, где он может находиться в настоящее время. Я держу полк в Порт-Ройяле в полной боевой готовности, четыре роты постоянно заняты охраной, а наши дозоры находятся в наветренной стороне, так что маловероятно, чтобы нас могли захватить врасплох. Капитан Хейвуд, командир Его Величества корабля “Норвич”, в ноябре захватил судно контрабандистов, которое после этого было осуждено в адмиралтейском суде. Обвиненный в том, что являюсь единственным судьей адмиралтейского суда, я решил сложить с себя данные мне полномочия и назначить своим преемником Джона Уайта, эсквайра, который ранее, во времена сэра Томаса Линча, уже занимал эту должность. Но, несмотря на всю нашу бдительность, некоторым контрабандистам удалось улизнуть и, высадив своих негров на берег, продать их на соседние плантации, избежав, таким образом, ареста. Некий капитан Дэниель сделал так на прошлой неделе, оставив офицеру флота пустое судно для ареста, что и было сделано в силу Навигационного акта.

Через капитана Беннета я получил в циркулярном письме распоряжения Ваших светлостей вместе с вопросами. Я приказал мистеру Томасу Мартину, генеральному сборщику податей Его Величества, составить отчет о доходах, а генеральному инспектору Его Величества — отчет о состоянии острова. Кроме того, я провел генеральный смотр войск на всем острове».

Вскоре на Ямайку пришло авизо из Англии, доставившее Моргану письмо от лорда Сандерленда, королевские инструкции и копии трех договоров. В ответном письме Сандерленду, датированном 1 (11) февраля 1681 года, сэр Генри рассказал его светлости о стычке с шайкой голландского флибустьера Якоба Эвертсена, а также о продолжающихся нападениях испанцев на английские суда в водах Юкатана. «В субботу ночью (29 января по юлианскому календарю. — *В. Г.) я* получил известие о некоем капитане Джеймсе Эверсоне, командире шлюпа, известном приватире, стоявшем на якоре с бригантиной, которую он недавно захватил, — пишет вице-губернатор. — Я немедленно взял под охрану все лодки в Пойнте и снарядил шлюп с двадцатью четырьмя солдатами и тридцатью шестью моряками, который в полночь вышел отсюда и перед полуднем сошелся с ним в Булл-Бее. Затем, подняв королевский вымпел, они взяли его на абордаж. Они были встречены тремя мушкетными

выстрелами, легко ранившими одного человека, и ответили залпом, убившим некоторых и ранившим других приватиров. Эверсон и еще несколько человек прыгнули за борт и были застрелены в воде возле берега. Потом они увели его прочь с двадцатью шестью крепкими парнями, которых они доставили ночью в эту гавань. Теперь они — заключенные на борту корабля Его Величества “Норвич” и ожидают суда. Я выдал ордера на задержание тех, что сбежали, о каковых, без сомнения, дам подробный отчет. Вот та награда, которую приватиры получают от моей “благосклонности” или “покровительства” этого правительства, какими бы ни были измышления испанского посла. Я передаю Вашей светлости эту жалобу на нехристианское поведение и недобрососедство испанцев, которые захватывают все наши корабли как в открытом море, так и в портах. В этом году они захватили двадцать два судна и совершенно разорили нашу торговлю в Заливе (имеется в виду залив Кампече. — *В. Г.)*… Мы всегда относимся к ним со всеми мыслимыми уважением и добротой, а взамен получаем лишь неблагодарность; они удерживают много английских пленных, мы — ни одного испанца; почему же они пользуются таким доверием в Уайтхолле, а мы только мечтаем об этом, оставляю на размышление Вашей светлости».

В приписке к этому письму Морган также отметил, что команда капитана Эвертсена насчитывала 70 человек и состояла из одних англичан, не считая шести пленных испанцев. «Этих последних я отправлю на следующей неделе в Картахену», — добавил он.

Захваченный у флибустьеров шлюп сэр Генри включил в состав флота его величества и приписал к королевскому фрегату «Норвич» в качестве тендера. Его решено было использовать для преследования пиратов на мелководье, где «Норвич» не мог оперировать из-за своей глубокой осадки.

16 (26) марта в письме министрам торговли и плантаций Морган сообщил о том, что «суда контрабандистов, торгующие неграми вопреки хартии Королевской Африканской компании, были столь удачливы на сим острове, что четверо из них… высадили своих негров как в наветренной, так и в подветренной стороне от Порт-Ройяла». Агенты компании не были своевременно предупреждены об этих незаконных операциях и, соответственно, не смогли захватить контрабандистов, успевших продать «живой товар» владельцам нескольких плантаций. «Во вторник 14-го числа, — добавил Морган, — приватиры были судимы… в суде адмиралтейства, где они были признаны виновными в пиратстве и приговорены к смертной казни. Но

после обсуждения и с учетом того, что генеральная ассамблея должна собраться 18-го числа, я решил, что пока не стоит отправлять их на казнь, дабы это не отпугнуло всех прочих, находящихся вне досягаемости, от возвращения сюда и проявления покорности. Я уже запросил королевские инструкции по этому поводу и отменил казнь в надежде получить оные в течение разумного срока. Депутаты, избранные в генеральную ассамблею, являются по большей части весьма лояльными и добрыми джентльменами, которые, я надеюсь, смогут избежать прежних разногласий».

7 (17) апреля в Порт-Ройял прибыло судно капитана Напмена, который передал сэру Генри послание от госсекретаря сэра Леолайна Дженкинса. В этом письме госсекретарь предупредил Моргана, что правительство серьезно подозревает его и графа Карлайла в тайной поддержке пиратов и приватиров. В ответном письме от 9 (19) апреля вице-губернатор заверил Дженкинса, что это не так, что он, граф Карлайл и Совет Ямайки всегда преследовали морских разбойников: «Я предавал смерти, сажал в тюрьму и передавал испанцам на казнь всех английских и испанских пиратов, которых я смог захватить в пределах юрисдикции этого правительства. Несколько недель назад я написал об этом полный отчет для лордов торговли и плантаций и получил за этот период несколько благодарностей с материка от испанских губернаторов за проявление такой заботы и бдительности в деле подавления приватиров. Искренние усилия лорда Карлайла в этом направлении стали причиной гибели корабля Его Величества “Саксесс” у Южных островков близ Кубы, которые приватиры используют в качестве убежища».

Морган также отметил, что власти Ямайки прилагали и прилагают все усилия для того, чтобы поддерживать с испанцами добрососедские отношения, поэтому у них имеется гораздо больше причин для благодарности, чем для жалоб. «Приватиров в Вест-Индии истребить не легче, чем разбойников с большой дороги в Англии, — констатировал он и добавил:-я бесконечно благодарен Его Величеству за высказанное им любезное мнение по поводу моего ревностного служения ему, в частности, в деле подавления пиратства. Я буду и впредь предпринимать усилия в этом направлении, но хотел бы получить для крейсерства возле этого острова несколько небольших фрегатов, без которых они и дальше будут занимать и засорять это побережье, несмотря на то, что им полностью запрещено посещать порты и вести торговлю с жителями острова. Жалобы [на лорда Карлайла и меня] посыпались скорее от желания людей приобрести известность, нежели от рвения на службе королю… Господи, прости их, как и я

их прощаю».

В это же время граф Карлайл пытался отстаивать в Англии не только свои интересы, но и интересы Моргана. 18 (28) апреля он писал госсекретарю Дженкинсу:

«Я сердечно желаю вам сподвигнуть короля рассмотреть дело о призе, взятом капитаном Хейвудом, в интересах сэра Генри Моргана. Вы знаете, что у него забрали 600 ф. ст. годовых, которые уплачивались ему здесь, а также его роту солдат (на содержание которой Моргану тоже выделялись деньги. — *В. Г.),* так что подобный подарок мог бы компенсировать прочие [его] потери за этот год; место, где он живет, требует больших расходов, но я знаю, что с его великодушным характером он скорее станет нищим, хотя я тоже пожаловал ему 600 ф. ст. годовых из того, что вы выделили для меня».

Тем не менее король и правительство, подозревая Моргана в тайных связях с флибустьерами, начали склоняться к мысли о необходимости скорейшей отправки на Ямайку нового губернатора. В мае того же года министры Совета по делам торговли и плантаций подняли вопрос о назначении губернатором Ямайки сэра Томаса Линча.

6 (16) мая сэр Генри приобрел у полковника Томаса Балларда 200 акров земли, лежавших к югу от ранее приобретенных им участков и к востоку — от поместья капитана Эндрю Лэнгли. Все эти приобретения положили начало плантации площадью около 1200 гектаров, которую Морган назвал Лланримни. Она располагалась между двумя живописными речушками и тянулась до гавани Порт-Мария. Центром плантации стал особняк с толстыми каменными стенами и зарешеченными окнами, построенный на пригорке.

Почти весь июнь Моргану пришлось вести дебаты со своими оппонентами, искавшими любую возможность, чтобы дискредитировать вице-губернатора. На этом фоне у сэра Генри возник конфликт даже с его секретарем Роландом Пауэллом, которого по рекомендации своих друзей — членов Совета Ямайки — он отстранил от занимаемой должности.

2 (12) июля в отчете, подготовленном в Сантьяго-де-ла-Веге для министерства торговли и плантаций, Морган сообщил о снабжении королевского фрегата «Норвич» свежей провизией и передаче ему в помощь шлюпа, захваченного ранее у капитана Якоба Эвертсена. Шлюп был обеспечен достаточным вооружением и опытным штурманом, знавшим окрестные воды и убежища морских разбойников. «Не так давно ко мне доставили несколько пиратов, — добавляет он. — Один за свои преступления был казнен, а некий Томас, весьма известный злодей, который

недавно захватил богатое судно, приписанное к этому острову, схвачен и находится под судом. Я отправил в крейсерство фрегат и дал капитану Хейвуду особое задание отыскать некоего Лоренса (голландского флибустьера Лаурента де Граф-фа. — *В. Г.),* великого и злобного пирата, командующего двадцативосьмипушечным кораблем и имеющего на борту двести человек. А чтобы фрегат мог наилучшим образом справиться с ним и чтобы уберечь оный от опасности быть побежденным или захваченным, я разместил на его борту сорок надежных людей во главе с командирами: двадцать — из роты графа Карлайла и двадцать — из моей собственной, и приказал капитану Хейвуду включить их в судовую роль. Я не сомневаюсь, что Ваши светлости одобрят сей приказ, необходимый для королевской службы и сохранения фрегата. Недавно он подвергся кренгованию. Отчет о расходах я отправлю с ближайшим кораблем».

В другом письме, адресованном, по всей видимости, госсекретарю Дженкинсу, Морган подтверждает информацию об отправке в крейсерство фрегата «Норвич» и вспомогательного шлюпа, которые должны были заняться охотой на пиратов. «Когда каких-либо пиратов доставят ко мне, я использую по отношению к ним максимальную строгость закона, — подчеркнул сэр Генри. — Одного я уже отправил на казнь, а другой ждет приговора».

О решительных действиях сэра Генри по борьбе с пиратством можно судить также по его письму от 14 (24) июля, адресованному в министерство торговли и плантаций: «Мы здесь окружены пиратами, которые под маской “приватиров” грабят и захватывают даже те суда, что принадлежат этому острову. Они захватили одно, которым командовал капитан Чандлер, но тот, как ни странно, привез одного из них на сей остров в баркасе… Пират, которого доставил капитан Чандлер, был признан виновным и казнен».

Тем временем сэр Томас Линч получил все необходимые документы, назначавшие его генерал-капитаном, вице-адмиралом и главнокомандующим Ямайкой. В дополнение к стандартным полномочиям ему было дано право назначать и увольнять членов Совета Ямайки. Это означало, что для Моргана и его друзей вскоре должны были настать плохие времена.

В конце лета сэр Генри узнал, что король после консультаций с ямайским полковником Сэмюэлом Лонгом распорядился распустить «за ненадобностью» две роты. В письме сэру Леолайну Дженкинсу, датированном 22 августа (1 сентября), Морган признался, что шокирован подобным решением, ибо «наш ежедневный опыт доказывает обратное». По его словам, эти роты

были «постоянно задействованы либо в море, либо на суше, доставляя беглых или мятежных негров и подавляя пиратов, которые, как я уже рассказывал вам, весьма многочисленны. Двадцать солдат в настоящий момент на борту “Норвича” заняты преследованием сильного и отчаянного пирата [Лаурента де Граффа], и я слышал, что имела место стычка, хотя подробности мне пока не известны. Уже по этому вы можете судить об их полезности». Сэр Генри заверил госсекретаря, что не преследует никакой личной выгоды и хлопочет об отмене упомянутого выше распоряжения исключительно для пользы дела.

В сентябре Дженкинс отправил Моргану письмо с уведомлением, что решение о его отставке с постов вице-губернатора и генерал-лейтенанта уже принято. Понимая, что кормило власти вот-вот вырвут у него из рук, сэр Генри продолжил укреплять имущественное положение своей семьи. 7 (17) октября он приобрел 120 акров земли в новом приходе Сент-Джордж, недалеко от бухты Аннотто, уплатив Уильяму Томпкинсу и его жене Мэри символическую плату в пять шиллингов, а спустя несколько дней заключил с ними договор «по культивации и управлению данной собственностью». 7 (17) декабря адвокат Роджер Эллетсон и его жена продали ему еще три небольших участка земли в том же приходе (всего 212 акров) и участок земли в приходе Порт-Ройяла (площадь неизвестна). Имение в приходе Сент-Джордж он назвал Пенкарн — в память о ферме близ Тредегара, где прошло его детство. Позже, 6 (16) марта 1682 года, Томас Саут продал сэру Генри 20 акров земли за 50 фунтов стерлингов, однако документы умалчивают, в каком приходе находился этот участок земли.

Пока ожидали прибытия на остров нового губернатора, Морган продолжал управлять колонией. В январе 1682 года он и члены Совета Ямайки рассмотрели петицию французского протестанта Пьера Лепена, капитана королевского фрегата «Ла Тромпёз». Лепен, рассказав о жестоких преследованиях протестантов во Франции, просил ямайские власти позволить ему поселиться на острове и перейти в подданство к английскому королю. Обсудив эту просьбу, вице-губернатор и члены совета «единодушно решили» принять Лепена под защиту короля Англии. Позже Линч расследовал это дело и установил, что Лепен фактически был пиратом, который похитил упомянутый корабль в Кайенне (Французская Гвиана). Морган разрешил Лепену продать корабельный груз без уплаты таможенных пошлин. Затем «Ла Тромпёз» был зафрахтован двумя ямайскими купцами, Бэнксом и Уордом, и отправлен в Гондурасский залив за кампешевым деревом. Французский пират Жан Амлэн, прослышав

об этом, догнал «Ла Тромпёз», пригласил шкипера и его помощника на борт своего шлюпа, а затем захватил упомянутый корабль. Отведя «Ла Тромпёз» в укромную бухту, он переоснастил его и стал нападать на все торговые суда без разбора.

Трудно сказать, знал ли Морган об истинном обличье капитана Лепена, но, судя по его отчетам, он продолжал предпринимать усилия по поимке закоренелых преступников. Об этом, в частности, сэр Генри докладывал госсекретарю Дженкинсу в письме от 8 (18) марта 1682 года:

«С тех пор как я казнил во исполнение королевских приказов трех пиратов, целая группа, которая два последних года беспокоила испанцев в Южных морях, с помощью испанского пилота прибыла на [Британские] Подветренные острова; шестнадцать из них отправились в Англию с Бартоломью Шарпом, их вожаком; остальные находятся на Антигуа и соседних островах, исключая четырех, которые прибыли сюда; один из них сдался мне, другие трое были мной с большим трудом обнаружены и арестованы. После этого они были найдены виновными и осуждены. Тот, который сдался, видимо, получит помилование от короны как информатор. Один из осужденных оказался кровавым и отъявленным негодяем и достоин наказания; двое других, как мне доложили судьи, могут быть прощены, но я не буду дальше рассматривать это дело до получения приказов Его Величества. Я искренне рад такому мнению суда, ибо питаю большое отвращение к кровопролитию и весьма сожалею, что за время моего недолгого правления мне так часто приходилось наказывать преступников смертью. Путешествие сих людей необычайно примечательно, поскольку менее чем за четыре месяца они прошли от Кокимбо, что находится в Перу на пятом градусе южной широты, до Барбадоса, находящегося на тринадцатом градусе северной широты. Наши заготовители кампешевого дерева недавно потеряли восемь судов, захваченных у них [испанцами], а их людей увезли пленными… Мне известно, что в Гаване, Мериде и Мехико находится много английских заключенных».

Заметим, что, рассказывая правительству о своей борьбе с пиратами, сэр Генри в то же время продолжал сообщать о нападениях испанцев на английские суда. Подобный метод подачи информации ранее использовали и другие губернаторы (например, лорд Виндзор, сэр Чарлз Литтлтон и сэр Томас Модифорд), которые хотели тем самым оправдать антииспанские действия флибустьеров Ямайки. Возможно, Морган тоже искал оправдания для тех английских флибустьеров, на совести которых были лишь набеги на испанцев, но которых нельзя было

обвинить в нападениях на корабли соотечественников.

КОНФЛИКТ С ГУБЕРНАТОРОМ ЛИНЧЕМ

12 (22) июня 1682 года сэр Томас Линч, вторично занявший пост губернатора Ямайки, писал министрам торговли и плантаций: «Вряд ли можно было выжить и испытать больше несчастий, чем выпало на мою долю в этом рейсе. После того как шестнадцать или восемнадцать недель противный ветер удерживал нас в порту, вызвав непредвиденные потери и расходы, мы поднялись на судно. Мы достигли Мадейры, и здесь у моей жены случился выкидыш и она слегла, так что через месяц или пять недель я был вынужден оставить ее вместе с половиной семьи. Мы покинули Мадейру 6 апреля, а через пять или шесть дней после того, как мы приблизились к тропикам, я заболел из-за жары. Мы достигли Барбадоса 30 апреля и пробыли там три дня. Между ним и Ямайкой мне стало еще хуже, так что когда я высадился на берег в воскресенье 14 мая, я не мог идти от боли и головокружения. Однако я проследовал в церковь, и там королевское поручение было зачитано. В тот же вечер я присягнул тем из Совета, кто был в городе, а остальным — на следующий день и расположился в доме капитана Уилсона, поскольку Королевский дом вот-вот рухнет. Все джентльмены графства и милиция были готовы сопровождать меня в город, но я в течение шести дней не мог передвигаться. В это время пришла баркалона из Картахены с письмом от губернатора с просьбой позволить купить смолу, деготь и пр. для переоснащения галеонов, которые были потрепаны штормом… Они находились в Индиях год и везут много серебра. Я дал им позволение приобрести то, что они просили, и 25 мая отправил фрегат “Норвич” сопроводить баркалону в Картахену, чтобы поставить губернатора в известность о моем прибытии и потребовать отдать несколько заключенных, а также шлюп, нагруженный сахаром и индиго, который был уведен отсюда. Чтобы побудить его пойти нам навстречу, я отправил ему двух негров, доставленных пиратами из Южного моря. Когда я находился в Пойнте, капитан Коксон, один из наших прославленных приватиров, принес мне каперское свидетельство, которое я отправляю как вещь огромного значения… Оно противоречит Мадридскому миру, и я уверен, приведет к новым вылазкам сих разбойников, прикрывающихся любыми каперскими грамотами… Я прибыл сюда 25 мая, хотя и был еще очень болен, поскольку офицеры и джентльмены не пришли бы до тех пор, пока не увидели меня

здесь. Поскольку Королевский дом находится здесь в таком же плачевном состоянии, как и в Пойнте, мне пришлось отправиться в дом полковника Моулзвёрта. 27 мая был собран Совет, и я приказал капитану [Чарлзу] Моргану прислать мне отчет об оружии и припасах, которые хранятся здесь. Я также приказал сэру Генри Моргану, полковнику Моулзвёрту, майору Бейчу и капитану Уилсону взять рабочих, провести инспекцию портов и подготовить контракты для их ремонта».

Итак, на Ямайке появился новый правитель. Передав ему дела общественные, сэр Генри почти полностью переключился на дела приватные. Летом он купил еще несколько земельных участков. 6 (16) августа Джон Арчер продал Моргану 510 акров земли в приходе Сент-Мэри, а 10-го числа того же месяца Джеймс и Марджери Беркли из прихода Вере уступили ему участок земли в Порт-Ройяле, в районе улиц Йорк-стрит и Тауэр-стрит.

В октябре генеральный ревизор Ямайки Реджинальд Уилсон, назначенный управляющим делами флота, попытался найти отчеты и иные документы, касавшиеся деятельности его ведомства в период губернаторства графа Карлайла и Моргана, но, к своему ужасу, ничего не обнаружил. О результатах ревизии он тут же доложил Линчу и запросил у него инструкции по поводу дальнейших действий. Губернатор заподозрил своих предшественников в мошенничестве, коррупции и утаивании сведений о всех кораблях, прибывавших на Ямайку и покидавших ее во время их правления. По данному факту было начато негласное расследование.

26 октября (5 ноября) в Сантьяго-де-ла-Веге состоялось заседание Совета Ямайки, на котором было решено выплатить ряду высших должностных лиц задолженности по зарплате: лорду Карлайлу и генерал-майору сэру Фрэнсису Уотсону — 125 фунтов стерлингов каждому, верховному судье Роберту Биндлоссу — 64 фунта, Сэмюэлу Лонгу — 8 фунтов стерлингов. Сэр Генри Морган потребовал заплатить ему 533 фунта стерлингов 6 шиллингов и 8 пенсов по тому же поводу, на что ему ответили, что он получил на руки деньги, причитавшиеся королю, «от пиратов Южного моря» и факт этот документально подтвержден. Тем самым Моргану дали понять, что отныне он отстранен от официальной «кормушки».

С прибытием очередного авизо из Лондона сэр Томас Линч получил на руки королевский приказ и распоряжение госсекретаря Дженкинса о задержании капитана Лепена, бывшего командира судна «Ла Тромпёз», для возмещения ущерба, который он нанес королю Франции. 6 (16) ноября в письме, адресованном Дженкинсу, Линч сообщил, что велел задержать Лепена,

находившегося в то время в Сантьяго-де-ла-Веге, и доставить его в тюрьму. Письмо с приказом короля губернатор показал Чарлзу Барре, бывшему секретарю Моргана, и попросил его о помощи. «Три дня спустя, когда Барре был у меня, — рассказывает Линч, — я послал за Лепеном… и спросил его, где находятся двадцать пять тысяч крон, упомянутых в памятке [французского] посла. Он сказал, что эта сумма не соответствует реальности, ибо он доставил сюда лишь двенадцать тысяч фунтов сахара различного сорта, оцененного здесь в 1400 ф. ст., на 200 или 300 ф. ст. аннато (так называемое «помадное дерево». — *В. Г.)* и шестнадцать бочек вина из Фаяла… Вино и аннато он продал сам, а сахар он передал некоему капитану Хоскинсу, который вел все дела сэра Генри Моргана. Этот Хоскинс умер примерно месяц назад, поэтому я послал за его администратором, чтобы получить отчет об этом сахаре, и поручил Барре отправить его в письменном виде заинтересованному лицу; насколько я помню, он говорил мне, что Хоскинс получил около 120 000 фунтов сахара и, не имея возможности продать его здесь, отправил его по указанию Лепена в Англию. Он заплатил Лепену около 1200 ф. ст., которые предназначались шкиперу…»

Линч предложил Барре собрать всю необходимую информацию по делу Лепена, чтобы можно было привлечь француза к ответственности. Кроме того, губернатор подробно рассказал Дженкинсу о мерах, предпринятых им по поимке пиратов, — в частности, тех, что захватили фрегат «Ла Тромпёз».

В апреле и июне Линч отправил в Лондон еще несколько писем, в которых настоятельно просил короля Карла и правительство официально уволить Моргана с должности заместителя губернатора и передать этот пост сэру Хендеру Моулвёрту.

В начале сентября сэр Генри и ряд других членов Совета Ямайки были делегированы на заседания ассамблеи, «чтобы обсудить с ними порядок принятия законов», но Моргану не удалось найти общий язык с большинством депутатов ассамблеи, являвшихся сторонниками Линча.

На октябрьском заседании Совета Ямайки полковник Сэмюэл Бэрри и девять других членов совета проявили лояльность в отношении губернатора Линча и заявили «о своей готовности поддержать его во всех мероприятиях ради сохранения мира». Его превосходительство сердечно поблагодарил их за поддержку. Затем, в ходе дебатов по поводу «недавних беспорядков», политические противники Моргана обвинили его друга и свояка Роберта Биндлосса в неуважении к совету, нанесении удара Томасу Мартину и злостной клевете в адрес полковника

Моулзвёрта. Биндлосса вывели из состава совета и приказали в течение часа покинуть город под угрозой сурового наказания. После этого был объявлен перерыв до второй половины дня. На вечернем заседании главный судья предложил Линчу отпустить из-под стражи капитана Чарлза Пенхоллоу, ранее осужденного решением жюри присяжных, собранных по инициативе Моргана. Под занавес зачитали показания свидетелей, допрошенных сэром Генри, и пришли к выводу, что оснований для продолжения рассмотрения «дела о беспорядках» пока что нет.

12 (22) октября 1683 года состоялось еще одно заседание совета. В протоколе записано:

«Генерал [Линч] уведомил сэра Генри Моргана, что он и Совет, обсудив последние беспорядки, страсти и дурные поступки в Порт-Ройяле, пришли к мнению, что они произошли в основном по его вине, при заступничестве злых людей, замешанных в том, и сие привело к нарушению спокойствия; что он во всех случаях демонстрировал свое нерасположение и причинял беспокойства своим правлением, а также поощрял [адвоката Роджера] Эллетсона, который ранее причинил немалые хлопоты Совету и правительству; поддерживал Крэдока, Уильяма Арчболда и других, которые насмехались и действовали с ним заодно; что Скарлет и его брат Арчболд не отстаивали интересы короля и организовали собрания, направленные против Билля о доходах назло его превосходительству; что пятеро или шестеро приватных людишек под их протекцией поносили и оскорбляли правительство, из-за чего ассамблея решила, что необходимо поручить генералу и Совету рассмотреть оное и защитить правительство и город; и затем генерал рассказал ему [Моргану] обо всем, что было получено под присягой, показав, что он вышел за рамки, как и мятежник капитан Пен-холлоу и прочие, которые образумились и попытались сохранить спокойствие, только не капитан [Чарлз] Морган и иные, которые повели себя вызывающе… и стали причиной раздоров между вигами и тори; он осыпал проклятиями ассамблею и поносил во время своих дебошей генерала, что стало весьма опасным для правительства и привело к волнению народа, в частности на Пойнте. И затем генерал объявил Совету, что сэр Генри рассказал ему о преступном замысле некоторых людей, собиравшихся свергнуть капитана [Чарлза] Моргана и убить его, дабы не позволить ему стать майором вместо [Сэмюэла] Бейча; сэр Фрэнсис Уотсон объявил, что он говорил нечто подобное и ему, однако же ничего подобного не было… как и прочих нелепиц, выдуманных сэром Генри.

В ответ на все это сэр Генри лишь выразил надежду, что его

не обвинят еще и в прегрешениях других людей; да, он часто бранил их, но никогда не пытался оскорбить генерала; и с тем оставил все это на совести генерала, после чего удалился».

Когда губернатор спросил членов совета, будет ли способствовать королевской службе, миру и безопасности острова продолжение исполнения обязанностей Морганом, те пришли к мнению, что он должен быть отстранен от всех командных должностей. Соответственно решили, чтобы «сэр Генри Морган был отстранен от выполнения всех служебных обязанностей и руководящих постов и выведен из Совета».

Следующий протокол сообщает:

«Генерал повторил различные экстравагантные выходки сэра Генри Моргана во время опьянения, среди прочего — как он проклинал ассамблею; сэр Фрэнсис Уотсон и полковник Баллард сказали, что это не так; на что Совет велел майору Бейчу позвать миссис Уэллен, чтобы рассказать ему об этом; она пришла, будучи вызванной, и, принеся присягу, объявила, что однажды ночью сэр Генри Морган проходил мимо ее двери с несколькими другими, коих она не знает, и она слышала, как сэр Генри Морган чертыхнулся: “Черт возьми эту ассамблею!”».

В итоге всех этих разбирательств капитан Чарлз Морган был отстранен от командования фортом Порт-Ройяла, Роджера Эллетсона уволили с должности судьи, а Роберта Биндлосса вывели из состава совета.

2 (12) ноября в донесении, адресованном министрам торговли и плантаций, Линч писал, что ему противостояла «малочисленная, пьяная и глупая партия сэра Генри Моргана». Оппоненты губернатора «пытались поднять шумиху из-за нескольких законов, а также по поводу Акта о нефах, уверяя, что я был подкуплен, дабы содействовать Королевской Африканской компании. Эти вещи и спровоцированные ими беспорядки в Пойнте доставили мне больше проблем, чем я когда-либо имел в своей жизни».

Далее сэр Томас перечислил причины, почему он — «по просьбе ассамблеи и рекомендации Совета» — уволил со всех должностей сэра Генри, полковника Биндлосса и капитана Чарлза Моргана: 1) министры сами хотели, чтобы Морган был выведен из совета и отстранен от должности вице-губернатора, однако он, Линч, не сделал этого раньше, надеясь, что они найдут общий язык и будут вместе служить королю; 2) вместо объединения усилий с губернатором Морган не проявил к нему должного уважения и от всей души желал ему скорейшей смерти, дабы занять его пост; более того, «во время дебошей, продолжавшихся дни и ночи напролет, он все больше возвеличивался, а я

подвергался критике со стороны участвовавших в них пяти-шести мелких подхалимов»; 3) сообщниками Моргана выступали «некто Крэдок, Эллетсон и другие, которые нарушали мир и оскорбляли правительство», хотя он, Линч, пытался оправдать их поведение как в совете, так и за его пределами; 4) «все беды и беспокойства, случившиеся в Пойнте со времени моего прибытия, были вызваны капитаном Морганом, но сэр Генри всегда защищал его вопреки закону, истине и справедливости»; 5) «сэр Генри Морган и капитан Морган организовали специальный клуб, посещаемый только пятью или шестью лицами, где (особенно когда его члены бывали пьяны) диссиденты богохульствовали и ругались; вся страна была сподвигнута ими принять наименование Лояльного Клуба, и люди начали замечать, что это выглядело так, будто он возомнил себя главой тори, а я, соответственно, должен был выглядеть главой вигов»; 6) однако «люди, как и я, возмущались этим, а поскольку клуб посещали лишь пять или шесть человек, и не имел ни смысла, ни денег, ни трезвости, он начал умирать, а сами актеры — все больше бояться и стыдиться своего участия в этом»; потом «произошел несчастный инцидент с судном “Фалкон”, о котором я уже писал вам, когда жюри присяжных было склонно объяснить смерть старпома Уайлда убийством»; в результате этого «некто Кауорд, диссидент, будучи зачинщиком оного, как и Мингем, последовавший за ним, спровоцировали капитана Черчилля на то, чтобы ругать и оскорблять инакомыслящих в Пойнте»; такие действия «понравились сэру Генри Моргану и клубу, которые стали на сторону Черчилля против жюри присяжных и сделали его одним из своей компании»; 7) «Черчилль рассказал мне в моей палате (когда я был болен), что капитан Пенхоллоу и несколько надежных и трезвомыслящих купцов замыслили убить его в День благодарения за спасение короля, что он был готов к сему и, соответственно, избежал этого, вернувшись на свой корабль, и что они наняли сброд и договорились, что нападут, когда некая песня будет спета»; капитан «публично подтвердил это у меня в зале перед несколькими членами Совета и ассамблеи, добавив, что они собираются его убить из-за того, что его звали Черчилль и его семья была связана с герцогом [Йоркским]; что Пойнт был хуже, чем Алжир, как сказал ему сэр Генри Морган»; позже Черчилль пришел в совет «и сказал, что об этом ему сообщил сэр Генри Морган и что он был человеком чести»; 8) тем временем «сэр Генри вывел меня из зала в гостиную и сказал мне, что имелся план напасть на капитана Моргана и убить его из опасения, что я могу назначить его майором, когда Бейч уйдет»; сэр Фрэнсис Уотсон заявил в совете, что сэр Генри говорил это и ему, но

Морган впоследствии «стал отрицать это, будучи не в состоянии представить какие-либо доказательства»; капитан Чарлз Морган и его сообщники «едва не убили капитана Пенхоллоу», но сэр Генри спас его, заключив в тюрьму; вне себя от ярости, Морган поклялся, что Чарлз Пенхоллоу и его друзья хотели убить Черчилля, а капитана Моргана не убили лишь потому, что Черчилля не было рядом с ним — «так же как фанатики не убили короля, потому что рядом с ним не было герцога Йоркского»; 9) особо Линч подчеркнул, что, «напиваясь, сэр Генри весьма экстравагантно поносит правительство, ругается, чертыхается и посылает проклятия»; если бы министры «имели полное знание о его поведении в период его вице-губернаторства, о его излишествах, страстях и неспособности вести дела, вы были бы скорее поражены тем, как он вообще был взят на службу, чем тем, почему он теперь отправлен в отставку».

Губернатор также отметил, что о причинах увольнения полковника Роберта Биндлосса министры узнают из протоколов совета. «Я лишь добавлю, что он является одним из самых страшных людей, которых я знаю, — пишет он. — Когда я раньше был губернатором, а он — членом Совета, он в частном порядке взял у одного пирата ложное свидетельство против меня и отправил оное домой через секретаря лорда Воана. Меня бы уже не было в живых, если бы я доверился такому человеку».

Линч просил министров подтвердить его решение об увольнении Морганов, намекая, что в противном случае «станется беда, коли я умру». Он снова подчеркнул, что сэр Генри и его друзья «чинят страшные насилия и лишены чувств; они разъярены на людей, а люди — на них. Я бы должен был быть добрым в отношении Чарлза Моргана по многим причинам и, в частности, в связи с рекомендациями господина секретаря, но он настолько надменен, вспыльчив и неравнодушен к выпивке, что нет возможности ни служить ему, ни использовать его. Он был зачинщиком всех беспорядков в Пойнте, из-за которых я был вынужден лишить его должности заместителя коменданта. Он едва не убил нескольких сержантов, подравшись с ними, хотя им не было выплачено жалованье; одна женщина поклялась, что он убил ее мужа; офицеры в Пойнте могут поклясться, что ни один сержант или солдат не желает идти в крепость из-за страха перед ним и что многие дезертировали; клянутся, что он никогда не приходил в крепость до двенадцати или часа ночи, а затем пил или так буянил, что нещадно бил сержантов и солдат без всякой вины с их стороны; он и его сообщники были зачинщиками драки в Пойнте и едва не убили Пенхоллоу, за что теперь они приведены к послушанию и в Верховный суд. Мартин,

генеральный сборщик податей, жаловался мне на днях, что [Чарлз] Морган пришел в его кабинет за деньгами и попытался ударить его без всякой причины, просто из буйства. Ничто так не свидетельствует о его злорадстве по отношению ко мне, как то, что он нарядился в новое платье светлых тонов, узнав о смерти моей жены, тогда как все остальные были в черном. А ведь она была его родственницей и оказала ему услугу… В прежних письмах я сообщил вам о необходимости лишить сэра Генри Моргана всяческих надежд на управление [Ямайкой]».

Морган начал слать в Лондон гневные протесты, но они не были услышаны. Уволенный со службы, он запил и уехал на время из Порт-Ройяла в свое имение Лоренсфилд. Оно лежало на полпути между Пэссидж-Фортом и Спаниш-Тауном, и отсюда легко и быстро можно было попасть как в столицу острова, так и в Порт-Ройял.

В январе 1684 года сторонники губернатора Линча предприняли еще одно наступление на Моргана и его друзей. 11 (21) января в Порт-Ройяле были взяты свидетельские показания у Генри Арчболда по поводу «крамольных речей» его друга, но тот отрицал, что сэр Генри Морган когда-либо посылал проклятия в адрес ассамблеи, и отверг все «доказательства» майора Сэмюэла Бейча. В тот же день адвокат Роджер Эллетсон показал под присягой, что не участвовал в беспорядках в Порт-Ройяле, имевших место в октябре 1683 года, и отверг утверждения о том, будто их инициатором был вице-губернатор.

28 февраля (9 марта) сэр Томас Линч составил новый отчет о ситуации на острове. В нем он сообщил министрам торговли и плантаций о «бегстве» Чарлза Моргана, который едва не погубил своих собутыльников и не устроил новые беспорядки в Порт-Ройяле, поскольку в ночь перед выходом в море на борту судна «Фалкон» он и его друзья «задирали стражу и оскорбляли офицеров». За день или два до этого Чарлз вместе с сэром Генри «и их партией» тайно подписали аттестат Джону Лонгворту, пастору Порт- Ройяла, — «больному человеку, который выпивал с ними, нарушая свои обязанности и оскорбляя свой приход». Линч и его сторонники также установили, что накануне отплытия Чарлз Морган составил «вредоносный и раскольничий» документ, подписанный его друзьями. «Сэр Генри был готов поклясться, что он не подписывал его, — сообщает Линч, — но мы подозреваем, что Чарлз Морган и сэр Фрэнсис Уотсон подписали его от имени остальных». Губернатор выразил уверенность, что король и лорды министерства не придадут значения пасквилю, который передаст им смутьян Чарлз, и будут всецело доверять официальной информации, исходящей от губернатора, ассамблеи и Совета

Ямайки.

29 февраля (10 марта) в Лондоне состоялось заседание министерства торговли и плантаций. На нем было зачитано письмо сэра Томаса Линча от 2 (12) ноября 1683 года, в котором он сообщал о приостановке членства сэра Генри Моргана и полковника Биндлосса в Совете Ямайки и об увольнении полковника Чарлза Моргана. «Мы рекомендуем действия сэра Томаса Линча утвердить», — сказано в постановлении.

Тем временем Чарлз Морган прибыл в Лондон, где имел встречу с некоторыми членами правительства. Он узнал о письмах Линча, в которых губернатор поливал грязью сэра Генри Моргана и его друзей. Племянник сэра Генри без промедления подал петицию на имя короля. 2 (12) мая в Хэмптон-Корте король Карл подписал распоряжение, обязав правительство рассмотреть жалобу сэра Генри Моргана, Роберта Биндлосса, Роджера Эллетсона и Чарлза Моргана относительно действий губернатора Ямайки, отстранившего их от занимаемых должностей, и принять решение поданному вопросу.

18 (28) июня министры торговли и плантаций еще раз обсудили конфликт, возникший между Линчем и его оппонентами, и договорились не изменять своего прежнего решения по данному делу. Спустя неделю об этом было доложено его величеству.

Между тем физические недуги окончательно подорвали здоровье губернатора Ямайки. Он умер 24 августа (3 сентября) того же года и был похоронен в кафедральной церкви Спаниш-Тауна. Надпись на его надгробии гласит: «Здесь покоится сэр Томас Линч в мире, покое и блаженстве. Кто хочет знать больше, люди расскажут остальное».

Незадолго да кончины сэр Томас успел оставить поручение на пост исполняющего обязанности губернатора Хендеру Моулзвёрту — ярому противнику флибустьеров и их покровителей. Этим были развеяны надежды Моргана еще раз получить пост главы ямайской администрации.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

После отставки Морган уехал в Лланримни — свое имение на северной стороне острова, в приходе Сент-Мэри, близ тихой гавани Порт-Мария. Его соседями здесь были полковник Томас Баллард, капитан Питер Хейвуд и капитан Эндрю Лэнгли. Все они являлись «джентльменами весьма веселого нрава», ставшими пионерами освоения северного побережья Ямайки. Поскольку в эти места частенько наведывались пираты и маруны — беглые негры-рабы, обитавшие в соседних горах, — дома в имениях строили из камня, с толстыми стенами и решетками на окнах. На случай осады в них хранили большой запас провизии, а также холодного и огнестрельного оружия, пороха и боеприпасов. Вооруженными до зубов ходили не только хозяева, но и слуги.

В период опалы сэру Генри пришлось немало потрудиться, чтобы оградить себя от нападок политических противников, регулярно писавших на него жалобы двору и подававших против него иски в суды различных инстанций. А в 1685 году имя Моргана появилось на страницах английских газет в связи с громким судебным процессом, на котором он через своего адвоката потребовал возмещения морального ущерба за клевету от двух издателей книги Эксквемелина.

Как известно, первое издание упомянутого сочинения вышло на голландском языке в 1678 году в амстердамской типографии Яна тен Хорна под названием «De Americaenshe Zee-Roovers» («Американские морские разбойники»). В 1679 году книга Эксквемелина была издана в Германии на немецком языке. Спустя два года, в 1681 году, вышло ее испанское издание — под названием «Пираты Америки», а в 1684 году в лондонских издательствах Уильяма Крука и Томаса Мальтуса появились английские версии книги — под названиями «Буканьеры Америки» и «История буканьеров»; при этом издатели воспользовались переводами как с голландского, так и с испанского изданий. Естественно, книга привлекла внимание Моргана. Поскольку в ней он был назван кабальным слугой и изображен кровожадным пиратом, совершившим массу чудовищных преступлений, сэр Генри не мог не отреагировать на подобную дискредитацию его имени. Он поручил своему лондонскому поверенному в делах Джону Грину подать иск против Крука и Мальтуса, требуя от каждого по десять тысяч фунтов стерлингов возмещения за моральный ущерб.

В иске против Мальтуса, направленном в Суд Королевской Скамьи, сообщалось: «…несмотря на то, что семья Морганов

всегда сохраняла верность и естественную привязанность к королю, добыла добрую славу как на море, так и на суше, с отвращением и омерзением относилась к преступным деяниям, пиратству и т. п.; что в Вест-Индии имеются такие воры и пираты, именуемые буканьерами, которые кормятся пиратством, хищничеством и всевозможными злодеяниями без разрешения законных властей; что Генри Морган всегда питал и до сих пор питает ненависть к этим людям, однако Томас Мальтус, незнакомый с этими фактами, умудрился нанести ущерб доброму имени и репутации Генри Моргана, печатая, распространяя и обнародуя заведомо фальшивый, вредный и известный пасквиль под названием “История буканьеров”».

Иск аналогичного содержания был подан также против Крука. Оба иска поступили в суд на Пасху 1685 года. О результатах разбирательства по делу Крука «Лондонская газета» сообщила 8 (18) июня:

«Вестминстер, 1 июня. Недавно были опубликованы две книги, одна — Уильямом Круком, другая — Томасом Мальтусом, под названием “История буканьеров”; обе книги содержат много лживых, скандальных и вредных размышлений о жизни и деяниях сэра Генри Моргана с Ямайки, рыцаря. Названный сэр Генри Морган через судебное разбирательство в Суде Королевской Скамьи получил возмещение за клевету в размере 200 ф. ст. И по смиренной просьбе и ходатайству Уильяма Крука милостиво прекратил судебное преследование названного Крука, приняв признание им вины и обнародование сего в печати».

Томас Мальтус должен был уплатить Моргану за моральный ущерб 210 фунтов стерлингов. Оба издателя поспешили напечатать свои извинения в виде пространных предисловий к новым изданиям книги. В этих предисловиях они изобразили сэра Генри «доблестным рыцарем без страха и упрека», а Эксквемелина упрекнули в предвзятом отношении к англичанам вообще и к Моргану в частности. Впрочем, как справедливо заметил Тим Северин, «большая часть сенсационных подробностей, приводимых Эксквемелином, никуда не делась, поскольку издатели не были глупцами и отлично понимали, отчего книга так хорошо продается».

После смерти короля Карла (он умер 6 февраля 1685 года по юлианскому календарю) на трон под именем Якова II Стюарта взошел его брат герцог Йоркский. Совету Ямайки об этом стало известно лишь через два месяца — 13 (23) апреля. Все ожидали смены правительства и значительных изменений как во внутренней, так и во внешней политике Великобритании.

Спустя несколько месяцев новым губернатором Ямайки был

назначен сэр Филипп Хоуард. В инструкциях, которые он получил, ему запрещалось самовольно возвращать в Совет Ямайки сэра Генри Моргана и других лиц, ранее выведенных из его состава Линчем. Хоуард должен был внимательно изучить все обстоятельства, связанные с их увольнением, и подать рапорт об этом правительству, которое оставляло за собой право принятия окончательного решения по данному вопросу. Но неожиданная смерть Хоуарда привела к тому, что Хендер Моулзвёрт остался исполнять обязанности губернатора и в следующем году.

Весной 1686 года было объявлено о выборах в новую ассамблею Ямайки, которая должна была начать работу 2 (12) июня. Борьба за депутатские кресла была жаркой; при этом Морган и его сторонники выступили против политики губернатора, поощрявшего продажу африканских невольников в испанские колонии и сбивавшего цены на сахар. Моулзвёрт скрипел зубами и жаловался государственному секретарю на то, что сэр Генри пытается во что бы то ни стало «протолкнуть» в состав ассамблеи своих людей.

Усилия Моргана получили поддержку прежде всего в северных округах, где на новых сахарных плантациях потребность в рабском труде ощущалась особенно остро. В конце концов Роджер Эллетсон и Генри Арчболд были избраны в ассамблею от прихода Сент-Джордж, Томас Баллард и Эндрю Лэнгли победили на выборах в приходе Сент-Мэри, Уильям Брэгг — в приходе Сент-Энн, а бывший секретарь Моргана Джон Пик — в Кларендоне.

Пользуясь поддержкой большинства членов новой ассамблеи, Эллетсон инициировал принятие ряда законов в интересах плантаторов, однако губернатор отказался их одобрить. Началась привычная открытая и закулисная борьба между сторонниками губернатора и оппозицией. Моулзвёрт вынужден был лавировать. На заседании Совета Ямайки, которое состоялось 13 (23) октября, губернатор напомнил присутствующим, что на следующий день будет отмечаться день рождения короля. Вся ямайская элита, включая оппонентов, была приглашена на роскошный ужин и бал-маскарад, организованный усилиями жены губернатора. Играла музыка, на улицах горели праздничные костры, а в небе рассыпались огни фейерверков.

Между тем король Яков подыскал на пост губернатора Ямайки нового кандидата в лице сэра Кристофера Монка, второго герцога Альбемарля. Герцог, безусловно, симпатизировал Моргану, которому ранее покровительствовал его покойный отец, и по этой причине в октябре попросил короля позволить вернуть сэра Генри Моргана и Роберта Биндлосса в Совет Ямайки. Однако

король отклонил эту просьбу, рекомендовав Альбемарлю сначала осмотреться на новом месте и вникнуть в дела.

В ноябре сэру Кристоферу официально вручили королевское поручение на пост губернатора. Впрочем, процесс подготовки к его отъезду в Вест-Индию растянулся почти на год.

В марте 1687 года герцог получил пакет дополнительных инструкций, в которых, в частности, указывалось, что он не должен возвращать в Совет Ямайки лиц, которых вывел оттуда Линч, без специального распоряжения его величества.

Сэр Кристофер покинул Англию в разгар осени, прибыл на Ямайку 19 (29) декабря и тут же начал писать письмо министрам торговли и плантаций: «Я прибыл сюда этим утром и, полагая, что это не будет обременительным для вас, даю вам настоящий отчет о путешествии. Мы покинули Спитхэд 12 сентября, но были вынуждены вернуться в Сент-Хеленс 13-го; покинули ее снова 19-го, стали на якорь в Плимутской бухте из-за шторма с юго-юго-востока 21-го, покинули ее 5 октября и стали на якорь на рейде Мадейры 21-го. Мадейру мы покинули 25-го, а 25 ноября стали на якорь в бухте Карлайл на Барбадосе… Я покинул Барбадос 5 декабря, стал на якорь на рейде Невиса и сошел на берег… 11-го я покинул Невис, чтобы идти на Сент-Кристофер, и высадился там в тот же день… Полковник Хилл встретил меня весьма любезно, и в тот же вечер я отплыл, прибыв в Порт-Ройял 19-го. На следующий день я сошел на берег и был весьма любезно встречен вице-губернатором и Советом. Я осмотрел полк Порт-Ройяла, который находится в образцовом порядке… Крепость и форты в настоящее время не в лучшем состоянии, но я надеюсь вскоре отремонтировать их. Оттуда я отправился в Спаниш-Таун, где я нашел Королевский дом, как и в Порт-Ройяле, в таком ужасном состоянии, что он не пригоден для проживания даже какого-нибудь частного лица. Поэтому я был вынужден арендовать дом вице-губернатора и еще один — в Порт-Ройяле».

В приписке к письму сэр Кристофер заметил: «Я должен вам сообщить, что весь Совет просил меня рекомендовать вторично допустить сэра Генри Моргана в Совет, что я охотно делаю».

Перед Рождеством герцог принял сэра Генри в своем доме в Порт-Ройяле.

«Морган поднимал бокал за бокалом за здоровье своего товарища по лондонским похождениям, — описывает эту встречу Жорж Блон. — Нет нужды говорить, сколь он был рад вновь свидеться с другом-аристократом. Адмирал вспоминал три года, проведенные в столице в шумных пирах, называл имена собутыльников и сотрапезников, имена женщин и — внезапно заходился в долгом приступе кашля. Герцог молча ждал

окончания приступа, пытаясь скрыть тревогу и изумление при виде того, в какую развалину превратился гуляка-адмирал».

11 (21) февраля 1688 года в письме министрам торговли и плантаций герцог Альбемарль снова поднял вопрос о возвращении сэра Генри в Совет Ямайки: «Я думаю, что для королевской службы действительно необходимо постоянно иметь значительное количество членов Совета, проживающих на острове. Сэр Чарлз Модифорд умер, полковник Коуп безнадежно болен, а болезни и иные несчастные случаи отвращают некоторых от участия в заседаниях настолько, что однажды мы не смогли набрать достаточно людей для кворума и Совет пришлось отложить. Несколько раз с трудом набиралось до пяти человек, и то после долгого ожидания. Я надеюсь, что вы одобрили кандидатуру сэра Генри Моргана и представили его королю как подходящего человека для здешнего Совета, ибо Совет рекомендовал его мне, как я вам уже рассказывал».

Весной король Яков повелел, чтобы отставка сэра Генри Моргана была отменена. Авизо с этой новостью прибыло на Ямайку в июле.

СМЕРТЬ И ПОСМЕРТНАЯ СЛАВА

В письме министрам торговли и плантаций, датированном 8 (18) августа, герцог Альбемарль сообщил, что, выполняя волю короля, вернул сэра Генри Моргана в состав Совета Ямайки. «Но я боюсь, — добавил герцог с ноткой грусти, — что он не будет жить долго, поскольку чрезвычайно плох. Полковник Джон Коуп, другой член Совета, умер несколькими днями ранее».

Действительно, бренные дни сэра Генри были уже сочтены. Знаменитый врач и коллекционер, основатель Британского музея Ганс Слоан, прибывший на Ямайку вместе с сэром Кристофером, был приглашен доктором Роузом осмотреть больного. Моргана он нашел «худым, с землистым цветом кожи, глаза желтоватые, живот выпуклый, или вздутый». Пациент жаловался на отсутствие аппетита, слабость, тошноту и понос. Слоан решил, что виной тому — «пьянство и ночная жизнь», и прописал Моргану целый букет мочегонных и слабительных средств. Сэру Генри стало легче, однако он не захотел менять своих привычек и продолжал вести разгульный образ жизни. В результате его самочувствие вновь резко ухудшилось. Слоан и Роуз прописали больному новые снадобья, которые дали временный положительный эффект, но после очередной пьянки Морган опять почувствовал себя плохо. Не доверяя больше дипломированным специалистам, он обратился за помощью к колдуну-африканцу. Последний, как писал Слоан, «поставил ему клистир с мочой и облепил его с ног до головы глиной с водой, чем усилил кашель. Тогда он отказался от черного доктора и послал за другим, который посулил ему исцеление, но больной продолжал слабеть, кашель усиливался, и вскоре он умер».

Сэр Генри Морган скончался в Лоренсфилде 25 августа (4 сентября) 1688 года. Тело умершего доставили в Порт-Ройял, в церковь Крайст-Чёрч, где отпевание провел доктор Джон Лонгворт. Краткое сообщение о похоронах сэра Генри нашло отражение в шканечном журнале капитана фрегата «Эсистенс» Лоренса Райта:

«Август 1688 года.

Суббота 25-го. В этот день около одиннадцати часов утра сэр Генри Морган умер, а 26-го был перевезен из Пэссидж-Форта в Королевский дом Порт-Ройяла, оттуда — в церковь, а после заупокойной службы отвезен на [кладбище] Палисадос и там похоронен. Все форты произвели равное число пушечных залпов, мы сделали двадцать два пушечных выстрела, а после нас и “Дрейка”, который тоже стрелял, выстрелили и все торговые

суда».

Таким образом, бывшему «королю» флибустьеров Ямайки были оказаны адмиральские почести.

Сохранилось завещание сэра Генри Моргана, датированное 17 (27) июня 1688 года, в котором говорилось: «Во-первых, я желаю передать и завещаю мою душу Всемогущему Господу, чтобы вручить оную, твердо веруя и надеясь на прошение и сострадание ко всем моим грехам посредством воздаяния и ходатайства моего благословенного Владыки и Спасителя Иисуса Христа. Тело мое я завещаю предать земле, чтобы быть ему благопристойно погребенным на усмотрение душеприказчика и поверенного, твердо веруя в радостное воскресение. Что касается распоряжения тем мирским состоянием, каковое по милости Господа было жаловано мне, я желаю передать и завещать его по наследству так, как указано далее. Итак, я желаю передать и завещаю моей дражайшей и возлюбленнейшей жене госпоже Марии Елизавете Морган все мое действительное имущество, земли, дома и наследства со всеми принадлежностями, к ним относящимися… на период и в течение срока ее земной жизни со всеми доходами, вытекающими из оного, ради и в отношении оплаты моих долгов без какой-либо иной выгоды для каких-либо иных лица или лиц».

Кроме того, в завещании указывалось, что после смерти Марии Елизаветы Морган имение Пенкарн в приходе Сент-Джордж должно перейти к Моргану Биндлоссу, несовершеннолетнему сыну Роберта Биндлосса, когда он достигнет совершеннолетия; поместье Артуре-Лэнд в приходе Сент-Мэри было завещано Ричарду Эллетсону, сыну и наследнику Роджера Эллетсона, а имение Дэнкс в Кларендоне следовало продать для уплаты долгов. Земли, принадлежавшие леди Морган, должны были после ее смерти последовательно передаваться Чарлзу Биндлоссу, Пёлышцу Биндлоссу, Генри Арчболду, Анне Марии Биндлосс и Кэтрин Марии Биндлосс — ее племянникам и племянницам, а также их наследникам мужского пола при условии, что его друг полковник Томас Баллард получит «зеленое седло со всеми принадлежностями», а Роджер Эллетсон — «одну из лошадей, мое голубое седло и снаряжение вместе с пистолетной кобурой, украшенной серебром»; двое его крестников, Генри Арчболд и Ричард Эллетсон, как и племянник его жены Томас Биндлосс, должны были получить по сабле с серебряными эфесами и по траурному кольцу. Приходу Сент-Мэри Морган завещал 100 фунтов стерлингов. Еще 60 фунтов стерлингов ежегодно полагалось выплачивать родной сестре сэра Генри — Кэтрин Ллойд, которой эти деньги должен был

передавать «кузен Томас Морган из Тредегара». Десять негров, двух мулов или двух лошадей следовало подарить Моргану Биндлоссу после достижения им двадцати одного года.

Кроме того, сэр Генри завещал передать по 20 фунтов стерлингов двум дочерям Роберта Кука из Спаниш-Тауна, по 50 фунтов стерлингов — сервентам Юан Дэвис и Джоан Поттер, десять фунтов стерлингов — Рису Моргану и пять фунтов стерлингов — сервенту Роджеру Шуринни. Траурные кольца были подарены герцогу и герцогине Альбемарль, сэру Фрэнсису Уотсону и его жене, полковнику Томасу Балларду и его жене, сэру Ричарду Дерему, подполковнику Джону Парнаби и его жене Энн, майору Томасу Балларду, майору Джону Пику, капитану Джону Фиппсу и его жене Ребекке, майору Уильяму Арчболду и его жене Мэри, а также некоторым иным друзьям и родственникам. Наконец, своему приятелю доктору Джону Лонгворту сэр Генри завещал десять фунтов стерлингов и траурное кольцо, а священнику Филиппу Беннету — пять фунтов стерлингов и траурное кольцо.

Прах сэра Генри недолго покоился в земле. 7 (17) июня 1692 года сильное землетрясение и вызванное им цунами разрушили Порт-Ройял. Часть города погрузилась на дно Карибского моря, включая кладбище, на котором был погребен бывший вожак флибустьеров.

Вдова сэра Генри, Мария Елизавета Морган, пережила его на восемь лет. Она умерла в Спаниш-Тауне и была похоронена в местной приходской церкви 3 (13) марта 1696 года.

Если бы имя Генри Моргана сохранилось лишь в архивных документах и сочинениях историков, его носитель вряд ли приобрел бы всемирную известность. Однако необычная биография «короля» флибустьеров, возведенного в рыцари и занявшего пост вице-губернатора Ямайки, со временем привлекла к себе внимание многих деятелей литературы и искусства. Благодаря им — писателям, поэтам, художникам, музыкантам и кинематографистам — Морган превратился в человека-легенду, интерес к которому не ослабевает и в наше время.

Широкую известность Генри Морган приобрел в XIX — первой половине XX века, когда его «подвиги» на Испанском Мейне, описанные Эксквемелином, взялись романизировать европейские и американские писатели. Так, капитан Эдвард Хоуард написал исторический роман «Сэр Генри Морган, буканьер», опубликованный в 1842 году, уже после смерти автора, в двух томах. Помимо сочинения Эксквемелина Хоуард использовал также доступные ему документы, касавшиеся

деятельности Моргана и его современников.

В 1869 году вышел в свет приключенческий роман мексиканского писателя Висенте Рива Паласио «Пираты Мексиканского залива», неоднократно издававшийся и на русском языке. Хотя Морган не является главным героем этого произведения, Рива Паласио сделал его одной из ключевых фигур двух «пиратских» частей романа.

Такое же почетное место Морган занял в романах итальянского писателя Эмилио Сальгари «Черный корсар» (1898) и «Иоланда, дочь Черного корсара» (1905).

В романе Джека Лондона «Сердца трех», написанном в соавторстве с Чарлзом Годдардом и впервые опубликованном в 1919–1920 годах в газете «Нью-Йорк джорнэл», молодой потомок «пирата Моргана», который оставил ему богатое наследство, отправляется в Центральную Америку на поиски сокровищ своего предка. Легенда о кладе Моргана возникла благодаря туманному замечанию Эксквемелина, что после грабежа Панамы, во время дележа добычи, адмирал предупредил флибустьеров о пропаже большого количества драгоценностей. Позже эту историю с пропажей части панамских сокровищ активно эксплуатировали в своих произведениях и другие авторы.

Некоторые выдающиеся деяния Генри Моргана легли в основу одного из лучших романов Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада» (1922). Наибольшее число заимствований из биографии Моргана можно обнаружить в главах XVI и XVII, посвященных захвату капитаном Бладом испанских городов Маракайбо и Гибралтар в Венесуэле, а также уничтожению им испанской эскадры адмирала дона Мигеля де Эспиноса-и-Вальдеса. В другом романе Сабатини, «Хроники капитана Блада» (1931), пираты ищут клад Моргана, якобы спрятанный им на Панамском перешейке. И еще раз Сабатини возвращается к образу Генри Моргана в романе «Черный лебедь» (1932). Его герой Шарль де Берни, ранее участвовавший в походах адмирала Моргана, берется выполнить опасное задание своего друга, теперь уже ямайского губернатора сэра Генри Моргана, по поимке пиратской шайки «пресловутого Тома Лича» и, естественно, блестяще справляется с ним.

Примечательно, что первый роман американского писателя Джона Стейнбека — «Чаша золота» — был посвящен жизнеописанию Генри Моргана. Прежде чем выйти в свет в августе 1929 года, роман был отвергнут семью издателями. Тем не менее весь дебютный тираж в 1500 экземпляров разошелся мгновенно — завистники говорили, что это произошло благодаря яркой обложке с изображением пирата, но оставим данное

утверждение на совести тех, кто отнесся к первому незрелому опыту писателя критически. Скорее всего, успех «Чаши золота» был предопределен выбором главного героя.

Австралийский писатель Филипп Линдсей посвятил Моргану сразу два своих романа — «Морган на Ямайке» (1930) и «Панама в огне» (1932).

В 1949 году вниманию американских читателей был представлен роман историка и писателя Фрэнсиса Ван Вика Мейсона «Империя абордажной сабли» (в русском переводе — «Король абордажа»), написанный в классических традициях историко-приключенческого жанра. Подобно Стейнбеку, Мейсон не идеализировал своего героя, показав, как насилие, жестокость и кровь сопровождали Моргана на всем жизненном пути.

Во второй половине XX и начале XXI века количество романов и повестей, посвященных Моргану, резко возросло. Среди них наиболее заметными были произведения Элизабет Макинтош, писавшей под псевдонимами Джозефина Ти и Гордон Дэвиот («Приватир», 1952; в русском переводе — «Джентльмен удачи», 1998), Яна Флеминга («Живи и дай умереть», 1954), Леонарда Вибберли («Пещера мертвеца», 1954), Николаса Монсаррата («Шкипер-моряк», 1978. Кн. 1), Айзека Азимова («Мародер», 1993), Стивена Тэлти («Империя Синей Воды», 2007) и Ллойда Шеферда («Английский монстр», 2012).

Кинематограф тоже внес свою лепту в популяризацию образа Генри Моргана. В 1909–1910 годах во Франции последовательно вышли три серии фильма «Пират Морган», снятого режиссером Викторeном Ипполитом Жассе (в роли Моргана — актер Жан Мари Делиль).

В 1941 году американский режиссер Джордж Ваггнер снял фильм «Остров ужаса», в котором герои отправляются на экскурсию на остров, где спрятаны сокровища Генри Моргана, но неожиданно сталкиваются с жутким призраком-убийцей.

В следующем году на экраны вышел классический фильм о пиратах «Черный лебедь», снятый Генри Кингом по мотивам одноименного романа Сабатини. Роль губернатора Ямайки сэра Генри Моргана в картине сыграл актер Лейрд Крегер.

В фильме Рауля Уолша «Пират Черная Борода» (1952) Генри Морган (актер — Торин Тетчер) неожиданно выступает противником другого знаменитого пирата — Эдварда Тича, в действительности промышлявшего на морях в начале XVIII века.

В 1960 году был снят итальянский фильм «Пират Морган», главную роль в котором сыграл актер Стив Ривз, а год спустя на экраны вышел фильм американского режиссера Роберта Уэбба «Пираты Тортуги». Роль Моргана в нем досталась Роберту

Стивенсу.

В 1976 году итальянский режиссер Серджио Соллима осуществил экранизацию романа Сальгари «Черный корсар»; в картину на роль капитана Моргана был приглашен актер Анджело Инфанти.

Эпизодически образ Моргана появлялся и в других фильмах о пиратах — например, в фильме Гора Вербински «Пираты Карибского моря: На краю света» (2007).

Поскольку в массовом сознании пираты Карибского моря обычно ассоциировались с ямайским ромом, компания «Сигрэм» в 1944 году придумала отличный маркетинговый ход и стала производить этот спиртной напиток под названием «Ромовая компания Капитан Морган». В 2001 году она продала бренд «Капитан Морган» британской компании «Дайеджио».

В последние годы интерес к деяниям Генри Моргана значительно оживился в связи с находками останков фрегатов «Джамайка мерчент» и «Сэтисфекшн». Так, в 2001 году немецкий подводный кладоискатель Клаус Кепплер сделал сенсационное заявление, что у берегов острова Ваш, к югу от Гаити, он обнаружил останки какого-то судна. Сначала кладоискатель предположил, что это — останки флагманского корабля Моргана «Оксфорд», затонувшего где-то в тех краях в январе 1669 года. Однако последующие исследования навели Кепплера на мысль, что, скорее всего, он наткнулся на останки судна «Джамайка мерчент», на котором Морган возвращался из Англии в качестве вице-губернатора.

Весной 2004 года в прессе появились сообщения, что фрагменты фрегата «Оксфорд» были найдены британскими археологами. Газетчики и телевизионщики уверяли, что «корабль удалось обнаружить благодаря тропическому урагану. Прилив размыл песчаные отмели, которые в течение столетий скрывали следы этой трагедии. Как сообщается, коралловые рифы бухты и ее песчаное дно усеяны золотыми монетами и предметами старинной утвари». Некоторые СМИ, распространяя эту информацию, на полном серьезе уверяли, что сенсационная находка была сделана «у берегов Гавайских островов».

В 2008 году искатели подводных кладов с помощью специального оборудования обнаружили в устье реки Чагрес в Панаме останки кораблекрушения XVII века. В сентябре 2010 года дайверы нашли в указанном районе шесть пушек, а летом 2012 года — часть правого борта неизвестного корабля, шпагу, бочки и сундуки. Предположив, что это могут быть останки флагманского фрегата Генри Моргана «Сэтисфекшн», затонувшего в январе 1671 года, дайверы обратились за финансовой поддержкой к компании

— производителю рома «Капитан Морган». Компания охотно выделила средства для продолжения подводных изысканий, которыми занимались ученые из Института речных систем и Центра археологических исследований при Техасском университете США. Все находки, поднятые со дна моря, остались в Панаме и по просьбе Панамского национального института культуры были выставлены в местном историческом музее. Данная экспозиция служит отличным дополнением к развалинам Старой Панамы, до сих пор привлекающим к себе туристов со всех концов света.

СЛОВАРЬ ИСТОРИЧЕСКИХ, МОРСКИХ И ИНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Абордаж — способ ведения морского боя во времена гребного и парусного флотов. Абордаж в военных или пиратских целях применялся для захвата корабля противника. Атакующий корабль сходился вплотную борт к борту с кораблем противника, сцеплялся с ним абордажными крючьями, чтобы корабли не разошлись во время боя. Затем бойцы абордажной команды высаживались на палубу корабля противника и вступали с экипажем неприятеля в рукопашную схватку с использованием холодного и огнестрельного оружия.

Авангард — передовой ударный отряд.

Авизо — небольшое быстроходное судно, служащее для доставки срочных сообщений, почты и т. п.

Адмирал — командующий флотом. Во время морского похода командующий мог называться *генералом,* или *генерал-капитаном;* в таком случае адмиралом именовался его первый заместитель.

Акр — английская земельная мера, равная 0,405 гектара.

Алькальд — в испанских колониях — городской голова, мэр, глава муниципальной администрации, выполнявший также судебные функции.

Альмиранта — вице-адмиральское судно в испанском флоте.

Альферес — испанский офицер-знаменосец, на флоте — старший лейтенант.

Амуниция — боеприпасы и иное боевое снаряжение.

Аркебуза — гладкоствольное фитильное ружье, один из первоначальных образцов ручного огнестрельного оружия, появившийся в 1379 году в Германии. Заряжалась с дула, стреляла короткой стрелой или каменными, а позже свинцовыми пулями. Пороховой заряд поджигался с помощью фитильного замка. В XVI веке аркебузой называли легкое ружье малого калибра.

Армада — испанское название крупного соединения военных, торговых и транспортных кораблей.

Армадилья — испанское название небольшой вооруженной флотилии.

Арроба — 1) испанская мера веса, равная 25 кастильским фунтам (11,5023 килограмма); 2) испанская единица измерения объема: «большая», или «винная» арроба была равна 16,133 литра, а «малая», или «масляная» — 12,563 литра.

Арьергард — замыкающий отряд, прикрывающий основные силы с тыла.

Ассамблея Ямайки — представительный орган власти на британской Ямайке, занимавшийся законодательной деятельностью.

Асьенда — в испанских колониях — имение, поместье, ферма.

Аудиенсия, или Королевская аудиенсия и канцелярия Панамы на континенте — суд апелляционной инстанции и административная структура в Испанской Америке; возглавлялась президентом.

Аудиенция — официальный личный прием у лица, занимающего высокий пост; как правило, у монарха.

Бак — надстройка в носовой части парусного судна.

Баландра — небольшое беспалубное парусно-гребное судно, использовалось для рыбной ловли и каботажных перевозок в бассейне Карибского моря. Родственные ему типы небольших судов — *баркалоны, ланчи, шлюпы, тартаны, каики.*

Балласт — груз, служащий для улучшения ходовых качеств судна.

Барка — небольшое одномачтовое судно, способное ходить как на веслах, так и под парусом.

Баркалона — парусно-гребное рыболовное, посыльное или боевое судно водоизмещением до 50 тонн. Как правило, имела одну мачту и длинный бушприт, но могла нести две и даже три мачты, на которых ставили большие прямые паруса и гафельный парус.

Баррель — мера объема сыпучих тел и жидкостей в различных странах. Для измерения объема сыпучих тел существовал так называемый английский баррель, который равнялся 4,5 бушеля или 163,66 литра.

Бастион — пятистороннее долговременное укрепление, возводившееся на углах крепостной стены. Представлял собой конструкцию с двумя *фасами* (передними сторонами), двумя *фланками* (боковыми сторонами) и открытой *горжей* (тыльной стороной). Обращенные друг к другу части двух соседних бастионов и соединяющий их участок ограды — *куртина* — образовывали бастионный фронт.

Батат — вид клубнеплодных растений рода ипомея семейства вьюнковых. Ценная пищевая и кормовая культура. Название «батат» заимствовано из языка индейцев-араваков.

Безоаровый камень — инородное тело в желудке; образование из плотно свалянных волос или волокон растений. Безоары встречаются преимущественно у жвачных животных. С

древних времен безоаровым камням приписывали свойства спасать своих владельцев от ядов. Из-за целебных свойств их часто относили к драгоценным камням.

Бизань-мачта — задняя, третья по счету мачта на трехмачтовом корабле.

Бимс — поперечная балка, поддерживающая палубу.

Блокгауз — фортификационное огневое сооружение, приспособленное для ведения кругового ружейного и артиллерийского огня и для проживания гарнизона.

Большое жюри — коллегия присяжных, созываемых с целью проверки оснований для предъявления обвинения лицу по конкретному уголовному делу и решения вопроса о возможности предания его суду, где дело будет рассматриваться с участием «малого жюри» присяжных. Большое жюри — институт, зародившийся в Англии в XII веке при короле Генрихе II, который в 1166 году в так называемой Кларендонской ассизе провозгласил: никто не будет предан суду за совершение преступления, пока четверо мужчин от каждой деревни и 12 от каждой сотни в графстве не явятся в суд, чтобы обвинить конкретное лицо в совершении конкретного преступления. Они свидетельствовали об известных им фактах и давали свою оценку. Постепенно, к XV веку, сложилось два вида жюри: обвинительное из 23 человек *(большое жюри)* и судебное — из 12 человек *(малое жюри)*. Институт большого жюри укоренился в правовой системе английских колоний, а затем и в США.

Боцман — представитель младшего командного состава на флоте, отвечавший за поведение матросов, производство такелажных работ, подъем тяжестей, постановку и спуск рангоута, уборку якорей, управление рулем и парусами на шлюпках и т. д.

Бразильское дерево — красное пернамбуковое дерево, в торговле — «бразильская шепа». Древесина произрастающих в Бразилии и на Антильских островах деревьев *Caesalpinia echinata Lam.*, *Caesalpinia brasiliensis Sw.* и др. Древесина красного или оранжево-желтого цвета, со временем темнеет, раскалывается с трудом, весьма тяжелая; под именем никарагуанской древесины идет на изготовление мебели и пригодна для смычков струнных музыкальных инструментов. Содержащееся в древесине красящее вещество бразилеин извлекается при кипячении или настаивании древесных стружек и идет для окраски шерстяных, шелковых тканей и кожевенных изделий.

Брандер — корабль, нагруженный легкогорючими либо взрывчатыми веществами, используемый для поджога и уничтожения вражеских судов.

Бригантина — двухмачтовое парусное судно со смешанным парусным вооружением — прямыми парусами на передней мачте (фок-мачта) и с косыми на задней (грот-мачта). В XVII веке бригантины оснащались не только парусами, но и веслами.

Бруствер — насыпь в фортификационном сооружении, предназначенная для удобной стрельбы, защиты от пуль и снарядов, а также для укрытия от наблюдения противника.

Буканиры — английское наименование флибустьеров в последней трети XVII века; происходит от термина *буканьеры.* В дальнейшем в англоязычной литературе буканирами стали называть не только флибустьеров, но и пиратов, промышлявших в американских водах в XVIII–XIX веках.

Буканьерское ружье — большое охотничье ружье (мушкет, фузея) длиной около 4,5 фута. Такие ружья часто использовались буканьерами, флибустьерами и корсарами. Лучшие буханьерские ружья производились во Франции — в Дьепе и Нанте, откуда во второй половине XVII века в большом количестве поставлялись на острова Вест-Индии.

Буканьеры — вольные охотники на островах Вест-Индии, прежде всего на Тортуге и Эспаньоле (Гаити). Часто участвовали в пиратских и каперских экспедициях.

Бушприт — горизонтальное либо наклонное рангоутное дерево, выступающее вперед с носа парусного судна. Предназначен для вынесения вперед центра парусности, что улучшает маневренность судна. К бушприту крепится стоячий такелаж стеньг передней мачты, а также такелаж носовых косых парусов — кливеров и стакселей.

Валлийцы (англ. *Welsh people* — уэльсцы; нынешний вариант остался по аналогии с устаревшей передачей названия Уэльса — Валлис, а также для большего удобства произношения) — кельтский народ, населяющий Уэльс (Великобритания).

Валлоны — романский народ в Южных Нидерландах (ныне — в Бельгии), населяющий южные провинции страны.

Ванты — снасти стоячего судового такелажа; изготавливались из пенькового троса и служили для укрепления мачты, являясь оттяжками к борту.

Вертлюжная пушка — небольшое поворотное артиллерийское орудие, устанавливаемое на борту корабля или стене крепости или форта с помощью шарнира (вертлюга), который обеспечивал свободное вращение орудия в двух плоскостях.

Вест-Индия — традиционное название островов Карибского моря и Карибского побережья американского материка.

Викарий — в католической церкви епископ, не имеющий

своей епархии и помогающий в управлении епархиальному архиерею; также штатный приходской священник, помогающий настоятелю.

Вице-адмирал — заместитель адмирала.

Вице-королевство — форма колониального владения в Испанской Америке, при которой правитель колонии (вице-король) наделялся неограниченными полномочиями и являлся прямым наместником наследственного монарха метрополии.

Вице-король — титул, который присваивался высшим представителям королевской власти в американских колониях Испании.

Галеон — большое многопалубное парусное судно XVI–XVIII веков с достаточно сильным артиллерийским вооружением, использовавшееся как военное и торговое. Основным толчком к его созданию было возникновение постоянных перевозок между Испанией и ее заморскими колониями. Данный тип парусного корабля появился в ходе эволюции каравелл и карраков. Снижение баковой надстройки и удлинение корпуса привели к увеличению остойчивости и снижению волнового сопротивления, в результате чего получилось более быстрое мореходное и маневренное судно. Парусное вооружение состояло из трех-пяти мачт, передние мачты несли прямое вооружение, задние — косое (латинское). Орудия были установлены и над, и под главной палубой, что привело к появлению батарейных палуб: орудия стояли по бортам и стреляли через порты. Водоизмещение крупнейших испанских галеонов доходило до 1000 тонн и более.

Галеот (галиот) — изначально средиземноморское парусно-гребное судно, родственное галере. Впоследствии галеотом (галиотом) стали называть тип парусного судна, который появился в Голландии и получил широкое распространение в XVII–XVIII веках в рыболовном, торговом и военном флотах.

Галера — гребной военный корабль с одним рядом весел и двумя-тремя мачтами с треугольными и прямыми парусами, которые использовались в качестве дополнительного двигателя.

Гауптвахта — главный караул и место, где размешался караул.

Генерал (генерал-капитан) — командующий эскадрой или флотом. Находился на флагманском корабле. Ему подчинялись как моряки, так и солдаты, участвовавшие в походе.

Государственный секретарь — в Великобритании XVII века один из высших государственных чиновников, занимавшийся вопросами внутренней и внешней политики. Во времена Моргана государственный секретарь северного департамента занимался связями с протестантскими странами Северной Европы, а

государственный секретарь южного департамента вел дела с католическими странами Южной Европы.

Гренадер — солдат, являющийся специалистом по изготовлению и метанию гранат (ручных бомб).

Грот-мачта — главная, самая высокая мачта на парусном судне.

Грот-рей — самый нижний рей на грот-мачте.

День благодарения за спасение короля — праздник в честь раскрытия Порохового заговора 1605 года. Вскоре после ликвидации католического заговора, направленного на взрыв парламента и убийство короля Гаем Фоксом, английский парламент принял специальный закон, предписывающий отмечать день 5 ноября как «радостный день благодарения за спасение». Закон действовал до 1859 года. Однако и после этого традиция празднования 5 ноября сохранилась. Теперь этот праздник известен в Великобритании как «Ночь Гая Фокса» или «Ночь фейерверков».

Диспозиция — план размещения войск на местности, а боевых кораблей — на рейде, базе или в открытом море.

Дож — титул главы государства в Венецианской морской республике.

Доминиканцы — католический монашеский орден, основанный испанским монахом святым Домиником в начале XIII века.

Дрейф — смещение (снос) судна с линии курса под влиянием ветра; характеризуется углом между линией пути и линией истинного курса. Дрейфом также называют снос стоящего на якоре судна под влиянием ветра или течения, когда якорь ползет по грунту, а также снос неуправляемого судна под влиянием ветра и/или течения.

Иезуиты — католический монашеский орден, основанный в 1534 году Игнатием Лойолой и утвержденный Павлом III в 1540 году. Официальное название — Общество Иисуса, также Орден святого Игнатия (по имени основателя).

Индиго — многолетнее тропическое растение, из листьев которого добывается синяя краска.

Индии, Западные Индии — земли, открытые и колонизованные европейцами (прежде всего — испанцами и португальцами) в Америке с конца XV по XVIII век.

Инквизиция — общее название ряда учреждений римско-католической церкви, предназначавшихся для борьбы с ересью.

Инхенио, инхеньо — в испанских колониях — плантация сахарного тростника и расположенный при ней завод по производству сахара.

Испанский Мейн — территория американского континента, колонизованная испанцами.

Кабильдо — название муниципального совета в городах Испанской Америки.

Каботаж — прибрежное плавание судна между морскими портами одного и того же государства без выхода в открытое море.

Кампешевое дерево — вид деревьев из рода *Haematoxylum* подсемейства цезальпиниевые семейства бобовые. Выращивается в тропиках. Измельченная древесина кампешевого дерева является источником ценного красильного вещества — кампеша, или синего сандала.

Канонир — то же, что и пушкарь, артиллерист.

Каноэ — лодка американских аборигенов, которая имела симметрично заостренные нос и корму. Характерной особенностью плавания на каноэ был способ гребли; экипаж пользовался лопатообразным одноло-пастным или двулопастным веслом, которым также производилось руление путем поворота весла в воде и изменением его траектории в конце гребка. Изготавливали каноэ двумя способами: 1) путем выдалбливания или выжигания из целого ствола дерева; 2) путем обтягивания легкого каркаса древесной корой.

Капеллан — 1) священник в армии, на флоте, в больнице (госпитале) и в других общественных учреждениях; 2) помощник приходского священника; 3) у католиков — священник при капелле аристократов и церковных иерархов, «домашний» священник, совмещавший церковные обязанности (руководство «частным» богослужением) с обязанностями секретаря.

Капер — частное лицо, получавшее от государства специальное свидетельство (грамоту) на право грабежа неприятельских кораблей и прибрежных селений. Капером называлось также судно, снаряженное с целью грабежа неприятельской собственности. Часть добычи капитан капера обязан был отдавать государству и инвесторам, вложившим деньги в предприятие. Синонимы слова «капер» — корсар, приватир.

Каперская грамота — название специального свидетельства, разрешавшего частному лицу снарядить каперский корабль и захватывать неприятельскую собственность.

Капитана — флагманское судно в испанском флоте, на борту которого находился главнокомандующий — генерал-капитан.

Капрал — унтер-офицер, имеющий в своем заведовании четвертую часть роты.

Карабин — в XVII веке — короткое ружье для конницы, как

гладкоствольное, так и нарезное. Для удобства действия верхом такое оружие делали существенно короче, чем пехотное — некоторое снижение меткости стрельбы при этом оказывалось несущественным, так как метко стрелять с движущегося коня все равно практически невозможно.

Кассава — маниок съедобный — пищевое тропическое растение. Первоначально происходит из Южной Америки, в настоящее время культивируется во многих тропических районах Земли с подходящим климатом.

Квартердек — верхняя палуба в кормовой части парусного судна.

Квартирмейстер — старший офицер, который заведовал на военном или корсарском судне хозяйством. Обычно он принимал участие во всех сражениях и часто возглавлял абордажную группу. В случае победы квартирмейстер следил за грабежом захваченного судна и определял, что можно забрать с него, а затем хранил добычу до ее раздела.

Кеч — небольшое двухмачтовое парусное судно, снабженное гротом и бизанью.

Кок — судовой повар.

Комиссионеры по призам — специальные уполномоченные, которым королевская власть или адмиралтейство поручало осуществить проверку захваченных каперами судов (призов), описать их грузы, оценить их стоимость и т. д.

Коммодор — капитан, командовавший соединением кораблей. В Королевском флоте Великобритании старший капитан мог временно, на определенную кампанию или поход, быть назначен командующим эскадрой и в этом случае назывался коммодор. Коммодор получал привилегию выбрать флагманский корабль и поднять свой собственный брейд-вымпел. По окончании командования эскадрой офицер снова именовался капитаном.

Констебль артиллерии — морской артиллерийский старшина.

Контр-адмирал — заместитель адмирала, командующий кораблями арьергарда.

Копейщик — воин, вооруженный копьем.

Королевская Африканская компания — английская монопольная торговая компания, существовавшая с 1660 по 1752 год. Владела факториями и фортами в Западной Африке. Основной источник доходов — работорговля: лишь в период с 1672 по 1689 год компанией было продано в Америку около ста тысяч рабов.

Коррехидор — административная и судебная должность в

городах и провинциях феодальной Испании, а также в ее колониях. Коррехидор назначался испанским монархом и осуществлял в основном функции надзора над местной администрацией и судьями. В XVI веке в Испанской Америке, в районах с преобладанием индейского населения, стали создаваться особые округа (коррехимьенто), во главе которых стоял коррехидор, ведавший организацией принудительного труда индейцев, сбором налогов и пр.

Корсар — частное лицо (или судно), снабженное специальным свидетельством, которое позволяло ему захватывать и грабить собственность подданных вражеских держав. Синонимы — капер, приватир.

Крейсировать — плавать в определенной части моря с целью перехвата вражеских судов или охраны морских коммуникации.

Кренгование — придание судну крена в целях осмотра, очистки, окраски и ремонта его подводной части.

Креолы — потомки европейских колонизаторов, родившиеся в испанских, португальских и французских колониях Америки.

Крона — английская серебряная монета, равная пяти шиллингам (иначе — английский талер).

Кулеврина — длинноствольное артиллерийское орудие. Применялось в европейских армиях и на флотах в XV–XVII веках для стрельбы на дальние расстояния.

Лавировать — двигаться под парусами против ветра по ломаной линии, поворачиваясь к ветру попеременно то правым, то левым бортом.

Ланча — испанское название шлюпки, баркаса.

Лига морская — единица измерения расстояния, равная трем морским милям, или 5,58 километра.

Лорд-адмирал — одна из высших государственных должностей в Великобритании. Лорд-адмирал осуществлял верховное командование королевским флотом, контролировал состояние всех морских портов государства, судоходных бухт и побережья, назначал судей по морскому праву с гражданской и уголовной компетенцией.

Лорд-канцлер — один из самых старших и важных функционеров правительства Великобритании. В XVII веке лорд-канцлер председательствовал в палате лордов, входил в состав правительственного кабинета, как лорд-хранитель Большой печати хранил Большую печать Англии, возглавлял судебную власть в Англии и Уэльсе.

Лот — свинцовый груз или просто груз, служащий для измерения глубины.

Маис — индейское название кукурузы.

Мантры — вечнозеленые лиственные леса, распространенные в приливно-отливной полосе морских побережий в тропических и экваториальных широтах, а также в зонах с умеренным климатом, там, где этому благоприятствуют теплые течения. Они занимают полосу между самым низким уровнем воды во время отлива и самым высоким во время прилива. Растения-мангры обитают в осадочной прибрежной среде, где в местах, защищенных от энергии волн, скапливаются мелкодисперсные осадочные отложения.

Маниок — см. *кассава.*

Манор — феодальное поместье в средневековых Англии и Шотландии, основная хозяйственная единица экономики и форма организации частной юрисдикции в этих государствах. Манор представлял собой комплекс домениальных земель феодала, общинных угодий и наделов личнозависимых и свободных крестьян, проживающих во входящей в состав манора деревне.

Марсель — прямой парус, ставящийся на марса-рее над нижним парусом. В зависимости от принадлежности к той или иной мачте он соответственно получает название: на фок-мачте — фор-марсель, на грот-мачте — грот-марсель и на бизань-мачте — крюйс-марсель.

Маруны — английское название беглых африканских невольников на островах Вест-Индии и в Центральной Америке.

Маршал — полицейский старшина, в обязанности которого входили вручение повесток в суд, совершение арестов, участие в военных трибуналах, перевозка заключенных, доставка и охрана свидетелей и т. д.

Мачете — длинный (часто более 50 сантиметров), обычно тонкий и широкий нож. Клинок с односторонней заточкой, выпуклым лезвием, иногда с загнутым к лезвию острием. В Вест-Индии и Испанской Америке мачете использовалось как сельскохозяйственное орудие для уборки сахарного тростника, бананов и др., а также как универсальный инструмент в джунглях, в частности для прорубания троп в густых зарослях. Кроме того, мачете нередко использовалось буканьерами и флибустьерами в качестве холодного оружия.

Маэстре-де-кампо — в Испании и испанских колониях — командир нерегулярных войск, народного ополчения.

Мейи — «материковая земля», материк. Название применялось по отношению к испанским владениям на Американском континенте.

Меласса (черная патока) — кормовая патока, побочный продукт сахарного производства; сиропообразная жидкость темно-бурого цвета со специфическим запахом.

Метисы — потомки от межрасовых браков (например, от браков между белыми и индейцами).

Метрополия — государство по отношению к своим колониям, эксплуатируемым территориям, экономически зависимым странам.

Милиция колониальная — отряды ополченцев из числа колонистов, формировавшиеся с целью защиты колоний от вражеских вторжений и подавления восстаний рабов.

Миля морская — единица измерения расстояния, применяемая в мореплавании. В Великобритании равняется 10 кабельтовым (1853,256 метра).

Мортира — артиллерийское орудие с коротким стволом для навесной стрельбы. Мортира предназначена главным образом для разрушения особо прочных оборонительных сооружений и для поражения целей, укрытых за стенами или в окопах.

Мул — вьючное животное, результат скрещивания осла и кобылы.

Мулаты — потомки от смешанных браков представителей европеоидной и негроидной рас.

Наветренная сторона — сторона объекта, обращенная туда, откуда дует ветер.

Навигационные акты — акты английского парламента, принимавшиеся для защиты морской торговли Англии от иностранной конкуренции. Первый Навигационный акт 1651 года устанавливал, что товары из Азии, Африки и Америки следует ввозить в Англию и ее владения только на английских судах, а европейские товары — на английских судах или судах страны-экспортера. Направленный против голландской посреднической торговли и рыболовства, этот акт привел к англо-голландской войне 1652–1654 годов, в результате которой Нидерланды вынуждены были примириться с принципами Навигационного акта. Положения акта 1651 года были сохранены и развиты в актах 1660, 1663, 1672 и 1696 годов. Основанные на принципах меркантилизма, указанные акты сыграли большую роль в развитии английской морской торговли.

Новая Гранада (Новое королевство Гранада) — в XVII веке — административно-территориальная единица (капитания) в составе испанского вице-королевства Перу; в основном охватывала территорию современной Колумбии.

Нок — оконечность рангоутного дерева, расположенного горизонтально или под некоторым углом к плоскости горизонта (гика, гафеля, рея и т. д.).

Олдермен (старейшина) — член муниципального совета или муниципального собрания в Великобритании.

Орден Бани — британский рыцарский орден. По традиции, относящейся к Средневековью, особое рыцарское достоинство даровалось на важных королевских случаях, таких как коронация. Эти рыцарства назывались рыцарством Бани из-за ритуального омовения, проводимого до титулования. Указанная практика прекратилась в правление Карла II Стюарта. Король Георг 1 возобновил эту практику, основав орден Бани.

Пакетбот — судно, предназначавшееся для перевозки почты и пассажиров. См. также *авизо.*

Палисад — то же, что и частокол; препятствие или стена из ряда столбов высотой в несколько метров, вертикально врытых или вбитых в землю вплотную или на небольшом расстоянии и соединенных между собой для прочности одним-двумя горизонтальными брусьями. Чаше всего использовались стволы деревьев. Обычно палисады сопровождались другими земляными фортификационными работами. Палисад идеально подходил для быстрого возведения небольших укрепленных пунктов, которые были эффективными при непродолжительных конфликтах с малочисленным противником.

Перьера (камнемет) — небольшая казнозарядная пушка, стрелявшая как каменными, так и чугунными ядрами.

Песо — серебряная монета средневековой Испании и ее колоний. Впервые чеканилась в 1497 году в подражание талерам. Равнялась восьми реалам, номинал также указывался в реалах. В XVI веке песо стали чеканить в огромных количествах на одиннадцати монетных дворах из серебра, добываемого в рудниках Нового Света. В колониях песо нередко называли *пиастром* или *восьмериком* (англ. *piece of eight).*

Петарда — подрывной снаряд в виде металлического сосуда, наполненного порохом.

Петиция — прошение или ходатайство, подаваемое в органы государственной власти или органы местного самоуправления в письменном виде. Лицо, подающее такое прошение, именуется *петиционером.*

Пиастр — название испанского талера (песо), серебряной монеты весом около 25 граммов. Пиастр был равен восьми реалам.

Пилот — название штурмана корабля или лоцмана, использовавшееся испанцами и португальцами.

Пинас — плоскодонное одномачтовое парусно-гребное судно водоизмещением до 60 тонн.

Пинк — 1) небольшое парусное судно водоизмещением до 50 тонн, с плоским дном, выпуклыми боками и узкой кормой; 2) торговое или военное судно с прямыми парусами и

водоизмещением до 200 тонн.

Пинта — единица объема в английской системе мер, равная 0,56826125 литра.

Пирога — ставшее традиционным название лодок экзотических народов. Происходит из языка карибов и распространилось через испанский. Оно применимо к лодкам самых разных конструкций (долбленым, каркасным), аналогично словам *каноэ* и *челнок*. Гребля обычно производится однолопастными веслами-гребками без использования уключин.

Подветренная сторона — сторона объекта, обращенная туда же, куда дует ветер.

Полукулеврина — кулеврина с укороченным стволом; наиболее распространенная морская пушка колониальной эпохи.

Прапорщик — младший офицерский чин в европейских армиях в период Нового времени.

Приватир — принятое в англоязычных странах наименование капера (корсара).

Приз — в морской практике — название трофейного судна или добычи в целом.

Приход — церковный округ, имеющий свой храм.

Прокламация — официальный документ, содержащий провозглашение чего-либо, воззвание или обращение к народу.

Рангоут — общее название устройств для подъема и растягивания парусов. К рангоуту относятся мачты, стеньги, реи, рю, гафели, гики, бушприт.

Рандеву — на море — заранее оговоренное место встречи кораблей.

Реал — название испанской серебряной монеты, а также денежно-счетной единицы. С появлением песо реал составлял 1/8 его стоимости.

Редут — укрепление сомкнутого вида, как правило, земляное, с валом и рвом, предназначенное для круговой обороны.

Рейд — 1) прибрежная акватория, место якорной стоянки судов; 2) поход военных кораблей с целью нападения на суда или прибрежные поселения врага.

Репрессальная грамота — разновидность каперского свидетельства, разрешавшая ее владельцу нападать на суда той державы, подданные которой ранее нанесли ему материальный ущерб путем пиратского захвата его судна или перевозившихся на нем товаров.

Рехидор — в колониальную эпоху в Испанской Америке — член городского совета, выполнявший административные функции.

Риксдалер — шведский талер. Был введен по образцу германского рейхсталера. Чеканка риксдалера началась при короле Густаве I Вазе. Первоначально чеканился весом в 29,4 грамма (28 граммов серебра), а в 1540–1830-х — около 29,3 грамма (25,6 грамма серебра).

Рыцарь — почетный дворянский титул.

Самбо — потомки от смешанных браков негров и индейцев.

Сарсапарилья — лоза, произрастающая в Центральной и Южной Америке; использовалась в медицине для приготовления различных лекарств.

Свояк — муж сестры жены.

Серая амбра — твердое горючее воскоподобное вещество, образующееся в пищеварительном тракте кашалотов. Встречается также плавающей в морской воде или выброшенной на берег. Куски амбры имеют различную округлую форму, весят от 14 граммов до десятков килограммов. Серая амбра высоко ценится в парфюмерии, используется как фиксатор запаха.

Сервенты — английское название кабальных, или законтрактованных слуг («белых рабов»), которые обязывались отработать на купившего их хозяина от трех до семи лет.

«Серебряный флот» — неофициальное название испанских торговых флотов — флота Новой Испании и «галеонов Тьерра-Фирме», занимавшихся доставкой американских сокровищ из колоний в метрополию под охраной военных кораблей.

Сержант-майор — 1) третий по рангу в командовании испанскими войсками (после генерал-капитана и генерал-лейтенанта); 2) комендант гарнизона.

Смарагд — устаревшее название изумруда.

Совет по делам Индий — в Испании — высшее законодательное, исполнительное и судебное учреждение, осуществлявшее в XVI–XIX веках ее колониальную политику. Основан в 1511 году.

Совет Ямайки — высший орган административного управления на британской Ямайке в колониальную эпоху, подчинявшийся губернатору острова.

Стеньга — продолжение верхнего конца мачты, служащее для крепления реев, судовых огней, гафелей, парусов.

Судовая роль — документ в виде списка членов экипажа судна, подтверждающий служебное положение моряка на судне.

Тайный совет — орган советников британского монарха, который давал ему советы по законодательству, администрации и правосудию.

Такелаж — общее название всех снастей на судне или вооружение отдельной мачты или рангоутного дерева,

употребляемое для крепления рангоута и управления им и парусами. Разделяется на стоячий и бегучий. Стоячий такелаж служит для удержания рангоутных частей в надлежащем положении, бегучий — для постановки, уборки парусов, управления ими, изменения направления отдельных частей рангоута.

Тартана — небольшое судно XVI–XIX веков с латинским (косым) парусным вооружением. Различные тартаны применялись как для каботажного сообщения и рыбной ловли, так и в качестве военных и корсарских кораблей.

Тендер — любое одномачтовое судно вспомогательного назначения водоизмещением до 60 тонн.

Тортуга — остров у северного побережья Гаити, в XVII веке служивший убежищем для пиратов, корсаров и контрабандистов. Современное название — Тортю.

Траверз — направление, перпендикулярное диаметральной плоскости судна. Соответствует курсовому углу 90 градусов.

Уайтхолл — дворец в Лондоне, служивший основной резиденцией английских королей с 1530 по 1698 год, когда он сгорел.

Унция — единица веса и монета у древних римлян. В Средние века унция равнялась сначала $^1/_{12}$ фунта, потом $^1/_8$ марки. *Тройская унция* — единица измерения массы, равная 31,1034768 грамма.

Фальконет — гладкоствольное орудие малого калибра, которое устанавливалось на небольших парусных и гребных судах.

Фартинг — название английской монеты в $^1/_4$ пенни ($^1/_{960}$ фунта стерлингов).

Фламандцы — народ германской языковой группы, коренное население Южных Нидерландов (ныне — Бельгии) наряду с романоязычными валлонами.

Флибот — плоскодонное парусное судно голландской постройки; имело грузоподъемность до 100 тонн. Использовалось для рыбной ловли, торговли, разведки и пиратских нападений на небольшие суда.

Флибустьеры — пираты Карибского моря, в XVII веке базировавшиеся на островах Тортуга, Гаити и Ямайка; обычно прикрывали свои действия каперскими или репрессальными грамотами, полученными от английских или французских губернаторов.

Фок — большой парус на фок-мачте.

Фок-мачта — передняя мачта на многомачтовом судне.

Форштевень — брус, образующий носовую оконечность

судна.

Францисканцы — католический нищенствующий монашеский орден, основан святым Франциском Ассизским близ Сполето в 1208 году с целью проповеди в народе апостольской бедности, аскетизма, любви к ближнему.

Фрегат — 1) небольшое быстроходное парусно-гребное судно галерного типа; 2) в военном флоте — трехмачтовый корабль с полным парусным вооружением, с одной или двумя (открытой и закрытой) орудийными палубами. Отличался от парусных линейных кораблей меньшими размерами и артиллерийским вооружением, предназначался как для дальней разведки, так и крейсерской службы — самостоятельных боевых действий на морских коммуникациях с целью защиты торговли или захвата и уничтожения торговых судов противника.

Фригольдер — свободный землевладелец в Англии и английских колониях.

Фунт — английская мера массы, равная 16 унциям (453,59237 грамма).

Фунт стерлингов — денежно-счетная единица Великобритании. В XVI веке равнялся 20 шиллингам или 240 пенсам.

Фут — единица измерения длины, равная 12 дюймам (30,48 сантиметра).

Хунта — в Испании и в испанских колониях — собрание, совет, комитет.

Шиллинг — счетно-денежная единица и монета в Великобритании. В эпоху Елизаветы равнялся 12 пенсам, весил 6,22 грамма и содержал 5,75 грамма серебра.

Шканечный журнал — журнал, в который заносятся важнейшие события из жизни судна и экипажа, включая все обстоятельства плавания и стоянок в различных портах.

Шкипер — командир судна в торговом флоте. В английском флоте в XVI–XVII веках его называли *мастером.* На каперском судне мастер являлся первым помощником капитана, ответственным за навигацию (исполнял обязанности судоводителя, *штурмана)* и/или за судовое имущество (был *квартирмейстером).*

Шлюп — в XVI–XVII веках — небольшое одномачтовое парусно-гребное судно, вооруженное косыми парусами (например, стакселем и гафельным гротом).

Штирборт — правый по ходу движения борт судна; эквивалентное название для левого борта — *бакборт.*

Шурин — брат жены.

Электор — владетельный князь в Германии, имевший право

принимать участие в избрании германского императора.

Эсквайр — почетный титул в Великобритании, который носили все дворяне, обладавшие собственным гербом, но не бывшие пэрами или рыцарями, то есть весь обширный класс английских *джентри*. Лица иных сословий могли получить титул особой королевской грамотой, после чего он передавался по наследству. Таким образом, приставка эсквайр в большинстве случаев свидетельствовала о том, что другого сколь-нибудь значимого титула у его хозяина нет.

Эспаньола — название острова Гаити, данное ему первооткрывателем Христофором Колумбом в 1492 году. Использовалось в колониальную эпоху.

Эскудо — испанские и португальские золотые монеты XV–XVIII веков. Испанский золотой эскудо содержал 3,03–3,09 грамма чистого золота.

Южное море, Южные моря — принятое в XVI–XVIII веках название Тихого океана.

Юнга — мальчик-подросток, который служит на корабле, обучаясь морскому делу.

Ют — надстройка в кормовой (задней) части судна.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНРИ МОРГАНА

1635 — предполагаемый год рождения Генри Моргана на ферме близ Ньюпорта, Уэльс.

1655 или *1658–1659* — вероятное время прибытия Моргана в Вест-Индию — сначала на остров Барбадос, а затем на Ямайку.

1662, сентябрь — октябрь — предполагаемое участие Моргана в набеге флибустьеров Ямайки и Тортуги на город Сантьяго-де-Куба.

1663, январь — февраль — предполагаемое участие Моргана в экспедиции флибустьеров Ямайки на город Кампече в Мексике.

1665, февраль — август — участие Моргана в пиратской экспедиции в Мексику и Центральную Америку в качестве капитана судна: захват и грабеж города Вилья-Эрмоса в Мексике *(февраль);* нападение на порт Трухильо в Гондурасе; проникновение по реке Сан-Хуан на озеро Никарагуа и грабеж города Гранады *(июнь)*.

Ноябрь или *декабрь* — женитьба на Марии Елизавете Морган, дочери покойного вице-губернатора Ямайки сэра Эдварда Моргана.

1666, январь — май — предполагаемое участие Моргана в экспедиции адмирала флибустьеров Эдварта Мансфелта на Кубу, в Коста-Ри-ку и на остров Санта-Каталина (ныне — Провиденсия) в качестве вице-адмирала: захват и грабеж кубинского города Санкти-Спиритус *(январь);* вторжение в Коста-Рику и захват города Турриальба *(апрель);* захват острова Санта-Каталина *(май),* лежащего недалеко от побережья Никарагуа.

1668, 19 (29) марта — захват объединенным отрядом флибустьеров Ямайки и Тортуги под командованием Моргана кубинского города Пуэрто-Принсипе (ныне — Камагуэй).

Июль — захват и грабеж города Портобело на Панамском перешейке; победа корсаров Моргана над войском панамского президента дона Агустина де Бракамонте.

1669, январь — май — приватирская экспедиция в Венесуэлу: гибель флагманского фрегата Моргана «Оксфорд» у острова Ваш *(январь);* захват и грабеж городов Маракайбо и Гибралтар *(март);* разгром испанской армады де Барловенто на выходе из озера Маракайбо *(апрель)*.

1670, 2 (12) июля — 1671, 12 (22) марта — панамская экспедиция объединенных сил флибустьеров Карибского моря: выдача Моргану нового каперского поручения для действий

против испанцев *(июль);* выход флотилии Моргана из Порт-Ройяла *(август);* рандеву у острова Ваш *(сентябрь — ноябрь);* захват острова Санта-Каталина *(декабрь);* захват крепости Сан-Лоренсо-де-Чагрес, переход через Панамский перешеек и разгром испанского войска, возглавляемого президентом доном Хуаном Пересом де Гусманом *(январь);* разорение Панамы и ее окрестностей, операции в Панамском заливе, возвращение на карибское побережье *(февраль);* бегство с частью флибустьерской флотилии на Ямайку *(март).*

1671, ноябрь — получение ямайским губернатором сэром Томасом Линчем приказа об аресте Моргана и высылке его в Англию.

1672, апрель — взятие под стражу и отправка Моргана из Порт-Ройяла в Англию на борту фрегата «Уэлкам».

Июль — прибытие в Англию в качестве заключенного.

1673, 1 (11) августа — меморандум Моргана, адресованный королю Карлу II Стюарту, о мерах по укреплению обороноспособности Ямайки.

1674, январь — решение короля Карла о назначении Моргана вице-губернатором Ямайки.

Октябрь — знакомство Моргана с английским писателем и мемуаристом Джоном Ивлином. *Ноябрь* — возведение Моргана в рыцари.

1675, 8 (18) января — отплытие сэра Генри Моргана из Даунса в Вест-Индию на борту судна «Джамайка мерчент».

25 февраля (3 марта) — кораблекрушение судна «Джамайка мерчент» у острова Ваш.

5 (15) марта — прибытие Моргана на Ямайку в качестве генерал-лейтенанта и вице-губернатора.

Май — начало затяжного конфликта Моргана с губернатором Ямайки лордом Воаном.

1676, июль — август — обвинения лорда Воана в адрес Моргана о его покровительстве пиратам.

1678, 14 (24) марта — 18 (28) июля — в связи с отъездом лорда Воана в Англию Морган исполняет обязанности губернатора и главнокомандующего вооруженными силами Ямайки.

1679, март — осуждение в адмиралтейском суде, заседавшем под председательством Моргана, капитана Фрэнсиса Мингема; начало затяжной тяжбы между сэром Генри и капитаном Мингемом, обвиненным в контрабандной торговле.

Май — переход под командование сэра Генри Моргана новой роты пехотинцев, сформированной в Порт-Ройяле.

Июль — август — строительство в Порт-Ройяле по

инициативе сэра Генри нового укрепления, получившего название форт Морган.

1680, февраль — иск сэра Генри против капитана Мингема, обвиненного в клевете.

27 мая (6 июня) — в связи с отъездом ямайского губернатора графа Карлайла в Англию сэр Генри берет управление островом в свои руки.

1681, февраль — ликвидация Морганом пиратской шайки капитана Якоба Эвертсена.

1682, 14 (24) мая — передача Морганом полномочий по управлению Ямайкой новому губернатору — сэру Томасу Линчу.

Октябрь — ноябрь — начало затяжного конфликта между Морганом и Линчем.

1683, 12 (22) октября — лишение сэра Генри всех командных должностей и вывод его из состава Совета Ямайки.

1685, май — Суд Королевской Скамьи удовлетворяет иск адвоката Моргана Джона Грина против лондонских издателей Уильяма Крука и Томаса Мальтуса, опубликовавших книгу Эксквемелина «Пираты Америки» с измышлениями о сэре Генри, и обязывает ответчиков заплатить Моргану денежную компенсацию за моральный ущерб.

1687, декабрь — прибывший на Ямайку новый губернатор сэр Кристофер Монк, второй герцог Альбемарль, оказывает протекцию сэру Генри Моргану.

1688, 17 (27) июня — завещание Моргана.

Июль — август — герцог Альбемарль возвращает тяжелобольного Моргана в Совет Ямайки.

25 августа (4 сентября) — смерть Моргана.

26 августа (5 сентября) — отпевание и торжественное погребение сэра Генри Моргана на кладбище Палисадос в Порт-Ройяле.

ЛИТЕРАТУРА

Архенгольц И. В., фон. История морских разбойников Средиземного моря и океана. Ч. 1. История флибустьеров, морских разбойников, опустошавших Испанскую Америку в XVII столетии. СПб., 1848.

Блон Ж. Флибустьерское море. М.: Мысль, 1985.

Губарев В. К. За кулисами «панамской акции» (1670–1671 гг.) //Вопросы истории. 1987. №11.

Губарев В. К. Король флибустьеров Вест-Индии //Дж. Стейнбек. Золотая чаша; Р. Сабатини. Одиссея капитана Блада. М.: Фолио, 1992.

Губарев В. К. Пираты Карибского моря: Жизнь знаменитых капитанов. М.: Эксмо; Яуза, 2009.

Губарев В. К. Флибустьеры Ямайки: эпоха «великих походов». М.: Вече, 2011.

Губарев В. К. Лихое братство Тортуги и Ямайки. М.: Вече, 2012.

Констам Э. Пираты. Буканьеры, флибустьеры, приватиры XVII–XIX вв. М: Эксмо, 2008.

Констам Э. Пираты: всеобщая история от Античности до наших дней / Пер. с англ. О. Серебровской. М.: Эксмо, 2009.

Копелев Д. Н. Раздел Океана в XVI–XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крита, 2013.

Маховский Я. История морского пиратства. М.: Наука, 1972.

Мерьен Ж. Энциклопедия пиратства. М.:ТЕРРА — Книжный клуб, 1999.

Нойкирхен Х. Пираты: Морской разбой на всех морях / Предисл. А. Б. Дэвидсона. М.: Прогресс, 1980.

Рогожинский Ж. Энциклопедия пиратов. М.: Вече; А. Корженевский, 1998.

Свет Я. М. Пираты антильских морей //Новая и новейшая история. 1966. №1,2.

Северин Т. По пути Синдбада; Острова пряностей; Золотые Антилы. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2009.

Эксквемелин А. О. Пираты Америки. М.: Мысль, 1968.

A collection of the State Papers of John Thurloe /Ed. by Thomas Birch. L., 1742. Vol. 1–7.

Calendar of State Papers, Colonial Series: America and West Indies. 1661–1739. L.: Public Record Office, 1880–1994. Vol. 5–45.

Calendar of State Papers and Manuscripts, relating to English Affairs, existing in the Archives and Collections of Venice / Ed. by A. B. Hinds. L., 1931. Vol. XXXII: 1659–1661.

Charlevoix P. F. X. de. Histoire de PIsle Espagnole ou de S. Domingue. Ecrite particulierement sur des Memoires Manuscrits du P. Jean-Baptiste le Pers. Paris, 1730–1731. T. I, II.

Coleccion de documentos para la historia de Costa Rica. Recogidos por el Lie. D. Leon Fernandez. Publ. D. Ricardo Fernandez Guardia. T. VIII. Barcelona: Viuda de Luis Tasso, 1907.

Dampier W. A New Voyage round the World, etc. L.: Printed for James Knapton, M DCXCVII [1697].

Documents relating to law and custom of the sea / Ed. by R. G. Marsden. L.: Navy Records Soc, 1915–1916. Vol. I, II.

Esquemeling J. Bucaniers of America, or a true account of the most remarkable assaults committed of late years upon the Coasts of the West Indies… containing also Basil Ringrose's account of the dangerous voyage and bold assaults of Captain Bartholomew Sharp and others. L.: William Crooke, 1685.

Interesting tracts, relating to the Island of Jamaica, consisting of curious state-papers, councils of war, letters, petitions, narratives etc. which throw great light on the history of that Island, from its conquest, down to the year 1702. Santiago de la Vega, Jamaica: Printed by Lewis, Lunan, and Jones, 1800.

Les Archives de la flibuste: Depot de documents relatifs aux flibustiers, pirates et corsaires de la Jamai'que, de Saint-Domingue et autres lieux en Amerique provenant de divers fonds d'archives anglais, francais, espagnols et neerlandais reunis, retranscrits et adaptes par Le Diable Volant [par R. Laprise] /http:// www. geocities. com/trebutor/ ADF2005.

Oexmelin A. O. Histoire des avanturiers [ou] flibustiers, qui se sont signalez dans les lndes contenant ce qu'ils ont fait de remarquable depuis vingt annees avec la vie les moeurs & les coutumes des boucaniers & des habitans de S. Domingue & de la Tortue… /Par Alexandre Olivier Oexmelin. Paris: Chez Jacques le Febvre, M. DC. ХСГХ [1699]. T. 1,2. Privateering and Piracy in the Colonial Period: Illustrative Documents/ Ed. by J. F. Jameson. N. Y.: The Mac-millan Company, 1923.

Royal Instructions to British Colonial Governors. 1670–1776 /Ed. by L. W. Labaree. N. Y.; L.: D. Appleton — Century Company Inc., 1935. Vol. I.

Sketch pedigrees of some of the early settlers in Jamaica /Ed. by Noel B. Livingston. Kingston: The Educational Supply Company, 1909.

The diary of John Evelyn. In two volumes. Vol. II: 1665–1706 / Ed. by William Bray. N. Y; L.: M. Walter Dunne, 1901.

The voyages and adventures of Capt. Barth. Sharp and others, in the South Sea: being a journal of the same, also Capt. Van Horn with his Buccanieres surprizing of la Vera Cruz to which is added The true

Relation of Sir Henry Morgan, his Expedition against the Spaniards in the West-Indies, and his taking Panama. Together with The President of Panama's Account of the same Expedition: Translated out of Spanish. And Col. Beeston's adjustment of the Peace between the Spaniards and English in the West Indies. L.: Printed by B. W. for R. H. and S. T., 1684.

Zeer Aanmerkelijke Reysen Gedaan door Jan Erasmus Reining, Meest in de West-lndien en ook in veel andere deelen des Werelds / Samengesteld door D. van der Sterre. Amsterdam: Jan ten Hoorn, 1691.

Alsedo y Herrera D. de, Zaragoza J. Piraterias y agresiones de los ingleses y otros pueblos de Europa en la America espanola desde el siglo XVI al XVII. Seville: Editorial Renacimiento, 2005.

Anderson C L. G. Old Panama and Castilla del Oro; a narrative history of the discovery, conquest, and settlement by the Spaniards of Panama, Darien, Veragua, Santo Domingo, Santa Marta, Cartagena, Nicaragua, and Peru: including… the daring raids of Sir Francis Drake, the buccaneers in the Caribbean and South seas, the sack of the city of old Panama by Henry Morgan, and the story of the Scots colony on Caledonia bay /Charles Loftus Grant Anderson. Boston: The Page Company, 1914.

Barbour V. Privateers and Pirates of the West Indies //*The* American Historical Review. April 1911. Vol. XVI. № 3.

Black C V. The story of Jamaica from prehistory to the present. L.: Collins Publishers, Ltd., 1965.

Black C V. Tales of old Jamaica. L., 1966.

Blond G. Histoire de la flibuste. Paris: Stock, 1969.

Breverton T. Admiral Sir Henry Morgan: «king of the buccaneers». Gretna, Louisiana: Pelican Publishing Company, 2005.

Bridenbaugh C, Bridenbaugh R. No peace beyond the line. The English in the Caribbean, 1624–1690. New York: Oxford University Press, 1972.

Bridges G. W. The annals of Jamaica. L.: John Murray, 1828. Vol. 1.

Burney J. The History of the Buccaneers of America. L.: Payne and Foss, 1816; L., 1949; N. Y.: W. W. Norton and Company Inc., 1950.

Burns A. History of the British West Indies. L.: George Allen and Unwin, 1954.

Carse R. The Age of Piracy; a History. N. Y.; Toronto: Rinehart and C°., Inc, 1957.

Cruikshank E. A. The Life of Sir Henry Morgan. With an account of the English settlement of the island of Jamaica (1655–1688). Toronto: Macmillan Company of Canada, 1935.

Cundall F. Historic Jamaica. L.: The West India Committee, 1915.

Cundall F. Studies in Jamaica history. L.: Sampson Low, Marston and Company, 1900.

Cundall F. The governors of Jamaica in the seventeenth century. L.: The West India Committee, 1936.

Earle P. The sack of Panama: Captain Morgan and the battle for the Caribbean. New York: Thomas Dunne Books/St. Martin's Press, 2007.

FeilingK. British foreign policy, 1660–1672. L.: Macmillan and Cº., Limited, 1930.

Fernandez L. Historia de Costa Rica durante la dominacion espanola 1502–1821. San Jose: Ed. Costa Rica, 1975.

Firth C. H. The capture of Santiago, in Cuba, by Captain Myngs, 1662 //The English Historical Review, 1899, Vol. XIV (Number LV). P. 536–540.

Gall J. F. El Filibusterismo. Mexico; Buenos Aires, 1957.

Gardner W. J. A History of Jamaica from Its Discovery by Christopher Columbus to the Year 1872: Including an Account of Its Trade and Agriculture; Sketches of the Manners, Habits, and Customs of All Classes of Its Inhabitants; and a Narrative of the Progress of Religion and Education in the Island. Rout-ledge: Frank Cass and C°. Ltd., 1971.

Gosse Ph. The Pirates' Who's Who, Giving Particulars of the Lives & Deaths of the Pirates & Buccaneers. Glorieta, New Mexico: Rio Grande Press, 1924.

Hamshere C. The British in the Caribbean. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1972.

Haring C. H. The Buccaneers in the West Indies in the XVII Century. Ham-den, Conn.: Archon Books, 1966.

Howard E. Sir Henry Morgan, the Buccaneer. L.: Henry Colburn, Publ., 1842.

Hurwitz S. J., Hurwitz E. F. Jamaica. A Historical Portrait. L.: Pall Mall Press, 1971.

KonstamA., McBride A. Buccaneers, 1620–1700. Oxford: Osprey, 2000.

Konstam A. Scourge of the seas: buccaneers, pirates and privateers. Oxford: Osprey, 2007.

Lane K. E. Blood and silver: a history of piracy in the Caribbean and Central America. Oxford: Signal Books, 1999.

Lane K. E. Pillaging the empire: piracy in the Americas, 1500–1750. N. Y.: M. E. Sharpe, 1998.

Latimer J. Buccaneers of the Caribbean: how piracy forged an empire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009.

Lawson W. Shipwrecks of the Cayman Islands. Soundhend-on-Sea, Essex: AquaPress Book, 2004.

Long E. The History of Jamaica: Or, General Survey of the Antient and Modern State of the Island: with Reflections on Its Situation Settlements, Inhabitants, Climate, Products, Commerce, Laws, and Government. L.: T. Lowndes, 1774.

Longfield-Jones G. M. Buccaneering doctors//Medical History. 1992. № 36. P. 187–206.

Marley D. Pirates and Privateers of the Americas. Santa Barbara: CA u. a. ABC-Clio, 1994.

Marley D. Wars of the Americas: A Chronology of Armed Conflict in the New World, 1492 to the Present. Santa Barbara: ABC-CLIO, 1998.

Marley D. F. Pirates of the Americas. Vol. 1,2 /David F. Marley. Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 2010.

Marsden R. G. Early Prize Jurisdiction and Prize Law in England. Part II // The English Historical Review. April 1910. Vol. XXV.

Marsden R. G. Early Prize Jurisdiction and Prize Law in England. Part III // The English Historical Review. Jan. 1911. Vol. XXVI.

Masefield J. On the Spanish Main; or, Some English forays on the Isthmus of Darien. With a description of the buccaneers and a short account of old-time ships and sailors. L.: Methuen and C°. Ltd., 1906.

Merrien J. Histoire mondiale des pirates, flibustiers et negriers. P.: Les Editions Bernard Grasset, 1959.

Morgan A. A History of the Family of Morgan, from the year 1089 to present times. New York: J. A. Morgan and Company, 1902.

Mota F. Piratas en el Caribe. La Habana: Casa de las Americas, 1984.

Newton A. P. The European nations in the West Indies, 1493–1688. L.: AandCBlackLtd., 1933.

Pawson M., Buisseret D. Port Royal, Jamaica. Kingston: University of the West Indies Press, 2000.

Perez Valenzuela P. Histories de piratas. Guatemala: C. A. Tipografia Na-cional, 1936.

Perron J. F. Flibustiers, corsaires et pirates: l'impact de leurs actions sur le declin de l'Empire espagnol d'Amerique au XVIIe siecle. Chicoutimi: Universite du Quebec a Chicoutimi, 2001.

Pezuela J. de la. Historia de la Isla de Cuba. Tomo II. Madrid: Carlos Bail-ly-Bailliere, 1868.

Pope D. Harry Morgan's Way: Biography of Sir Henry Morgan, 1635–1688. L.: Martin Seeker and Warburg Ltd., 1977.

Pringle P. Jolly Roger. The Story of the Great Age of Piracy. N. Y.: W. W. Norton, 1953.

Roberts W. A. Sir Henry Morgan: Buccaneer and Governor. London: Hamish Hamilton, 1933.

Roberts W. A. Jamaica. The Portrait of an Island. N. Y: Coward —

McCann, Inc., 1955.

Roberts W. J. (.The Caribbean. The Story of Our Sea of Destiny. N. Y.: Negro Universities Press, 1969.

Rodway J. The West Indies and Spanish Main. L.: T Fisher Unwin, The Story of the Nations; N. Y: GP Putnam's Sons, 1896.

Siri E. N. El caballero de Jamaica: Historia de Morgan y los filibusteros. Buenos Aires: Editorial Sophos, 1944.

Snelders S. The devil's anarchy: The sea robberies of the most famous pirate Claes G. Compaen, and The very remarkable travels of Jan Erasmus Reyning, buccaneer. Brooklyn, N.Y: Autonomedia, 2004.

Southey T. Chronological History of the West Indies. L.: Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1827. Vol. II.

Stevans C. M. The Buccaneers and Their Reign of Terror: An Authentic History. N. Y: Hurst and Company, 1899.

Stockton F. R. Buccaneers and Pirates of Our Coasts. N. Y.: The Macmillan Company; London: Macmillan and C°., Ltd., 1898.

Stone W. L. The Buccaneers of America. II //The Continental Monthly: devoted to literature and national policy. New York and Boston: J. R. Gilmore. Vol. 3, Issue6, June 1863. P. 703–714; Vol.4, Issue2, August 1863. P. 175–188.

Thombury W. The monarchs of the Main. L.: Routledge, Warne and Routledge, 1861.

Thornton A. P. West India policy under the Restoration. Oxford, 1956.

Ulltvarri S. Piratas y corsarios en Cuba. Sevilla: Editorial Renacimiento, 2004.

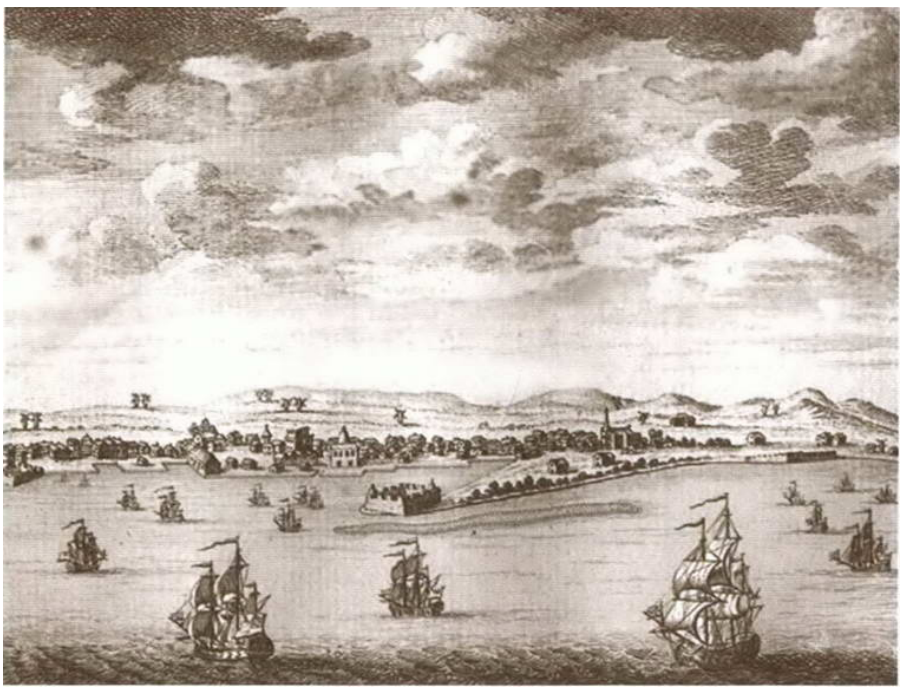
Weddle R. S. Spanish sea: The gulf of Mexico in North American discovery, 1500–1685. College Station: Texas Aand M Univ. Press, 1985.

Williams W. L. Sir Henry Morgan, the Buccaneer /W. Llewelyn Williams // In: The Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion. Session 1903–1904. L.: Issued by the Society, 1905. P. 1–42.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

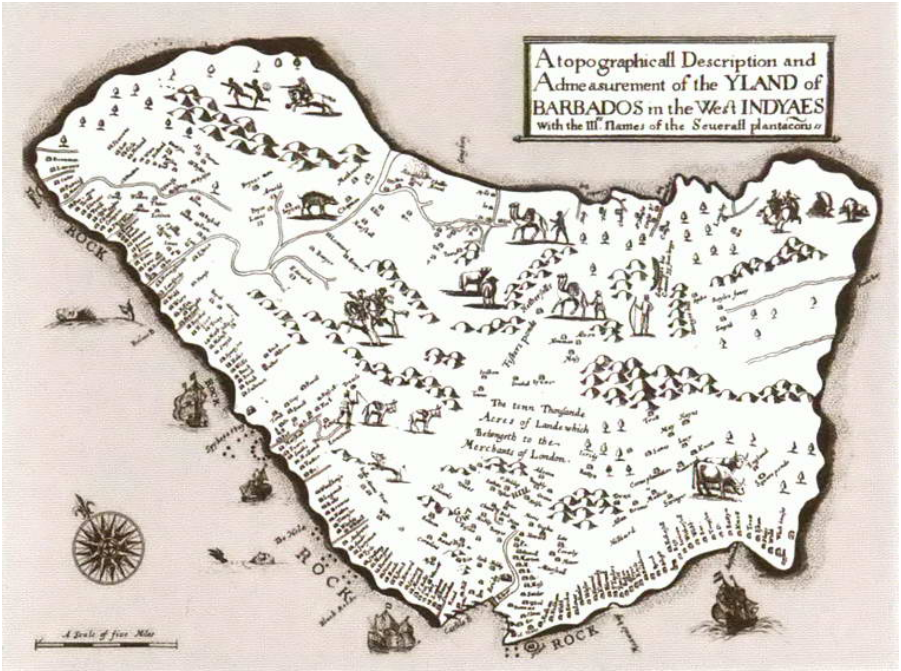
Генри Морган. Гравюра из книги Эксквемелина. 1678 г.

Карта Карибского моря. XVII в.



Барбадос. Вид на Бриджтаун. Старинная гравюра

Плантатор и сервенты. Гравюра XVII в.

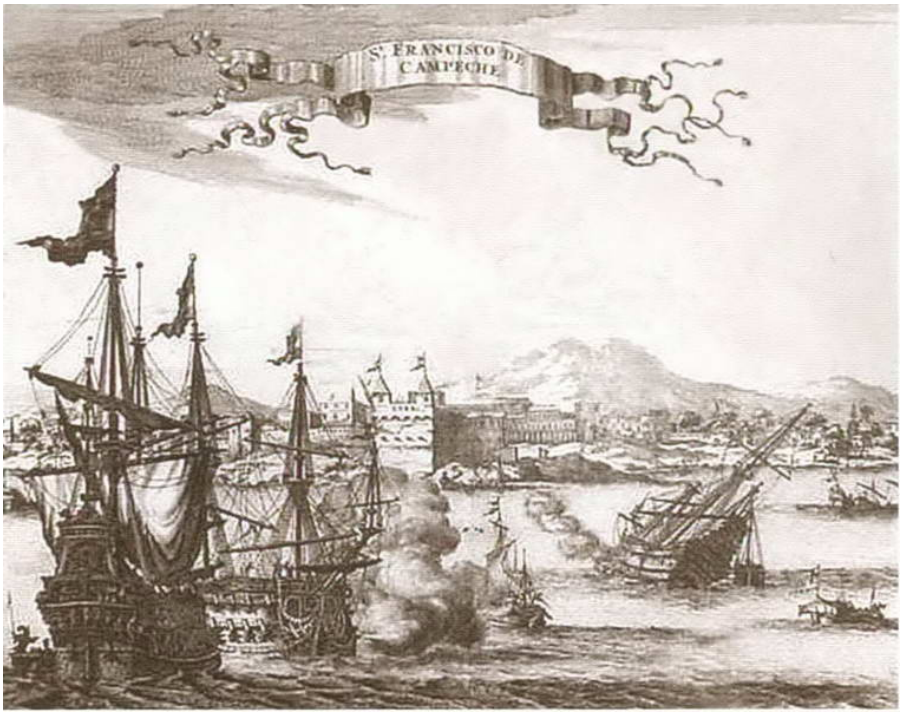


Карта острова Барбадос. XVII в.

Лорд Виндзор, губернатор Ямайки

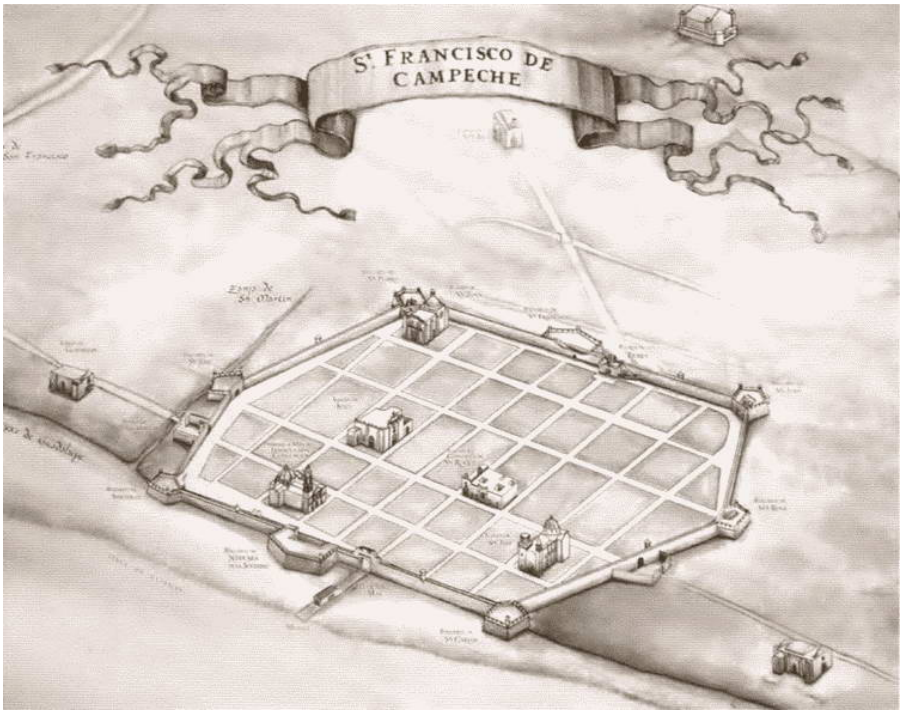
Карта порта Сантьяго-де-Куба. XVII в.

Чарлз Литтлтон, вице-губернатор Ямайки



Корабли флибустьеров на рейде Кампече. Гравюра XVII в.

Коммодор Кристофер Мингс



План города Кампече. XVII в.

Флибустьеры нападают на испанский корабль. Гравюра из книги Д. вам дер Стерре. 1691 г.

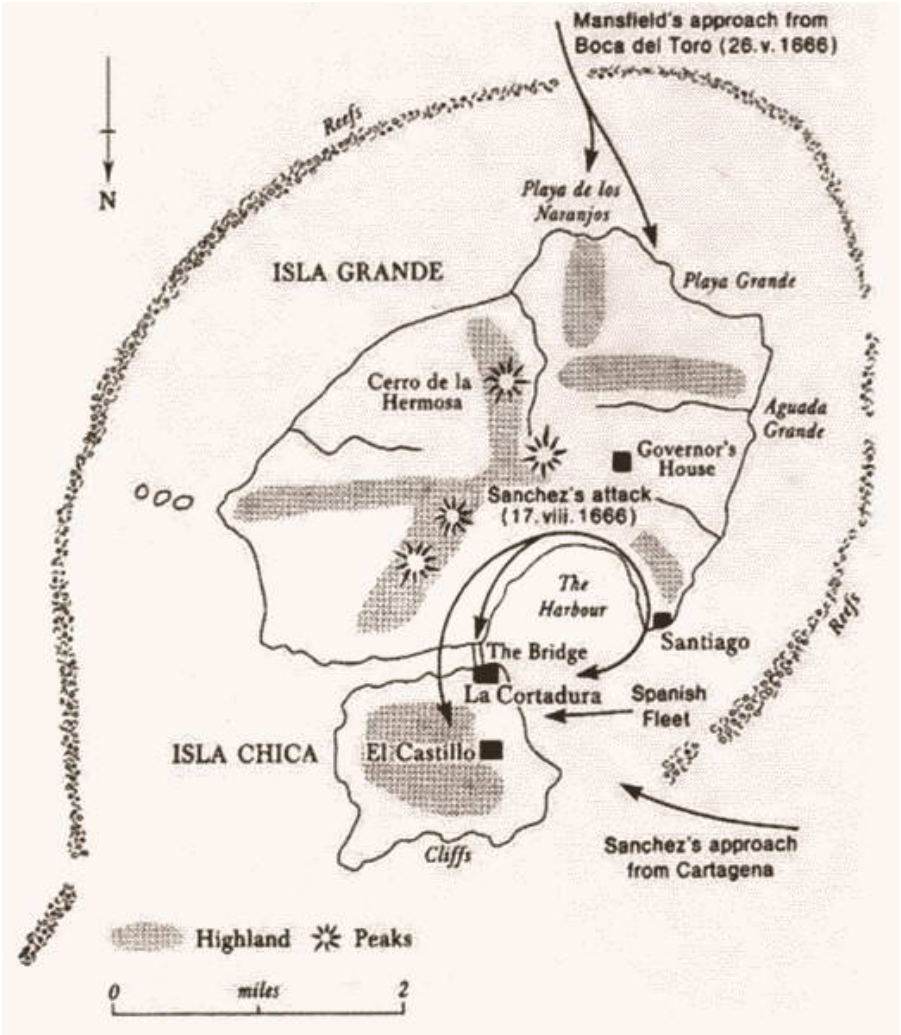
Центральная Америка и Юкатан на карте П. ван дер Аа

Король Карл II. Картина Дж. М. Райта или его школы

Джеймс, герцог Йоркский, верховный лорд-адмирал Англии. Картина Г. Гаскара

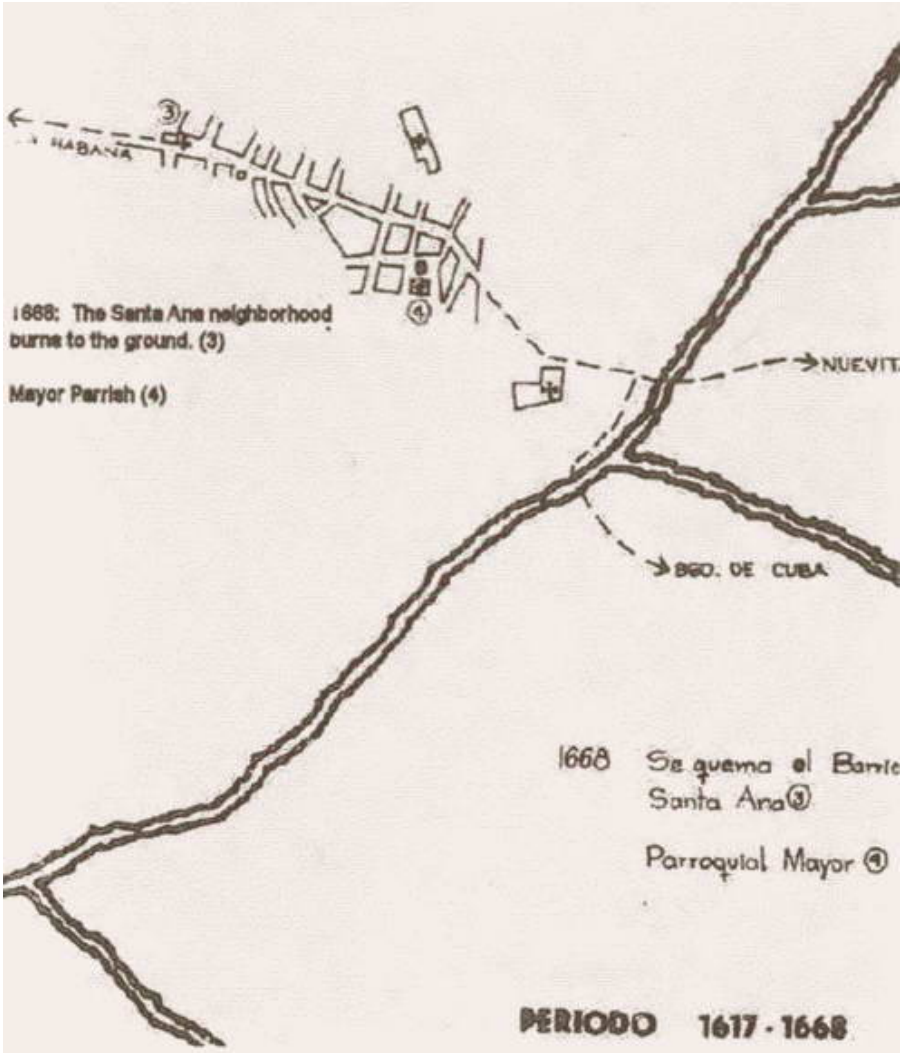
Джордж Монк, первый герцог Альбемарль. Картина школы П. Лели

Генри Беннет, граф Арлингтон

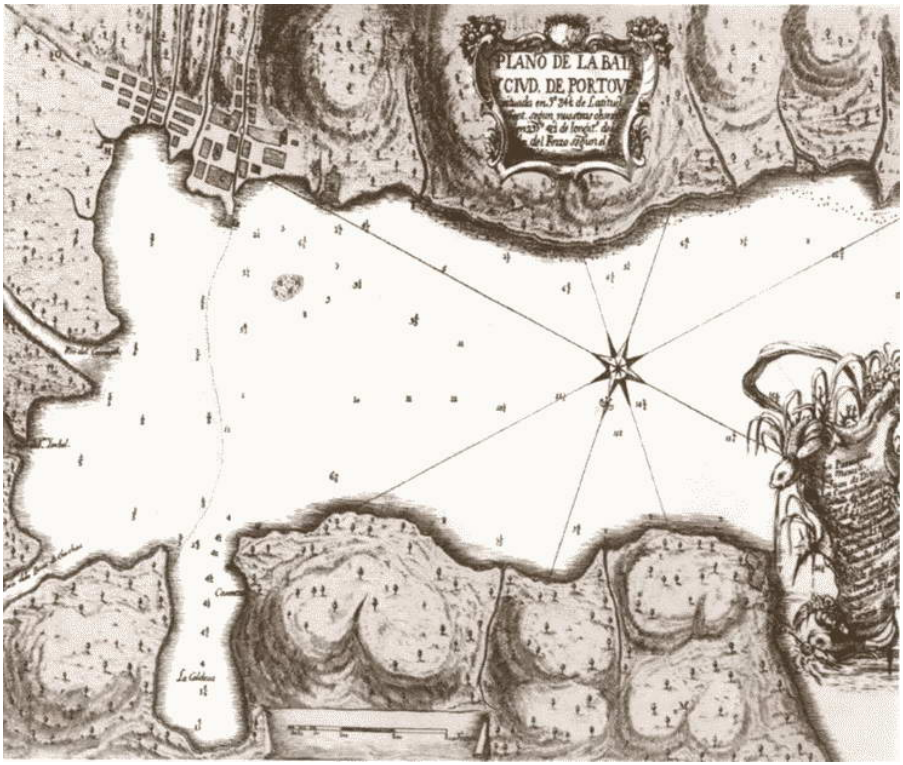


Захват Э. Мансфелтом острова Санта-Каталина (Провиденсия). Карта из книги П. Эрла

Куба на старинной французской карте



План города Пуэрто-Принсипе (Камагуэй). 1668 г. Реконструкция



Бухта Портобело на испанской карте XVII века

Отряд Моргана захватывает Пуэрто-Принсипе. Гравюра из книги Эксквемелина. 1678 г.

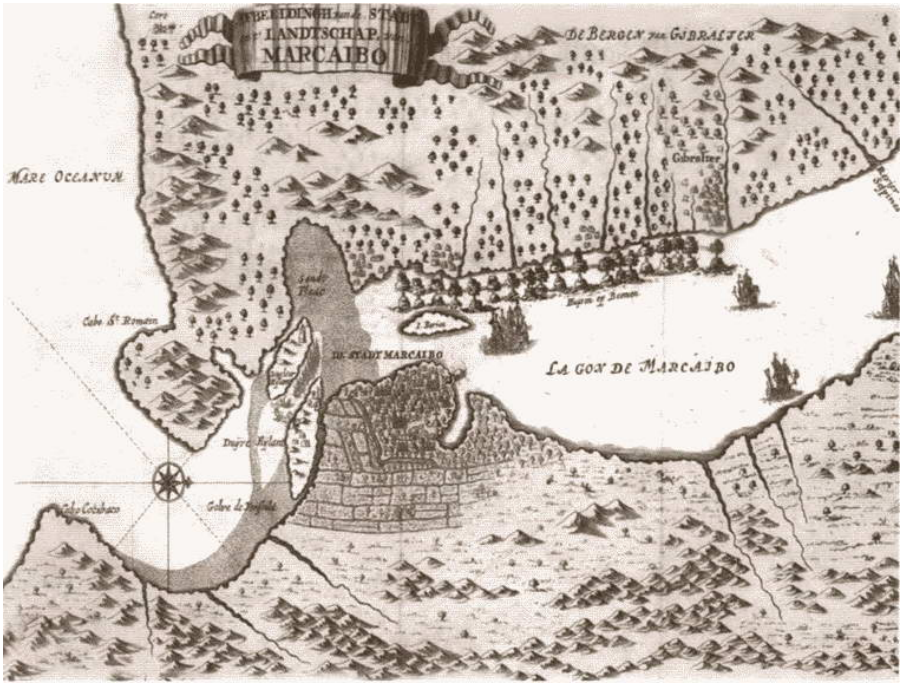
Корабли Моргана в бухте Портобело. Гравюра из книги Д. ван дер Стерре. 1691 г.

Штурм Портобело. Гравюра из книги Эксквемелина. 1678 г.

Флибустьеры Моргана грабят Маракайбо. 1669 г.

Остров Ваш на голландской карте XVII века

Геррит Герритсзоон по кличке Рок Бразилец. Гравюра из книги Экскевемелша. 1678 г.

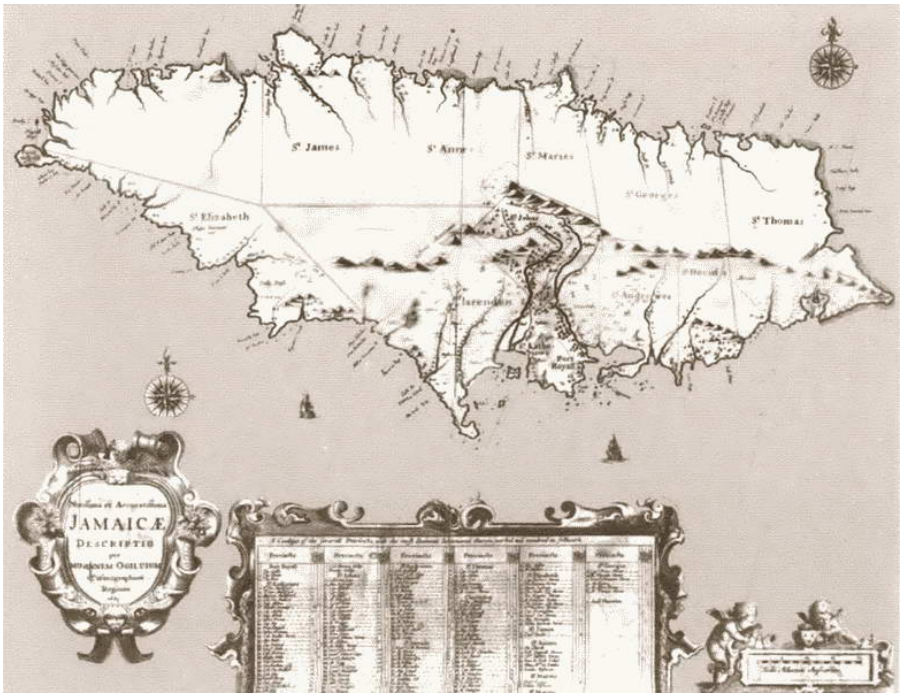


Карта озера Маракайбо. XVII в.

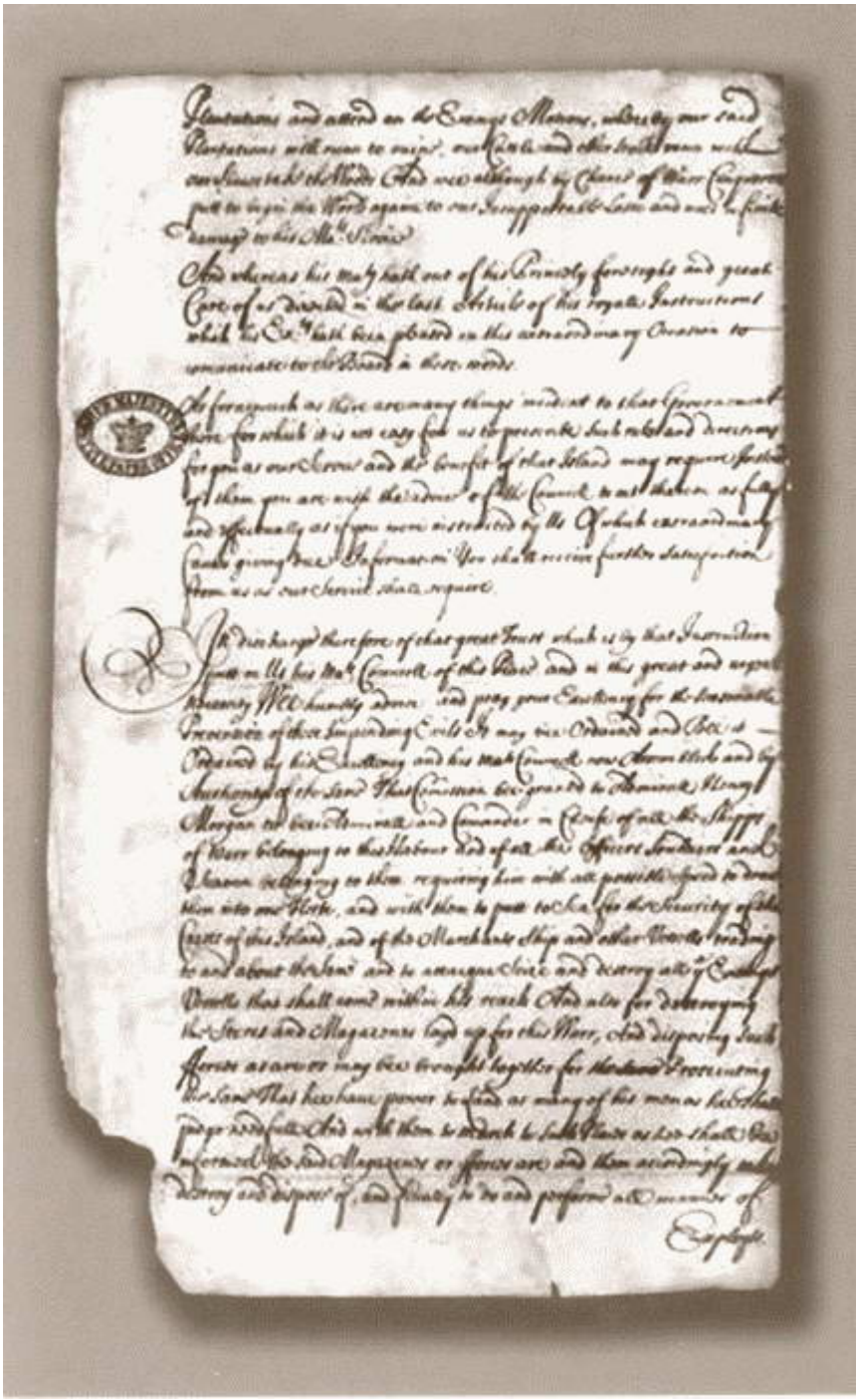
Бой флибустьерской и испанской флотилий. Гравюра из книги Эксквемелина. 1678

г.

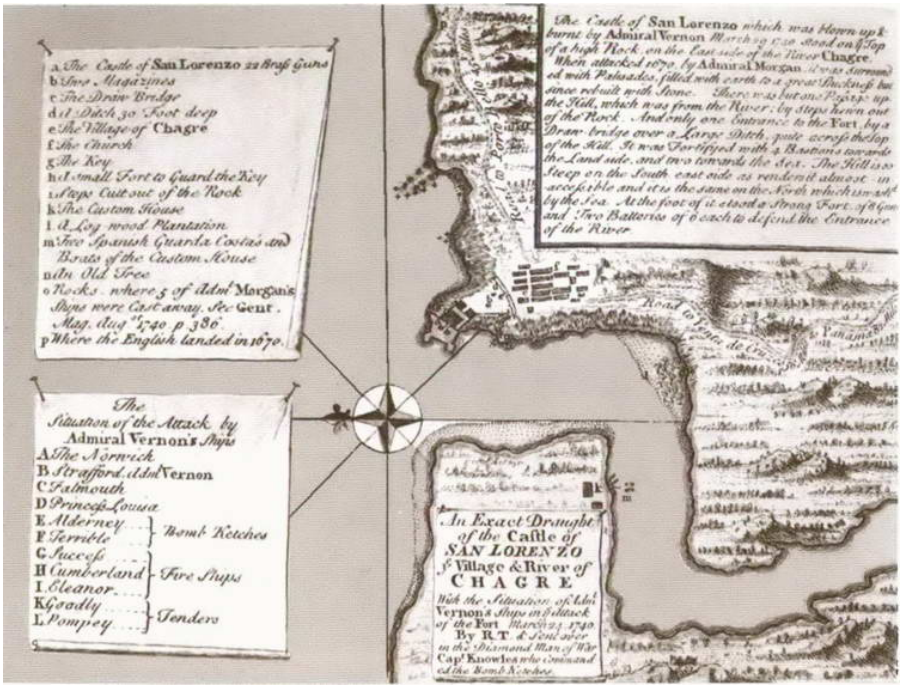
Флотилия Генри Моргана сражается с армадой де Барловенто в Маракайбо. 1669 г.



Ямайка на карте Дж. Огилби. 1671 г.



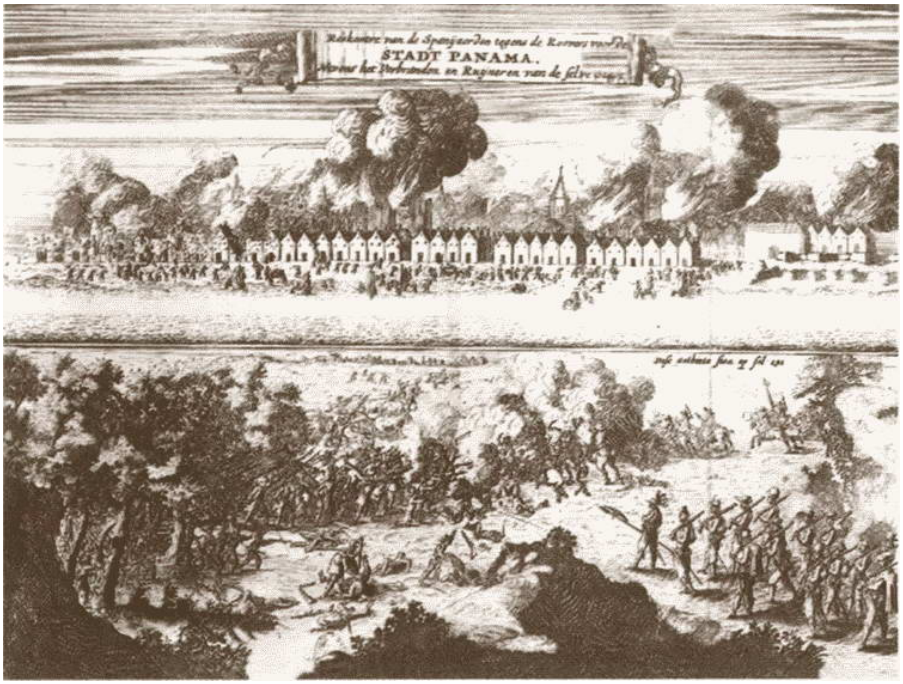
Каперское поручение Генри Моргану. 1670 г.



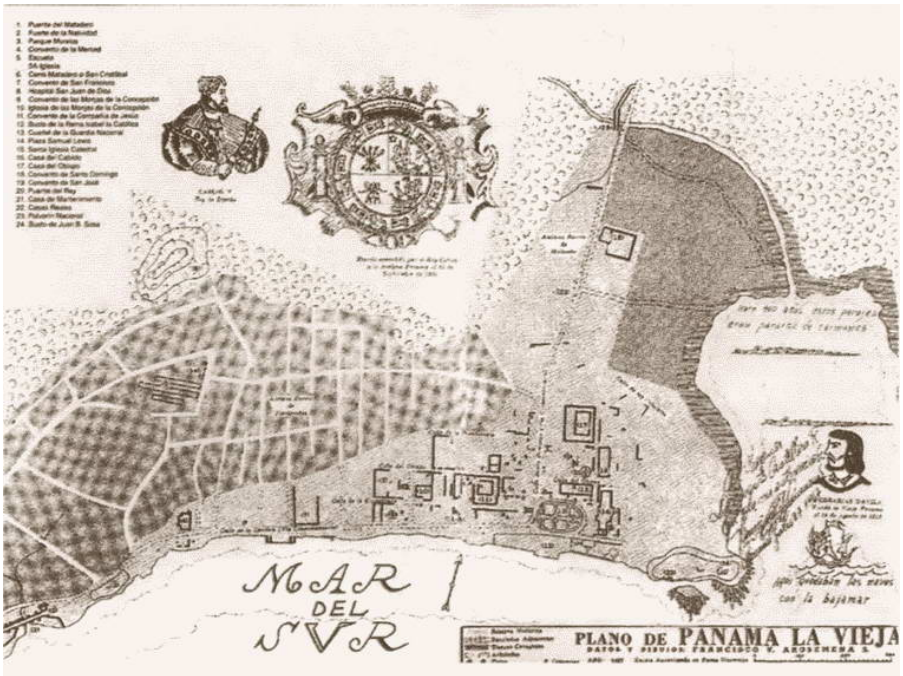
Крепость Сан-Лоренсо в устье реки Чагрес. Старинная карта

Панамский перешеек на карте XVII века

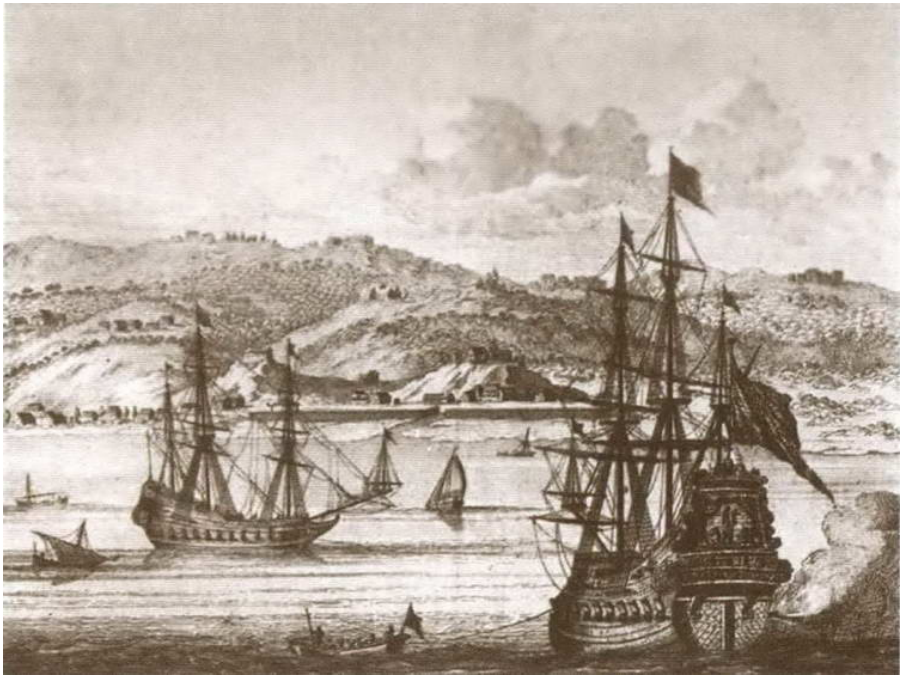
Генри Морган в окрестностях Панамы. Старинная гравюра



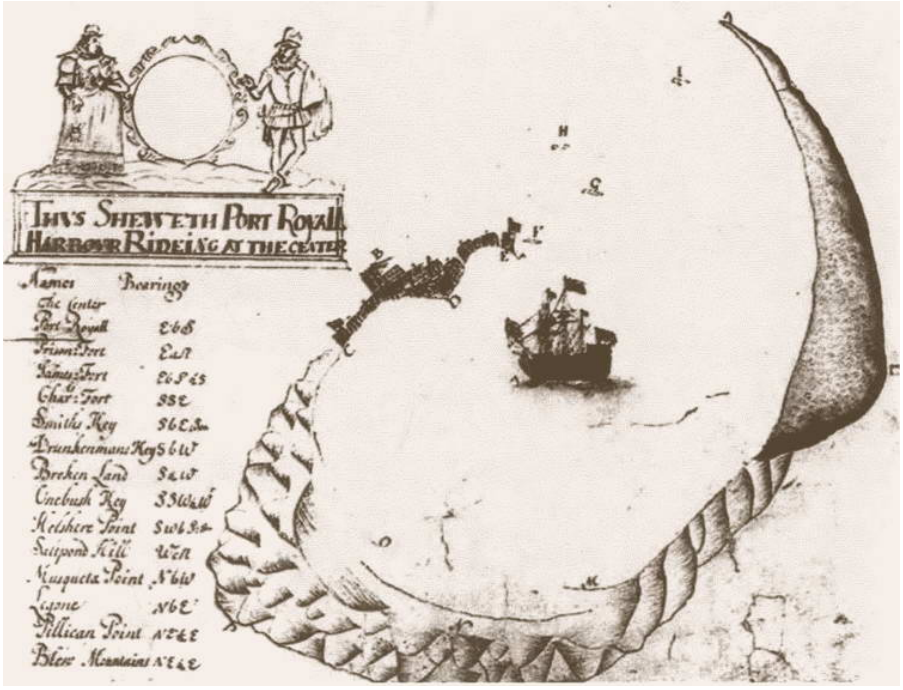
Войско Моргана под стенами Панамы. 1671 год. Гравюра из книги Экскевмелина. 1678 г.



Панама на испанской карте XVII века

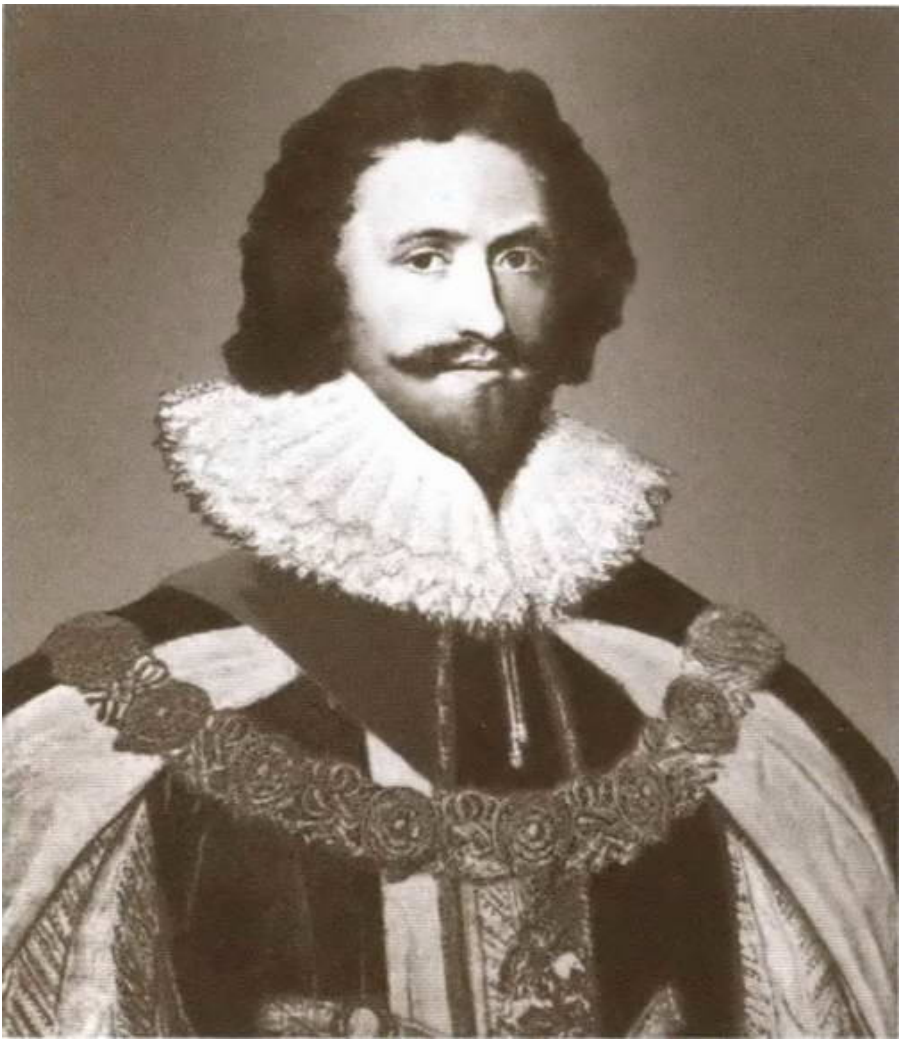


Корабли на рейде Панамы



Гавань Порт-Ройяла на карте XVII века

Адмирал Генри Морган. Гравюра XVII в.



Английский писатель и мемуарист Джон Ивлин

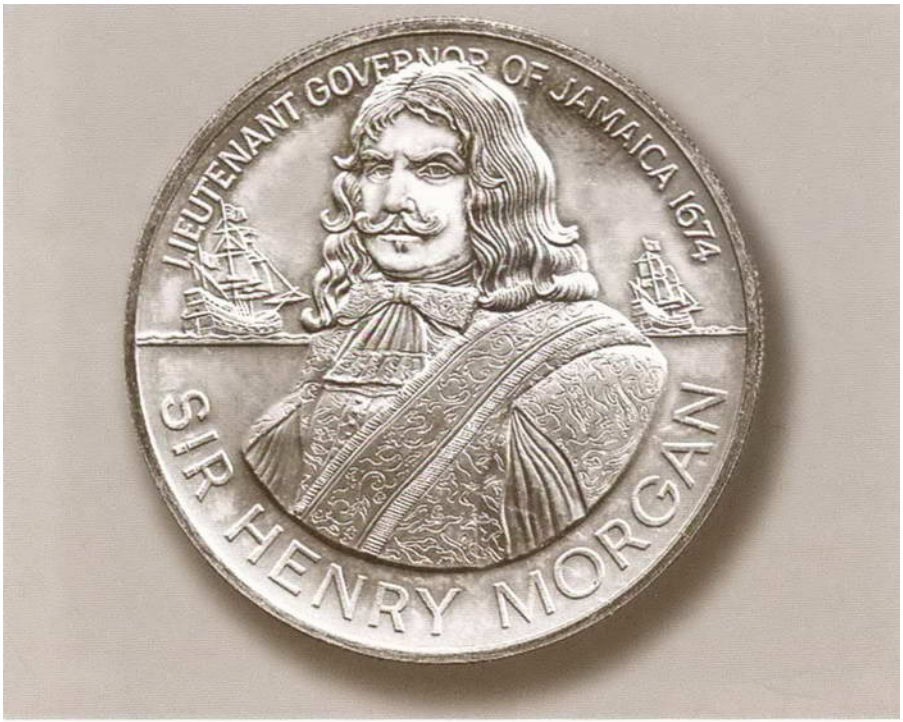
Губернатор Ямайки лорд Воан. Картина Г. Немера

Сахарная плантация. Гравюра из книги Ж.-Б. дю Тертра

Граф Карлайл, губернатор Ямайки. Старинная гравюра

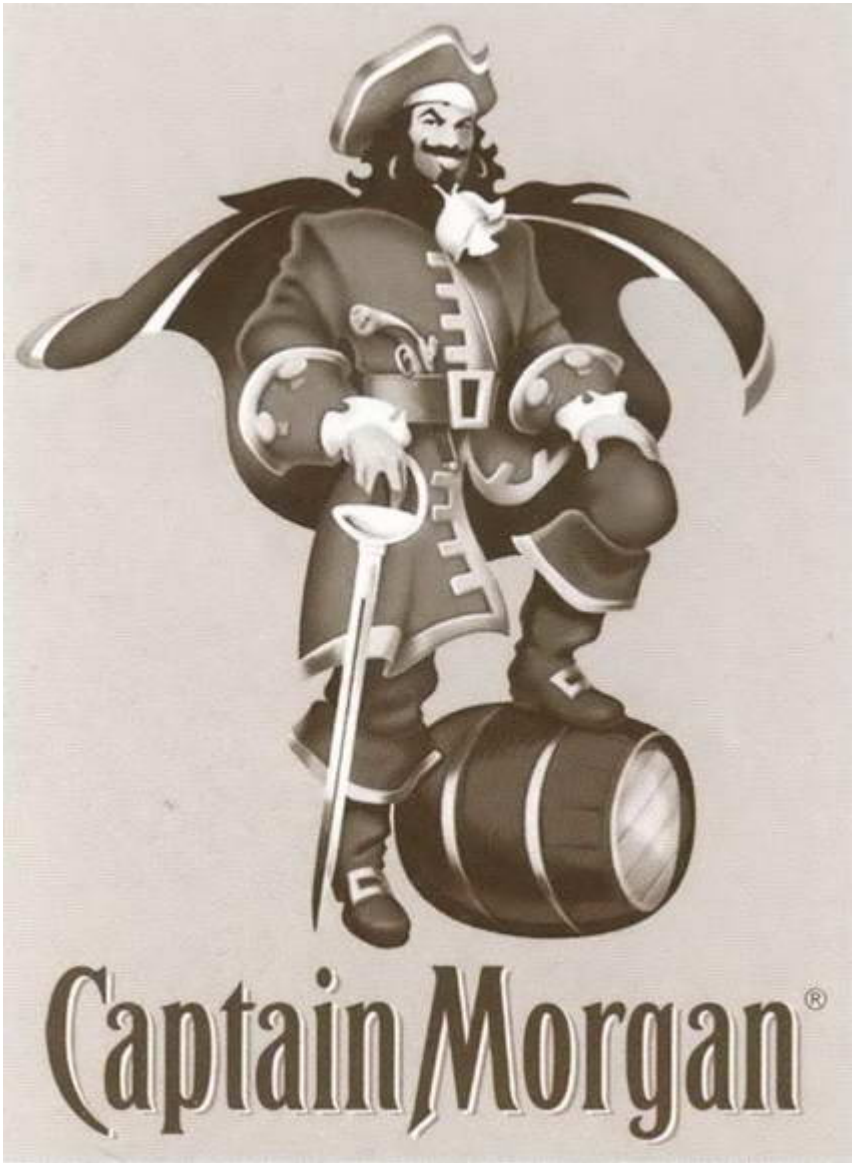
Гибель Порт-Ройяла в 1692 году. Старинная гравюра

Губернатор Ямайки сэр Кристофер Монк, второй герцог Альбемарль



Вице-губернатор сэр Генри Морган на серебряной монете Ямайки

Генри Морган на почтовой марке Ямайки



Бренд рома «Капитан Морган»

Дайверы на месте крушения флагманского корабля Моргана в устье реки Чагрес

Губернатор Ямайки Генри Морган

ISBN 978-5-235-03737-3

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ